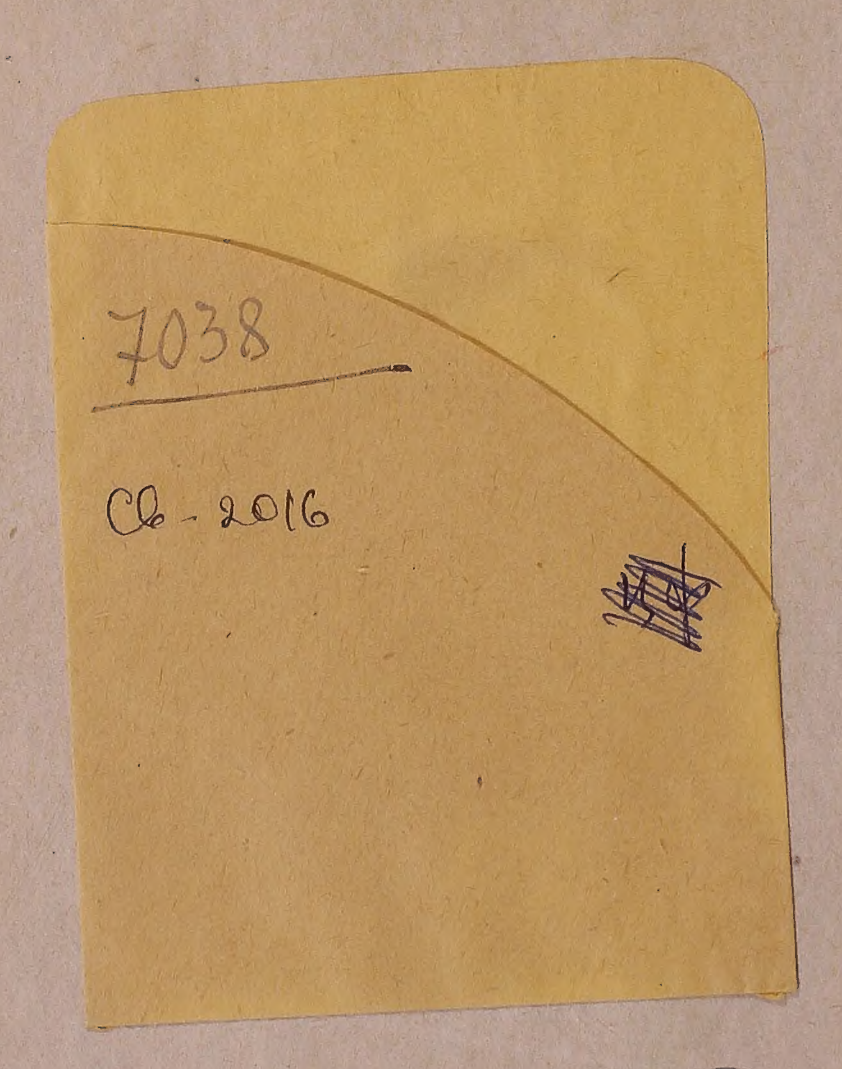
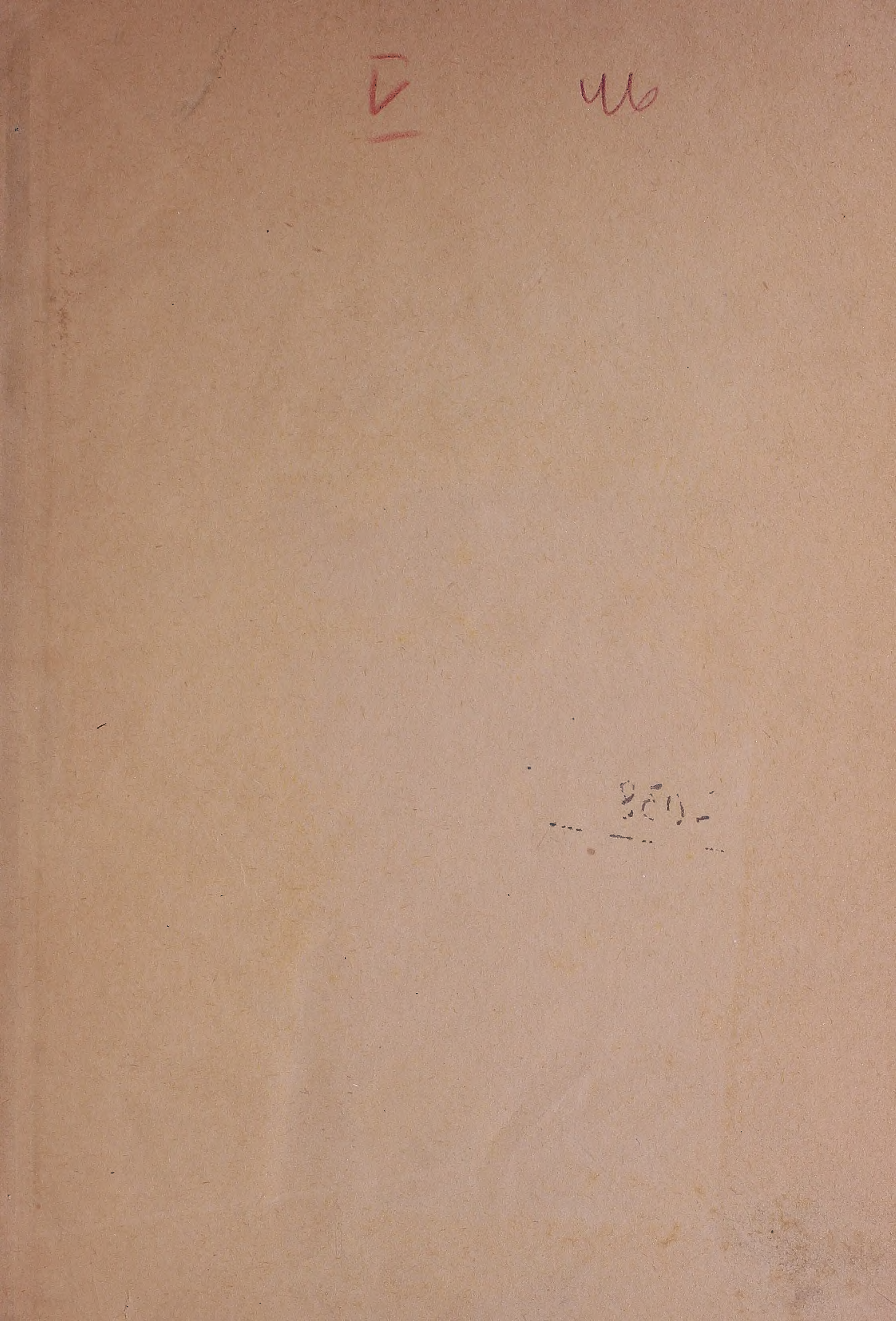
РУССКАЯ САТИРА ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1905-
-1906

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

7038
Св-2016

РУССКАЯ САТИРА ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1906

СОСТАВИЛИ
В. БОЦЯНОВСКИЙ и Э. ГОЛЛЕРБАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД * 1925 *

Ленгиз № 11114.
Ленинградский Гублит № 10860.
14 л. Отпеч. 3.000 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.

II.

III.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

История русской сатирической журналистики до сих пор еще не написана. В ней три ярких момента. Первый — это неожиданный и изумительный — для того времени — по количеству названий и жизненности содержания расцвет сатирической журналистики начала царствования Екатерины II (1769 — 1774 гг.), с журналами Н. И. Новикова на первом плане, неоднократно переиздававшимися в XVIII веке. Второй — падает на 60-е годы XIX в., когда, на фоне общего «обличительного» направления в литературе, появляется ряд сатирических иллюстрированных журналов с «Искрой» во главе, которая привлекла и выдвинула талантливых поэтов-обличителей (Курочкин, Минаев, Шумахер и др.) и художников-карикатуристов (Степанов, Иевлев, Микешин и др.). И, наконец, третий момент расцвета — 1905 и 1906 годы. Наиболее обстоятельно обследована журналистика XVIII века. Кроме публицистического очерка Добролюбова, мы имеем давнюю работу А. Афанасьева («Русские сатирические журналы», 1859 г.); в специальных статьях и в общих исследованиях по XVIII веку (Неустроева, Лисовского, Семенникова и др.) журналистика екатерининского времени уже исчерпывающе, надо думать, инвентаризована, не всегда, но все же, во многих случаях, установлены издатели журналов и авторы отдельных статей; еще в работах средины XIX в. рассказано и пересказано содержание наиболее интересных статей, некоторые журналы даже целиком переизданы («Трутень», «Живописец», «Кошелек», «Смесь», «Пустомеля» и др.).

Гораздо хуже обстоит дело с журналистикой более близкой нам эпохи 60-х годов. Здесь мы имеем, к сожалению, недоведенную до конца обзорную (авторы, художники, темы) работу И. Ф. Масанова («Русские сатиро-юмористические журналы», вып. I. Владимир, 1910 г.); обращался к журналистике 60-х гг. и покойный М. К. Лемке («Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия», 1904). Но, по существу, даже и предварительная работа регистрации материала, разрешение вопросов об авторах, художниках здесь далеко еще не доведена до конца.

Что же касается 1905 года, то здесь даже собрание подлежащего изучению материала не является законченным. Культурные коллекционеры-иностранцы давно учли историко-культурную и художественную ценность русских сатирических журналов 1905 г. И мне еще в 1907 г. м-р Райт, один из крупных английских библиотечных работников, с гордостью показывал в Лондоне, как одно из ценнейших своих личных библиотечных сокровищ, обширную коллекцию журналов 1905 г. А у нас до сих пор возможны коллекционерские находки отдельных, забытых номеров и даже целых журналов; изучение же сатирической журналистики 1905 г., в сущности, и не начиналось.

И во всяком случае, ни одна из трех эпох не изучена с марксистской точки зрения: не сделано ни одной серьезной попытки вскрыть классовое содержание журналов, осмыслить классовую же обусловленность художественного оформления их словесного и графического материала. Подход к екатерининской эпохе и к 60-м гг. был исключительно публицистический. Отсюда — радостные восторги перед неожиданными (и необъясненными) вспышками интеллигентского отрицательно-обличительного задора. Отсюда — и огорчение, что культурными одиночками, «героями» не поставлены точки над «и», и не даны полностью сакраментальные либеральные лозунги: долой самодержавие и т. п.

Не чужд отчасти такой наивной грусти, в оценке прошлого, и В. Ф. Боцяновский, приветствующий в журналистике 1905 г. полную ясность и откровенность постановки лозунгов буржуазного либерализма.

Разумеется, свое настоящее место в истории русской культуры три этапа развития нашей сатирической журналистики найдут только тогда, когда исследователи будут анализировать их в строго научных целях, а не будут ограничиваться, вполне естественным и законным, разумеется, для добролюбовского времени и даже для кануна 1917 года публицистическим выискиванием положительных и громко сказанных лозунгов «национальной» революции, внеклассового освободительного движения. Названные три момента в истории русской сатирической журналистики должны быть поняты, как своеобразные — по форме — отражения сдвигов в истории русской буржуазии, поскольку другие общественные классы (пролетариат, прежде всего) могли выявлять свое лицо в легальной журналистике только весьма редко и неполно. Так понятые, так изученные они дадут чрезвычайно богатый материал для характеристики соответственных эпох, напр., екатерининской, культурный отклик которой до сих пор еще изображается почти исключительно в тонах сплошного дворянского засилья. Ценный материал дадут и журналы 60-х гг. XIX в. для расцветки слабо изученной вакханалии российского промышленного и финансового грюндерства.

Работа В. Ф. Боцяновского тем и представляет несомненный интерес, что она, давая, правда, еще не исчерпывающую опись сатирической журналистики 1905 г., полагает начало и ее научному изучению. Разумеется, только начало, ибо установившиеся традиции преодолеваются медленно и в процессе упорной работы ряда исследователей. Эти целиком еще неизжитые традиции, несомненно, повинны в том, что так называемая «черносотенная» журналистика совсем не возбудила внимания автора (это сказалось даже и в далеко не полной ее регистрации, особенно провинциальной). А между тем, в ней подчас довольно четко слышались отзвуки классового восприятия революции, иногда весьма выразительные в своей обнаженной непосредственности; в черносотенной прессе напряженней сказывалась острота классовых противоречий, грубее подчеркивалась условность либерального «единодушия», чем в буржуазной прессе (а таковой по преимуществу была передовая сатирическая журналистика 1905 г.), выдвигавшей на первый план «общие» требования. Сказались эти традиции и в пренебрежении к «банальным юмористическим журналам с порнографическим уклоном», которые так ярко характеризуют «успокоение» после разгрома революции 1905 г.: какую великолепную иллюстрацию обнаженной буржуазной пошлости дают они к постановке «великой проблемы пола» в большой художественной литературе эпохи реакции (Арцыбашев, Вербицкая и др.).

Особенно ценным является внимание В. Ф. Боцяновского к первым опытам рабочей сатирической журналистики 1905 г., год напряженной политической борьбы, год громадных организационных усилий рабочего

класса не представлял широких возможностей для выявления самостоятельной классовой линии в данной области. Для этого время пришло только с Октябрьской революцией, после которой расцвела пролетарская классовая сатира в журналах и в революционном плакате. Но и в 1905 г. были попытки внесения более четкого классового содержания в журнальную сатиру. И жаль, что автор не мог остановить свое внимание, напр., на журнале «Жало» (один номер с черными рисунками), вышедшем из кругов, весьма близких к московским соц.-демократам большевикам. Его критика буржуазного либерализма выделялась своей особенной четкостью. Так, напр., чрезвычайно характерна карикатура в четырех рисунках, посвященная М. М. Ковалевскому, определившему меру свобод для России ее культурным уровнем. На первом рисунке — в Польше — Ковалевский шествует под республиканским флагом и уверенно-спокойно поет Марсельезу; на втором — в Петербурге — старательно тянет «Боже, царя храни!» в черносотенной манифестации; на третьем — в Константинополе — он же, в чалме, в шароварах, запрятывает кого-то в мешок на предмет утопления в море; на четвертом — в Патагонии — он же, голый, вместе с дикарями-людоедами поджаривает человека; на всех четырех рисунках под мышкой у М. М. том «Происхождения современной демократии». [1]

Повторяем, с выходом книги В. Ф. Боцяновского изучение сатирической журналистики 1905 г. далеко не оканчивается, оно только еще начинается, поскольку великий год и в других областях еще не изучен более или менее основательно. И очерк Э. Ф. Голлербаха, разумеется, кладет только начало изучению русской «политико-сатирической графики», поскольку и достижения «мира искусников», восторженным поклонником которых является автор, до сих пор еще не подвергнуты основательному пересмотру со стороны их классовой формальной и идейной сущности.

Будем верить, что книга В. Ф. Боцяновского, освежив в нашей памяти многими уже забытую — а молодежи и совсем незнакомую — яркую полосу русской сатирической журналистики дней первой революции, даст тем толчок к ее дальнейшему, исчерпывающему, строго научному изучению.

В. А. Десницкий.

---

[1] У меня нет под руками № 1 «Жало», и я не помню, вошла-ли в него описанная карикатура или она предназначалась для № 2. *В. Д.*

Русская сатира первой революции.

I.

Карикатура и сатира до 1905 года. — Отзывы Добролюбова и Достоевского. — «Искра» Курочкина, «Свисток» «Современника». — Сатира Салтыкова-Щедрина. — Кузьма Прутков. — Цензурные тиски. — Русское «ничего». — Чтение между строк. — Читатель и художник.

Пышный расцвет сатиры, совпавший с годами первой нашей революции, представляется на первый взгляд чем-то случайным и почти неожиданным. Действительно, этого нельзя отрицать, до 1905 года у нас не было настоящей, глубоко взрезающей общественность и государственную жизнь сатиры.

Еще Добролюбов, подвергнувший подробному разбору сатирические журналы Екатерининской эпохи, конца XVIII века, указал на их коренной недостаток, заключавшийся в том, что «никогда почти не добирались наши сатирики до главного, существенного зла, не разражались грозными обличениями против того, отчего происходят и развиваются общие народные бедствия и недостатки». Как совершенно справедливо подчеркнул критик, характер обличений екатерининских сатириков был частный, мелкий, поверхностный.

Добролюбов, с его живым, публицистическим темпераментом, не был историком литературы, и если его заинтересовали старые журналы XVIII века в бурные шестидесятые годы, то лишь, очевидно, потому, что отмеченный недостаток сатиры «времен Очаковских и покорения Крыма» он считал коренным, почти органическим, свойством русской сатиры. Через голову старых сатириков ему хотелось крикнуть сатирикам новым, направить их на новый, требуемый обстоятельствами времени путь.

Ф. М. Достоевскому показалось еще менее удовлетворительной, нежели Добролюбову, наша сатира значительно более позднего периода, именно сатира ему современная. «Сатира наша, как ни блестяща, — писал он уже в 1877 году, — страдает некоторой неопределенностью. Положительно нельзя иногда представить в общем, что именно хотелось сказать нашей сатире. Так и кажется, что у ней у самой нет никакой подкладки. Чему она сама-то верит? Во имя чего обличает — это как будто тонет во мраке неизвестности. Нельзя никак узнать, что́ сама она считает хорошим?»

Оглядываясь на сатирические издания наши этого, весьма значительного, периода, придется сказать, что приведенные характеристики Добролюбова и Достоевского по существу совершенно справедливы.

Даже шестидесятые годы, неизмеримо более смелые, чем эпоха предшествующая, не внесли особого оживления в сатирические издания. Журнал худ. Степанова и Курочкина «Искра» (1859—73 г.), порожденный этими

годами, в сущности отличался теми же свойствами, которые так не нравились Добролюбову. То же можно сказать и о «Свистке» журнала «Современник», не говоря уже о других, менее значительных. При таком подходе, придется признать, что идеалу сатиры, каким он рисовался Добролюбову и Достоевскому, едва ли смог бы удовлетворить даже такой исключительной силы сатирик, как Салтыков-Щедрин.

Амплитуда его сатирических обличений, конечно, неизмеримо больше, глубже и сильнее, чем все, что в этом направлении было сделано до него. Но все же упрек Достоевского, при оценке поверхностной, мог бы быть отнесен и к нему. И у него на первом плане «Мелочи Жизни», и у него казнятся не столько те главные пружины, вернее пружина, которая эти мелочи приводит в движение, сколько общая масса русского современного общества, все это переносящая, ее гнусный рабий дух; и у него не указаны точно и прямо ближайшие цели и задачи.

Такая характеристика, внешне справедливая, не справедлива в отношении Щедрина по существу. Если Щедрин не был достаточно радикален в своих обличениях, то это вовсе еще не значит, что он был близорук и не мог, по выражению Кузьмы Пруткова, «смотреть в корень». Он отлично видел, как показывают изданные в наши дни его письма, царившее вокруг сплошное «недоумение с некоторой примесью озорства» командующих классов, не исключая и царя.

«Озорство, — пишет он Анненкову в 1875 году, [1] — последнее слово этих господ, которые видят, что земля уходит из-под их ног. Не будучи в силах поворотить дело по своему, они пакостят, и в этом заключается вся государственная деятельность нашего времени. Валуева, например, нельзя считать вполне жертвой недоразумения; нет, это пакостник, и при том очень злостный. И как горько думать, что судьба многих миллионов людей — в руках этих паскудных людей, из которых многие даже мысли установить не могут, а многие ежели и устанавливают ее, то не иначе, как с целью озорства».

В правильности понимания сущности происходящего Щедриным убеждает уже вполне определенно его коротенькая сказочка «Богатырь», извлеченная из цензурных архивов только в наши дни. [2] Сказочка не только ставит диагноз, но дает почти пророческую картину низвержения самодержавия, этого гнилого корня, заражавшего здоровый организм огромного народа.

Цензурные тиски, притуплявшие сатирическое перо Щедрина, чувствуются на каждом шагу читателем, а для самого сатирика были прямо несносны. Порой у него опускались руки, и пропадала всякая охота писать что бы то ни было.

«Думается, — говорит он в одном из своих писем, — что самое лучшее, вместо всякого писания, наплевать в глаза. А тут еще сиди да всякую форму придумывай, рассчитывай, чтобы дураку было смешно, а сукину сыну не совсем обидно. Надоело....» [3]

Такого рода настроения и затруднения наверно испытывали и другие сатирики. Русским Эзопам приходилось изощряться всячески, чтобы сказать хоть что-нибудь. Кузьма Прутков с его афоризмами — явление для этого времени очень характерное.

И чем дальше мы отходим от шестидесятых годов, тем положение сатириков становится более и более трудным. Это не значит опять-таки, что

---

[1] М. Е. Салтыков. «Письма 1845—1889 г.». Труды Пушкинского Дома. Ленинград, 1925 г., стр. 106 и др.

[2] «Красный Архив». 1922 г., том 2, стр. 227.

[3] М. Е. Салтыков. «Письма». Ленинград, 1925 г., стр. 154.

сатирики не знали, чего они хотят и куда нужно звать? Жизнь уже наметила желанные пути вполне определенно. Вступивший на престол 1-го марта 1881 года самодержец Александр III, например, даже он понимал, кто и что в его время «считает хорошим».

— «Конституция? — заявил он при вступлении на престол: — Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?...» [1] Никогда.

Лозунг был дан, нашлись и исполнители.

Темная реакция восьмидесятых годов, проводимая К. П. Победоносцевым, обескровила русскую сатиру и в особенности карикатуру до последней степени.

Самое беглое ознакомление с цензурным архивом за годы кануна нашей первой революции вскрывает факты, объясняющие вполне причины худосочия нашей сатиры прошлого века.

Опекавшие печать цензора считали себя призванными не только охранять существующий самодержавный строй, всячески поддерживать все его устои, но и воспитывать в духе благонамеренности русского обывателя. Цензура напрягала все усилия к тому, чтобы превратить государство не то в тюрьму, не то в институт благородных девиц.

Несколько фактов, извлеченных из архивных дел этого ведомства, вскрывают удивительную картину цензурной работы.

Благонамереннейшему патриоту, издателю газеты «Свет» В. Комарову запретили напечатать рисунки «Беспорядки социалистов в Лондоне», где в ряде сценок показывалось, как английские городовые расправляются с социалистами (1886 г. 19 сентября). «Беспорядки в Румынии» (1888 г. 13 апреля) — тоже оказались нецензурными.

Цензор ссылался при этом на то, что Главное Управление по делам печати «предписало не допускать к печати рисунки, изображающие народные движения».

Казалось опасным осведомление читателей, что где бы то ни было возможны социалистические организованные выступления, что, вообще, существуют на свете социалисты.

Столь же тщательно оберегалась своеобразно понимаемая общественная нравственность. Так, например, была запрещена журналу «Звезда» репродукция картины Семирадского «Ваза или женщина».

Цензор Пеликан не разрешил банальнейший рисунок какого-то иностранного художника «Раненый амур». Причиной запрещения было то, что у ребенка-амура «видны детородные части» (1890 г. 25/IV).

Для той же «Звезды» (основанной в 1886 году) было запрещено 24 сентября 1892 года стихотворение В. Лебедева «Дворец», так как в нем рассказывалось, как «море-раб смыло и разрушило дворец», который не хотел прислушаться к ропоту моря. Погибли здесь все рыцари и дамы, веселившиеся во дворце. [2]

В 1894 г. «Стрекозе» (основанной в 1875 г.) был запрещен рисунок, изображающий грузный дилижанс (Франция), на козлах которого почтальон, с бичом в руках — президент Перье (имя его изображено на шляпе). Этому поезду грозит кинжалом растрепанный анархист. «Таким образом, — делает заключение цензор, — русский сатирический журнал нового главу дружественной нам державы рядит в кучерской или почтальонский кафтан и обещает ему такой же конец, как и его предшественнику Карно». [3]

---

[1] «Дневник А. С. Суворина». М.-Петр., 1923, стр. 166.

[2] Дело Гл. Упр. по дел. печати № 95, л. 56 и др., заведенное в 1886 г., когда начал только выходить журнал.

[3] Дело Ценз. Комит., 1875 г. (год начала «Стрекозы»), № 41, л. 355.

Той же «Стрекозе» в 1890 г. (7/III) была запрещена пародия на «Крейцерову сонату», на том основании, что «редакции подцензурных изданий стараются по возможности знакомить читателей с содержанием неизданного, ходящего в публике в рукописях, сочинения гр. Толстого «Крейцерова соната». [1]

В 1902 г. цензура запретила «Стрекозе» напечатать портрет президента Лубэ, сделанный без всякого шаржа в лице, только потому, что он «изображен с маленькими ногами». Между тем, судя по подписи — («Soyez le bienvenu», «Vive Loubet», «Ура... Ура... Лубэ»), — злополучный журнал искренним образом хотел приветствовать Лубэ. [2]

Показался опасным представленный (6-го июня 1905 г.) «Стрекозой» рисунок, изображающий российского обывателя, связанного кандалами с надписями «рутина», «канцелярщина», «формализм».

Цензор, «в виду тревожного настроения настоящего времени», не признает возможным разрешить к печати этот рисунок, находя его тенденциозным». [3]

8-го июля 1905 г. той же «Стрекозе» был запрещен рисунок с подписью «А Васька слушает, да ест». На нем изображена «Пресса» в виде повара, который читает нотацию коту (с надписью «бюрократия»), уплетающему цыпленка. [4]

До какой щепетильности доходила при этом цензура, можно судить хотя бы по такому факту, казалось бы, не могущему ни малейшим образом потрясти основы.

Н. А. Демчинский напечатал в «Нов. Врем.» статью, в которой рассказывал, как он посрамил медицину. У него на ногах появились раны, с которыми никак не могли справиться доктора. Случайно, он начал пить пиво, и раны прошли. Статья, поведавшая о таком невероятном открытии, дала повод «Стрекозе» изобразить это замечательное излечение в ряде рисунков, более чем безобидных.

Но... цензорское око было на страже. В язвах, как их изобразил художник, цензор усмотрел «признаки венерической болезни» и... воспретил. Какова опека!

Нечего и говорить, что в случаях, где мало-мальски чувствовалась политика, цензор был особенно строг.

15 декабря 1904 г., «Руси» не позволили, например, напечатать автографы земских деятелей. Цензор догадался, что помещение этих автографов «имеет своею прямой целью возбудить общественное мнение» к тем постановлениям и ходатайствам земских собраний, «кои, по выражению правительственного сообщения, внесли смуту в современную жизнь общества и отклонили от ее правильного течения».

19 января 1905 г. эти автографы вновь были представлены и вновь запрещены. [5]

Той же газете запрещено было перепечатать продававшиеся на всех перекрестках патриотические лубки «Как русский матрос отрубил японцу

---

[1] Дело Ценз. Ком., 1875 г., № 41, л. 325.
[2] То же дело, л. 399.
[3] То же дело, л. 413.
[4] То же дело, л. 417.
[5] Дело Ценз. Ком., 1896 г., № 132, л.л. 29 и 33. «Дело» газеты «Русь» было продолжением газеты «Гласность» Пятковского, разрешенной в 1896 г. В виду трудности в то время получить разрешение на издание новой, своей газеты А. А. Суворин приобрел у Пятковского «Гласность», которую в 1903 г. (20 февраля) переименовал в «Русь», потом неоднократно закрывавшуюся властями и возрождавшуюся под именем «Молва», «Двадцатый век», «Око», «Нов. Русь», в 1909 г. была окончательно удушена.

нос», «Казак Петруха» и «Завтрак казака». Подписи под этими рисунками были удивительные, но самые «патриотические», в роде, напр., следующей:

Всем известно, всему свету
Слава громкая жива,
Ловкость, храбрость без завета
Молодчины казака.
Бил татар он, бил и турок,
Бил других честных врагов,
Бить пришлось макак окурок (?!),
Бить японишек воров.

Казалось бы, придраться не к чему, тем более, что лубочные картинки эти печатались в сотнях тысяч экземпляров и были дозволены цензурой.

Но цензор учитывал время и место их появления. Он чувствовал, что на страницах либеральной «Руси» эти «блестящие» стихи прозвучат по иному и что читатели газеты сделают не тот вывод, на который рассчитывал лубок. И рисунки были запрещены.

В 1902 году отобрали подписку не выставлять портретов Л. Н. Толстого, а Главное Управление по делам печати предупредило газеты, что портрет Толстого нельзя помещать ни в каком случае и никогда.[1]

— «Бессмертные дураки», — замечает по их адресу Суворин.

По столь же тонким соображениям, запретили газете «Русь» напечатать рисунок, изображающий открытие одного из отделений союза русских рабочих, в виду того, что на этом рисунке рядом с с.-петербургским градоначальником ген. Фуллоном стоит священник Георгий Гапон, «возбуждавший рабочих к сопротивлению властям во время беспорядков 9 января 1905 г.»[2].

«Стрекозе», в это же время, не был пропущен рисунок, изображающий русского обывателя, раскладывающего гран-пасьянс с подписью внизу: «Хоть убей, ничего не понимаю, а впрочем очень интересно».

Рисунок этот был признан недопустимым, так как «тенденциозно изображает неопределенность настоящего внутреннего положения России»[3].

Все это накануне революции! Накануне 1905 года, и всего только за 12 лет до большого нашего октябрьского потопа, смывшего до основания эту старую гниль!

Понятно, во что превратились наши попытки сатирических журналов. Выходили «Осколки», «Стрекоза», «Шут», «Будильник» и еще несколько подобных изданий, но они даже не претендовали на сатиру и сами себя именовали «юмористическими»...

По этим нескольким примерам, число которых может быть увеличено до бесконечности, ясно, в какой тупик реакцией восьмидесятых годов была загнана вся русская общественная жизнь, а с нею вместе, естественно, и сатира.

В море банальных, якобы сатирических, сплошь и рядом довольно пошлых и мало интересных рисунков, терялись, к сожалению, мастерские рисунки такого исключительно талантливого художника и мощного сатирика как П. Е. Щербов (Old Judge), появлявшиеся на страницах «Шута».[4] Атмосфера для развития сатиры была самая неблагоприятная.

Все почувствовали себя заключенными в тюрьму.

---

[1] «Дневник А. С. Суворина», М.-П., 1923, стр. 281.

[2] Дело Ценз. Ком., 1896 г., № 132.

[3] Дело Ценз. Ком., 1875 г., № 41, лист. 413.

[4] П. Е. Щербов первый из наших карикатуристов, который попал в музеи. Его произведения имеются в Третьяковской галлерее в Москве и в Русском Музее в Ленинграде. Это — исключительный художник, ожидающий специальной монографии.

Андрей Белый заявил, что

«... Жизнь — замкнутая отовсюду комната... Тут мы с рождения до смерти заключены как в темнице... из которой только смерть — выход».

Приходится удивляться не бледности нашей сатиры, а тому, как в этой атмосфере она не завяла на веки. Помогло, очевидно, сильно развитое чувство юмора. Спасло наше «ничего».

Англичанин М. Беринг очень удачно подметил характерную черточку этого «ничего», неверно истолкованного кое-где как слабость революционных элементов в России. «Они, — пишет Беринг о русских, — кажутся подчинившимися и покорившимися судьбе...» Но это только кажется. В действительности же сопротивление растет, быть может на первых порах лишь пассивное. «На дне русского характера, — говорит Беринг, — на что бы он ни направил свои силы, будь то революция, или что другое, всегда есть доза этой упорной настойчивости». [1]

Цензурный гнет, пожалуй, имел даже свою хорошую сторону: научили читателей читать между строк, понимать с полуслова то, что подсказывал ему писатель или художник.

Ник. Рубакин рассказывает, как однажды ему один земский начальник жаловался на таких читателей. [2]

— Да вот я вам что расскажу, — передавал он Рубакину. — Дала моя жена такому вот грамотею книжку о зверях. Приходит и заявляет ей: «Это вот про нас здесь написано». — Как про вас? Разве вы звери что ли?— Мы-то не звери, — а ведь и в баснях вот о людях, как о зверях рассказывается. — Да что же тут на вас похоже? — А вот извольте видеть: в книжке говорится о переселении животных, которых гонит с места на место холод и голод. Грамотей вот и сообразил, — «и мы, мол, тоже с голоду переселяемся». Между строк вычитал. Но это еще что. О чем ни толкуется в книжке, — они все к себе прилаживают, — «это, мол, все про нас», или «насчет наших дел и нужд». Самоуправство башибузуков — это про нас. Про македонцев — это про нас. И это еще что. Слова государя императора на курских маневрах перетолковали так, что, мол, нарезка земли будет к празднику. И манифест перетолковали таким же способом... Вот они каковы, эти сермяжные читатели между строк.

Избыток революционных идей, усвоенных всеми классами русского общества, искал себе выхода и прямо рвался наружу.

Чтение между строк было одним из таких выходов, но, конечно, недостаточным. Назревала потребность в настоящей политической сатире. Уже с апреля 1905 года начали появляться довольно регулярно, каждый номер с отдельным названием, листки под редакцией Евгеса Поцелуева. Заметные по своей разноцветной внешности, достаточно смелые и остроумные по содержанию, листки эти, по словам изучавшего их Ник. Виноградова, [3] пользовались большим успехом как у столичной, так и у провинциальной публики. Насколько назрела потребность в такого рода изданиях, показывают многочисленные подражания, находившие себе сбыт, несмотря на полное ничтожество, а иногда и безграмотность содержания. К этой категории Н. Виноградов причисляет такие листки как «Эхо», «Колокол», «Парус» и др. издания, выходившие под редакцией Никтополеона Пошехонского.

При всей своей элементарности и несовершенствах, эти первые сатирические ласточки были все же шагом вперед по сравнению со «Стрекозой»,

---

[1] М. Беринг. «Вехи русской литературы». М., 1913, стр. 17 — 18.
[2] «В защиту слова». Сборник. СПБ., 1905, стр. 41 — 42.
[3] «Библиографические Известия». 1916, №№ 3 — 4, стр. 121.

«Осколками», «Будильником» и др. Молчавшие до сих пор люди начали перекликаться.

Так перестукиваются люди, посаженные в тюрьму. Если перестукивания эти не сыграли какой-нибудь большой общественной роли и далеко не удовлетворяли тем требованиям, совершенно справедливым, которые предъявляли сатирику Добролюбов, Достоевский и другие, то все же они не были лишены своего значения. Они показывали, что хотя общественная жизнь и загнана в гроб, как это говорил Бальмонт и другие многие, но все же в этом гробу не живые трупы, а только заживо погребенные живые и живучие люди.

Практически же, заслуга этого периода сатирической литературы, при всей ее бледности, заключалась в том, что дружными усилиями работавших на этом поприще людей, ко дню первой нашей революции, были подготовлены все необходимые элементы: художник, сатирик и, что тоже очень важно, — читатель.

Много способствовали этому и проникавшие к нам, несмотря на все запреты, иностранные журналы, особенно «Simplicissimus», надолго ставший идеалом художественно-сатирического мастерства.

II.

1905 год. — Зарницы первой революции. — Николай II и рабочие. — Забастовка. — Журнал «Зритель». — Борьба с цензурой. — Трагедия цензорского бессилия. — Жалоба генерала Трепова. — «Озорнические» и «гнусные» приемы «Зрителя». — Монолитность журнала. — Требование прекращения журнала. — Доклад министра внутренних дел Булыгина прав. сенату о прекращении «Зрителя» «навсегда». — Манифест 17 октября. — Возрождение «Зрителя». — Дни «свободы».

Наступил кровавый 1905 год.

Обветшавший строй еще борется. Осенние мухи кусаются больно, но это уже последние судороги. Пролетариат растет количественно и качественно. За шесть лет, с 1881 по 1886 год, насчитывали всего 48 крупных стачек, в которых участвовало около 80 000 рабочих. А с 1895 по 1904 год, по данным, далеко не полным, уже было 1 765 забастовок, в которых приняли участие 431 тыс. рабочих. [1] Сеть рабочих кружков и организаций раскидывается все шире. Кружки эти совершают большую подготовительную работу для социал-демокр. партии. Экономические волны медленно, но верно подмывают «основы» старого государства российского с его самодержавным строем. Рабочие все более и более проникаются убеждением, что их главный враг — самодержавие.

Война с японцами, которых наши вояки так легко собирались шапками закидать, обнаружила всю гнилость самодержавия. Не было человека, который не прозрел бы и, подойдя к самодержавному богатырю, как в сказочке Щедрина, не почувствовал бы, что «богатырь гнилой» и что «у богатыря гадюки туловище вплоть до самой шеи отъели».

Робко начал выходить обыватель из футляров, в которых он укрывался до сих пор.

Повязка спала с глаз даже слепых от рождения, слепых безнадежных. Один из бывших пажей, А. И. Верховский, рассказал теперь в «Былом», как события этого времени радикально перевернули в нем все его старое,

---

[1] Макс Гордон. «Очерк экономической борьбы рабочих в России». Ленинград, 1924. стр. 78. Ср. В. Невский. «Очерк по истории РКП», т. I, Ленинград, 1924, стр. 352 и 333.

казалось, такое прочное миросозерцание, убили воспринятую с молоком матери и подогретую пажеским корпусом «любовь» к царю... Паж, «обожавший» своего монарха, стал его врагом, стал социалистом, ушел из корпуса. [1] Верховский был не единственный в своем роде.

Дело, однако, не в таких прозревших единицах.

Январские события 1905 года были движением масс, настоящих подлинных масс. Не только столицы, не только России. Зашумело огромное море пролетариата всех стран.

И как зашумело!

Одна из первых статей, в которых этот шум отразился, была статья В. И. Ленина в газете «Вперед», пророчески предсказывавшая, что «геройски начатое нашим рабочим классом дело будет поворотным пунктом всех стран, во всех концах земного шара...»

Великим гневом и уверенностью дышат все прокламации и резолюции, которые выносились в эти дни разного рода партийными организациями. [2]

События раскрыли глаза даже таким, отгораживавшимся от жизни людям, как спрятавшиеся в свои декадентские футляры поэты.

Правящий бюрократический Олимп предстал теперь во всей своей наготе. Все наблюдали, как в этом бурном, разбушевавшемся море плавает утлая, старенькая ладья с правящим ею явно растерявшимся Николаем II. Назначенный им грозный диктатор ген. Трепов издавал один за другим грозные циркуляры, лилась кровь, [3] но «успокоения» не наступало.

Стихия, которую думали утишить этими «циркулярами», ответила на них грандиознейшими забастовками. Репрессии только подлили масла в огонь.

10 января всеобщая забастовка вспыхнула в Москве, 11 — в Ярославле, Ковне и Вильне, 12 — в Риге, Ревеле, Саратове, Киеве, Минске, Могилеве и на Риго-Орловской ж. д. и т. д.

Во многих городах состоялись в ближайшие за 9 января дни многолюдные рабочие демонстрации и митинги. Местные власти не в силах были предупредить события. Лилась кровь, но желанного успеха не получалось.

С каждым днем только все более и более выявлялось то «чудище», «обло, озорно, стозевно и лаяй», которое восседало на верхах и всеми своими щупальцами впилось в организм многомиллионного народа: Трепов, Витте, Дурново, Победоносцев, Штюрмер, Горемыкин, граф Игнатьев и tutti quanti предстали во весь свой рост.

Сейчас, в изданных П. Е. Щеголевым материалах, содержащих в себе подлинные показания некоторых из этой «стаи славных», доживших до падения режима, [4] мы уже имеем значительные документальные этюды для воссоздания их портретов. Но и тогда, в дни первой революции, они обна-

---

[1] «Былое», 1925, № 27 — 28, стр. 165 — 167.

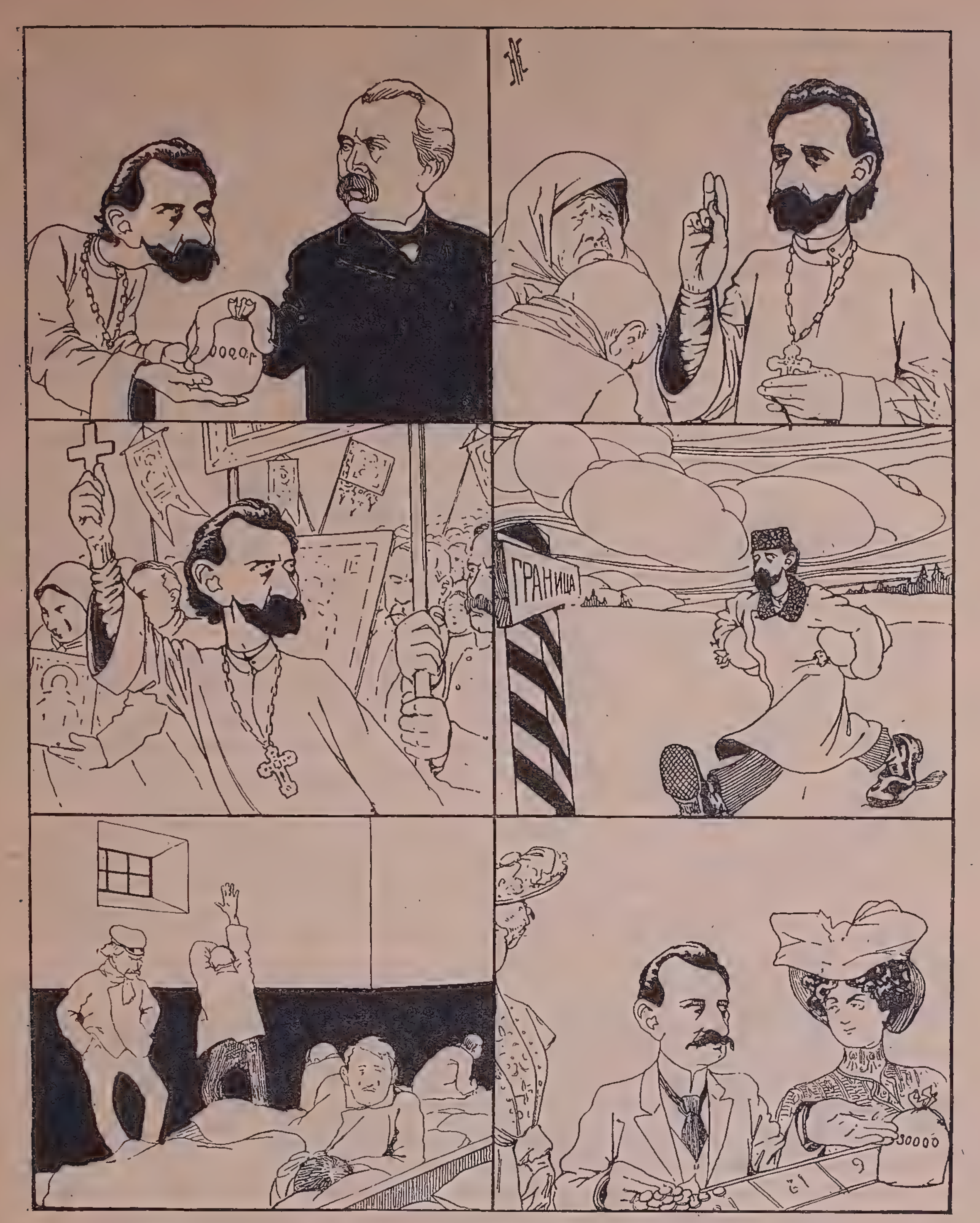
[2] «1905 год в Петербурге». Ленгиз. 1925. Вступительная статья К. Шелавина. — «9 января» сборник для чтения, под ред. А. А. Шилова. Ленгиз. 1925.

[3] В карикатуре кровавый день 9 января отразился значительно позднее. Из рисунков, посвященных ему, обращает на себя внимание заставка в журнале «Буря» (1906 г., № 4, стр. 7). На рисунке — угол старой (теперь уничтоженной) ограды Зимнего дворца. К угловой колонне, довольно высоко от земли, прибита дощечка — надпись:

Высота крови

9 янв. 1905 г.

[4] «Падение царского режима», т. I и II, Ленинград, 1924 — 1925.

Г а п о н.

«Пчела», 1906 г. № 3.

жились до последней степени, и пред глазами всех встали переходящие в кошмары гротескные фигуры. Публицисты пытались их вразумлять своими перьями, пытались их изобличать, описывать. Но членораздельная речь была, для изображения этого зверинца, слишком бледна и мало красочна.

Подлинно — ни в сказке сказать, ни пером написать.

Тут нужен был художник-карикатурист, который мог бы рисунком, красками изобразить это чудище в том же гротескном стиле, со всеми этому

чудищу свойственными характерными чертами. Карикатуристы, давно уже точившие свои перья, почуя зарю революции, зашевелились.

Высказывалось сожаление, что до этого момента не дожил Щедрин.

Но, быть может, его сатира, при всей своей яркости, была бы несколько громоздкой для бурных, полных исключительной революционной динамики дней. Нужны были не Ювеналы, а осы, рой ос. И они явились.

Застрельщиком выступил сатирический, в лучшем смысле этого слова, положивший основание настоящей политической боевой сатире журнал «Зритель». Организовал его худ. Ю. К. Арцыбушев, тогда молодой человек 27 лет (род. 16 марта 1877 г.), реалист по образованию.[1]

Уже в 1904 году он почувствовал, что наступает время организовать кадры сатирических бойцов, и 15 декабря 1904 года возбудил, в установленном порядке, ходатайство о разрешении ему издавать, с дозволения предварительной цензуры, художественный журнал «Зритель».

«Главная цель журнала, — писал Арцыбушев, — дать возможность художникам, интересующимся печатным делом, работать в этой области».

Правда, в представленной им, весьма скромной, программе как бы между прочим была обронена рубрика «карикатуры»... Но на то и щука в море, чтоб карась не дремал. Цензура заметила это слово, журнал разрешила, но... под «условием исключения из художественного отдела (п. 2) проектируемой программы слова «карикатуры».

Арцыбушев подчинился и приступил к работе.

Это была настоящая, упорная, почти целый год длившаяся борьба с цензурой, твердо стоявшей на старых, давно, очень давно занятых ею позициях.

Цензурные кроты, засевшие в своих норах, твердо отстаивали позиции сгнившего уже старого режима, считая их и своими личными позициями. Появление в этих норах Арцыбушева с его «Зрителем» показалось им и неожиданным, и дерзким.

В приложении к настоящей книге читатели найдут документы, отражающие главнейшие моменты этих боев. Но для того, чтобы составить себе полное представление об этой борьбе, необходимо перечитать все «дело» о «Зрителе», прочесть один за другим все доклады цензора Савенкова о том материале, который ему журнал присылал еженедельно, видеть все эти синие и красные карандаши, которыми цензор отмечал страшные места, ознакомиться с самим «Зрителем».

Цензор признается, что «Зритель» его ошеломил первым же своим присылом.

«Журнал «Зритель», — писал цензор, — разрешен с программой чрезвычайно скромной... Казалось, при этой программе журнал будет преследовать цели литературно-художественные, хотя может быть и с направлением декадентским». (Куда ни шло!) Когда же был представлен комитету рисунок для первого номера, для цензирующего стало ясно, что «журнал имеет задачи политические и при том в направлении не только вредном, но гнусном». Весь комплект был доложен комитету, при чем цензирующий просил рассмотрения этого комплекта в его «целостности». Как и следовало ожидать, весь он был единогласно запрещен».[2]

Оказывается, как с негодованием пишет цензор, редакция «беззастенчиво» представила для первого номера «Зрителя» комплект рисунков следующего содержания: 1) «Песнь псковской вольницы. Толпа с дрекольем, где нет ни одной древне-русской физиономии, но многие похожи на теперешних наших агитаторов; 2) для заглавной буквы «З» — отвратительная

---

[1] Не имеет ничего общего с беллетристом Арцыбашевым, эмигрантом.

[2] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1904 г., № 119, л. 23 об.

фигура смерти с черве- или змееобразным туловищем; 3) усыпальница царей с вьющейся над ней стаей воронья; 4) две жандармских ноги, производящих неприятное впечатление самой постановкой; 5) две фигуры жандармов с гнусным выражением лица; 6) аляповатое изображение жандарма на коне с подписью «детские игрушки»; 7) карета, мчащаяся по парку с синими спущенными шторами, и один прохожий с сложенными полиции известным образом (?!) руками, и 8) пролетарий-рабочий с саркастически озлобленным лицом». [1]

Для первого номера «Зрителя», вышедшего 5 июня 1905 г., по признанию цензора, был запрещен «весь отдел хроники, так как хотя в ней и не

Рис. А. М. Любимова.

17 октября 1905 г.

«Серый Волк», 1907 г.

было рассуждений и все взято из агентских телеграмм и «Правительств. Вестника», но взято было только то, что могло поддерживать то направление, которым охвачена неблагонадежная часть читающей публики, т.-е. забастовки, аграрные беспорядки и убийства или покушения на чинов полиции». [2]

Сразу же у цензора составилось твердое убеждение, что журнал этот ничего не помещает без задней и всегда цензурно-предосудительной мысли. [3]

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1904 г., № 119.
[2] То же дело, л. 24.
[3] То же дело, л. 51. об.

Заметив это, цензор напрягает все свое внимание, чтобы как-нибудь эту предосудительную заднюю мысль изловить и не допустить.

Не легкое, конечно, это было дело. Материал, представляемый «Зрителем», весь «пахнет»...

«... Все это, — говорит цензор, — произведения небольшие, странички в две или три, многие же содержат всего несколько строк. Огромное большинство их символическое; ни одно не имеет развитой фабулы, большинство не представляет собой даже определенно развитой и формулированной мысли; все это образы и выражения настроений, и все они обращены не столько к мысли, сколько к настроению читающего. Весь смысл их в символах, эпитетах, в недосказанности, игре слов, в многоточиях, междометиях и восклицаниях». [1]

В № 2 «Зрителя», напр., были помещены «связанный мужик», злобно и грозно сжавший кулаки, и священник с факелом. Разрешение на их напечатание было дано не сразу.

Оба рисунка были сначала возвращены редакции с требованием их объяснения. Редакция представила их вновь с подписями: под мужиком — «Пойманный конокрад. Мир изловил», под вторым: «Аббат входит в тюрьму, иллюстрация к рассказу «Старое предание». При таких надписях оба рисунка были цензурой «допущены», хотя, как признается цензор, у него «и было сомнение, не Гапон ли представлен во втором рисунке». [2]

Оказалось, что Гапон!.. Портрет Гапона! А рисунок мужика, отпечатанный без всякой подписи, произвел впечатление определенной угрозы.

Сжатые кулаки и злобные глаза мужика не понравились очень многим, и больше всего цензору.

Началось форменное избиение карикатур...

1 июля запрещены целых одиннадцать рисунков и виньеток для «Зрителя».

2 июля 1905 года запрещены представленные «Зрителем» три статьи («Пожалованный», «Трагедия» и «Из журналов») и четыре виньетки, изображающие виселицу, череп с выросшим из него цветком, осла и дворника с медалями на шеях. [3]

13 июля 1905 года цензор Савенков доложил Ценз. Ком-ту, что «Зритель» представил пятнадцать статей и четыре рисунка. Один из этих рисунков представляет лежащую женщину, другой — Venena в лицах; третий — одну из статуй Аничкина моста, переодетую в жандармский костюм и с подписью «необходимая реформа» и четвертый — «уходящего военного, на которого смотрит какой-то оборванец».

«Все эти произведения, — докладывает цензор, — проникнуты тем настроением, которое уже так решительно высказалось в прежних запрещенных для «Зрителя» рисунках и статьях, ненавистнически глумливого к власти и ее органам, местами с кровавой окраской политического садизма!»

«Это, — квалифицировал цензор, — букет очень определенной недоброкачественности политико-общественного настроения». [4]

21 сентября 1905 г. цензор доложил целых девятнадцать статей для «Зрителя», при чем обращал особое внимание комитета на весь характер журнала...

«... Нельзя умолчать, для характеристики зловредности этого журнала, — говорит цензор, — стремления его сделать нецензурными самые безвредные и благонамеренные произведения великих авторов. В прошлом докладе указывалось на такие действия журнала по отношению Шиллера. Здесь же

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1904 г., № 119, л. 52.
[2] То же дело, л. 25.
[3] Дело Спб. Ценз. Ком-та, 1905 г., № 59 (конверт), л. 6.
[4] То же дело, л. 13—15.

журнал прибегает к тому же приему в отношении Кольцова, в его произведении «Что ты спишь, мужичок». Одним словом, журнал с течением времени не только не стремится примениться к цензурным требованиям и разрешенной ему программе, но изобретает все новые способы нарушать их и при том озорнически».

«... Такой журнал,—продолжает цензор,—не может быть сохраняем для бесконечной войны с цензурой и подлежит запрещению, тем более, что он не представляет особого течения мыслительного (?!), а только революционного настроения, которое и стремится передать публике всеми зависящими от него средствами». [1]

* *
*

И чем дальше, тем положение цензора становилось все более и более трагическим.

«Дело» полно цензорских воплей, из него так и каплют слезы выбивающегося из сил бедного цензора!

«Журнал этот, — жалуется цензор, — вовсе не имеет сам себя и свое развитие целью (т.-е. не спекуляция. *В. Б*). А есть только средство политической агитации в самом предосудительном, чтобы не сказать более, смысле». [2]

«...Цензура, — жалуется Савенков 16 июня 1905 года, — в пределах ее сил, сделала все возможное, чтобы привести журнал к возможному неоказательству его вредного настроения. Переменить же это настроение она не в силах (разрядка *В. Б.*). Единственно действительной в этом отношении мерой является его запрещение».

...Цензирующий не питает «никакой надежды на перемену направления».

Цензурный комитет, которому, как высшей инстанции, жалуется Савенков, вполне ему сочувствует, но тоже в бессилии разводит руками...

«Журнал «Зритель», — признает Ценз. Комитет, — несомненно отличается вредно-тенденциозным направлением, стремящимся возбудить среди читателей недовольство против правительства. Борьба с этим направлением является для цензуры чрезвычайно трудной как потому, что в представленном материале не имеется почти ни одной строки, ни одного рисунка, которые не были бы проникнуты преследуемой редакцией целью, так и потому, что материал этот облечен в форму иносказательную и символическую. Истинный же смысл помещения в журнале предназначенных для него рисунков и статей раскрывается только по составлении журнала всего в целом». [3]

«Зритель», по характеристике Цензурного Комитета, совершенно отличается от других карикатурных журналов, которые хотя и касаются политических тем, но вводят их как элемент дополнительный к «высмеиванию общечеловеческих слабостей и эротическим шуткам более или менее скабрезного свойства...»

В «Зрителе» — «сплошной антиправительственный материал!!.. Это заставляет цензуру прибегать к исключительным мерам: запрещать его весь целиком, для данного номера».

Успех, который сразу же завоевал себе новый журнал, был очевиден.

Первый номер «Зрителя» разошелся в день его появления весь без остатка. Пришлось вернуть с вокзалов тюки экземпляров, предназначенных для отсылки в Москву и провинцию. Пока редакция разбирала эти тюки,

---

[1] Дело СПБ. Ценз. Ком-та, 1905 г., № 59, л. 50.
[2] Дело Главн. Управл. по делам печати, 1904 г., № 119, л. 53 об.
[3] То же дело, л. 26 об.

газетчики принимали заказы от любителей на доставку им номера по полтиннику, по рублю за экземпляр ...[1]

Этот же успех подчеркнула и мотивировала печать, подтвердившая правильность цензорских впечатлений.

Декадентские «Весы», напр., напечатали, что «Зритель» отличается от наших престарелых юмористических листков «серьезностью тех целей, какие он себе ставит». Не всегда разделяя те убеждения, которые одушевляют редакцию «Зрителя», журнал приветствует в «Зрителе» «возрождение политической сатиры». В таком же роде писал Вл. Кранихфельд в «Мире Божьем», Анастасия Чеботаревская в «Образовании» [2] и др.

Но печать еще что. Гораздо хуже и страшнее то, что на «Зритель» обратил свое внимание сам могущественный Трепов.

Ему не понравился журнал с самого первого номера.

«Проводимые журналом идеи настолько понятны, — писал он 30 июня 1905 г. цензорам (см. приложение), — и выражаются столь образно, что не оставляли места сомнениям даже в малоразвитом уме».

Каково было это слушать цензорам! А ген. Трепов, точно не полагаясь на развитость цензурных умов, пояснял им, какие ужасные вещи ими пропущены и «дозволены».

«В 1 № журнала, — пишет он, — на наружной его странице, изображен человек в темнице, смотрящий в окно, где видна загорающаяся красная заря».

Красная заря! В окне темницы! Разве неясно, на что журнал намекает!?

«На наружном листе изображен сидящий связанным в тюрьме человек, в бессильной ярости приподнимающий кулак».

Диктатору, конечно, не пришло в голову простое объяснение, что злополучный мужик, это просто «связанный конокрад», которого «мир изловил...»

Проницательный Трепов поставил этого мужика в связь с помещенной, в этом же номере, «группой невзрачно одетых лиц, ожидающих приема перед *закрытою дверью в высокой зале*, стены которой *увешаны портретами в рост человека!!*.» (Курсив мой. *В. Б.*). Не случайным показался ему и странный «аббат», с лицом и рясой Гапона.

«Да ведь все это,—пишет он цензорам,—сделано с исключительной целью вызвать в читателе неблагоприятное правительству настроение воспоминанием о петербургских событиях 9-го января».

Ответ цензуры, который читатели найдут полностью в приложении, — целая цензорская трагедия.

— Знаем мы,—точно говорит Цензурный Комитет,—все это не хуже вашего превосходительства. Все видим, все понимаем, но что нам делать? Борьба с такой гидрой, как «Зритель», совершенно невозможна. Единственный способ — совершенно закрыть журнал. Иначе, мы прямо умываем руки.

[1] «Исторический Вестник», 1912, № 4, стр. 100.

[2] «Весы», 1905 г., октябрь, стр. 117. — «Мир Божий», 1905, № 12, стр. 118, «Образование», 1905 г., № 5, стр. 40. Резким диссонансом звучит статья М. Л—ского, напечатанная в 1912 году в «Историч. Вестн.» под заглавием «Во власти глупости». Такие эпитеты, как «пошлость», «бессмыслица», щедро рассыпаются здесь по адресу всех, даже лучших сатирических журналов. «Для того, чтобы написать нечто подобное, не нужно быть вовсе безумным — достаточно быть идиотом», пишет Л—ский, напр., по поводу стихотворения «Кровавый бред» («Маски», № 1). Фед. Соллогуб вызывает особое негодование автора, которому очень не понравилась сказочка «Лягушка и вол»... Судя по некоторым данным, автор близко стоял именно к лучшим сатирическим журналам, и слишком резкие, прямо грубые его характеристики, быть может, просто уловка, при помощи которой на страницах «Исторического Вестника», журнала консервативного, оказалось возможным напечатать ряд «озорных» образчиков сатирической литературы?

Действительно, Арцыбушев, строго подчиняясь требованиям цензуры, представлял на просмотр все рисунки. Ему запрещали одни — он заменял их другими. «Рисунков не жалеть» был его лозунг и, в конце концов, кое-что все же разрешали. Но что же получалось из рисунков даже дозволенных?!

Представляет он, например, заставку. На ней изображены только одни ноги: дамские ботинки, мужские сапоги. Обувь все более или менее, как бы это сказать, гражданская. Видно, что кто-то, мужчины и женщины, куда-то идут.

Цензор в таком шествии кончиков ног и обуви не усматривает ничего подозрительного и ставит штамп. Дескать, можно.

На смерть Шмидта.

Онъ палъ, какъ жертва за свободу,
Отъ рукъ кровавыхъ палачей!
Стремясь доставить свѣтъ народу,
Онъ не узрѣлъ его лучей.

* * *

Людскія ненависть и злоба
Въ немъ оборвали жизни нить,
Спѣша совмѣстно съ крышкой гроба
И крохи правъ заколотить.

* * *

Потокомъ крови неповинной
Которой залита страна,
Къ могильной вереницѣ длинной
Вновь жизнь одна унесена.

* * *

Отъ боли горько сердце ноетъ,
Но насъ не сломитъ ужасъ звѣрствъ,
И образъ жертвы не сокроетъ
Туманъ кровавыхъ изувѣрствъ,

* * *

Теперь для насъ маякъ онъ вѣчный,
И тотъ, надъ кѣмъ довлѣетъ гнетъ,
Въ его сіяньи путь конечный
Къ свободѣ истинной найдетъ

А. Пергаментъ

«Зарницы», 1906 г. № 6.

Проходит некоторое время, в куче других рисунков представляется новая концовка. Опять ноги. На этот раз сапожищи, смазные, грубые... Кое-где шпоры....

Опять цензор ничего страшного в рисунке не «усматривает».

Но вот выходит номер «Зрителя». Обе заставки поставлены рядом, одна за другой. И цензор сам видит, что из двух дозволенных рисунков получилось нечто весьма предосудительное: ясная картина недавнего ареста демонстрантов.

«Ошибка» цензора была налицо. Но поправить ее нельзя. Рисунки со штампом.

Или случай такого рода: присылается в цензуру рисунок, изображающий опрокинутый табурет.

И только. Смотрит цензор так и этак. Кажется, ничего. И, действительно, что тут могло быть? Ставится штамп. Еще через некоторое время, опять-таки в куче других рисунков, маленькая заставка: ноги, в сапогах даже... Пара ног. Тоже ничего. Совершенно отдельно огромная, жирная буква «Г». Цензор все это штемпелюет. Каково же его негодование, когда все эти невинные рисунки предстали пред ним скомбинированные так, что только слепой не увидел бы в них картины, изображающей повешенного.

Или такая комбинация:

Посылаются отдельно: здание Гос. Думы; через некоторое время кошка, даже с подписью «кот»; а через посылку, — китаец и тоже с подписью, удостоверяющей, что это китаец «бой», т.-е. мальчик.

Выходят же эти рисунки одновременно, на одной странице, и читатель читает: «бой-кот государственной думы»...

В то время как раз идея такого бойкота пропагандировалась.

Своей сатирической изобретательностью Арцыбушев доводил цензоров до бешенства.

Табуретки, сапоги... И вот наступает у цензора такой психологический момент, когда он начинает запрещать решительно все, что ему ни представляют. Совершенно, как тот щедринский исправник, который, застав мужика в овраге и получив от него объяснение, что он там «пеночку ловит», арестовал его, говоря: «знаем твою пеночку — фальшивую монету, мерзавец, делаешь!»

Таким цензорским «безошибочным» усмотрением объясняется появление номера «Зрителя», в котором были выкинуты буквально все рисунки. Предпослав объяснение, что «по независящим обстоятельствам приготовленные для этого номера рисунки и виньетки не могли появиться», Арцыбушев заполнил весь номер скорбной фигурой редактора (почти автопортрет), гуляющего по всем страницам опустошенного цензором журнала.

Вот эта печальная фигура:

«Зритель», 1905 г. № 8 (31-XII).

Это очень интересный номер. До чего доходила при этом цензорская подозрительность, можно судить по следующему факту.

В числе представленных в цензуру рисунков была, между прочим, заставка, на которой буквально изображалось следующее: подоконник, открытое окно, виднеется темное ночное небо, на подоконнике стоит горящая свеча, при чем, как полагается по законам физики, пламя тянется в сторону комнаты.

И все. Конечно, никакой подписи.

Цензор, воспитанный табуреткой и сапогами, не разрешает.

— Да почему? — спрашивает его недоумевающий редактор.

— Ну, батенька, вы хитрый, — отвечает цензор, — да и мы кашу едали.

— Ей богу, не понимаю. Объясните.

— Не притворяйтесь. Ведь это что? Это свеча?! Это — догорающее самодержавие!

И гордо посмотрел на редактора: вот, дескать, сколь мы проницательны — на три аршина под землей видим. Нас не проведешь.

Правда, что карикатуристы любили дразнить цензоров, как опытные пикадоры разъяренного быка.

Через некоторое время цензору пришлось разрешить рисунок ярко горящей свечи (заставка Евреенова) для № 11 журнала «Зрителя». Это уж была заставка специально для цензора!..

В том же «Зрителе», с первого номера, на обложке оставлялось пустое место, с пояснением, что место это предназначается для какого-то особого объявления, которое появится только в пятом номере журнала.

Выходит, наконец, долгожданный номер и, на заповедном месте, красуется только одна буква: «Р». Через неделю, в следующем номере, на том же месте уже две буквы: «ре»... Еще неделя, и выплывает: «рев». Несколько недель держится слог «рев».

— Крамольники, — догадывается цензор и уже заносит топор, чтобы опустить его на голову редактора, как только появится слово, столь же страшное властям предержащим, как для московской купчихи «метал» и «жупел».

Подержав цензора в такой позе около месяца, «Зритель», наконец, открывает страшное слово и печатает объявление «Ревельские кильки».

Сила «Зрителя» и его живучесть, доводившая до отчаяния цензуру и сидевших на верху властителей, была не в изобретательности такого рода, не в мелочах, носивших иногда, быть может правда, по характеристике цензора, печать «озорства».

Значение и сила «Зрителя» состояла в его монолитности, в том, что у него не было ничего случайного. Каждая его строчка, каждый рисунок был тесно связан со всем остальным материалом и не только данного номера.

Это был точно большой фонарь, который окрашивал все факты современной общественной жизни одним определенным цветом. Нигде, быть может, не была бы справедлива до такой степени поговорка о тоне, который делает музыку, как именно здесь. Весь «Зритель», начиная с первого и кончая последним номером, — цельное музыкальное произведение. Самая, казалось бы, безразличная нота, самый обыкновенный звук в этой революционной сонате получали особый смысл. Было опасно даже его pianissimo, потому что оно подчеркивало его forte.

Цензура, например, определенно запретила «Зрителю» напечатать на первой странице настоящий портрет Николая II, хотя это предполагалось сделать в день «тезоименитства» 6 декабря, и, конечно, портрет высочайше утвержденный.

Казалось бы, почему? Чувствовалось именно, что освещенный обычным светом журнала августейший лик примет какие-то оттенки, которые его выделят из серии портретов, появляющихся, например, в «Новом Времени» и других изданиях.

Как, например, составлялась хроника журнала, носившая заголовок «Неделя Зрителя».

Сюда включались известия, которые были исключительно из правительственных изданий, таких, как «Правит. Вестник» и другие.

В № 11 «Зрителя», например, приводится из «Правит. Вестника» резолюция царя:

«Революционные проявления дольше не могут быть терпимы; вместе с тем не должны дозволяться самоуправные действия толпы».

Затем, тут же, рядом, помещаются заимствованные из того же источника официальные сообщения о беспорядках и революционных выступлениях в разных местах.

Но здесь еще «чувствуется» какой то вредный, тенденциозный намек.

А что можно сказать самому строгому цензору против такого рода сообщений:

— 7-го июня, в годовой день блаженной кончины приснопамятного митрополита киевского и галицкого Иоанникия, в созданной, заботами его, прекрасной церкви Киевского подворья было совершено молитвенное поминовение в бозе почивающего святителя.

— В № 161 «Правит. Вестн.» напечатано следующее: «Восточные пилюли (Pilules Orientales) развивают, укрепляют и восстановляют бюст, сглаживают выпуклости костей на груди и плечах, заполняя углубления, происходящие от худобы, и придают грациозную полноту бюсту...» [1]

— В Уфе управляющий губернией открыл чрезвычайное губернское земское собрание речью, объявив в начале речи о разрешении своем собранию иметь суждение по поводу высочайшего указа 18-го февраля. [2]

— Распоряжение, объявленное Правительствующему Сенату Министерством Путей Сообщения: «об исключении наименования «огурцы» из пункта 11 § 1 правил продажи невостребованных грузов, предусматриваемых ст. 84 общего устава российских железных дорог, и перенесении сего наименования в пункт 6 3 § 1 тех же правил. [3]

— В «Собрании Узаконений и Распоряжений Правительства» напечатано «Об установлении козырька нового образца в фуражке нижних чинов». [4]

— В «Собрании Узаконений и Распоряжений Правительства» напечатано: «О присвоении кадетам дворянских кадетских школ поясных ремней, с медною бляхою, с орлом и лучеобразным сиянием». [5]

— Главное Управление по делам печати отклонило ходатайство городской управы о разрешении антрепренеру городского театра поставить на сцене «Заговор Фиеско», Шиллера. (СПБ. Тел. Аг.) [6]

— Так как в имении Грюнгоф к батракам присоединились также дойщицы коров, то в настоящее время, — как сообщает «Düna Zeitung», — для доения помещичьих коров приглашены солдаты и казаки. [7]

— В «Собрании Узаконений и Распоряжений Правительства» опубликованы постановления:

«О не ношении камергерского ключа, при военной форме, военными чинами, имеющими придворное звание камергера».

«О разрешении дежурным военным врачам и ветеринарам при исследовании больных людей и лошадей снимать шашку».

«Об учреждении при Скрябинском Вознесенском женском монастыре должности пешего стражника». [8]

Понятно, с какой бессильной злобой пробегал такую хронику цензор. Перепечатка объявления об укреплении бюста произвела такое впечатление, что министр Булыгин особо упомянул о нем в своем рапорте Сенату! А одна выходка, допущенная Арцыбушевым в этом отделе, привела цензуру прямо в бешенство.

В одну «прекрасную» неделю Арцыбушев, под рубрикой «Неделя Зрителя», напечатал длиннейший список сановников, прибывших в Петербург и выбывших из него. Один голый список, просто нарезанный из «Нов. Времени».

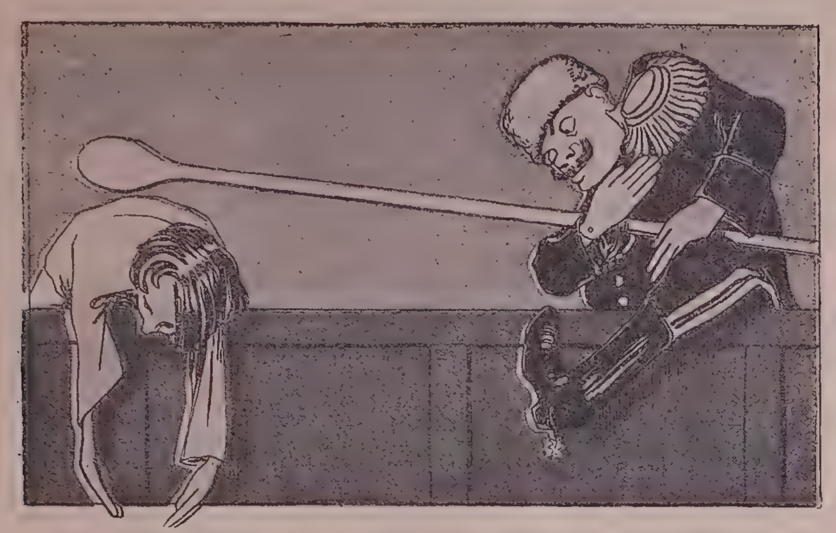
— Что это такое? — возмущался цензор. — Очевидно, за эту неделю не набралось пригодного для отдела материала... Редактор поставил этот список, намекая публике на то, что вот-де какие опустошения производит цензура! Действительно, все наверно подумают, что были представлены какие-то невероятные вещи. Между тем цензура не вычеркнула ни одной строчки.

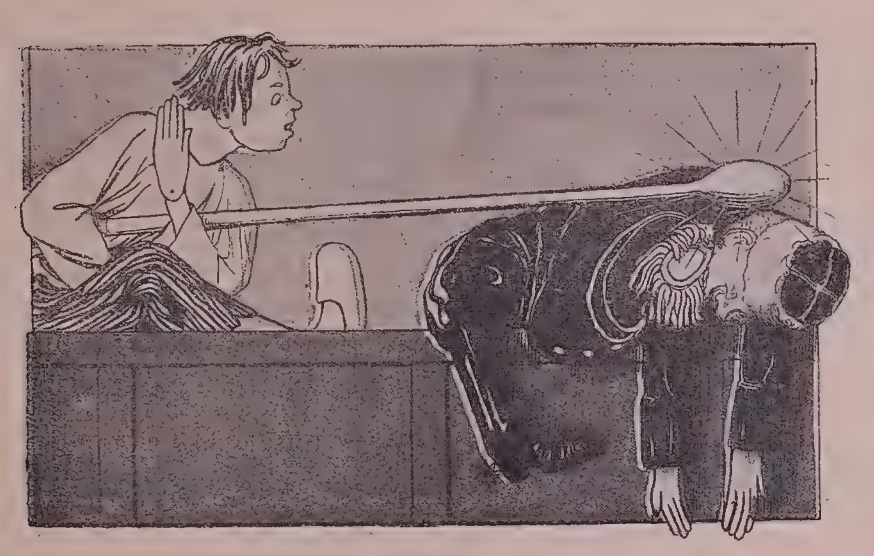
[1] «Зритель», № 9, 7 авг. 1905 г.
[2] Тоже, № 3, 19 июня 1905 г.
[3] Тоже, № 10, 14 августа 1905 г.
[4] Тоже, № 12, 28 августа 1905 г.
[5] Тоже, № 13, 4 сентября 1905 г.
[6] Тоже, № 12, 28 августа 1905 г.
[7] Тоже, № 3, 19-го июня 1905 г.
[8] Тоже, № 3, 19 июня 1905 г.

При этом, цензор не может удержаться, чтобы не похвастаться своей цензорской предусмотрительностью, подсказавшей ему запретить представленную журналом для этого номера виньетку, изображающую надгробный памятник, на котором сидят два чорта, и с надписью: Requiescant in pace. («Да почнют в мире».)

«Можно, — говорит цензор, — представить себе восторг нашей политически развращенной интеллигентной публики, если бы рисунок этот не был

Капут!

Правильно!

Черниговo-Саратовские петрушки. «Зритель», 1905 г., № 21 (17-XI).

предусмотрительно запрещен Комитетом и под этот саркофаг оказалась втиснутой такая масса высокопоставленных лиц!» [1]

Оно, конечно...

В самом деле, читатели удивительно тонко понимали все, что в это время писалось, легко расшифровывали малейший намек...

Цензор все время жалуется, что цензура «совершенно бессильна выправить направление «Зрителя» и еще более бессильна уничтожить вредное его влияние на публику, так как читатели «настроены с ним в унисон

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати 1904 г., № 119, л. 53, т. 53 об.

и охотно дополняют, при содействии разносчиков газет, все недосказы редакции даже лучше, чем сама она это могла бы сделать». [1]

Утончились способы обмена мыслями до последней степени.

Художник рисовал небольшую виньетку, изображавшую нескольких зайцев, что есть духу, с прижатыми ушами куда-то бегущих...

Читатель сразу припоминал ходячий в те дни анекдот о зайце, который перебежал через границу и на вопрос о том, почему он так бежит, отвечал:

— Да как же?! В России приказано подковывать верблюдов.

— Но ведь ты же не верблюд?

— Мало ли что. Подкуют, а потом доказывай, что ты заяц. [2]

Бесправие старого режима, со всеми свежими еще фактами, сразу вставало в представлении читателя, волновало, вызывало негодование и злобу против порядка, при котором возможны были подобные положения.

Виньетка, изображавшая «черную сотню», в виде шахматных пешек повешенной на веревку, в центре которой болтались король (шахматный, конечно) и по бокам две (тут уж против шахматной действительности) королевы, — утешала своей перспективой.

Потрясающее впечатление произвело действительно замечательное совпадение.

17-го ноября, в № 21 «Зрителя», был напечатан рисунок «Черниговово-Саратовско-Тамбовские петрушки», предсказывавший печальный конец генералам, выехавшим для усмирения крестьянских волнений.

В первой сценке генерал бьет по голове крестьянина дубиной и говорит «капут», во второй этот же крестьянин той же дубиной убивает генерала, со словами «правильно».

Нужно же было случиться, что этот номер «Зрителя» получили в Саратове как раз в самый день похорон только-что убитого, укрощавшего крестьян, бывшего военного министра генерала Сахарова. С нескрываемой злобой доносит саратовский губернатор, в то время П. Столыпин, о том злорадстве, которое вызвал рисунок «Зрителя» у саратовцев.

Препроводив в Главн. Упр. по делам печати 21 № «Зрителя», «беспрепятственно поступивший в продажу», П. Столыпин счел необходимым отметить, что «появление этого номера в Саратове, в день отпевания покойного ген.-адъютанта Сахарова, произвело удручающее впечатление на одну часть общества, которая видела в нем осуществившееся предсказание и возмущена безобразным содержанием журнала, в то время как известная другая часть общества торжествовала и злорадствовала». [3]

Цензура буквально возненавидела Арцыбушева.

Дошло до того, что «Зритель» не мог даже напечатать Кольцовского стихотворения:

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе...

Понятно, как с его страниц должны были звучать такие слова, как «встань, проснись, подымись»?...

Почти как «вставай, подымайся рабочий народ...»

Цензура явно выбивалась из сил в бессильной борьбе... Наконец, настал давно жданный момент.

1-го октября 1905 года, начальник Главного Управления по делам печати А. Бельгард прислал в Цензурный Комитет обрадовавшую всех записку такого содержания:

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1904 г., № 119, л. 53.
[2] «Зритель», № 16, 25 сентября 1905 г.
[3] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1904 г., № 119, л. 83.

«Министр желает, чтобы «Зритель» был остановлен. Не откажите сегодня же заготовить бумагу на имя градоначальника и предупредить А. А. Катенина. Необходимо принять меры к скорейшему изготовлению представления в Сенат. А. А. Бельгард». [1]

Торопить цензоров особенно не приходилось. Материал был подобран давно по разным поводам. На душе накипело, доклад был изготовлен немедленно. Министр внутренних дел Булыгин тоже не задержал его у себя и передал дело в Сенат, требуя немедленного закрытия зловредного журнала.

Это был грозный и страшный обвинительный акт, который должен был испепелить журнал без остатка.

«Напечатанный материал, — писал министр Булыгин в докладе Сенату,— может служить лишь показанием того, что журналу удалось высказать, при надзоре за ним со стороны цензуры; но для того, чтобы определить его истинные цели и стремления, его, так сказать «animus» (sic!), необходимо знать и то, что хотел бы сказать этот орган своим читателям».

Хотел же он: «выставить действия правительства и его органов... в гнусном и смешном свете, призывая в то же время, во имя человеческой гордости, достоинства и свободолюбия, к разрыву уз долга, к беспощадному разрушению устоев государственного строя и к оплеванию всего, что составляет политическую и церковную святыню русского народа». [2]

Мало того. «Зритель», — докладывал Сенату министр внутр. дел Булыгин, — восстает против состоятельных классов и выставляет рабочих как элемент эксплоатируемый и доводимый до отчаяния и непримиримого озлобления».

«Дерзость журнала доходит до того, что он не стесняется избирать предметом своего гаерства и глумления даже священную особу государя императора (в статье «Разве могло быть иначе?»)». [3]

Не дождаясь, пока Сенат рассмотрит дело и прекратит журнал «навсегда», Булыгин предписал немедленно приостановить выпуск в свет этого издания, до воспоследования решения Сената.

Результатом была сцена, подробное описание которой дает сам «Зритель», рассказывающий, как в XX веке было воспроизведено «слово и дело».

«В ночь на 2 октября, чин полиции печатного слова пришел в редакцию «Зритель» совместно с чином полиции дела. «Слово и дело» этих чинов было несложно: они предъявили нам распоряжение министра внутренних дел Булыгина о приостановлении журнала».

Но тут произошли события, можно сказать, беспримерные в летописях государства российского и ошеломили правившее этим государством бюрократическое «чудище обло».

Организовался Совет Рабочих Депутатов... Выступила на сцену могучая рабочая сила. Что это была за сила и каковы были ее возможности, наглядно показала знаменитая всеобщая забастовка.

Остановилась вся жизнь. Стал телеграф, забастовали дороги, город погрузился во тьму... Прожекторы, которыми пытались освещать Невский проспект с Адмиралтейства, только пугали.

Власти растерялись. Царь, скрепя сердце, подписал предложенный ему манифест 17 октября, в котором не поскупился на обещания.

В числе прочих «свобод», манифест даровал и «свободу печати».

Арцыбушев воспрянул духом. Немедленно он подает в Цензурный Комитет заявление, в котором, ссылаясь на высочайший манифест, пишет о возобновлении им приостановленного «Зрителя».

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1904 г., № 119, л. 54.
[2] То же дело, л. 64 об.
[3] То же дело, л. 65.

Булыгин, ссылаясь на тот же манифест, сам просит Сенат прекратить уже не журнал «Зритель», а начатое им против журнала дело, и Сенат это дело прекращает. «Зритель» торжествует.

«Победа!» — слышится со страниц воскресшего журнала. Рядом смерть и ужас. Бегство. Свобода. Насилие. Все переплелось и живет рядом вместе, живет как одно существо.

«Но рассвет уже близок. Насильники оглядываются, судорожно хватаются за черные предметы, бегут куда-то. А вдали слышны проклятия, смех, стоны умирающих...

«Призрак кровавой Немезиды зреет и выделяется из темноты...

«Видите ли вы, бывшие господа?

«Еще многомиллионная темнота крестьянства не сознала ужасов, совершенных вами, еще не постигла всей скверны...

«Но они, бывшие рабы, близки к зрению...

«Видим, видим» ... [1]

Наступили дни «свободы». На улицах заалели красные флаги, раздалась марсельеза и другие революционные гимны. «Городовые околоточные, — вспоминает об этих днях в «Былом» Мицлов, — казались переодетыми маркизами, — так галантна и предупредительна сделалась полиция. Газетчиков, продававших революционные листки, не тащили в участки, и они хвастались, что даже «сами» г.г. пристава покупали №№ «Известий Совета Рабочих Депутатов» и, что еще необыкновеннее, — платили при этом деньги». [2] Художники запечатлели этот момент в рисунках «Зрителя», а позднее «Пулемета» и других журналов.

Городовой, козыряющий красным знаменам, был взят сатирическими журналами почти с натуры.

По словам Дм. Сверчкова, в числе подписчиков на «Известия» находились сам граф Витте, военный министр Редигер, морской Бирилев. Полицейские пристава посылали купить им номер «Известий», и городовые стояли в Исполнительном Комитете Совета в очереди за газетой Совета. [3]

III.

Первые дни осуществления «свобод». — Обстрел Технологического Института. — Цензура поднимает голову. — Конфискация «Зрителя». — Выход «Пулемета» Н. Г. Шебуева и «Сигнала» К. И. Чуковского. — Сказка Шебуева о «весне» и высочайший манифест 17 октября с кровавой рукой ген. Трепова. — Арест Шебуева и закрытие типографии, отпечатавшей «Пулемет». — Суд над Шебуевым. — Арест журнала Чуковского «Сигнал» и «Жупела» Гржебина. — Письмо министра Дурново. — Рост сатирических изданий. — Аресты редакторов. — Худ. С. В. Чехонин как сатирик.

Весна продолжалась, однако, очень не долго. Трепов, автор знаменитого приказа «патронов не жалеть», не останавливался ни перед какими мерами для того, чтобы воспитать российских граждан в духе новых начал, положенных в основу манифеста. Впечатление было такое, точно манифест 17 октября вышел из какой-нибудь подпольной типографии, а исполнители его являлись революционерами и крамольниками.

В вечер того самого дня, когда манифест появился, войска обстреляли Технологический Институт, в котором собрались легковерные граждане на митинг. На другой день, утром, кавалергарды, под предводительством рот-

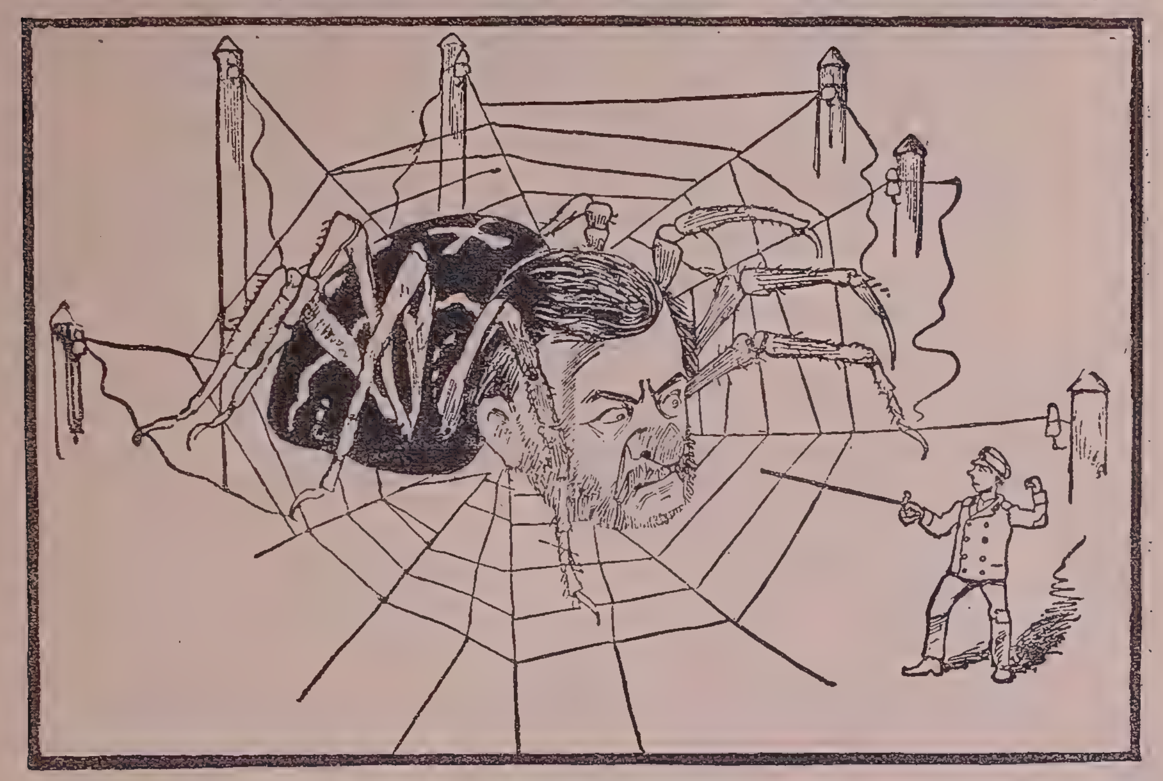
[1] «Зритель», № 18, 30 октября 1905 г.
[2] «Былое», 1907, март, стр. 126.
[3] «Известия Совета Рабочих Депутатов». Гос. издат., Ленинград, 1925 г., Стр. 6.

мистра Фролова; здесь же палашами рубили толпу, выкинувшую красное знамя. Героями дня стали казаки:

> Весь ужас боевой расправы пережив
> И груды жертв ее оплакав,
> Мы слышим тот же вновь велительный призыв:
> «Еще казаков!» [1]

Мало-по-малу начала поднимать голову и цензура. «Зритель» же, руководствуясь объявленной свободой, решил итти вперед и, согласно принятому всеми журналами и газетами решению, сделал попытку обходиться без цензорской указки.

18 и 19 номер «Зрителя» был отпечатан без представления в цензуру, что очень не понравилось... Свобода свободой, а цензура по-прежнему...

29-го октября 1905 г. Цензурный Комитет предписал старшему инспектору типографии привлечь Арцыбушева к ответственности за деяние, предусмотренное ст. 1024 Улож. о наказ. уголовн., издания 1885 г.

В № 19 «Зрителя» цензор обчеркнул красным карандашом стихотворение «Свободные скоты», при чем подчеркнул особо слово «пастух».

В № 21 не понравилось стихотв. «Образцовое войско» и рисунок, изображающий «неопрятного мальчика».

Обращал Цензурный Комитет внимание Бельгарда на рисунок в № 20 «Зрителя», изображающий «будто древнюю греческую вазу».

«:..Хотя, — писал Катенин, — комитет не нашел в этом номере, вообще, и в упомянутом малопонятном рисунке, в частности, признаков преступления, тем не менее, я долгом считаю представить его на усмотрение в. п-ва, так как можно предполагать, что некоторые части его, особенно отмеченные синим карандашем места в рисунке, могут быть истолкованы в преступном смысле». [2]

---

[1] «Зритель», № 21, 17 ноября 1905 г.
[2] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1904 г., № 119.

№ 24 «Зрителя» был конфискован за: 1) стих. «Экспромт», 2) сказку о тульском Правше, 3) «Поучение детям», 4) стих. «Митинг», 5) «Письмо в редакцию», 6) стих. «Так болтали в кофейнях Багдада», 7) пословицу «Царский манифест для известных мест», 8) стих. «Сомнение», 9) подпись под рисунком на стр. 5 «Слухи».

«Зритель», однако, уже был не одинок. Один за другим в бой с поднимавшей голову реакцией вступали другие сатирические журналы.

Почти в один день, 13 ноября, вышли «Пулемет» Н. Г. Шебуева и «Сигнал» К. И. Чуковского. Затем, в то же приблизительно время вышли, основанный худ. И. Билибиным, «Жупел», под редакцией З. И. Гржебина и Е. Чирикова, «Адская почта», «Стрелы«, «Светает» и др.

Журнал «Стрелы» объявил себя «журналом саркастическим и беспощадным». Вслед за этим заголовком значилось жирным красным шрифтом: «Сотрудникам дан приказ — патронов не жалеть и холостых залпов не давать». Специально навербованные газетчики так и выкрикивали:

— Новый журнал «Стрелы», сотрудникам дан приказ — патронов не жалеть и холостых залпов не давать. [1]

Сотрудник газеты «Русь» Н. Г. Шебуев в первом же номере своего «Пулемета» решил поставить точки над і создавшегося положения.

Целиком, во всю большую страницу своего «Пулемета», он перепечатал весь высочайший манифест 17 октября, вымазал свою руку красной краской, приложил ее к тексту, а снизу приписал... «к сему манифесту свиты его величества генерал-майор Трепов руку приложил».

А в тексте журнала, сверх того, напечатал еще, в стиле былинном, «Сказочку о весне»...

По смыслу этой сказки, как позднее передавал ее содержание составитель обвинительного акта, вся страна, застигнутая зимней порой, была скована морозом, а царь, глядя на это, искренно радовался и опасался лишь одного: как бы зима не сменилась весной, признаки которой уже появились в его владениях. — Но грустную царскую думу рассеяли два действительных тайных советничка Донос Иванович и Недонос Пантелеевич, которые, выслушав волю царя о том, чтобы «весны вовсе не было», послали гонцов во все стороны с приказами губернаторам «не пускать весны из заморских стран», а для этого прибегать к разным строгостям и рубить головы всем тем, кто осмелится сказать, что весна приближается. — Тем временем царю приснился седой старичок, который обратился к нему со следующими словами: «Ты хотел все делать по доброму, а вышло не по-хорошему. Из окна твово, из косящата, тебе крыши видны лишь да маковки. А что там под ними деется, не вдомек тебе, православный царь. Не видать тебе из окошечка ни больших дорог, ни проселочных. Не видать тебе, как седой Мороз, словно камнем их, трупом выложил. Не видать тебе, как природа вся истомилася, исстрадалася, поджидаючи Весну Красную». Проснувшись, царь позвал Доноса Ивановича и Недоноса Пантелеевича и распорядился, чтобы все встречали весну «с хлебом-солью, с песнью-пляскою»; но те возразили, что сделать это невозможно, так как ими уже разосланы «циркулярики-соколики» о том, чтобы весну сковать и в тюрьму ввергнуть, вследствие чего от весны, вероятно, ничего не осталось и вся она издергана-измочалена. — Тем не менее царь сказал, что он хочет весны и чтобы ему дали весну «хоть куцую». И куцая весна была подана «с военными положениями, да с погромами еврейскими, да с погаными казаченками, да и с тою-ли черною сотнею. И по всей земле стоном стон пошел».

---

[1] «Исторический Вестник», 1912, № 4, 112.

Кроме того, в том же номере была помещена статья, озаглавленная «О марсельезе», в которой Шебуев говорил, что свобода слова выразилась сначала в пении песни рабочей марсельезы, начинающейся словами: «Вставай, подымайся, рабочий народ. Иди на врагов, люд голодный...», но что затем эта песня была заменена крестьянской марсельезой, которую теперь и поют 24 губернии, охваченные аграрными беспорядками. — При этом перефразируя слова песни, Шебуев заканчивал статью тем, что звуки крестьянской марсельезы: «Вставай, подымайся, крестьянский народ. Иди на господ, люд голодный...» — заглушат рабочую марсельезу.

Успех журнала был исключительный. Первый номер «Пулемета» расхватали моментально.

«...Кто почему-либо, — пишет М. Л—ский, — не успел ознакомиться с журналом, посылал скорее на улицу за ним или сам спешно направлялся к газетчику. Но после полудня уже трудно было получить «Пулемет». Полиция отбирала его у газетчиков, а те прятали его по своим квартирам или по ближайшим к месту их стоянки лавкам... За экземпляр «Пулемета» брали от любителей пять рублей и больше. Мне лично один газетчик, торговавший на углу Невского и Садовой, рассказывал, что, запасшись 13-го рано утром в типографии ста экземплярами «Пулемета», он в течение недели заработал около 500 рублей. В настоящее время коллекционеры платят за этот номер до 50 рублей». [1]

Немедленно же, в воскресенье (в праздник!) 13 ноября, в типографию «Труд», где был отпечатан страшный номер, прибыл старший инспектор типографий вместе с участковым приставом и понятыми. Явившиеся предъявили владельцу типографии бумагу, в которой с.-петербургский градоначальник, на основании распоряжения министра внутренних дел Дурново, предписал закрыть типографию... Особо спешной телефонограммой градоначальник предписал приставам отбирать «Пулемет» от газетчиков. [2]

В ту же ночь был арестован Шебуев... [3]

Прокуратура сразу получила целых два дела о «Пулемете» — одно из Главного Управления по делам печати о возбуждении преследования, другое из жандармского управления.

Между судебной властью и Главным Управлением по делам печати, повидимому, велись какие-то сношения в порядке не совсем обычном. По крайней мере, в цензурном деле сохранилось странное письмо прокурора Камышанского, в котором он, возвращая «отношение о «Пулемете», не подписанное (тоже странно) Бельгардом, пишет: «в виду нашего разговора (?), думаю, что оно прислано случайно, почему и препровождаю к вам». [4]

Загадочный, во всяком случае, разговор, характерный для первых дней хотя бы куцой, но все же конституции. Как, впрочем, и все дальнейшее.

Депутации от союза периодических изданий, отправившейся в тот же день, в 11 часов вечера, к прокурору Судебной Палаты требовать немедленного освобождения Шебуева, Камышанский наивно удивленно сообщил, будто он только из газет узнал об этом аресте и закрытии типографии, где кроме «Пулемета» печатался целый ряд других изданий. [5]

— «Что это за свобода печати», — негодовал по этому поводу А. Р. Кугель, журнал которого («Театр и Искусство») не мог из-за этого выйти в срок. — «Если типография не будет распечатана, мне принадлежит

---

[1] «Исторический Вестник», 1912, № 4, стр. 116.
[2] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1905, г. № 219.
[3] «Русь» 1905 г., № 18.
[4] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1905 г., № 219.
[5] «Наша Жизнь», 1905 г., № 335, Ср. «Новости Дня», 1905 г., 16 ноября № 8054.

право искать убытки за запечатание свободной печати со всеми ее рукописями, клише и всем запасным материалом». [1]

Возмутились также и типографщики. Как ни как, а ведь типографские рабочие из-за такой придирчивости Дурново лишились заработка. И вот представитель союза печатного дела, вместе с представителем типографов, отправляются к градоначальнику и требуют открыть запечатанную типографию. При этом они прямо заявили, что иначе все работники печатного дела забастуют.

Результатом всего этого было то, что Шебуева, продержав в тюрьме 36 часов, освободили и типографию открыли. [2]

Однако, на свободе Шебуев оставался не долго: спустя несколько дней его арестовали снова. Когда его жена явилась в суд и предложила внести 3 000 рублей, которые раньше требовались в виде залога для освобождения Шебуева на поруки, то ей было заявлено, что суд, очевидно, по предписанию министра юстиции Манухина, постановил потребовать уже 10 000 рублей. [3] Прокурор Камышанский, как его ни уговаривали, стоял на том что у них цены без запроса, что не в его власти ту сумму сколько-нибудь понизить. Расчет был правильный: откуда журналисту взять такую сумму? Должен будет, значит, сидеть.

До какой степени все же борьба журналиста с новой «конституционной» властью вызывала себе сочувствие общества, можно судить по тому, что к жене Шебуева явилась незнакомая ей женщина (Саррен) и внесла целиком эту огромную сумму прокурору.

Либерально настроенный следователь нашел, что ни к самому Шебуеву ни к его сотруднику, художнику И. М. Грабовскому, делавшему рисунки для «Пулемета», не может быть предъявлено обвинение по 103 и 128 ст. уголовн. улож., предусматривающих оскорбление величества.

На этой же точке зрения стоял и Шебуев, доказывавший на суде, что он имел в виду действия Трепова.

Однако, прокурор Судебной Палаты Камышанский посмотрел на это дело совершенно иначе.

«Кровавые пятна» на манифесте им были истолкованы как явное оскорбление царя.

— Высочайший манифест, как выражение державной воли государя императора,—докладывал судебной палате Камышанский,—составляет такой акт, к которому никто, кроме его величества, руки не прикладывает, и потому самое заявление о том, что генерал Трепов приложил окровавленную руку к означенному манифесту, представляет собой язвительную насмешку, заключающую в себе порицание, непосредственно относящееся к верховному управлению государством, и оказание дерзостного неуважения к верховной власти. [4]

В таком же роде истолкована была им «Сказочка о весне».

3 декабря 1905 года состоялся суд. Прокурор Камышанский поддерживал свою точку зрения, продолжая утверждать, что Шебуев дозволил себе «дерзостное порицание и оскорбление монарха».

— «Манифестом 17-го октября,—закончил свою речь прокурор,—дарована свобода печати, но не разнузданность».

Судебная Палата, после часового совещания, согласилась с прокурором и нашла, что «помещение высочайшего манифеста в «Пулемете», при том с неуместною надписью на нем и в испачканном краской, замаранном и

---

[1] «Русь», 1905 г. № 19.
[2] «Петерб. Газ.», 1905 г., № 292.
[3] «Биржев. Ведомости», 1905 г., № 9118. — «Русь, 1905 г., № 25.
[4] См. Приложение.

безобразном виде, не может не быть признано проявлением дерзостного неуважения к верховной власти». Шебуев был приговорен к заключению в крепости на один год. Все это было проделано с необычайной быстротой почти военно-полевого суда. Очевидно, все дела были отложены, все силы напряжены.

* *
*

Второй жертвой был К. И. Чуковский, и его журнал «Сигнал».

Главное Управление по делам печати, 25-го ноября 1905 г., сообщило прокурору Петербургской Судебной Палаты, что в номере 3 «Сигнала», отпечатанном без надлежащего разрешения: 1) в стихотворении «Средневековая баллада» Ольги Чюминой содержится «дерзкое оскорбление ея императорского высочества вел. кн. Марии Павловны» и 2) что в статье «Господин Роланд доставил следующее сообщение» и в напечатанной вслед за этой статьею картинке «Второй звонок», а также в окончании стихотворения, напечатанного на 5 стр. за подписью «К. Чуковский», и в статье «Перехваченное письмо», в связи с общим характером журнала, поместившего на первой странице в совершенно неподобающей обстановке как бы заштрихованный портрет государя императора, а на последней странице карикатурное изображение графа Витте, штопающего двуглавого орла, а на стр. 6 примечание к статье, озаглавленной «Сделка»,—заключаются признаки дерзостного неуважения к верховной власти и оскорбление его императорского величества. [1]

Вот сколько преступлений в одном только номере! Чуковский, конечно, был привлечен за них к суду, но не «одумался». Следующий номер «Сигнала» оказался не менее преступным.

Цензура обратила внимание прокурора на «имеющийся перед стихотворением «Месть» высочайший приказ, коим была объявлена благодарность всем казачьим войскам, сопровождаемый заметкой о том, что число убитых и раненых за время с 17 октября не приведено в известность, а также на рисунки, помещенные на первой и на 5 стр., изображающие: первый, как какие-то три генерала душат к о г о - т о (курсив мой. *В. Б.*), лежащего на кровати, а второй—человека, стреляющего в к о г о - т о (курсив мой. *В. Б.*) из револьвера, повидимому, в дворцовой зале».

Кроме того, не ограничиваясь этими указаниями на материал, вошедший в один номер, цензура предлагала прокурору обратить внимание на заметку от редакции на стр. 2 и сопоставить ее с указанным в ней рисунком, изображенным в № 1 «Сигнала». [2]

Прокурор, конечно, вышел на защиту таинственного «кого-то» и не замедлил привлечь к суду преступника.

Чуковского судили при закрытых дверях. Защищал известный адвокат О. О. Грузенберг. Он остановился на скользком и самом страшном пункте обвинения—оскорблении величества. Защитник указал на необходимость, в таких случаях, наличия объективных данных.

— Представьте себе,—говорил он,—что кто-нибудь нарисовал осла. И вдруг ему скажут: как ты смеешь оскорблять прокурора?!

Обвинение, однако, было предрешено. Чуковский был приговорен к заключению в крепости на 6 месяцев, журнал «Сигнал» воспрещен н а в с е г д а, а сверх того Чуковский на пять лет лишен был звания редактора.

* *
*

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1905 г., № 205, лист 7.

[2] То же дело, л. 17.

Вскоре был арестован журнал «Жупел». Второй номер журнала вызвал вмешательство самого Дурново.

В цензурном деле хранится его собственноручная записка, написанная, как видно по ее дате, в первый день рождества.

«... Я полагаю, — писал Дурново, — правильнее возбудить преследование, так как самые рисунки возбуждают к восстанию, а заметка о полковнике Мине прямо затрагивает государя императора... О себе уже, — скромно замечает Дурново, по адресу которого было высказано в «Жупеле» не мало горького, — не говорю...»

В тот же день, 25 декабря 1905 г., т.-е. опять-таки в праздник, — да еще в какой — в первый день рождества, когда чиновнику полагалось есть гуся в кругу своей семьи и сидеть около зажженной елки, — в тот же день составили, написали, переписали и отправили прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты предложение привлечь ответственного редактора З. Гржебина к уголовной ответственности.

«В виду особой важности рассматриваемого преступления», комитет просил прокурора применить к этому изданию ст. 14 отд. VII закона 24 ноября 1905 г., т.-е. закрыть журнал. [1]

В журнале «Свобода» (№ 1), выпущенном 27 ноября 1905 года без представления в цензуру, показались преступными первые страницы, стихотворение «Три видения», в № 2 «Да здравствует Маньчжурская армия» и другие.

Новый, 1906 год, принес только новые преследования печати.

Министр Дурново окончательно распоясался. Дела печати оказались подведомственными не только Цензурному Комитету, но и Департаменту полиции.

В № 3 «Жупела» обратили на себя внимание статьи «9 января» и «Песня солдатская».

Редактор журнала Гржебин и издатель Юрицын уже содержались под стражей. Но этого оказалось недостаточно.

«По рассмотрении в особом совещании, образованном согласно ст. 34 положения о государственной охране, обстоятельств дела о содержащихся под стражей в С.-Петербурге редактора журнала «Жупел» Зелике Шиеве Гржебине и издателе того же журнала Сергее Петрове Юрицыне, обвиняемых в политической неблагонадежности, г. министр внутренних дел: воспретил названным лицам жительство в обеих столицах и столичных губерниях впредь до особого распоряжения г. министра». [2]

Нижегородский губернатор 29 марта 1906 г. (за № 1325) доносил, что № 3 журнала «Маски» был конфискован по распоряжению управляющего в то время губернией вице-губернатора. «Как издание, — пояснял губернатор, — по своему содержанию нарушающее изданное мной для Нижнего Новгорода на основании положения о чрезвычайной охране обязательное постановление».

Кто только не душил печать?!

Так, мало-по-малу, тюрьмы наполнялись редакторами сатирических журналов.

Репрессии, однако, мало смущали... Сатирические журналы сыпались как из рога изобилия.

До 1900 года, по статистическим сведениям Н. М. Лисовского, чуть ли не в продолжение столетия существовало в Петербурге 47 сатирических журналов, в Москве — 12, в провинции — 20.

---

[1] Дело Ценз. Ком-та, 1886 г., № 39, л. 243, 244, 246.
[2] То же дело, л. 253.

А в течение двух месяцев, конца 1905 и начала 1906 года, только в Петербурге и Москве вышло 84 журнала по весьма неполному списку Минцлова. [1]

Восемьдесят четыре столичных журнала, не считая провинциальных, а их тоже было достаточно! Сатирические журналы выходили в Одессе, Киеве (на украинском языке — «Шершень»), Ярославле, Саратове, Полтаве, Владивостоке, Тифлисе, Харькове и др. На одном еврейском языке выходило до 50 названий, при чем одни из первых, и тоже за оскорбление величества, пострадал «Дер Шейгиц». [2] Арест этого журнала произвел такое потрясающее впечатление на цензировавшего его Ландау, что с ним случился удар, и он умер.

По подсчету Н. Виноградова, за 1905 — 1907 гг. в одном Петербурге вышло 178 журналов, в Москве — 43 и в провинции — 88. Всего, значит, 309 названий.

Старые журналы, такие, как «Шут», «Осколки», «Стрекоза» и др., хотя и робко, но все-же присоединились к общему тону и перешли от тещ к министрам...

М. Л — ский попробовал подсчитать число сатирических листов, пущенных в обращение. «Если,—говорил он,—взять для каждого журнала, средним числом, выпусков 5, а тираж каждого в среднем 15 000, получится такая формула:

$$69 \times 5 \times 15\,000 = 5\,175\,000.$$

Но ведь, журналов было не 69, как он считал, а 309. Если взять его формулу, тогда получится нечто иное:

$$309 \times 5 \times 15\,000 = 23\,175\,000.$$

А если, при этом, на каждый лист приходилось minimum 10 читателей, то цифра эта покажется еще более значительной!

На всех перекрестках газетчики бойко торговали журналами, алевшими красной краской из-за черных и черносотенных газет, которыми их прикрывали от охотившихся на них городовых. Проникали они даже в Царское Село, несмотря на общее распоряжение, воспрещавшее ввоз сюда журналов, окрашенных красной краской.

Газетчики не только продавали, но и разъясняли, на что следует обратить внимание. Спокойные, даже апатичные, до этого времени, они теперь точно переродились.

Английский корреспондент «Русского Богатства» Дионео, вернувшийся в 1905 году из Лондона, сразу обратил внимание на резкую перемену, которая произошла в России за это время.

«В несколько недель,—говорит он, — публицисты отделались от рабьего языка и от сноровки говорить намеками. Все сатирические листки, без исключения почти, ультрарадикальны. Они знаменуют, что общественное течение круто изменилось. В разносчиках, выкликающих газеты, я вижу тоже новый тип. Теперь это — русские преемники тех английских разносчиков, которые в сороковых годах принимали такое деятельное и сознательное участие в борьбе за демократическую бесштемпельную печать». [3]

---

[1] «Былое», 1907, март, стр. 126 — 127.

[2] На журнал обратил внимание начальник варшавского жандармского управления, запросивший, «дозволен ли к обращению» журнал «Дер Шейгиц», Цензурный Комитет сейчас же рассмотрел журнал и признал, что в помещенной в нем перефразировке народной песни и фельетоне есть «оскорбительные намеки по адресу высочайших особ». Дело Главн. Упр. по делам печати, 1906 г., № 205.

[3] «Современные Записки», 1906, № 1, стр. 68.

Задорно и бойко звучали голоса газетчиков, изощрявшихся в изобретении разного рода прибауток в роде: «журнал «Стрелы» очень смелый — долго ли жить будет»; «Виттова Пляска» — Трепову встряска. Витте пляшет, Трепов барабанит». «Свобода» — для всего народа». «Сигнал» — патронов не жалеть». «Нагаечка» — бьет тем же концом, да по другому месту» и пр.

«Создалась, — вспоминает об этом времени Н. Виноградов,—привычка, выходя утром из дому, забирать у «знакомого» газетчика все вышедшие в этот день сатирические журналы». [1]

То же самое подтверждает в своих воспоминаниях об этом времени и М. Л — ский.

«... Не могла не броситься в глаза,—говорит он,—та притягательная сила, какой обладали тогда торчавшие на каждом шагу перегруженные всякими «Пулеметами», «Буреломами» и «Занозами» газетчики-профессионалы и газетчики-однодневки, т.-е. парни без определенных занятий. Перед ними обязательно останавливался и молодой щеголеватый моряк, и «товарищеского» типа аптекарский помощник и чем-то озабоченный военный генерал, и спешащий по делу солидный купец; им, вслед за стриженой курсисткой или банковским чиновником, протягивал свой пятак, свой гривенник грузный старичок в пальто с зелеными или малиновыми отворотами. В газетной хронике отмечался спрос на эти листки даже со стороны участковых приставов, околоточных паспортистов и прочих полицейских чинов». [2]

Полиции никогда почти не удавалось арестовать журнал даже в день его выхода из печати. «Пулемет», напр., был отпечатан в количестве 9 488 экземпляров, но спустя несколько часов в типографии уже не оказалось ни одного номера. Так было налажено «распространение»...

Минский губернатор, знаменитый Курлов, например, изловил у себя, в Минске, у разносчиков газет только три экземпляра «Жупела», которые и препроводил честно в Петербург, в Главное Управление по делам печати. [3]

При наличии такой «унисонности» с читающей публикой, на которую давно уже указывала цензура, борясь со «Зрителем», цензурные и полицейские скорпионы не очень-то устрашали редакторов, несших главную ответственность за все, что появлялось в журналах.

На полицейские репрессии они даже смотрели, как на известного рода рекламу и вспомогательное средство пропаганды того, что они считали необходимым проводить.

Читатель, быть может, иной раз кое-что и пропустил бы, но, когда представители официальной власти подсказывали ему, что это «про нашего», даже самый непроницательный обыватель значительно говорил: «ага»...

И редакторы шли весело в тюрьму, весело издевались над тюремщиками.

Вот, например, в каком тоне рассказывали о визите Чуковского к прокурору после того, как был наложен арест на номер «Сигнала», в одном из следующих номеров этого же опального журнала.

«Пришли.

— Позвольте, говорят, вам в третьей приемной обождать.

Но редактор обиделся.

— Почему это, — спрашивает, — в третьей?

— А потому это, — отвечает курьер, — что первые две по этому самому делу заполнены — местов нет. — Пришли в третью приемную, кругом потеснились, — местечко нашлось. Оглянулись этак как бы нечаянно: Господи! Почитай, вся свободная пресса сидит.

---

[1] «Библиографические Известия», 1916, №№ 3 — 4, стр. 123, статья Н. Виноградова «Сатира и Юмор в 1905 — 1907 гг.».

[2] «Историч. Вестник», 1912 г., № 4, стр. 97, 98 (статья «Во власти глупости»).

[3] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1886 г., № 39, л. 272.

Наконец, позвали нас к прокурору; спрашиваем мы:

— Это вы просите у нас десять тысяч рублей?

Прокурор сразу сознался:

— Не я, а один человек. Словом, необходимо.

— Извините, говорим, таких денег у нас нет. Разумеется, если крайность, мы согласны... Сами входим, так сказать, в положение правительства.

И редактор к кошельку жмется.

Но прокурор остановил его:

— У нас,—заявляет,—цены без запроса prix fixe (очень чисто так выговорил), а уступить не могу. Впрочем, ежели вы не желаете, так позвольте вам итти в тюрьму.

Но тут Чуковский возразил, что вовсе не желает в тюрьму, однако прокурор оказался упрям.

— В тюрьму! В тюрьму!

Видим мы, — человек односторонний, не стали спорить — таких людей все равно не переубедишь.

Однако спросил:

— За что в тюрьму?

— А за то, что у вас нет десяти тысяч.

На это Дымов (тут же был) — заметил:

— Но ведь и у вас их нет?! Значит?..

Тут Чуковский и говорит:

— Вот что. Я так и быть — пойду в тюрьму, а вы, г. прокурор, пожалуйте сотрудничать в «Сигнале».

— Спасибо, — говорит прокурор, — хотя я уже работаю у Шебуева в «Пулемете».

А Чуковский, пока Камышанский сотрудничал в «Стрелах», «Пламени», «Дятле», «Жупеле», «Зрителе» и «Буреломе», сидел в доме предварительного заключения, что на Шпалерной, где свел обширное литературное знакомство.

Видит Камышанский, не получить ему 10 000, поубавил жадность и к Чюминой пристал:

— Позвольте тысячу. Вы писали в № 3, что некая принцесса шампанское с итальянцем пила, так это вот про кого.... [1]

И ляпнул. Мы так и ахнули. Заберут его когда-нибудь за эти слова, вот увидите — заберут.

Пока Чуковский сидел в тюрьме, О. Грузенберг созвал Судебную Палату и объяснил ей:

Деньгами от Чуковского правительству не разжиться, очень уж он туг на карман, а что касается преступления, то в № 3 «Сигнала» его нет. Поглядите сами.

Палата посмотрела, действительно: нет никакого преступления, но, «дабы Чуковский мог в этом раскаяться, решила продержать его еще неделю».

В таком же стиле рассказывал, у себя же, в опальном «Пулемете», и Шебуев о своем аресте:

— «Меня не было дома. Мы с женой вернулись около двух часов ночи. Дебош был уже в полном разгаре.

Часть моей квартиры была обеспулемечена. Оставался кабинет.

Четыре мужчины в полицейской форме вели себя корректно. Они производили дебош в чужой квартире по всем правилам науки, галантно извиняясь за причиненное беспокойство.

— Они нас послали. Мы творим волю пославших.

---

[1] Вел. кн. Мария Павловна.

Я был тоже галантен:

— Очень рад... Это очень любезно с вашей стороны, что вы обратили внимание именно на мою квартиру.

— Не потрудитесь ли раздеться?

— С удовольствием. Это тоже они вам велели?

— Конечно... Вы и брючки потрудитесь снять.

Они раздели меня до-гола, погладили по животу. Неприкосновенность личности еще не влечет за собой неприкосновенность живота.

Похлопали по бедрам. Сняли брюки. Потрясли их.

— Хорошенько трясите. Авось пулемет вывалится.

Двое мужчин, без формы и без языка, предстоявшие в качестве понятых и оказавшиеся, по справкам, дворниками соседнего дома, даже отшарахнулись от моих брюк, испуганные моим замечанием.

Зачитался.
«Бурелом», 1905 г., № 1 (26-XI).

Женщина, сидевшая в прихожей и оказавшаяся тоже понятой, богобоязненно перекрестилась.

Они прислали сюда с полицейскими и дворниками эту женщину, чтобы она «раздела и обыскала мою жену».

С таким же спокойным остроумием воспроизводит тот же Шебуев действительно забавный эпизод из судебного разбирательства.

«Палате хотелось, — говорит он, — чтобы «Пулемет» оскорбил Величество, как можно основательнее, и для этой цели номер переходил из рук в руки десятки раз. [1] Его трясли, развертывали, нюхали, глядели на свет, складывали по-всякому — петушком, лодочкой, трубочкой — и глядели, не получится ли основательного оскорбления. Наконец, кто-то из Колумбов воскликнул:

— Америка открыта! Ура! — оскорбление получилось! Смотрите.

При этом он согнул как-то особенно «Пулемет» и победоносно размахивал им:

— На год в крепость.

---

[1] «Если,—писала в своем определении Судебная Палата,—развернуть названный журнал («Пулемет») так, чтобы последняя его страница пришлась рядом с первой, то окажется, что изображенный на первой странице с изумленным лицом и открытым, как бы кричащим, ртом оратор указывает правой рукой именно на текст манифеста, а то, что оратор кричит, выражается надписью под ним «Долой». . . Возглас, обращенный к изданному государем акту и возбуждающий к презрительно дерзкому игнорированию этого акта, несомненно заключает в себе явное порицание существующего в России образа правления». . . О, Щедрин! Бессмертный Щедрин!. . .

Только страстное желание добиться оскорбления величества там, где его нет, заставило палату прибегнуть к таким опереточным приемам, как чтение «Пулемета» спереди назад...

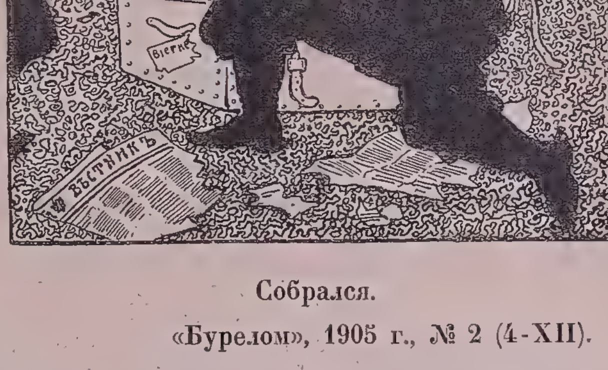
— «Всей душой протестую, — писал Шебуев, — против изобретенного особым присутствием способа чтения «Пулемета». «Пулемет» издается для душевно-здоровых читателей, а не для маньяков и больных, которым придет охота от безделия складывать его чорт знает как и в таком виде читать».

Сидя в тюрьме, Шебуев продолжал составлять очередные номера своего «Пулемета», в тюремной камере «Крестов» писал, держал корректуру, заказывал рисунки, а в одном из номеров даже сделал анонс: «текст арестанта Шебуева и прокурора Камышанского...»

Репрессии, не устрашившие редакторов, еще менее оказывали влияния на писателей и художников.

Общий дух борьбы с явно разлагавшимся режимом самодержавного правительства, в котором уже становилось невозможно дышать, охватил всех. Выступили Федор Соллогуб, Максим Горький, Вяч. Иванов, Вал. Брюсов, А. Блок, Чириков, Чапыгин, Осип Дымов, Тэффи, В. Князев, Бор. Гейер, [1] Д. Цензор, А. Наль, Дух Банко, Изабелла Гриневская, Саша Черный, Оцуп (С. Горный), В. Азов, Оль д'Ор, Б. Бентовин и др.

Особенно много поработали художники. Тут — М. Добужинский, П. Е. Щербов, Б. Кустодиев, И. Билибин, З. Гржебин, И. Бродский, А. Любимов, С. Чехонин, Н. Герардов, П. Троянский, Плеханов, Шестопалов, Михаил Яковлев, Александр Яковлев, Е. Лансере, Замирайло, даже Серов.

Собрался.

«Бурелом», 1905 г., № 2 (4-XII).

Целый рой молодых художников, часто с мало искусной техникой, но остроумных, ядовитых, весело-злых отточили свои карандаши и бодро ринулись в общую битву.

Некоторые из художников, как, напр., Гржебин, Троянский, А. Любимов, С. Чехонин, Б. Вальгис и др., выступили в качестве самостоятельных редакторов.

* * *

Особенную энергию в этом отношении проявил С. В. Чехонин, человек подготовленный к моменту не только технически, но и идеологически.

Мы мало знаем Чехонина с этой стороны.

---

[1] Бор. Гейер, начавший свою деятельность в «Зрителе», особенно ярко проявил свой большой и своеобразный талант позднее, в целом ряде пьес, написанных им для «Кривого Зеркала» А. Р. Кугеля: «Воспоминания», «Любовь казака», «Эволюция театра», «Сон» и др. Умер в расцвете сил.

Для большинства привыкшего в нем видеть только художника-эстета, для людей, запомнивших только его очаровательные «узоры из роз», тончайшие виньетки и заставки, его классический ампир, его фарфор,—встретить его имя в ряду боевых политических сатириков, быть может, покажется неожиданным, особенно после той характеристики, которую дала ему роскошно изданная и специально посвященная ему монография Эфроса и Пунина. [1]

Абр. Эфрос, подробно остановившийся на социальном значении художественного творчества Чехонина, нарисовал его каким-то двуликим, при чем ни один из ликов в конечном итоге не соответствует подлинному лику Чехонина, такому цельному, определенному от начала и до наших дней. Точно два Чехониных, не имеющих между собой ничего общего.

Чехонин первого периода рисуется у него как «очарователь и дамский кумир», «акварелист богатой жизни», «поэт вековой государственности» и т. д., и т. д. Чехонин после Октябрьской революции — в стане большевиков, чут ли не в кожаной куртке, пламенный трибун нового строя. Перед критиком встает вопрос, которого он так и не решает, как светский художник стал советским, от какого трамплина должен был оттолкнуться Чехонин, чтобы очутиться среди низового, громыхающего, лязгающего, рушащего, разинского, пугачевского «большевицкого» стана?

Критику, повидимому, совершенно неизвестны первые годы работы Чехонина.

Чехонин с самого раннего детства жил в атмосфере, насыщенной самыми живыми и серьезными революционными настроениями. Он родился 2 февраля 1878 года, в с. Лыкошино (ст. Валдайка) и вырос в доме, принадлежавшем поэту Некрасову. Неподалеку от имения Некрасова находилась деревня Сябринцы (около ст. Чудово), сыгравшая в его политическом воспитании особенно большую роль. В этой деревне было маленькое имение Глеба Успенского. Сын Глеба Успенского — Александр, инженер по профессии, член боевой организации партии соц.-революционеров, был очень деятельным членом революционных кружков того времени. Высланный в административном порядке из столицы, Успенский поселился в имении отца и устроил здесь чертежную мастерскую, куда вскоре и попал чертежником 18-летний Чехонин, служивший в то время конторщиком на Николаевской железной дороге. Начавшееся на такой, чисто деловой, почве знакомство скоро перешло в близость: Чехонин стал близким членом этого кружка, имевшего свою конспиративную квартиру на Белозерской улице (Петерб. сторона).

Здесь шла подготовка покушения на Столыпина. А. Успенский решил использовать случайно полученное от известного богача Елисеева приглашение выстроить на его даче, на Аптекарском острове, примыкающей к даче Столыпина, оранжерею. Помощником своим для этого он пригласил инженера Рутенберга, убившего впоследствии Гапона. Рабочие тоже подобраны были соответственные, и одновременно с постройкой оранжереи конспиративно велись работы совершенно иного свойства.

Молодой чертежник Чехонин, конечно, был в курсе всего происходящего. К этому приблизительно времени относятся и его первые опыты в области политической сатиры. Здесь, вместе с А. Успенским, он задумал и даже исполнил свою первую революционно-сатирическую работу «революционную азбуку», которую предполагалось издать в Женеве.

Из рисунков, сделанных для этой азбуки, особенно ядовитой была буква «М» — «манифест».

---

[1] Абр. Эфрос и Ник. Пунин. «С. Чехонин». Госуд. Изд., 1924. — В. Боцяновский, «Былое» (1925 г.) кн. 1 («Художник двух революций»).

Рисунок, иллюстрировавший эту букву, представлял собой здание колоннад в Царскосельском дворце. Внизу у лестницы, у одной из колонн, стоял маленький мальчик и тонкой, исходящей из него, струйкой, которая отливала всеми цветами радуги, писал на снегу слово «манифест».

Другой рисунок (буква «П») изображал собой «Портсмутскую божью матерь слезоточивую», где фигурировали Витте, Николай II и Иоанн Кронштадтский.

Азбуке этой, однако, не суждено было увидеть свет. Причиной послужило неосторожное решение отпечатать ее не в Женеве, а, — для ускорения, — в Петербурге, замаскировав ее только указанием на женевскую типографию. Полиции, однако, удалось узнать об этом; она неожиданно нагрянула в типографию Зееста, где книга печаталась, арестовала не только отпечатанные уже листы, но и самые оригиналы рисунков, которые так и погибли. [1]

Неудача, однако, не обескуражила Чехонина. В это время начал выходить сатирический журнал «Зритель» Ю. К. Арцыбушева.

Чехонин вскоре близко сошелся с столпами «Зрителя» — Арцыбушевым и Н. И. Фалеевым — и начал вместе с ними «подрывать основы» с особым увлечением.

В конце 1905 года, он, через того же А. Успенского, получил работу в Москве по отделке открывавшейся тогда гостиницы «Метрополь». Для группы Успенского эта работа была столь же своевременной, как и постройка оранжереи на елисеевской даче. В это время в Москве подготовлялось вооруженное восстание, и там необходимо было иметь побольше своих людей, у которых можно было бы чувствовать себя как дома, не соблюдая в точности довольно строгих в то время и мешавших работе полицейских формальностей. Таким образом, даже это временное переселение в Москву не выбивало Чехонина из ставшей для него привычной конспиративной атмосферы близко ему революционного кружка.

Для осуществления тех больших революционных задач, которые ставил себе «Зритель», нужны были сотрудники с такой именно широкой политической подготовкой, какую мы видим у Чехонина. И, повидимому, Чехонин не был единственным в своем роде в редакции «Зритель».

IV.

Сатирические приемы «Зрителя». — Систематичность входившего в журнал материала.—Тесная связь рисунков и текста.

Нужно отдать справедливость Арцыбушеву, он сумел подобрать кадры сотрудников как художников, так и писателей, очень хорошо. В качестве дирижера-редактора он оказался на высоте. В одном из своих докладов чистосердечно это отметил даже цензор, однажды обративший внимание на бледность и, как он выразился, «невинность» журнала, вдруг сказавшуюся в № 4.

«Обстоятельство это, — писал цензор, — объясняется тем, что борьба с цензурой вызвала болезнь (!!) издателя-редактора Арцыбушева, совершенно еще молодого человека и, повидимому, *главного инициатора дурного направления*». [2]

Но болезнь, честь которой цензор приписал себе, длилась недолго.

Арцыбушев скоро оправился и приступил к работе. Благодаря ему, все, от большого рисунка, до маленькой заставки, от рассказа и стихотворения,

[1] Не всплывут ли они когда-нибудь в архиве департамента полиции?

[2] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1904 г., № 119, л. 25.—Курсив мой. *В. Б.*

до мелочей было органически тесно связано, звучало определенным аккордом. Достаточно взять любой номер и внимательно вглядеться, как систематично подбирался помещавшийся в него материал. Вот, например, хотя бы № 7. На первой странице рисунок «Смотр запаса»... Повидимому, жандарм, а может быть полицейский пристав, выстроил дворников и даст им соответственные инструкции. Слов нет, но по выражению глаз «команды» легко догадаться, какого эти инструкции свойства... Затем, через две страницы большой рисунок худ. А. Кудинова «Скорбь»; похоронная группа женщин в глубоком трауре. А в хронике этого же номера подробнейший отчет о нижегородском избиении демонстрантов, сообщения о целом ряде убийств чинов полиции и казней.

В № 6 появляется рисунок носового платка. На другой странице— человек, стоящий, повидимому, на вокзале и машущий кому-то платком.

В тексте — рассказ «После обеда» — и тут носовой платок. Два приятеля ведут горячий спор о том, имеет ли право российский гражданин сморкаться.

— Так. А имеешь ли ты право сморкаться? — ставит приятель вопрос ребром.

— Полагаю... — отвечает другой.

— Не полагай, а ответствуй. И ты не имеешь никакого права сморкаться...

— Если в присутствии особ четвертого класса...

— Все равно.

— Позволь, позволь...

— Не позволю! Чтобы сморкаться, по твоей теории, требуется предписание циркулярное или сепаратное... Мало того. Имеешь ли ты право вынимать платок?

— Какой платок?

— Чтобы сморкаться. Носовой...

— Полагаю, что это также зависит от особы...

— Вздор! Не имеешь права даже вынимать платка. Где циркуляр? Где это твое право? Не запрещено? А дозволено? А?[1]

В чем дело, думает читатель?

Разгадка ребуса дается в «Неделе Зрителя» на основании строго официального материала.

«В опровержение помещенного в газете «Слово» от 7 июля известия о состоявшемся будто бы на жизнь статс-секретаря Победоносцева покушения сообщается следующее:

«6 июля, в 12 часов дня, с поездом из Царского Села прибыл в С.-Петербург обер-прокурор Св. Синода. Когда статс-секретарь Победоносцев выходил из вокзала, то сопровождавшее его лицо обратило внимание на человека, метавшегося по вокзалу из стороны в сторону, передало его в распоряжение железнодорожного жандарма. Задержанный был отведен в жандармское отделение при станции, где у него, по обыску, был обнаружен лишь носовой платок. Сам он, по установлении его личности, оказался портным Александровым, проживающим по Казначейской ул., в д. № 5, а волнение и беспокойство свое объяснил тем, что с указанным поездом не прибыло его семейство, приезда которого он ожидал».

Все отделы журнала, даже такие, казалось бы, аполитичные, как театральный и художественный, носили на себе отблески этих же настроений. Идет, например, сотрудник «Зрителя» на выставку исторических портретов, устроенную С. Дягилевым... Первое, на что он обращает здесь внимание, это на разницу в отношениях старых и новых мастеров к своим моделям.

---

[1] «Зритель», № 6, 17 июля 1905 г.

«Старики, — пишет «Зритель», — верили в мундир и искренно вдохновлялись им.

«Из старых, почерневших рам на вас глядит вдохновенная рука мастера, благоговейно накладывавшая сочные. уверенные и почтительные мазки.

«Что ни портрет, то шедевр и благоговение.

«Все эти сановники, министры, деятели, их жены и дочери — все это дышит мощью земледержавия и мундирностью.

«Не то новые художники ближайшего к нам времени.

«Мундир тот же. Но отношение к мундиру иное.

«Рука мастера видна. Та же уверенность, то же мастерство.

«Но вдохновляющего благоговения к мундиру нет. Есть лицо в мундире обыкновенное, немощное, человеческое лицо.

«Возьмите хотя бы картины Репина, Серова и многих других.

«Из новых рам глядят обыкновенные смертные с пороками, достоинствами и недостатками.

«Вдохновенности силою нет, есть голая правда, жизнь». [1]

Если при этом вспомнить, что среди портретов Репина и Серова были не только портреты сановников, но и самого Николая II, то эта заметка приобретает особый смысл.

То же и с театром...

«В Александринке, — пишет критик «Зрителя», — холодно.

«И как эмблема — там идет «Зима».

«Театр дышит бюрократическим холодом. Это даже не театр, это — департамент полицейских дел.

«Там есть своя казенно - театральная этика. Там есть начальство и подчиненные, между которыми существуют прочные дисциплинированные отношения.

«Там есть служебные традиции, награды, пенсии, поощрения, взыскания, выговоры и внушения.

«И выше Муз стоит начальственное усмотрение.

«И когда вы идете в Александринский театр, то помните, что вы идете в департамент, в казенное здание желтого цвета где все есть, кроме свободного искусства». [2]

По этой же дорожке, протореной «Зрителем», пошли и выступившие на арену политической сатиры журналы: «Сигнал», «Пулемет», «Жупел», «Адская почта», «Волшебный Фонарь» (И. Н. Потапенко), «Леший», «Паяц», «Светает» и огромное большинство менее значительных.

Заслуга их была в том, что они не разменивались на мелочи. Еще Чехов заметил, что «не следует обличать плохого городового», бить маленьких, когда есть более крупные и, следовательно, более виновные. Сатирики наши, как это чувствуется даже при самом беглом просмотре сатирических журналов этого времени, строго придерживаются этого принципа: они проходят мимо стрелочников, на которых до сих пор, как на бедных Макаров, все шишки валились. По выражению Кузьмы Пруткова, они смотрят в корень. Перед нами живое опровержение того, что говорили о свойствах русской сатиры Добролюбов и Достоевский.

Экономическая разруха, реакция 80-х годов, японская война и загоравшаяся революция вполне определенно выяснили и подлинных виновников того, что творилось в России, и те пути, по которым нужно итти, чтобы выбраться из тупика, куда был загнан огромный русский народ изжившим себя и явно гнилым самодержавным строем.

---

[1] «Зритель», 5-го июня 1905 г., № 1.

[2] То же, № 1, 1905 г.

«Зритель», первый, систематически начал вводить своих читателей в курс, подготовлять к надлежащему и прочному восприятию той картины, которую он собирался развернуть, и, действительно, разворачивал ее постепенно, знакомя с ее составными частями.

Первые страницы «Зрителя» — как бы давали тон, тему дня.

Вот, в первом номере узник, томящийся в тюрьме, но уже видящий первые лучи восходящей красной зари. Нужно же подбодрить читателя, уверить его, что

> Сколько б ночь ни длилася
> И небо ни темнила —
> Рассвета нам не миновать.

В пояснение рисунку дальше следует и соответственный текст.

На первом месте так возмутивший Трепова рассказ о слепой и немой от рождения, которая вдруг прозрела и заговорила.

Первыми и последними ее словами было:

— Прекрасен ураган, заглушающий мои робкие слова. Как чудно все видеть и обо всем говорить! Реви же, ураган! И пусть все слепые прозрят и немые раскроют свои уста. Пусть все видят и все говорят.

Тут же повесть о красном мышонке, начинавшаяся с эпиграфа, где передается испытанное народное средство — как избавиться от мышей:

> «Чтобы вывести из подвала мышей, надо поймать мышонка выкрасить его красной краской и пустить в подполье...»

А дальше повесть об агитационной деятельности этого мышонка и его речь.

— Друзья мои, — говорил красный мышонок, — я полон сил. Пойдемте. Я покажу вам невиданный мир. Там светит большой золотой шар. Я видел его заходящие лучи. Они были прекрасны. Теперь он, этот шар, который называется у людей солнцем, должен снова выйти. И восход его будет прекраснее захода.

— Глядите! Вот оно, солнце!

— Глядите! Как прекрасно!..»

Затем идут картинки без слов... Без подписей...

Целая семья крестьян, с котомками за плечами, очевидно, только-что пришедших из голодной деревни и просящих милостыню...

В следующем номере мужик в красной рубахе, связанный, но грозящий злобно сжатым кулаком... Знаменитый «связанный конокрад»... Толпа рабочих во дворце перед запертой дверью... Изящная заставка Н. Герардова — маленькая девочка в кандалах... Группа бравых и грозных казаков... А через страницу рисунок Кудинова — улица, на которой валяются убитые. Цензор пропустил этот рисунок только потому, что его объяснили как «этюд спящих», не договорив только «мертвым сном»... Тут же портрет бодро и весело работающего в лаборатории Каляева (без подписи, конечно)... В следующем номере идиллическое изображение «прогулки» (худ. В. Замирайло). Идут дамы в трауре... Сзади военный с рукой на перевязи... Появление этого рисунка в номере 26 июня, после Цусимы, на фоне приходивших с войны известий, должно было производить особое впечатление. Дальше рисунок современной Фемиды (худ. Кудинова), слегка приподнявшей повязку и подглядывающей одним глазом... Дама, читающая газету, всю замазанную цензурной «икрой»... Целая страница отведена под рисунок, залитый весь красным, изображающий море с черным силуэтом большого броненосца на первом плане и силуэтами фабрик и Исаакиевского собора на заднем плане. Подпись поясняет, что это происходит «в стране восходящего солнца»... А рядом, на предшествующей странице, дается

понять более точно, какая страна имеется в виду и какое солнце... Как-будто вскользь, рядом с этой символической картиной приведены итоги, во что обошлась история с «Потемкиным»:

«...Сам броненосец — 12 миллионов, убытки в Одессе — 50 миллионов, сраму на 500 миллионов. Итого 562 миллиона».

Для тех, кому и это оказалось бы непонятным, помещается еще стихотворение «Перед приливом»:

Черные волны с красным отливом
Бегут, бегут...
Чайки и стоны над мертвым заливом
И там и тут...
Гордые речи, победные крики
Крепнут, растут...

Заканчивается стихотворение определенным предсказанием:

Близится миг вожделенный прилива,
Идет, идет...
Жутко и страшно пред грозным приливом
И там и тут.
Черные волны с красным отливом
На нас бегут...

А в хронике того же номера подробнейший отчет о бунте матросов на броненосце «Князь Потемкин Таврический», на «Георгии Победоносце», транспорте «Прут», миноносце «№ 267» и портовом судне «Вена».

Тут же приведена казенная, не выдуманная, агентская телеграмма:

«Тифлис, 21 июня. Магазины закрыты. В городе спокойно. По ночам постовые городовые охраняются солдатами».

Тут же известие о забастовках в Батуме, Бобруйске, Белостоке, Варшаве, Верхнеднепровске, Казани, Ковне, Кременчуге, Калише, Екатеринославе, Орше, Томске, Минске, Тифлисе, Ревеле, Ростове-на-Дону, Славянске, Сосновице, Харькове и др., об аграрных «недоразумениях» в Брест-Литовске, Владикавказе, Дмитровске, Полтаве, Херсоне...

Еще более яркой становится после этой хроники красная краска, заливающая морской рисунок страны «восходящего солнца», не простой фразой звучит предсказание поэта:

Близится миг вожделенный прилива
Идет, идет...

V.

Революционный журнал «Свобода» С. Усаса. — Призывы к вооруженному восстанию. — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — «Россия заразит Европу». — «Девятый вал»,— Закрытие журнала.

Сатирические журналы, беспартийные, но отражавшие, в большей или меньшей мере, революционные настроения, имели в своей среде журнал, прямо говоривший языком агиток того времени.

Журнал этот — «Свобода» — заслуживает быть отмеченным особо.

Он начал выходить в ноябре 1905 года, под редакцией С. М. Усаса. Другим ответственным редактором был А. М. Гутьяр, а издателем крестья-

нии Киевской губ., Черкасского у., Худяковской вол., дер. Сагуновки Степан Иванович Чепурной. Журнал вышел революционным «явочным» порядком, без всяких разрешений цензуры и администрации, открыто заявив, что «не будет считаться ни с какими ограничениями свободы печати».

«Первый выпуск нашего журнала, — предупреждала редакция, — спешно составленного, вышел без тех отделов, которые нами будут помещаться в следующих выпусках. Число рисунков, начиная со второго номера, будет увеличено. Мы предполагали выпустить первый номер журнала в воскресенье, 4-го декабря. Выпускаем его сегодня, потому что события не ждут... Идет революция...»

Во втором номере, в передовой статье, журнал прямо заявил, что всецело принимает программу, выработанную на втором съезде социал-демократической партии, а в конце статьи уже открыто выбросил лозунг «пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Внешний вид журнала, действительно, свидетельствует о торопливости, с которой его готовили, печатали и выпускали. Торопились сказать самое главное.

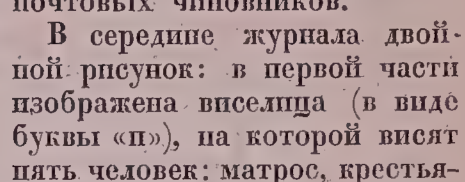
Рис. Животовский.

«Русь», 1907 г. № 11.

Рисунки в нем более чем слабые, провинциально примитивные, скорее наброски, нежели законченные карикатуры.

На первой странице почтальон сечет телеграфной проволокой Дурново, держащего в руках приказ об увольнении. Очевидно, намек на забастовку почтовых чиновников.

В середине журнала двойной рисунок: в первой части изображена виселица (в виде буквы «п»), на которой висят пять человек: матрос, крестьянин, интеллигент, рабочий и студент. Иоанн Кронштадтский благословляет, а стоящие рядом с ним Трепов и Победоносцев читают приговор. Под рисунком подпись: «висят». На втором рисунке — Иоанн Кронштадтский, Победоносцев и Трепов в ужасе бегут, а повешенные с красным знаменем сопровождаемые, очевидно, прибывшим подкреплением, их преследуют. Подпись: «сорвалось».

Текст был сплошной «прокламацией», прямым призывом к вооруженному восстанию.

«... Чтобы навсегда покончить с ненавистным «вчера», — читаем в передовой статье, — нужно добиваться полного падения самодержавного строя. Манифестом 17 октября он уничтожен, но правительство не в силах, или не хочет осуществить манифест. Будем осуществлять его сами — это наша тактика... Страна вступила на путь революции».

Журнал горячо звал всех к красным знаменам:

Выкинем сердце из слабой груди!
Жалость к врагам похороним!
Кто против красных знамен — уходи,
Иль мы прогоним...

Враг наш не дремлет — он точит мечи.
В пышных палатах смятенье...
Дружно вперед! Пусть дрожат палачи...
Будет сраженье...

Самодержца здесь тоже не щадили. В стихотворении «Три видения» самодержавие рисовалось в виде отвратительного чудовища, своеобразной «недотыкомкой»:

Уродливой ведьмою, с грязным хвостом,
С гнилым, искривленным улыбкою, ртом,
Предстала какая-то гнусная тварь;
Мне совесть гражданская шепчет: «ударь,
Бей, ради народного здравия!»
Я к ведьме хвостатой — с вопросом: «кто ты?»
Она, исказив подлой рожи черты,
Прошамкала: «самодержавие»...

В гимне, принадлежащем С. Усасу («Черное Зало»), определенно чувствуется уже ритм одного из революционных гимнов:

Сбросим же цепи — оковы холодные,
Тюрьмы разрушим и в пепел спалим!
Будем, как буря, как ветры свободные!
Дерзко-могучие, — мы победим!
Там, где развалины, выстроим здание,
Царство воздвигнем святого труда,
Всем же тиранам позор в наказание:
Плети и черное зало суда!

Пролетариат здесь определенно поставил себе требования:

«Лицемерие, — говорила «Свобода», — органическое свойство буржуазии. Негодуя на политический гнет, она закрывает глаза на экономическое рабство и, прикидываясь благодетельной хозяйкой, старается убедить своих рабов, что капиталистический строй есть единственно возможная форма народного хозяйства. Но рабы выросли в граждан и не хотят больше оставаться рабами ни политическими, ни экономическими.

«Ограбленные алчным правительством, заключившим союз с фабрикантами, измученные полувековой травлей, искалеченные, отравленные заводской духотой, рабочие напрягли все свои силы и образовали сплоченную массу, которая грозно наступила на своего врага и, схватив его за горло, заставила пойти на первые уступки.

«Грандиозная всеобщая забастовка Востока, поразившая Запад, доказала мощь и зрелость русского пролетариата.

«Пускай земцы устраивают шутовские съезды, на которых наслаждаются своими собственными речами и придумывают резолюции, такие же неискренние и ненужные, как и вся их затея разыгрывать спасителей отечества. Пускай капиталисты целуются с графом Витте, составляя вместе с ним наивные детские воззвания, которые также фальшиво звучат, как если бы козел запел по-соловьиному. Пускай «патриоты» переводят свои деньги за границу и в то же время требуют военной диктатуры.

«Пролетариат не боится ничего, потому что «ему нечего терять, а приобретет он весь мир!»

«Да здравствует революция.

«Да здравствует социализм!»

На русскую революцию «Свобода» возлагала большие надежды.

«Революция идет, — писал журнал. — Россия заразит Европу. Гюго сказал в день своих именин: «счастие народов в братском единении, которое выразится в Европейских соединенных штатах, и я умру с сознанием, что это осуществится и это будет лучшим венком на мою могилу; сограждане, не забудьте, что Париж есть не только мозг мира, но и душа его, из которой выходят животворные лучи, согревающие человечество». Слова великого гражданина сбываются, но не Франции суждено осуществить мечты Гюго. Их осуществит Россия. Неясные грезы великих умов и пророков преобразились в стройную социальную систему, которая проводится в жизнь. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!..»

Пророческие слова! Ближайший лозунг, который выкинула «Свобода», — было напечатанное большими буквами требование: «Граждане! Требуйте освобождения председателя Совета Рабочих Депутатов Хрусталева!»

Уже первый номер «Свободы» оказался слишком свободным.

Прежде всего, преступным был «явочный» выход журнала, вопреки существовавшим в то время правилам для периодической печати.

Но самое главное — это стихотворение «Три видения», выше приведенное, первая его строфа, где говорилось о самодержавии! Повидимому, это стихотворение, содержавшее в себе «признаки преступления, предусмотренного ст. 128 Угол. Улож.», настолько поразило цензоров, что они совершенно не обратили внимания на остальной гораздо более «страшный» текст.

По крайней мере, в своей бумаге к прокурору Спб. Судебной Палаты (от 25 ноября 1905 г., за № 14034), Главное Упр. по делам печати упоминает только об этом стихотворении. [1]

6 декабря 1905 года был наложен арест на № 2 «Свободы». Журналу инкриминировались: стихотворение «Признание Коко» (за подписью «Придворный»), имевшее целью, по мнению цензоров, «возбудить дерзостное неуважение к особе государя императора», передовая статья, заканчивавшаяся призывом «пролетарии всех стран, соединяйтесь!», статья «Простые речи и да здравствует Маньчжурская армия». [2]

Вышедший вместо «Свободы» журнал «Девятый вал» (издатель тот же С. Чепурной, редактор крестьянин Новгородской губернии А. И. Яргин) — постигла та же судьба.

Цензурный комитет, рассмотрев № 1 «Девятого вала», правда, не нашел оснований к возбуждению против него судебного дела, но все же «счел долгом» обратить на него внимание начальника главного управления по делам печати Бельгарда, «в виду того, что он посвящен главным образом событиям 9 января 1905 г., и, без сомнения, имеет агитационный характер». [3]

Бельгард, однако, оказался более суровым, и журнал был привлечен к суду по п. 1 ст. 129.

№ 2 «Девятого Вала» был последним номером этого журнала. Главное Управление по делам печати сообщало прокурору Судебной Палаты, что «Девятый Вал», составляющий продолжение журнала «Свобода», представляет собой открытый призыв к революции, почему просило не только о предании суду виновных — редактора и издателя, — но и о приостановке этого издания. [4]

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1905 г., № 223, л.л. 1; 4.
[2] То же дело, 1905 г., № 222, л. 7.
[3] Дело Спб. Цензурного Ком-та, 1905 г., № 34, л. 2.
[4] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1906 г., № 8, л. 2 об.

Просьба была исполнена моментально. Цензура отправила ее 9 января 1906 г., а 11 января уже получено постановление прокурора о запрещении журнала.

Одновременно, департамент полиции, уже от себя, издал приказ, которым С. Чепурному и А. Яргину воспрещалось жительство в обеих столицах и столичных губерниях. [1]

23 марта 1906 г. состоялся и самый суд, согласно приговору которого С. М. Усас, 23 лет, был приговорен к заключению в крепость на 1 год и 2 месяца, а самый журнал «Девятый Вал» (он же «Свобода») прекращен навсегда, при чем Усасу было воспрещено право быть редактором в течение пяти лет.

По принятому порядку, немедленно же полетели бумажки «всем, всем, всем» губернаторам вплоть до Владивостока на случай, если бы Усас где-нибудь вздумал опять что-нибудь редактировать.[2]

Рис. Н. П. Троянский.

Жила на свете дура. Что ни сделает — все глупо.
Пошла дура к солдатам и скомандовала: — «Раз, два, три! Пли!».
Солдаты и запалили дуре в лоб.

«Сигнал», 1905 г., № 2.

VI

Сатирический обстрел Зимнего дворца и царя. — Воспоминание о царе Мидасе, Ксерксе, Людовике XVI и др. — Сказочка Федора Соллогуба о лягушке. — Журнал «Спрут». — Намеки на Николая II. — Царь Берендей. — Император-провокатор. — Кто он? — Угрожающие предсказания царю. — Советы уехать за границу.

Проглядывая страницу за страницей сатирических журналов, вы чувствуете как на них отражается уже создавшееся в обществе, но не формулированное впечатление предчувствия надвигающейся большой грозы, бури... Черные волны с красным отливом бегут, становятся все более и более грозными....

Показав волны выступающего из берегов моря, «Зритель», а позднее и все другие журналы демонстрируют и стоящих на этом берегу слепых от рождения, слепых безнадежно, но считающих себя зрячими «богатырей», «благодетелей народа», всех тех, которые называют себя обладателями секрета «как спасти Россию», вернее самих себя от приближающегося

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1904 г., № 119, л. 96.
[2] С. Усас работает в настоящее время в «Смехаче» и др. сатирических журналах.

потопа, всех этих действительных и не действительных, тайных и сверхтайных советников вплоть до «самого», до того, кому они «советуют» и кем они держатся.

Постепенно раскрываются главнейшие пружины старого самодержавного режима.

И прежде всего сам царь, «благочестивейший, самодержавнейший», царь польский, великий князь финляндский, царь казанский, царь астраханский и проч., и проч., — сам Николай II.

Когда февральская революция покончила с самодержцем, многие близорукие, не чувствовавшие того напора, который шел из недр уже с организованного пролетариата, искренно были удивлены тем, что переворот произошел так просто. Казалось, обветшавший трон рассыпался от первого, самого легонького дуновения революции.

В 1905 году он, однако, представлялся еще крепким.

Для весьма значительной части русского народа, для несознательной деревни особенно, царь, «помазанник божий», по силе и власти представлялся существом высшим. «Бог — на небе, царь — на земле» — убеждение, в течение целого ряда веков переходившее от поколения к поколению. Из поколения в поколение проводился всякими средствами какой-то массовый гипноз в этом направлении.

Пышно обставленный культ коронаций, особый стиль, особые выражения, которыми сопровождалось, даже в газетах, самое имя царя, всегда говорившего о себе «божиею милостию мы», большие буквы, которыми печаталось его имя, выражения «изволил», «имели счастье», пиетет, с которым преподносилось каждое его слово, — все это создавало представление. в массах, конечно, о каком-то исключительном величии монарха, о его почти сверхчеловеческом могуществе. Когда на выставке исторических портретов Дягилев показал портрет Павла I во весь рост, очень многие были поражены его маленькой, ничтожной фигуркой, так не соответствующей тому образу императора, который у многих сложился в результате длительного исторического гипноза, внедрившего массам представление о царском величии.

«Сильный, державный» — вот каким был наш царь в представлении несознательного народа, видевшего его портреты, но никогда не видевшего, даже в столице, самого царя. Церковь заставляла молиться о «благочестивейшем, самодержавнейшем», о супруге его тоже «благочестивейшей государыне». Повсюду слышался гимн, в котором говорилось, что он царствует «на страх врагам». Все это до такой степени гипнотизировало, что люди не замечали не только многого в обыденном, внутреннем быту, но даже такого, казалось бы, всем бросавшегося в глаза факта, что монарх, хотя и царствует на страх врагам, но враги его нисколько не боятся. По инициативе Синода, верноподданные за каждой церковной службой только просили бога «оградить его, на всех путях его, святыми ангелы, да ничтоже успеет враг на него». [1]

Вера в царя в 1905 году была еще настолько сильна, что Гапон мог повести к Зимнему дворцу толпы рабочих, надеявшихся найти здесь разрешение своих интересов и нужд.

Кровавая бойня, разыгравшаяся на Дворцовой площади, разрушила много иллюзий, но не все и не у всех. Даже Витте, в своих воспоминаниях, после всего, что было, продолжает говорить о силе и значении наследственной царской власти!

---

[1] Былое, 1925, № 1, стр. 51.

Нашим сатирикам необходимо было направить все силы для того, чтобы упразднить прежде всего веру в этот фетиш, показать священную особу монарха вне того фимиама, которым его окружали, представить его подлинный лик без сияния, без нимба ...[1]

Начать откровенно, прямо с «нашего», «персонально», — по цензурным условиям того времени было более чем невозможно.

И вот сатирические журналы стараются подыскивать примеры из очень и очень далекого прошлого.

С. Гусев-Оренбургский, например, припомнил миф о знаменитом фригийском царе Мидасе, начав свое стихотворение с маленького вступления общего принципиального характера:

В былые времена наивны люди были,
Как дети малые. С утра и до утра
Толпами цезарей приветствовать ходили
И преданно кричали им «ура».
Так было в древности с народными толпами
В Европе, в Азии, повсюду, — где в тот раз
Народом властвовал с ослиными ушами
Неограниченный какой-нибудь Мидас.
В те дни была неведома свобода,
Еще не наступал век вил и топора.
Среди голодного и нищего народа
Была для цезарей счастливая пора.
Они ведь к подданным добры, Мидасы эти.
С народа нищего сняв тощую суму,
Даруют милостиво кнут, нагайку, плети,
Шпицрутены, оковы и тюрьму.
Судьба насмешница, — коварная персона, —
Печальный им готовила удел;
Проказник Фигаро под золотой короной
Их уши длинные случайно подсмотрел.
И вот, прощай, наивная легенда!
Какой с тех пор себя ни окружал
Мидас, разгневанный, усиленной охраной,
Каким сатрапам власть ни поручал,
Как угрожающе ни шевелил ушами,
Вдали, вблизи, — стоустою толпой
Народ кричит упорно пред дворцами:
— Долой, Мидас, долой! [2]

Корней Чуковский начал переводить басенки Томаса Мура. В экстренном приложении к своему журналу «Сигнал» он напечатал басенку «Огнегасители», а рассказывалось в этой басенке, как

Владыка Персии могучий
Был чрезвычайно поражен,
Когда узнал случайно он,
Что неприятелем, как тучей,
Он окружен со всех сторон.

---

[1] Ср. Вл. Боцяновский. «Николай в карикатуре». Изд. «Былое», Ленинград, 1925.

[2] «Жупел», 1905 г., № 4.

А дальше вышло вот что:

Огни священные пожаром
Враги пред шахом развели,
Но он владыкой был недаром,
И, их сразив одним ударом,
Изгнал из отческой земли.
Огнепоклонники бежали,
Но их огни — они горят!
Они горят — и их едва-ли
Веленья шаха устрашат.
Они горят — и шах со страхом
— «Теперь уж», думает, «капут».
Но в этот миг пред нашим шахом
Рабы, бледнея, предстают
И после низкого поклона
Кладут гасильники у трона.
И снова шах
Сидит в потьмах.
И снова славит он Аллаха:
Ведь изо всех даров его
Тьма драгоценнее всего
Для шаха.
А по сему вокруг дворца
Машин гасильных без конца,
Они, как войско на стороже:
Чуть огонек — они туда,
И он уж гаснет навсегда.
Но время шло. И раз, о боже,
Великий шах
Гулял в гостях,
А пламя тихо разгоралось,
К дворцу, неслышное, подкралось
И трон сгорел, и от жезла
Одна осталася зола.
А что-ж гасители? Ужели
Они не встали на врага?
Ужель им честь не дорога?
О, все б они на бой поспели,
Да сами, бедные, сгорели!
О шахи, чур не обижаться,
Мы поученье вам дадим:
Во-веки впредь не доверяться
Огнегасителям таким,
Что сами могут загораться.

На фоне декабрьских событий нашего 1905 года сказочка эта была особенно поучительной, так же как и другая басенка того же Томаса Мура, переведенная тем же Чуковским и повествовавшая о «маленьком великом Ламе»:

Великий Лама очень мал.
Ему лишь годик миновал,
И говорили все в Тибете,
Когда взошел
Он на престол,

Что первый у него едва зубок пошел,
А может быть второй, а может быть и третий.
Не более. (Досель на этот счет
У всех историков великий спор идет.)
Тибетцы так его любили,
Что если б для его игры
Понадобились вдруг шары,
То головы свои они бы отрубили
И Ламе подарили.
Все было хорошо. Но вот
Уж третий год
Ему идет —
И маленький Великий Лама
Становится несносен прямо:
То генерала хвать за нос,
То ножку герцогу подставит,
То князю дряхлому до слез
Мозоль заветную отдавит;
Жезлом священным как конем
Вдруг овладеет и верхом
Ко храму бег его направит
И бьет из пушек восковых
Горохом подданных своих.
Доходит дело до того,
Что уж теперь без тайной дрожи
Не подойдут к нему вельможи
Одеть или раздеть его,
И, сговорившись по секрету,
Петицию они шлют Высшему Совету.
«Вот так и так, — петиция гласит, —
Мы все за Ламу с дорогою
Душою, —
Чуть оспа у него, коклюш иль дифтерит,
Заразы не страшась, мы за него стеною;
Но ныне смелость мы берем
И вот о чем
Просить дерзаем милость вашу:
Для благоденствия страны
Спустить с его величества штаны
И дать ему березовую кашу».
И возмущением объята
Шумит верховная палата,
А в ней попы сильнее всех:
— «Ведь тело Ламы свято, свято,
Его коснуться даже грех...»
И скоро брат идет на брата,
И скоро спором вся страна
Разделена, раздроблена.
— «Сечь иль не сечь» — о том переговоры,
И споры, ссоры
И раздоры
Достигли, наконец, того,
Что мудрых лордов большинство
(А мудрые бывают и в Тибете)

Так положило на совете:
— «Чтобы революцию отвлечь,
Народ в Тибете уберечь,
То надлежит: строптивому ребенку,
Подняв до верху рубашенку,
Почтительно его посечь».
Вот так и сделали. На днях меня встречает
Приехавший из этих мест.
Он весь от радости сияет:
Их Лама подобрел — и так их обожает,
Что в дар для них приготовляет
Всемилостивый манифест. [1]

Тут есть уж, помимо раскрытия подлинного лика «маленького великого ламы», и намек на манифест 17 октября и некоторое указание на то, как по отношению к «маленькому ламе» нужно себя вести.

Еще более прозрачно, некий Юрий Светогор в «Жупеле» рассказал историю о Ксерксе и море с таким правоучением, которое не могло не обратить на себя внимания:

Ксеркс и Море.

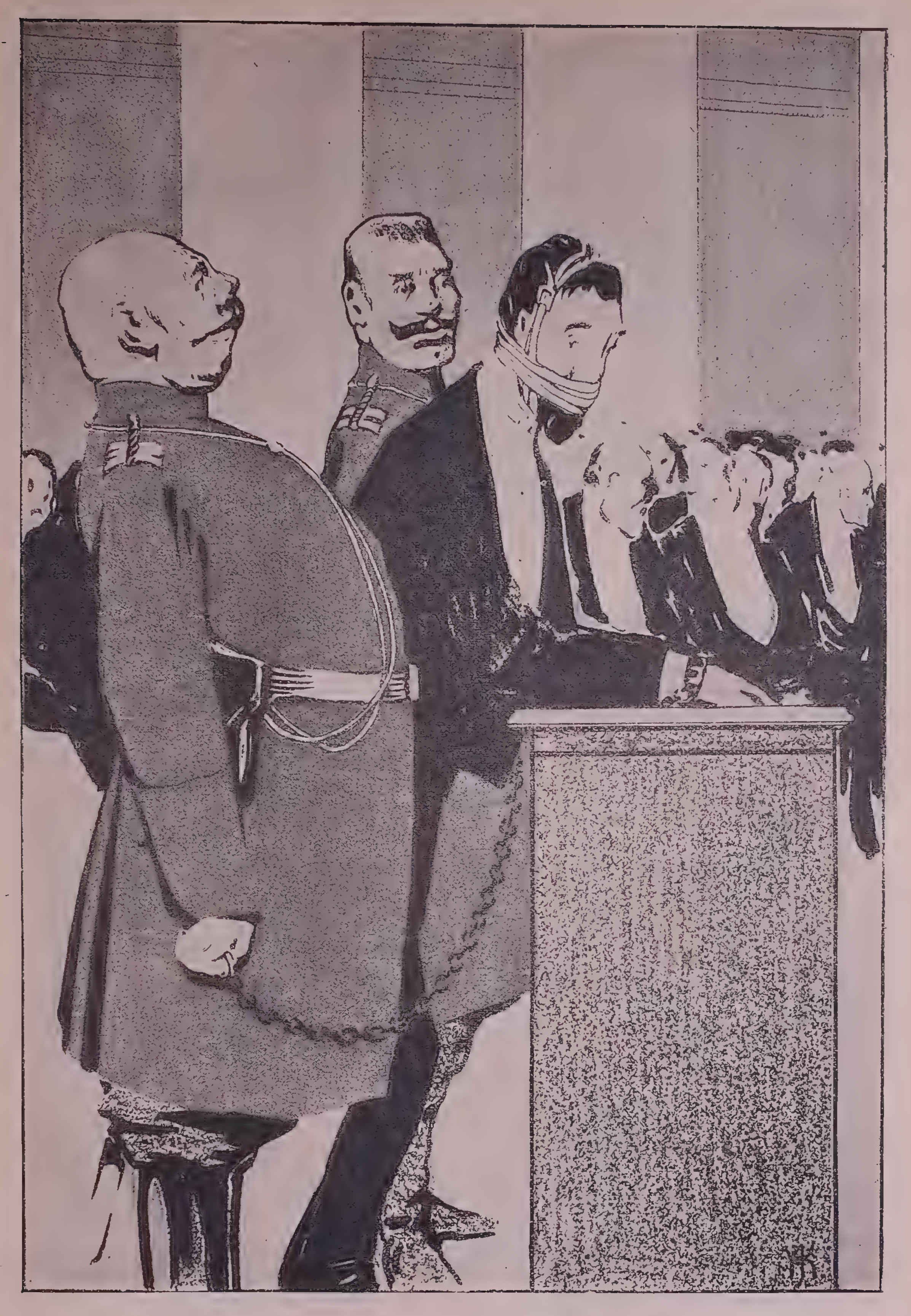
«Я собрал мои дружины от Эгеи до Яксарта.
«Да падут во прах Афины и пощады просит Спарта».
И на пышную Элладу своенравный властелин
Двинул грозную громаду неисчисленных дружин.
Долог путь. Но вот и море. Там на грани горизонта
Ходят волны на просторе, дышит буря Геллеспонта.
«Государь, — гонцы вещают, — у кремнистых берегов
Волны дерзко все сметают: нет следа твоих мостов».
Царь воскликнул, гнева полный, с дикой яростью во взоре:
«Бросить цепи в эти волны, наказать бичами море».
И свершилось наказанье: слышны клики палачей,
И железное бряцанье, и свистящий звук бичей.
Но в ответ на гнев без меры волны бешено играют,
Медноносые триэры в них бесславно погибают.
Море плещет, море рвется... вдруг отхлынуло и ждет,
И как будто бы смеется и насмешливо поет:
«Глупый деспот, варвар сонный, укроти свой гнев суровый.
«В глубине моей бездонной много сил для бури новой;
«Посмотри, полно отвагой, брызги снежные дробя,
«Я сейчас соленой влагой брошу весело в тебя.
«Жалкий варвар, деспот бледный, царь несчетного народа,
«Слышишь хохот мой победный? Я — великая свобода!»
Громче бури грохотанье... С темной думой на челе
Царь стоит, как изваянье, неподвижно на скале...

Дм. Цензор в «Зрителе», № 25, напечатал стихотворение «Муций Сцевола», которое закончил обращением, неизвестно по чьему адресу:

Надменный царь, судьбы страшись!
Беги от нас! В твой темный стан
Ударит гром неотвратимо!

[1] «Сигнал», вып. 2, 19 ноября 1905 г.

А. Кудишов.

В Государственной Думе. «Интерпелляция».

«Леший», 1906 г, № 1.

В журнале «Пули» вспомнили про 1789 год. Конечно, стихотворение было посвящено Людовику XVI, и «конечно» имелась в виду Франция и французы конца XVIII века. Это к ним относились заключительные слова стихотворения:

> ...В воздухе веет грозою,
> Колеблется шаткий, подгнивший престол
> Над пастью разверзтой могилы, —
> Раздастся карающий властный глагол,
> Поднимутся мстящие силы.
> И страшно искупят свой грех короли,
> За тяжкие скорби народа
> Сотрут с возрожденной французской земли
> Их равенство, братство, свобода. [1]

Журнал «Гудок», тоже, очевидно, увлекшись воспоминаниями, воспроизвел снимки старых известных гравюр, изображающих «Марию Антуанету в темнице» и «Взятие Бастилии»...

Странную сказочку рассказал в «Зрителе» Федор Соллогуб, на этот раз уже без всяких исторических имен, а так вообще. Сказочка давала новое объяснение старой басне, рассказанной еще Крыловым, о лягушке и воле.

Ф. Соллогуб писал:

«Это не верно, что она с натуги лопнула и околела, — она околела от сухой малой былинки. И никакого вола тут не было, — волу в болоте делать нечего, — а это лягушка своим умом дошла до того, чтоб надуваться.

«И она надувалась помаленьку: один день на вершок надуется, другой день на четверть, а то и отдохнет день-два. И все надувалась, надувалась, надувалась, и стала, наконец, такая большая, что ни одному великану ее не охватить. И все ее очень боялись. Как она квакнет, так у самого храброго журавля поджилки затрясутся.

«Ну, она этим, конечно, пользовалась, и требовала, чтобы ее слушались.

«А только, когда она так надулась, так кожа у нее стала тоненькая, а кишка очень жидкая. Пока она сидела или прыгала на гладком месте, так все ничего было. А раз она прыгала, у нее на дороге сухая малая былинка стала. Лягушка не смотрит, куда прыгает, думает — важная. А сухая малая былинка ей в брюхе кожу и проткнула. Сейчас начал из лягушки дух со свистом выходить. На всю округу было слышно «с-с-с-п-п» — дух из лягушки выходит. Как дух вышел, больше уж лягушка не могла жить, околела, и все видели, что она маленькая.

«Вот как дело было по-настоящему. А вола он ни к селу ни к городу приплел.

«А может быть, это он про другую лягушку рассказывал». [2]

Едва ли нужно пояснять, о какой маленькой лягушке говорил Фед. Соллогуб.

Чем дальше — тем дерзостнее сатирики подходили ближе и к нашему «времени» и к нашему «месту».

«Спрут», например, развернул том Брэма и взял оттуда характеристику животного из класса головоногих (Cephalopoda) под названием Спрут:

«Форма Спрута такова: от туловища явственно отделяется большая голова, по бокам которой сидит пара крупных глаз. Вокруг отверстия рта расположены кольцом длинные и толстые мясистые придатки — руки. На внутренней стороне руки усажены вдоль в один или несколько рядов силь-

---

[1] «Пули», 1906 г., № 1.

[2] «Зритель», № 19, 3-го ноября 1905 г.

ными присосками, с помощью которых Спрут может присасываться к различным предметам... При помощи рук Спрут ощупывает и хватает предметы. Спрут — хищное животное».

К этому описанию естествоиспытателя Брэма сатирик «Спрута» присоединил и следующие, уже свои собственные наблюдения.

«В огромном русском море — пишет он — несколько столетий живет и питается особой породы Спрут. Он воплотил в себе народные сказания о Спруте-чудовище. Ничтожный и по силам, и по содержанию, он развил в себе до умопомрачительных размеров способность присасываться к жертве и высасывать из нее все соки. Страшная сила его, — в руках, которых у него сорок тысяч (столько же, сколько у русского правительства столоначальников) и щупальцах, которых у него сотни тысяч (столько же, сколько у русского правительства агентов тайных и явных). Зоркость его глаз — изумительна: ни одно движение жертвы не укроется от его наблюдения. Алчность его не знает границ: сто тридцать с лишним миллионов морских обитателей служат ему пищей. Он был бы непобедим, если бы не отличался спасительным качеством: при большой, как у всех Спрутов, голове, исключительная, хроническая слабость мозговой деятельности... Это — облегчает борьбу с русским Спрутом». [1]

Здесь уже определенный переход от общего к частному. Нет имени, но имевшие уши слышать — слышали и понимали, о ком идет речь.

Кое-где делались и более точные указания, с весьма определенными намеками не только на имя, но даже на фамилии.

Особенно изобретателен в этом отношении был «Зритель».

Тут почти в каждом номере можно было натолкнуться на намеки, далеко не тонкие, но в то же время с юридической стороны почти неуязвимые, где монарху доставалось и в принципе и, как теперь говорится, персонально.

Вот несколько образчиков такого рода «намеков»:

В музыкальном магазине.

— Есть у вас граммофоны фирмы «Монарх»?
— Извините, «Монарха» не имеем.
— Почему же?
— Сильно хрипят и очень непрочны. Самая плохая фирма.

Сомнение.

«Без царя в голове» — говорят про того,
Головою кто слаб иль недужен.
Я ни против, ни за не скажу ничего,
В голове царь, быть может, и нужен.

На митинге.

Однажды, на митинге собрались лягушки.
«Нам — квакали — жить невозможно.
Долой из пруда кровопийцу-колюшку,
Что колет нас всех так безбожно!»

Русские загадки.

1. Две сучки — заморские штучки, за морем — цена им грош, а у нас голой рукой не возьмешь.

---

[1] «Спрут», № 1, 23 декабря 1905 г.

2. Золотая храмина, важная образина, сверху держава, зерцало вправо, на тряпице — рыло, в рыле — сила. Рожа ты рожа, на что ты похожа?

3. Важный дворянин, большой семьянин; в тереме гуляет, столом гадает: Стол мой, столишко, один сынишко, семь дочерей, бабка да мать, куда бежать? [1]

Не нужно было быть Эдипом, чтобы эти загадки разгадывать.

Еще проще расшифровывались такие «агентские» телеграммы, как, например: «Забастовали младенцы, кричат — долой ромашку». (13. XI. 1905 г.)

Или такие стихотворения, как

Образцовое войско.

Войско у Коленьки есть превосходное.
Сам он комадует им.
Войско, по правде сказать, — бесподобное
С кем мы его посравним.
Есть артиллерия, пешие, конные,
Флота лишь нет...

. . . .

Войско у Коли всегда в подчинении,
Чуждо зловредных идей,
Пищи не требует и, в утешение,
Не выбирает червей...

За вечерним чаем.

Гимназистик лет 12 читает бабушке газету. Взволнованная старушка с скорбным вздохом прерывает чтение.

— Боже милостивый! Сколько народу перерезано, сколько семей разорено, а домов-то разрушенных и не счесть! И подумать, что все это делается для спасения одного только дома!

Гимназистик. А кто же хозяин этого дома, бабушка?

Бабушка (спохватившись). Молод ты — такие вопросы задавать! Лучше займись уроками! Придется бросить чтение газет...

Гимназистик (не унимаясь). А романов, бабуся?

Писателю Самозванову.

Сочинена тобою, Самозванов,
Романов целая семья;
Но молвлю, правды не тая:
Я не люблю твоей семьи романов. [2]

Журнал «Буревал» очень ловко использовал с этой же целью, в отделе библиографии, в то время настрого запрещенную, но широко распространявшуюся на фабриках и в деревнях [3] копеечную брошюру какого-то Романова — «Пауки и Мухи». [4]

«Печатанная без цензурного разрешения, — писал журнал, — сказка полна гнусной клеветы и пытается внести растлевающие идеи в незатронутые еще пропагандой слои насекомого царства. Возбуждая одну часть населения

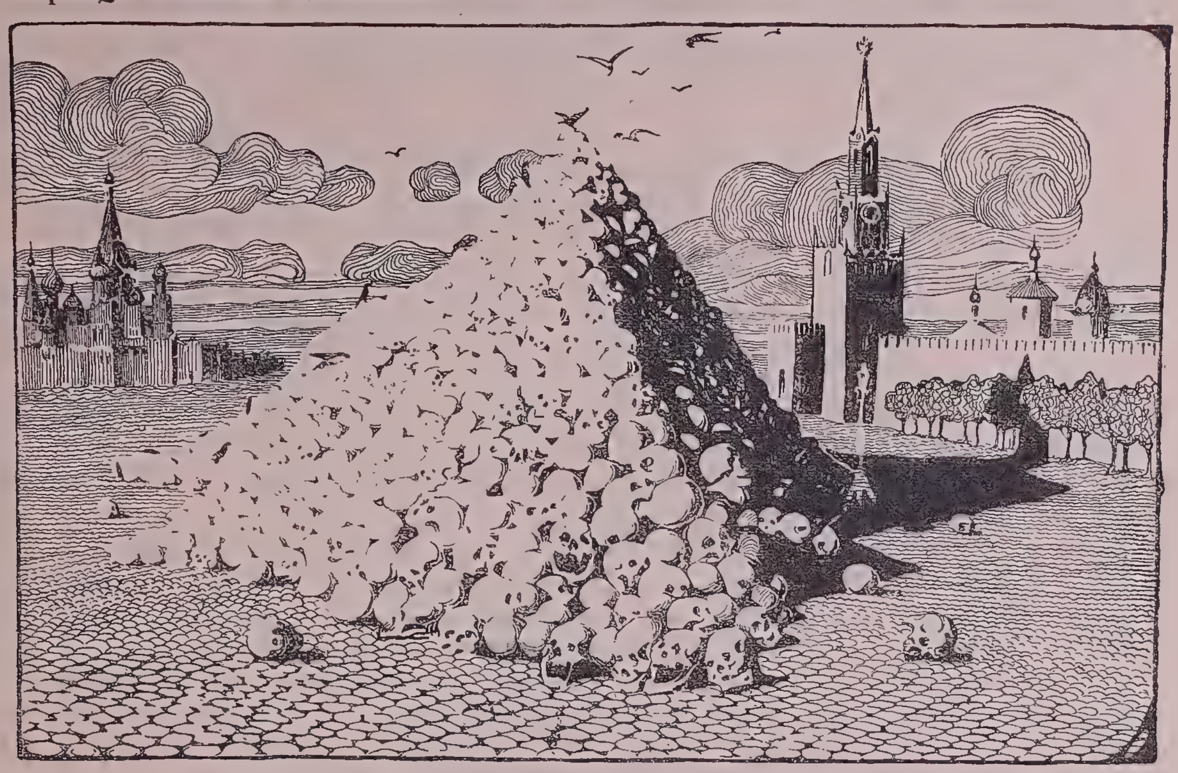
[1] «Зритель», 1905 г., 4 декабря.
[2] «Красная Летопись», 1925 г., № 2, стр. 192.
[3] «Зритель», № 23, 27 ноября 1905 г.
[4] «Буревал», 1906 г., № 4.

Российской империи (мух) против другой (пауков), дерзкий автор совершенно упускает из виду уже самой природой установленное социальное различие этих классов: всеми научными авторитетами (еп. Никон, о. Иоанн Кронштадтский) признано, что голубая кровь и белая кость, характеризующие пауков, являются достаточным основанием с точки зрения мировых законов для питания пауков дерзкими мухами.

«Интересно знать, кем себя считают господа Романовы и их свора — пауками или мухами?» [1]

Большую сенсацию произвело напечатанное в «Зрителе» и вызвавшее большое негодование цензора «Письмо в редакцию».

«М. Г. В №№ 20 и 25 вечерней «Руси» упоминается о каком-то маленьком корейце Николае Романове.

Апофеозъ 17-го октября.

«Стрелы», 1906 г. № 9 (7-1).

«Не откажите выяснить, что это за маленький Николай Романов: не самозванец ли он? Вопрос этот необходимо решить, чтобы не вызвать нежелательных толков, тем более, что в «Руси» пишут, что этот маленький Николай уже арестован.

Абиссинец Василий Гогенцоллерн.

4. XII. 05 г.»

И Николай, и кореец, и маленький, и подпись «Василий Гогенцоллерн», казалось, все говорило, что это «про нашего». Казалось, на этот раз дерзкому Арцыбушеву не сдобровать.

Каково же было удивление и суда и цензоров, когда Арцыбушев привел на суд живого маленького корейца, который по документам действительно был и Николай и Романов.

* * *

[1] Подчеркнуто густо синим карандашем цензора, а красным рядом поставлено 103 и 107 статья.

Дерзкий редактор торжествовал победу над цензорами.

На первый взгляд, такого рода вылазки могут показаться остроумными, пожалуй, колючими, но, в общем, все же не имевшим серьезного значения «озорством». Озорство-то оно озорство, но все же дававшее свои результаты в смысле сведения с заоблачных высот самого священного имени на землю. От «божиею милостию мы Николай вторый» (даже не второй!) до «Коли», «Колюшки» и т. д. дистанция огромного размера.

Достаточно припомнить, хотя бы, с каким негодованием черносотенцы требовали, чтобы убрать с почтовых марок лик Николая II и как этот лик действительно убрали только потому, что казалось кощунственным прихлопывание его почтовым штемпелем. Также по требованию этого сорта монархистов, и по тем же мотивам, был снят двуглавый орел с подошвы калош. Недопустимо-де попирать ногами государственный герб!

Цензура это так и поняла. В «Сигнале» [1] появилось, например, такое письмо в редакцию:

«Дорогая редакция.

«Мне очень хочется получать ваш милый журнал, но мама мне не позволяет. Коля Р.».

Что, казалось-бы, невиннее?! Но цензура сразу же усмотрела в письме «преступление, предусмотренное статьей 103 Уголовн. Улож.». «Во первых, — как мотивировал цензор свое обвинение, — в подобного рода сатирических журналах стало в последнее время обычным обозначать вышеприведенным уменьшительным именем государя императора с целью оказать дерзостное неуважение особе его императорского величества» (все с большой буквы!); а во-вторых, «и заглавная буква фамилии подтверждает наличность преступления». [2]

Дерзкие сатирики, однако, не ограничивались преступлениями этого типа.

Они пытаются, насколько это было возможно в то время, выявить и внутреннюю значительность, вернее незначительность, человека, державшего в своих руках судьбы и жизнь многомиллионного народа.

Уже первая речь царя, сказанная земцам на первом после вступления его на престол приеме, когда у него вырвались слова о «бессмысленных мечтаниях» земцев, показала достаточно ясно, с кем придется иметь дело. Тогда же было пущено в ход стихотворение, распространившееся в тысячах рукописных экземпляров, где этот эпизод был передан в таком виде:

Как у нас в городке
На Неве на реке
    Ника.
Из себя вышел вон,
Ножкой топает он
    Дико.

И кричит: «Ей же ей
Им не дам, хоть убей,
    Воли!
Будет все, как и встарь,
Аль я больше не царь,
    Что-ли?!

---

[1] «Сигнал», 1905 г., вып. 4.
[2] Дело Ценз. Ком.-та, 1905 г., № 205, лист 12—13.

Я повластвую в сласть
И не сделаю власть
Мою купой.
Прикажу все смести,
Но не дам завести
Конституции.

Мне сказала ma mère,
Чтобы брал я пример
С папы.
И задам я трезвон
Всем, кто тянет на трон
Лапы.

Ведь по дудке моей
Пляшет много людей
Очень,
Хоть и молвит молва,
Что моя голова
Кочень.

Земцам будет беда
Ишь, полезли куда?!
Шутки?!
Вам парламент? Да нос
Еще ваш не дорос.
Дудки!

Мне же нос, господа,
Я клянусь, никогда
Не утрете.
Я скажу напрямки:
«Пошли вон, дураки»
И пойдете».

—Ох ты, царь Николай,
Ты на земцев не лай.
Ишь задорник!
Ты б их слушал совет,
А ругня не ответ—
Ты не дворник!

— Лучше земцам внемли:
Они люди земли —
Нашей.
А не то,—путь иной:
К немцам с сыном, с женой
И с мамашей!

Каждый новый день благополучного царствования только подтверждал первое впечатление и, если у кого еще и были какие-либо «мечтания» и надежды на то, что молодой царь внесет какую-то свежую струю в затхлую атмосферу, созданную Александром III, то число таких мечтателей с каждым днем становилось все меньше и меньше.

Еще в июне 1905 года, однако, депутация земских деятелей, обеспокоенных волнениями, возбужденными везде и всюду истреблением нашего флота при Цусиме, обратилась к царю с петицией.

«Страшное слово «измена» произнесено, — говорил председатель депутации профессор кн. С. Н. Трубецкой, — и народ ищет изменников решительно во всех, — и в генералах, и в советчиках ваших, и в нас, и во всех «господах» вообще. Это чувство с разных сторон эксплоатируется. Одни натравляют народ на помещиков, другие — на учителей, земских врачей, на образованные классы. Одни части населения возбуждаются против других. Ненависть неумолимая и жестокая, накопившаяся веками обид и утеснений, обостряемая нуждой и горем, бесправием и тяжкими экономическими условиями, подымается и растет, и она тем опаснее, что в начале облекается в патриотические формы, — тем более она заразительна, тем легче она зажигает массы. Вот грозная опасность, государь, которую мы, люди, живущие на местах, измерили до глубины во всем ее значении и о которой мы сочли долгом довести до сведения вашего императорского величества. Единственный выход из всех этих внутренних бедствий — это путь, указанный вами, государь, — созыв избранников народа».

Его императорскому величеству «благоугодно было» ответить:

«Отбросьте ваши сомнения, моя воля — воля царская созвать выборных от народа — непреклонна. Привлечение их к работе государственной будет выполнено правильно. Я каждый день слежу и стою за этим делом.

«Вы можете об этом передать всем вашим близким, живущим как на земле, так и в городах.

«Я твердо верю, что Россия выйдет обновленной из постигшего ее испытания.

«Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам.

«Я надеюсь, вы будете содействовать мне в этой работе».

Скептический «Зритель» целиком перепечатал эти две речи [1] без всяких комментариев, но из-за каждой строки, из-за каждой буквы перепечатываемой царской речи выглядывает насмешливо-презрительное лицо сатирика. Любой историк, и даже не историк, а просто человек, у которого были под руками хотя бы лекции по русской истории проф. В. О. Ключевского, знал, что за общение было «встарь» у царя со всею Русью... Какое «единение» обещал Николай II, едва ли он представлял себе и сам.

Царь, мечтавший о том, чтобы жить так, как «в старину живали деды», сам подсказывал карикатуристам, как его писать...

Кое-где его добродушно называли царем Берендеем. В «Жупеле», напр., была напечатана сказочка «про доброго царя Берендея», не понравившаяся цензуре, но в сущности сравнительно еще добродушная.

Начиналась она так:

«Думного дьяка спросили: умен ли царь Берендей? Думный дьяк ответил: «Царь Берендей очень добрый человек».

Как и в чем выражалась эта доброта, в сказочке иллюстрировалось разного рода конкретными примерами, приведенными здесь же.

---

[1] «Зритель», № 2, 12 июня 1905 г.

Однажды, добрый царь Берендей захотел сделать что-нибудь приятное и полезное для народа. Он сел к столу и начал писать манифест: «В неустанном попечении о благе моих подданных...» Дальше царь Берендей ничего не мог придумать и заснул.

Царь Берендей страдал бессонницей. Придворные объяснили ему, что это от царственных дум. Царь Берендей не согласился с этим. «Напротив, сказал он, когда я начинаю думать, тогда меня клонит ко сну».

Царь Берендей очень огорчился, когда его народ голодал. Однажды он был расстроен рассказами о том, как страдают голодающие, и, садясь за стол, сказал: «Я не могу есть этого супа, когда мой бедный народ голодает». Министры отправили суп в голодающие губернии, а царю Берендею велели зажарить фазана. [1]

В таком же стиле была и сказочка Шебуева «О весне»...

Виньетка
раб. М. Добужинского.

Марка раб. И. Билибина.

У других, однако, эта «доброта» вызывала отношение иное. Особенно после велеречивого манифеста 17 октября, принесшего верноподданным гражданам все пять свобод.

В «Зрителе», напр., была напечатана басня Н. И. Фалеева «Свободные скоты», где в лице пастуха уже трудно узнать «доброго» царя Берендея, но все сразу увидели черту «доброго», с сердцем, пылавшим любовью, царя Николая.

«Друзья! — так начал речь пастух
К стадам, бродившим по поляне: —
Я бью вам всем челом заране,
Досель я был и слеп, и глух.
Средь вас возникло недовольство...
Простите ж мне тиранство, своевольство:
        Свидетель бог, —
        Я вас стерег,
        Чем только мог,
От гибельных и вредных заключений:
        Рожком,
Арканами, кнутом,
Но все из чистых побуждений.
Я заблуждался... Грянул гром.

---

[1] «Жупел», 1905 г., № 4.

Теперь при всем честном народе,
Я волю объявляю вам:
Свободные! Молитесь небесам!
Я первый кнут бросаю сам.
Идите же, резвясь, в объятие свободы
И отдавайте дань природе,
Где захотите: тут иль там».
Замолк пастух... Разинув глотки,
Скоты свободные бегут...
Куда девался облик кроткий!
Восторг оваций, счастья нотки,
Хвосты трубой, мычат, ревут,
Туда, сюда, — а там и тут
Уже колючие готовы загородки.

Читатель, мысль тебе не надо пояснять:
Тех загородок снять
Скоту буржуйному не попутру, конечно:
Для них — что колется, то вечно. [1]

Нужно ли в слове «колется» видеть каламбур (колючка, колюшка, или это случайность, но, конечно, мысль сатирика ясна и без этого намека, и без особых пояснений.

В другом месте, тот же «Зритель» еще более дерзко рифмует слово «император» со словом «провокатор»: [2]

Жена читает, что в Сиам
Сиамский прибыл император.
Я обомлел, я задрожал...
Кто — провокатор?
Провокатор?

При этом, очевидно для большей ясности, слово «кто» подчеркивается.

В «Буреломе» (№ 1) был напечатан рисунок «печати департамента провокации».

В центре этой печати — одетый в генеральский мундир двуглавый орел, при чем одна голова — Трепов, другая Витте. На груди, вместо Георгия Победоносца, надпись «патронов не жалеть», вместо короны — жандармская шапка.

* *
*

Нельзя, однако, сказать, чтобы даже в этом отношении сатирики приписывали царю какую-нибудь самостоятельность.

Действительно, по городу ходили прямо анекдотические рассказы о том, как министры докладывали и передокладывали дела, как по докладу одного отменялось «быть по сему», вырванное докладом другого, и как сейчас же этот другой опять добивался того, что царь восстанавливал свое первоерешение.

---

[1] «Зритель», № 19, 3 ноября 1905 г.
[2] Тоже, № 23, 27 ноября 1905 г.

Какой бы доклад ему ни представляли, на каждом он выводил свое «съ», что означало «согласен», но не успевал еще засохнуть лак, которым это священное «съ» покрывалось, дабы сохранить его в назидание потомству, как такое же «съ» появлялось на докладе другом, совершенно противуположном.

На это ясно намекал «Зритель», давая «совет» (№ 24):

Если хочешь знать не втуне,
Что нам ныпче принесло,
Справься лишь, кто накануне
Ездил в Царское Село.

Каляев.

«Зритель», 1905 г., № (19-VI).

Для большей ясности под этим «советом» стояла подпись «Коля-Советник».

Обещание следовать во всем заветам «родителя» тоже не говорило о самостоятельности царя, а Николай II, как известно, очень любил к нему прибегать.

Так, напр., еще в 1902 г., в Курске, собрав в губернаторский дом старшин всех губерний, где происходили аграрные беспорядки, он сказал им речь о том, что «начальство съумеет не допустить на будущее время подобных беспорядков» и при этом прибавил:

«...Напоминаю вам слова покойного моего батюшки, сказанные им в Москве волостным старшинам в день священного венчания на царство: «слушайте ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным слухам».

Тогда эти «золотые слова» вместе с «драгоценным изображением обожаемого государя императора» были воспроизведены золотыми буквами на отличной бумаге, «на всегдашнюю память — в поучение и утешение (!) русскому народу...»

Теперь такое поминание родителей производило впечатление несколько иное.

Журнал «Дикарь» использовал это тяготение к родительской указке для того, чтобы сразу характеризовать и отца, и сына.

Появившиеся здесь «Исторические записки полковника Минрогриманова» обратили на себя общее внимание, чему не мало помогала и цензура, указавшая, что в статье кроется «преступление предусмотренное...» [1]

О ком шла тут речь, конечно, ясно... Во-первых, — полковник (Николай II, которого Александр III не успел произвести в генералы, так и оставался полковником), а во-вторых, — на это очень прозрачно намекала и фамилия полковника: Мин + Риман + Романов! Своего рода троица — единосущная и нераздельная. Мин и Риман, — известные своей свирепостью полковники семеновского полка.

Оказывается, от своего отца полковник получил в наследство такой «девиз рода Минрогримановых»:

Полковник, отправляясь в путь,
Не режь повстанцев как-нибудь,
Режь их заботливой рукой —
Латыш иль русский — недруг твой.
(Хор)..... Режьте, братцы, режьте,
Бейте энергичней,
Режьте — перед вами
Материал привычный.
Трое красных — в ход нагайки,
Десять... — Пли. И не зевай-ка.
Сто — скорее пулемет,
Бей! И наша верх возьмет.

Девиз в такой форме очень понравился полковнику.

— Я, — передаются его слова в записках, — обнял моего дорогого родителя и поклялся всегда следовать священным заветам, начертанным им...

Жалкая фигурка «самодержавнейшего, благочестивейшего, великого государя нашего» к этому времени определилась настолько, что следующий, поставленный в «Жупеле», вопрос «кто он» не представлял больших трудностей для разрешения:

«Это был самый популярный и самый непопулярный человек во всей империи.
Популярный, — если считать по бездне остроумных на него памфлетов и карикатур, раскупавшихся нарасхват.
Непопулярный — по силе власти.
Это был самый первый и самый последний человек в государстве.
О нем кричали газетчики, о нем кричали карикатуристы из витрин всех магазинов.
Художники высмеивали его в рисунках, поэты — в стихах, писатели — в прозе, народ — везде.

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1906 г. № 52.

Уличные продавцы пользовались им для рекламы своего товара, уличные мальчишки открыто издевались над ним на всех перекрестках.
Он грозил, — над ним хохотали.
Он посылал репрессии, — над ними издевались.
Он в бессильном порыве уничтожить своих врагов — сжимал свои беспомощные кулачишки, и в тот же день эти последние судороги умирающего режима передавались в карикатурах во все концы.
Он смеялся над свободой, — свобода смеялась над ним». [1]

Вопрос, который по старой грамматике, назывался реторическим, т.-е. не требующим ответа.

По рукам ходило стихотворение, подчеркивающее бессилие монарха, повелителя величайшей империи:

Как прадед на Сенной,
Явился бы и он
Пред смутною толпой
У памятных колонн:
Но в рабской простоте
Не пал бы ниц народ...
Да, времена не те —
И Николай не тот.

Откровенно, приблизительно это же, но, конечно, без упоминания имени высказал «Спрут»: [2]

Новые идеи
Властвуют толпой.
Старые злодеи
Спят в земле сырой.
Все убрались к богу,
Побросав посты,
Погоди немного, —
Полетишь и ты...

* *
*

Да, времена сильно переменились... Народ утратил страх не только перед монархом, но даже перед его пулеметами.

Мало того, сам начал угрожать... И эти угрозы отразились вполне определенно в целом ряде стихотворений и сказочек, не оставлявших никакого сомнения в том, что хотел ими сказать автор. Журнал «Штык» дал такую назидательную басенку:

Пчела ужалила медведя в лоб.
Он лапой по лбу — хлоп,
А в лапе камень был.
Пчелу-то он убил,
Но боль себе усугубил.
Басню эту можно б пояснить,
Да чтоб гусей не раздразнить. [3]

---

[1] «Жупел», № 1, 1905 г.
[2] «Спрут», № 1, 23 декабря 1905 г.
[3] «Штык», 1906 г. № 1. Выходивший в Харькове «Штык» не только редактировался, но почти целиком заполнялся прозой, стихами и даже рисунками Арк. Аверченко. (Умер 10 марта 1925 г. в Праге.)

Такого же рода предсказание заключала в себе «Сказка о мальчике с пальчик»:

Жил маленький мальчик,
Он ростом был с пальчик,
Бумажки писал
И пальчик сосал.

Но скверная штука,
Явилася бука,
Да мальчика хлоп
Прямехонько в лоб.

О, маленький мальчик,
Где ж делся твой пальчик?
Но это присказка: гляди
Вся сказка будет впереди. [1]

Турецкая сказочка была несколько страшнее. [2]

«Спросил однажды Падишах Великого Визиря:

— Какой смертью умер твой предшественник?

— Его убили, — отвечал Визирь

— А его предшественник?

— Его тоже убили.

— Как же ты не боишься править министерством? — спросил Падишах.

Великий визирь помолчал и стал спрашивать:

— Скажи мне, Великий Падишах, как почил твой дед?

— Его разорвало снарядом, — отвечал Падишах».

— А твой прадед?

— Отравился. [3]

— Как же ты не боишься сидеть на престоле?

— Откуда ты знаешь, что я не боюсь?— возразил Падишах».

В «Зрителе», в отделе «Мелочи» давались такие советы:

«Когда зуб, хотя и крепко сидящий, прогнил до основания, его следует удалить; если при выдергивании валится корона, то этого недостаточно: непременно надо рвать с корнем, как бы трудно это ни было». [4]

В 1 № «Сигнала» напечатана сказка «Красная шапочка», где слова Трепова «патронов не жалеть» употреблены с таким переносом: «па — тронов не жалеть».

Тут же, рядом, большой рисунок, на котором фигурируют Иоанн Кронштадтский с нагайкой, Клейгельс, Победоносцев и Трепов. Трепов держит приказ, на котором чуть-чуть виден слог «па» и черными буквами стоит: «тронов не жалеть».

В № 8 «Зарниц» напечатана на первой странице переделанная гравюра Саши Шнейдера «Анархист». Вариант, сделанный художником, был весьма красноречив.

Вместо одного ассирийского деспота на престоле сидит деспот, около которого две женщины (две царицы), а два (не один) анархиста уже подняли бомбы... В орнаменте, окружающем рисунки, тоже всё бомбы.

Обратила на себя внимание напечатанная в журнале «Светает» (1906 г., № 2) сказочка Фед. Соллогуба «Богово логово». Со свойственным этому писателю спокойствием здесь рассказывается про язычников, у которых было много богов. Сидели они на горе, и все им поклонялись. Однажды приехал в ту землю очень большой человек. Сел он на эту гору, не заметив, что на ней сидят боги, и раздавил всех богов. «Старики пошебаршили малость:

— Как так, — говорят, — по какому праву. Да где это показано — богов давить? За это так можно ответить.

---

[1] «Звон», 1905 г., № 5 (одесский журнал).
[2] «Зарево», 1906 г., № 1.
[3] Прямой намек на Александра II и Николая I.
[4] «Зритель», 1905 г., № 25.

«Но только видят, грома-молнии нет, и все происходит очень обыкновенно. Раскидали они тогда алтари, фимиамы своим девкам гулящим отдали, а сами больше не захотели в язычниках оставаться — все в русскую веру перешли и в Сафат-реке очень дружно окрестились».

Словом, все обошлось легко, просто, и вовсе не так уже трудно и страшно, как это казалось многим, воспитанным в страхе и трепете перед старым кумиром.

Многие, радикально настроенные, выпроваживали царя за границу и даже были убеждены, что он последует примеру тех из своих верноподданных, которые, испугавшись революции, предпочли забрать свои капиталы и покинули Россию.

В «Сигнале» был напечатан рисунок с двумя надписями: «Перед отъездом за границу» и «Второй звонок». На нем изображен вокзал.

Пар от локомотива закрывает лица, но ясно виден полковничий эполет идущего к вагону, ботфорты со шпорами. Рядом с ним идет женская фигура. Тут же везут детскую колясочку. Жандарм вытянулся во всю, отдает честь. [1]

Появились телеграммы из Дании, родины б. императрицы Марии Федоровны, в таком роде:

Копенгаген. На посланную по датскому кабелю родственную телеграмму: «скоро ли выезжаете» — ответа не получено. [2]

Цензуре особенно не понравилось еще то, что рисунок «Второй звонок» был напечатан сейчас же вслед за таким сообщением г-на Роланда:

— В политических кругах много говорят о втором митинге самодержцев, созываемом императором Вильгельмом где-то в Балтийских шхерах. В прокламации, приложенной к повестке на имя турецкого султана — (напечатана подпольным способом на мимеографе в Потсдаме) — Imperator — Rex выставляет ряд требований, которые должны быть немедленно предъявлены народу:

1. Действительная неприкосновенность личности.

2. Свобода слова и в частности право читать газеты без цензорских вырезок.

3. Свобода передвижения.

4. Нормировка рабочего дня (восемь часов для сна, восемь часов для отдыха и восемь часов для занятий фотографированием [3] и дрессировкой фокстерьеров).

5. Право ежедневных прогулок в течение двух часов по улицам столицы.

6. Восстановление отмененных балов. [4]

7. Об окончательном расчете народ обязан заявить не позже чем за два месяца, дабы он мог заблаговременно приискать себе другие занятия и не оказался бы, вместе с семьей, выброшенным на улицу.

Митинг закрытый. Вход исключительно по повесткам.

Прокламация была перехвачена не занимающим еще поста министра внутренних дел известным международным сыщиком Рачковским и доставлена в руки немецкой полиции. Немецкие народы в сильной тревоге. Боятся императорской забастовки. [5]

Сатирики тут попали не в бровь, а прямо в глаз и громко сказали о том, о чем тайно подумывали наверху все вплоть до царя.

---

[1] «Сигнал», 1905 г., № 3.
[2] Дятел», 1905 г., № 1.
[3] Любимое занятие Николая II.
[4] Отмена придворных балов—факт, тоже обративший на себя внимание в то время.
[5] «Сигнал», вып. 3, 27 ноября 1905 г.

«Воспоминания» графа С. Витте дают ряд свидетельствующих об этом фактов. Когда Витте с проектом манифеста 17 октября ехал на пароходе в Петергоф, тут же ехал обер-гофмаршал двора Бенкендорф, все время плакавшийся, что «у их величеств пятеро детей, — так что если на-днях придется покинуть Петергоф на корабле, чтобы искать пристанища за границей, то дети будут служить большим препятствием». [1]

Намеки сатирических журналов были поэтому сугубо неприятны. В отмеченных выше рисунках «Сигнала», да еще в стихотворении К. Чуковского «Перехваченное письмо» цензура увидела «признаки дерзостного неуважения к верховной власти и оскорбление его императорского величества» и требовала предания Чуковского суду. [2]

VII.

Николай II в карикатуре изобразительной. — Мальчик с шишкой. — «Черная сотня» С. Чехонина. — Запрос киевского ген.-губернатора Клейгельса об этом рисунке. — Первый карикатурный силуэт Николая II С. Чехонина. — «Пламенное сердце». — Строитель карточного домика русской конституции. — Николай II в «Буреломе», «Сигнале» и других журналах. — Выпроваживание августейшего семейства за границу. — Использование царских регалий. — Царь Додон худ. И. Билибина. — «Осел» Билибина и «Орел-оборотень» Гржебина в «Жупеле». — Николай II как натурщик для карикатуриста.

То, что удавалось сравнительно легко сатирикам слова, то было гораздо труднее художникам-карикатуристам. Между тем, эта задача для сатирических журналов представлялась особенно ценной.

«Драгоценное изображение особы государя императора» было под такой бдительной охраной решительно всех ведомств, что малейший шарж был, особенно в начале 1905 года, совершенно невозможен.

Пришлось прибегнуть, на первых порах, к аллегории. С. В. Чехонин с этой целью использовал рубец на лбу Николая II, бывший результатом удара палкой, нанесенного в г. Отсу каким-то японским городовым еще в то время, когда он, в бытность наследником, посетил Японию.

Случай этот стал общеизвестным и не было, кажется, человека, который бы не знал наизусть вызванного этим событием экспромта В. А. Гиляровского [3]

Приключением в Отсу
Опечален царь с царицею.
Тяжело читать отцу,
Что сынок побит полицьею.

Цесаревич Николай,
Если царствовать придется,
Никогда не забывай,
Что полиция дерется.

Популярность полученной от этого удара «шишки» и была блестяще использована «Зрителем».

Стоило только нарисовать маленького курносого мальчика на тонких, спиралью, рахитических ногах, с большой головой и шишкой на ней, для того, чтобы поняли, о ком идет речь в карикатуре.

---

[1] «Воспоминания», т. II, стр. 29. Курсив мой. *В. Б.*

[2] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1905 г., № 205, л. 7.

[3] Юр. Соболев. «Революционная сатира пятого года». Газета «Вечерняя Москва», 1925 г. № 170.

Вид у этого мальчика всегда глупый-преглупый... И торчит он на каждом шагу.

Вот виньетка, изображающая телеграфные столбы с беспомощно висящей, изрезанной проволокой (телеграфная забастовка). Мальчик стоит, сосет палец и недоумевающе глупо смотрит.

А на лбу у него роковая шишка.

На другой виньетке — мальчик с шишкой тянется к банкиру, сидящему по горло в золоте, [1] а рядом стихотворение, посвященное катастрофическому падению государственной ренты.

Доктор. Болезнь развивается нормально. Наступает кризис.

«Дикарь», 1906 г., № 1.

Особенный «успех» имела небольшая по размеру черная заставка С. Чехонина — полная черных силуэтов. В эту рамку, в эту узенькую полоску он поместил целую группу героев момента, которым русское общество было обязано всем происходившим. Сюда вошли: громоздкий, точно спустившийся с монумента Трубецкого Александр III, Иоанн Кронштадтский, Победоносцев, Горемыкин, Скрыдлов и др. Среди них путается под их ногами маленькая, рахитическая фигурка мальчика с шишкой на лбу, по которой все должны были узнать и, действительно, узнали, самого Николая II.

Портретное сходство всех фигур поразительное, но виньетка, миниатюрная, не обратила на себя внимания цензора и чудом проскочила. Удивленный таким неожиданным разрешением, Арцыбушев увеличил эту виньетку почти втрое и поместил на распашку журнала.

---

[1] «Зритель», № 23, 27 ноября 1905 г.

Успех номера был колоссальный. Читатели сразу узнали в этом рисунке всю «черную сотню». Объединением всех попавших в нее фигур Чехонин сказал больше, чем могли сказать и говорили наиболее смелые публицисты. Печать молчания не помешала дать понять, что во главе черной сотни или, вернее, в ее руках сам царь.

Номер «Зрителя» был раскуплен моментально. К вечеру газетчики продавали журнал уже по $1^1/_2$ рубля (вместо 5 коп.), а кое-где даже по три рубля. В течение месяца номер выдержал четыре издания!

Атмосфера была настолько угрожающей, что Чехонин предусмотрительно переехал на другую квартиру и некоторое время проживал без прописки.

23 авг. 1905 г., директор департамента полиции П. Рачковский обращал внимание А. Бельгарда «на предосудительный образ действий редакции «Зрителя» «на предмет зависящих распоряжений». Поводом послужил именно этот № 10 и напечатанные в нем силуэты, которые, «согласно полученным Департаментом полиции сведениям о распространяемых среди публики слухах, являются карикатурами на высших правительственных лиц». [1]

В цензурном деле сохранилось одно любопытное в этом отношении письмо от 9 октября 1905 г. Автор, на всякий случай все же скрывший свое имя под псевдонимом «Русский», ссылаясь на свое оскорбленное верноподданническое чувство, обращал внимание Трепова на «возмутительный факт публичного оскорбления величества».

«... На Невском пр.,—писал он,—разносчики газет навязывают прохожим паскудненький уличный журнальчик «Зритель», № 10, где помещена карикатура под заглавием «Черная сотня», и под нею уже появился литографированный список заключающихся в карикатуре лиц, в том числе и священные для честного русского человека имена Николая II и Александра III.

«Этот возмутительный факт глумления над священной особой государя с августа месяца принял скандальные размеры, так как по приложенному списку враги отечества тут же, на улице, рассматривают карикатуру и предаются дерзновенным насмешкам и издевательствам». [2]

Интересны и даты: 10 № «Зрителя» вышел 14 августа, донесение П. Рачковского написано 23 августа, а донос оскорбившегося верноподданного — 9 октября!

Почти два месяца был спрос на «силуэты».

То же, оказывается, происходило и в Киеве, и в Нижнем Новгороде, и в Варшаве и в других городах.

Киевский генерал-губернатор еще подлил масла в огонь.

12 сентября 1905 года, он обратил особое внимание министра внутренних дел на то, что в № 10 «Зрителя» помещена «виньетка, изображающая ряд силуэтов, в которых не трудно (иронический синий карандаш самого министра внутр. дел) узнать фигуры покойного императора Александра III и современных деятелей, представленных в карикатурном и оскорбительном виде. Подпись под этой виньеткой «25 силуэтов $\times$ 4» должна вероятно (опять синий карандаш министра) обозначать черную сотню».

Препровождая этот номер, который, по его словам, «между прочим, имел широкое распространение и в Киеве», киевский генерал-губернатор просил разрешения изъять его из продажи.

Повидимому, эта виньетка была каплей, переполнившей чашу терпения. Министр внутренних дел, отметивший своим иронически-негодующим карандашом в донесении ген. Клейгельса слова «не трудно» и «вероятно»,

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати 1904 г., № 119, л. 45.
[2] То же дело, л. 69.

здесь же, на его же бумаге, изволил положить резолюцию: «представить в Правительствующий Сенат о совершенном прекращении этого издания».[1]

Как сообщалось уже выше, резолюция была исполнена с исключительной поспешностью, а журнал «Зритель» пока что «приостановлен» в столь же экстренном порядке.

Освободившись от этого вынужденного молчания, журнал, спустя некоторое время, опять вспомнил о шишке и 17 ноября напечатал большой рисунок С. Чехонина, почти двух-страничный, на котором изображен в центре Витте в женском костюме. У него на коленях стоит мальчик с шишкой на голове, а на заднем плане видны пара голубков (очень напоминающих двуглавый орел) и повешенные на шелковом шнурке, за который дергает Витте, игрушки-плясунчики: Манухин, Дурново, Оболенский, Кутлер, Ламздорф и др.

Дерзость журнала заключалась в том, что он не только поместил этот рисунок, но здесь же, рядом, напечатал еще, в виде пояснительного текста, целую «Сказку об одной мамаше и нечистоплотном мальчике».

Правда, сказочку не длинную, но тем хуже. Вот что в ней говорилось:

«Жила была мамаша, был у нее мальчик с пальчик, пальчик сосал, людей кусал. Мамаша головку ему очищала, мамаша его от людей защищала, мамаша его понимала. Словом, они друг друга понимали без слов».

А относительно мальчика еще было прибавлено особо:

«... При всем желании определить пол и возраст мальчика, мы не имели никакой возможности этого сделать, так как видим только затылок и тот с шишкой...»

Было дерзко то, что эту шишку «Зритель» мало того, что нарисовал, да еще и подчеркнул, при чем ударил Николая II по самому больному месту: указал на роль и значение Витте, которого царь постоянно и зло ревновал к своей самодержавной власти.

Такого рода выходками знаменитая шишка была так определенно канонизована, что вскоре уже явилась возможность оперировать с нею совершенно свободно, издеваясь над бессильной злобой цензуры, ревностно служившей только-что объявленной свободе печати.

И когда, через некоторое время, был напечатан большой, на всю страницу, рисунок, с большой еловой шишкой в центре, почтительно провожаемой министрами в путешествие, то здесь уже не нужно было ни традиционного мальчика, ни какого-либо пояснительного текста.

Но шишка все же мало удовлетворяла сатириков. Настоятельно чувствовалась потребность в карикатурном портрете, тем более, что в европейской карикатуре, как это показывает книга Гран-Картере,[2] опыты в этом направлении уже были.

Робкую, быть может даже очень не многими замеченную, попытку в этом направлении делает С. Чехонин.

Он очень искусно скрыл удачно сделанный силуэт-миниатюру Николая II в проект медали, которую «Зритель» (№ 24) предлагал выбить в ознаменование свободы печати.

В центре этой медали помещается закованный в тяжелую цепь-гирлянду художник.[3] Внизу, на связывающей его цепи висит огромная гиря. Звенья цепи состоят из голов, самых крупных черносотенных голов того времени. Сюда-то, в эту оригинальную группу (в самом низу, направо), Чехонин и поместил силуэт курносого Николая II, почти фотографически сходный.

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати 1904 г. № 119, л. 48.

[2] J. Grand-Carteret, Nicolas, ange de la paix, empereur du Knout. Paris, 1908.

[3] Автопортрет-шарж самого Чехонина. — Эта медаль перепечатана во многих провинциальных сатирических журналах. Саратовский журнал «Карандаш» (1906 г.,

Налево от него — портрет «мамаши» — Марии Федоровны, с ее типичной, хорошо известной по портретам, высокой прической, дальше идут портреты вел. кн. Владимира Александровича, Иоанна Кронштадтского, Дурново...

Словом, та же «черная сотня» только «другим манером», как писалось в старых поваренных книгах.

Скованный по рукам и ногам художник, однако, не унывает: зажатой в зубах кисточкой тщательно выписывает он еловую шишку...

Конечно, раз эти ребусы разгадывались снизу, то хотя с некоторым опозданием, но учились их расшифровывать и наверху.

Мальчик с шишкой тоже был разгадан, и пришлось искать новый символ, изобретение которого принадлежит опять тому же Чехонину.

На этот раз он взял символ более сложный. Как-никак шишка, намекавшая на всем известный факт удара, нанесенного Николаю II в Японии японским городовым, была все же только внешняя примета. Теперь Чехонин пустил в ход «пылающее сердце». Тут уже была некоторая политическая психология.

Это было «сердце царево в руце» не божией, но призванного спасать отечество Витте. Хранитель этой священной драгоценности восседает на лидвалевской «урне благовония», в шутовском колпаке, на котором в виде кокарды помещены полицейский свисток и крючок. По всему борту рисунка—энергичные кукиши по направлению Витте, а на хартии, которую он попирает ногами, текст: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы. Горе вам, законники, что вы взяли ключ разумения, сами не вошли и входящим воспрепятствовали».

Карикатура была и откликом, и предупреждением грозным, и одновременно ответом на знаменитое обращение Витте к рабочим с воззванием, начинавшимся словами: «Братцы рабочие! [1] Станьте на работу, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей...»

Как известно, на это трогательное, родительское увещание, исходившее от «пламенного любящего сердца», рабочие резолюцией отвечали: «пролетарии ни в каком родстве с графом Витте не состоят...» Показали кукиш...

В самом деле, ссылка на сердце царя была в это время очень типичной. Так, например, в циркуляре министра (напечатано в «Правит. Вестн.», 1905 г., № 9 от 13 января), предлагавшем рабочим «возвратиться к своему обычному труду, так как без него они обрекают на нищету самих себя, жен и детей», между прочим говорилось: «возвращаясь к работе, пусть знает трудящийся люд, что его нужды близки сердцу государя императора, как и нужды всех его верноподданных».

А. Женевский нашел в одном из дел Военно-Морской секции Единого Архивного Фонда (дело № 97 за 1905 г. военно-походн. канцелярии «Речи

№ 25) поместил рядом пояснительное стихотворение, не столь искусное, сколь выразительное:

> Суровый властелин немедленно увидел:
> Художник враг его—он это сознавал,
> Предвестника идей тиран возненавидел
> И в цепи ржавые надменно заковал.
>> Сатирик злой, опутанный цепями,
>> Тирану - деспоту опять жестоко мстил:
>> Кругом опутанный цепями,
>> Он все-таки чертил.

[1] С. Витте в своих «Воспоминаниях» пишет об этом: «...Я употребил, обращаясь к рабочим, необыденное в подобных случаях от сановника и главы правительства слово, что я им даю совет товарищеский. Это слово подхватили некоторые газеты и начали над ним издеваться, а вожаки рабочих совсем освирепели». — «Воспоминания», т. II, стр. 111.

и слова его вел-ва разным депутатам») запись одной из речей Николая II по поводу событий 9 января.

«Я принял вас, — заявил Николай II своим депутатам, — чтобы сказать после всего случившегося на этих днях в столице мое слово. Запомните это и верно передайте всем вашим товарищам.

«Когда на улицах Петербурга пролилась кровь моих подданных, сердце мое тоже облилось кровью от скорби о несчастных, большею частью, неповинных жертвах происшедшей смуты».

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно съ благомъ народнымъ, и печаль народная — Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе въ народѣ и угроза цѣлости и единству Державы Нашей.

Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ предназначаемыхъ Нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

На обязанность Правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2. Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ, дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку.

и 3. Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ Нами напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ.

Данъ въ Петергофѣ, въ 17-й день октября въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ".

Къ сему листу Свиты Его Величества Генералъ-Маіоръ Треповъ руку приложилъ.

«Пулемет», 1905 г., № 1.

«Пылающее сердце», таким образом, сразу окрасилось определенным ироническим цветом.

Спустя некоторое время, Чехонин уточнил свою идею и придал нижней части пылающего сердца, хотя и отдаленное, но все же сходство с чертами лица Николая II (лицо-редька корешком вниз, по характеристике Гоголя), а верхняя, бóльшая часть сердца получила контуры огромной императорской короны, в которой совершенно тонет маленькая голова царя.

Повидимому, этот вновь изобретенный символ так понравился самому художнику, что он сделал его постоянной маркой журнала «Маски», а в первом номере «Масок», на первой странице, рискнул даже поместить преж-

него черного мальчика, но уже с пылающим сердцем вместо прежней головы и в мантии, покрывающей добрую четверть земного шара. Подпись подсказывала, что это—червонный туз или пламенеющее сердце свободы»...

* *
*

Дальнейшим этапом в разработке портрета Николая II была необыкновенно ядовитая карикатура С. Чехонина, изобразившего после манифеста 17 октября «нашу конституцию» в виде карточного домика. Трудно было дать более образное и более правильное изображение конституционного карточного домика, который строил некто со связанными ногами на стареньком шатающемся столике, с тоненькими, еле держащимися ножками...

— Просят не дуть, — говорила подпись...

Карикатура появилась в тот момент, когда огромное большинство заправских политиков приходило от новой «конституции» в восторг [1] и готово было совершенно серьезно просить «не дуть...»

Чехонин, один из первых, понял настоящую цену этого карточного домика и решил «подуть...» Насколько помнится, этот рисунок был перепечатан в заграничных иллюстрированных изданиях, наглядно и просто ознакомивших Европу при его помощи с истинным характером как нашей конституции, так и скрывавшегося за карточным домиком ее августейшего создателя.

Более смело переданы характерные черты внешнего облика Николая II на двух рисунках, напечатанных в журнале «Бурелом» (1906 г., № 1 и 2) и принадлежавших самому редактору Г. Эрастову (Homunculus).

На первом из этих рисунков Николай II сидит на большом кресле и до такой степени углубился в чтение «Правит. Вестника», закрывающего его лицо, что совершенно не замечает, как крысы подгрызают и почти уже изгрызли ножки кресла, на котором он сидит.

Часть лба, виднеющаяся из-за газеты, и особенно прическа сразу же позволяет узнать, кого изобразил художник. Для большей ясности все это происходит явно в комнате Зимнего дворца, в кабинете Николая II, так как сквозь большое зеркальное окно виден Александровский сад и здание Адмиралтейства.

Второй рисунок — в той же обстановке, но Николай II, спиной к зрителю, увязывает свой чемодан с надписью «Biorke». [2]

Дополняет эти два рисунка третий рисунок — «Поздравители». [3] Та же комната Зимнего дворца. Группу поздравителей — Победоносцева, Дурново, Витте—встречает с испуганным лицом «дворник» Трепов. На полу стоит фонарь. Вся поза говорит:

— Искал по всему дворцу. Уехал...

Любопытна также деталь. На первом рисунке, на одной из стен висит большой портрет Александра III, грозно глядящего на своего сына. На втором — тот же портрет, но видны только ноги уходящего Александра III.

Этими рисунками, очевидно, объясняется тот успех «Бурелома», который отмечает в своей статье М. Л — ский.

Он был раскуплен до последнего экземпляра как в Петербурге, так и в провинции. По четвергам — дням выхода журнала — в конторе редакции

[1] «Самодержавие подписало акт самоотречения», — говорил по поводу манифеста 17 октября даже «Сын Отечества» (1905 г., 22 окт.).

[2] Цензурный комитет сразу узнал, даже по спине, кто увязывает чемоданы! «Рисунок этот, — говорится в докладе цензора, — очевидно (!) напечатан с целью возбудить неуважение к особе его императорского величества и потому виновные в его отпечатании подлежат ответственности по 1 ч. ст. 103 Улож. о нак.». — Дело Главн. Упр. по делам печати, 1905, № 222, 6 л. об., 7.

[3] «Буревал», 1906, № 3.

(Невский, 112) происходила словесная схватка между служащими конторы и газетчиками... Из провинции поступали ежедневно заказы по телеграфу.

Темы этих рисунков и мастерское исполнение обращали на себя внимание даже заграничных изданий. Если верить хронике тогдашних петербургских газет, перепечатывание немецкими журналами рисунков из «Бурелома» заставило русское посольство в Берлине войти с представлением в германское министерство иностранных дел, руководитель которого будто бы ответил, что было бы странно запретить в Германии то, что открыто печатается в России. [1]

* *
*

Показать подлинный лик Николая II для карикатуриста было особенно соблазнительно, потому что его уже отлично рисовали в иностранной карикатуре, да и у нас было сделано кое-что в этом отношении.

Помню, ходила по рукам небольшая черная скульптура из дерева. На первый взгляд, это было просто какое-то столярное украшение... Но стоило ее поставить под известные углы, и получается совершенно ясный, отчетливый силуэт Николая II в гробу.

Открыто, хотя и неособенно искусно, рисовали Николая II на листках, оттиснутых на гектографе.

Студенческая организация Технологического института, напр., пустила в обращение рисунок, изображавший прием депутации рабочих, где Николай II милостиво беседовал с рабочими, к которым приставлены жандармы: по 2 на одного... На другом рисунке рабочий вывозит Николая II на тачке. [2]

Попытку дать в печать изображение лика Николая II сделал «Сигнал». Здесь нарисован человек, сидящий за столом в нерешительности, подписывать или не подписывать какую-то бумагу? Склонившаяся над ним смерть что-то напевает, аккомпанируя на арфе, на которой осталась только одна, последняя струна. Сходство с Николаем очень отдаленное, но что это именно он,—подчеркивает помещенный на спинке кресла двуглавый орел.

Даже глубоко провинциальные, выходившие во Владивостоке «Брызги» (№ 2) напечатали рисунок с подписью «старый фетиш, свергнутый с пьедестала», при чем самый фетиш, свергаемый рабочим, очень напоминает своим обликом фигуру Николая II.

«Сигнал» напечатал заметку о двух хулиганах: в одном из хулиганов, по портрету, можно было узнать Вильгельма II, а другой не мог быть ни кем иным, как Николаем... Чтобы обратить на это внимание, в позднейшем номере «Сигнала» было напечатано маленькое редакционное сообщение такого рода:

«...На нашу невинную шутку «Два хулигана», помещенную в № 1 «Сигнала», неожиданно для нас обиделся император Вильгельм и напечатал в «Правит. Вестнике» опровержение». [3]

Все это, однако, было сопряжено с большими трудностями.

Цензура беспощадно старалась пресечь всякую попытку в этом направлении.

В рисунке «Сигнала» (1905 г., № 3) она усмотрела, например, «в совершенно неподобающей обстановке — (изображен был Витте в своей семейной спальне) — как бы заштрихованный портрет государя императора».

Показался подозрительным и недопустимым первостраничный рисунок, где три генерала душат в кровати кого-то, но кого, совершенно неизвестно.

Член цензурного комитета д. с. с. Меграбов вошел по поводу этого рисунка с особым докладом.

---

[1] «Исторический Вестник», 1912, № 4, 463.

[2] «Первая русская революция в Петербурге». Сборн. II. Ленинград 1925. Стр. 28, 103, 147.

[3] «Сигнал», 1905, № 4.

«...Нахожу необходимым указать, — писал он, — на рисунок, на первой странице журнала, изображающий кровать с торчащими из нее, с одной стороны, ногой, а с другой — рукой и трех окружающих кровать генералов, в том соображении, что если комитет признал необходимым указать на заметку «Дорогая редакция» за подписью «Коля Р.», то последовательность требует указать и на упомянутый рисунок».[1]

Почему непременно генералы должны были душить «Колю Р.», из рисунка не видно.

Но по соображению, в сущности, конечно, правильному:

— Кого же, дескать, больше?

А что генералы, к тому же военные,—это было сугубо страшно, так как получался намек на то, что и войска, даже генералы — далеко не так уже надежны, как это казалось тем, кто видел в них оплот трона и самодержавия.

«Зритель», приблизительно, в это же время[2] изобразил довольно безвыходное положение царя Гороха, неожиданно для себя наткнувшегося на штыки и уколовшегося так больно, что у него слетела корона с головы. Царь Горох в полном недоумении спрашивает:

> Ой, да что же это?
> Здесь штыки, там флаг...
> И корона где-то...
> Тучи, бури, мрак...

А через страницу, в том же номере, как это было принято у «Зрителя», как бы в пояснение и дополнение, картинка «Результаты», на которой матросы жестоко расправляются со своими командирами.

По примеру Чехонина, и другие художники все чаще прибегают к символике.

С этой целью были использованы царские регалии. На одном из таких рисунков, например, Витте закладывает банкиру горностаевую царскую мантию... Банкир, однако, денег дать под нее не соглашается, указывая на то, что она дырявая. Повидимому, не помогает делу и то, что Витте демонстрирует здесь же орла, посаженного в клетку и прикованного к ней внушительной цепью.[3]

В другом месте того же «Сигнала» представлен Витте, сосредоточенно штопающий двуглавого орла, сильно потрепанного.

В журнале «Яд» изображен испуганно летящий двуглавый орел, которого настигают языки дыма и пламени, поднимающиеся из многочисленных фабричных труб.

Интересен стилизованный, характерный для И. Билибина рисунок, на котором фигурирует царь Додон со свитой и ковыряющим в носу маленьким наследником.

Его хорошо дополняет сделанная в древне-русском, летописном, стиле подпись, поясняющая рисунок и рассказывающая, как царь Додон «восстал от богатыя и обильныя трапезы, великолепное чрево свое заморскими яствами преисполнив, увидел в окно месяц, спросил сначала своего ближнего боярина: «кто есмь аз?..» Когда же тот ему ответил, что он «Царь Додон, единый над всей землей», то царь Додон, указывая на луну «тако промолвити соизволил: а тамо кто царствует?..»

Хотя и стояла подпись Додон, но, конечно, все это относилось к великому уму «нашего...»

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1905 г., № 205, л. 4.
[2] «Зритель», № 22, 1905 г., 22 ноября.
[3] «Сигнал», 1905, г. № 4.

Классическими образцами политической карикатуры такого рода могут служить появившиеся в «Жупеле» два рисунка: один И. Я. Билибина, другой З. И. Гржебина.

И. Билибин использовал широко распространенный портрет Николая II. Он взял его арматуру, его всем известную рамку, вынул оттуда самый портрет и вместо него нарисовал осла.

Просто и очень образно. Единственный, но весьма существенный недостаток этого рисунка заключался в том, что он требовал все же известной подготовки. Человек, которому не попадался на глаза портрет, положенный в основу рисунка, не поймет его ядовитой соли.

Впрочем, тогда все понимали. Ходил анекдот про городового, который тащил в участок человека, громко крикнувшего: «дурак»...

— Что ты, протестовал арестованный. Да мало ли я про кого...

— Ладно! Если «дурак» — значит про нашего!..

Осел воспринимался так же.

Гораздо выразительнее, в этом отношении, рисунок Гржебина.

Гржебин взял двуглавого орла. При рассматривании его в том виде, как он был помещен в журнале, каждый видел своеобразно стилизованного орла, у которого на груди, вместо обычного изображения Георгия Победоносца, был вставлен кружок с надписью «конституция.» Но если рисунок повернуть в обратную сторону, орел сразу же превращается в стоящего спиной Николая, поднявшего горностаевую мантию и показывающего обнаженной часть своего туловища ниже спины.

Жест правда грубый, но очень выразительный, соответствующий кукишу и весьма распространенный в низших народных слоях.

Рисунок настолько выразителен и ясен сам по себе, что делает излишней даже имеющуюся под ней подпись «Орел — оборотень», необходимую разве только для того, чтобы указать читателю, что рисунок следует рассматривать не только в прямом, но и в перевернутом положении.

Да, сейчас орел с конституцией и сейчас же,—только повернуть,—Николай II, последний из семейства Обмановых, самый маленький и самый крупный Обманов, с его привычным грубо-циничным жестом.

Гран-Картере, большой знаток карикатуры, придает этим двум рисункам И. Билибина и Гржебина исключительное значение.

— Этим, — говорит он, — все сказано. Отныне можно говорить, не finis Poloniae (конец Польши), а скорее finis tsaris (конец царя...).

* *
*

Нужно сказать, что если работа русского сатирика была связана с большими тяготами, проистекавшими из цензурных и всяких иных утеснений, то она же, в значительной мере, и облегчалась тем, что для создания сатирического гротеска не приходилось особенно напрягать свое воображение.

Объект этой сатиры — был, в сущности, сам по себе живой, уже готовой карикатурой, которую только нужно было зарисовать и показать менее наблюдательным согражданам.

В самом деле, что представляет собой, например, хотя бы небольшая заметка о том, как с течением времени меняется стиль:

Прежде. Благодарить.
Отрадно читать.
Прочел с удовольствием.
Выразить мою признательность.
Благое дело.

Теперь. Не верится.
Грустно, но верно.
Куда же смотрела полиция?
Вот до чего доводит нерадение властей.
Скверное дело. [1]

Узнала цензура подлинные царские резолюции и в статье «Бурелома» (№ 1) под заглавием «Так говорит Заратустра».

... В этой статье,—сообщало Главн. Упр. по делам печати прокурору,— «в оскорбительной для его величества форме приведены резолюции государя императора на всеподданнейшем отчете государственного контролера». [2] Когда судебный следователь, все тот же Ц. Обух-Выщатынский, попросил представить ему номер «Правительственного Вестника» с этими резолюциями (глазам своим не верил !), то Главное Управление по делам печати послало ему газету «Начало» от 20 ноября 1905 г., где был напечатан и отчет и резолюции!..

Резолюции эти были, как всегда, очень кратки: «следует», «грустно, но верно», «не верится», и, наконец — «возмутительно. Сколько отмороженных пальцев...»

К сожалению, в нашей Государственной библиотеке нет как раз этого номера газеты «Начало». Но даже по аллегорическому изложению «Бурелома» не трудно догадаться, что журнал зло пародировал доклад контролера о разного рода непорядках, вскрытых войной на Дальнем Востоке. Резолюция «не верится» относилась, повидимому, к тому месту доклада, где говорилось о плохом и старом вооружении войска. Последняя негодующая резолюция сопровождает слова пародии о солдатах: «Нагие, они встретят царя львов, ибо нагими послали их к Восходу Солнца развратные князья их...»

Это были подлинные царские резолюции: наложенным на них благоговейной рукой чиновника лаком они сохранены в полной неприкосновенности в наших архивах.

Прямо гениальным сатириком, Колумбом сатирическим был тот остающийся неизвестным издатель, который выпустил отдельной брошюрой собрание речей Николая II.

Собрание это вышло настолько махровым, что цензура его запретила и изъяла из обращения. Начиналось оно знаменитыми «бессмысленными мечтаниями», а кончалось «речью» ломовым извозчикам, своеобразным царским советом: «объединяйтесь и старайтесь...»

Все это подлинные «золотые» слова, своевременно опубликованные в «Правительственном Вестнике».

Понятно, поэтому, какую остроту должны были иметь такие, напечатанные в «Буревале», телеграммы, бывшие как бы откликом на одну из этих речей.

«Лондон. Тронная речь произвела невыразимое впечатление.

«Берлин. Тронная речь произвела огромное впечатление.

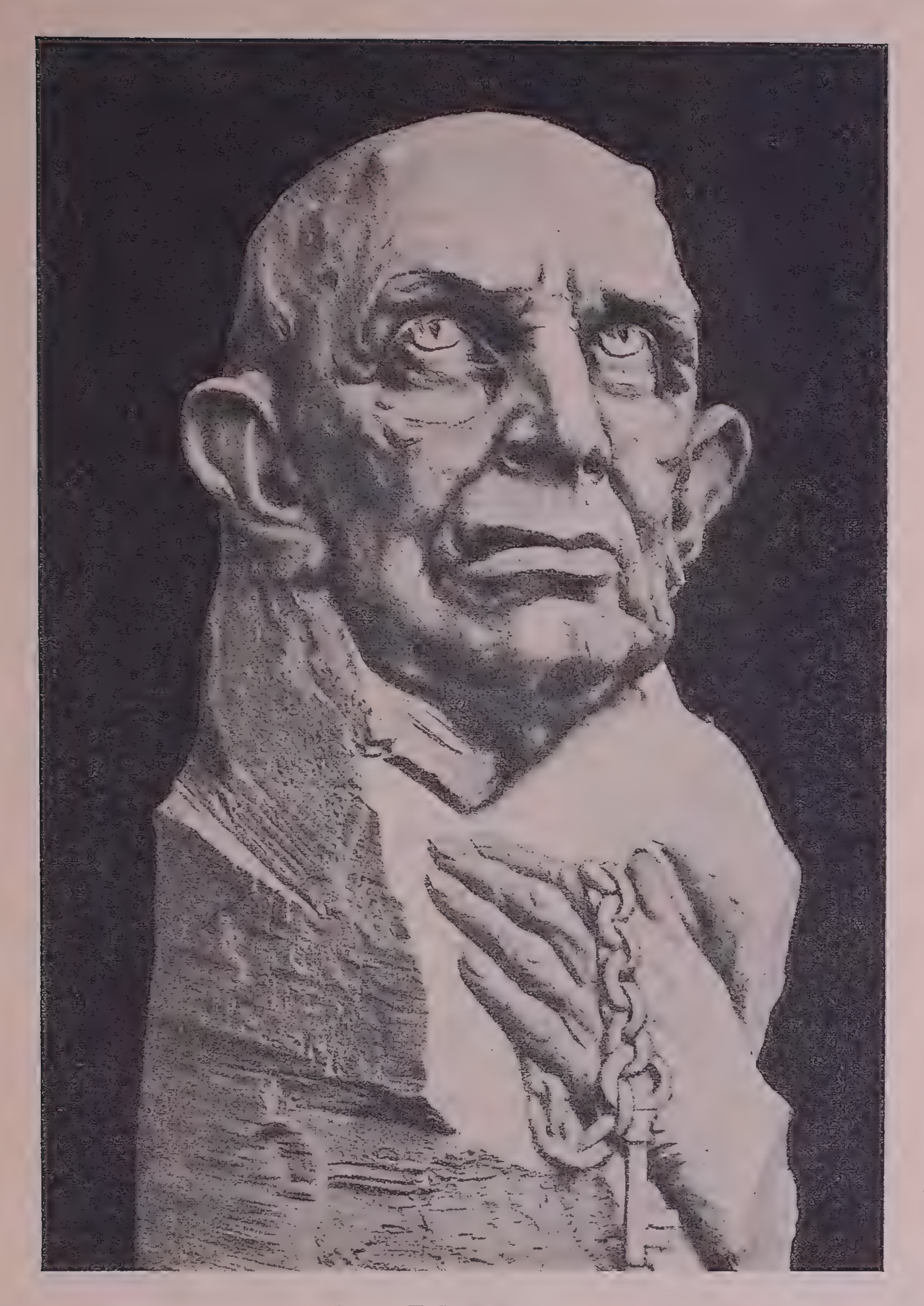
«Париж. Тронная речь произвела адское впечатление.

---

[1] «Пламя», № 1, 9 декабря 1905 г. — «Скверное дело» царь написал на докладе о находке оружия в Финляндии.

[2] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1905 г., № 222, л.л. 1, 12 и др. Тут же указывалось цензурой, что на стр. 7 «Бурелома» помещен портрет с явной целью изобразить в ней государя императора в обстановке «оскорбительной и доказывающей дерзкое неуважение к верховной власти...»

Скульптура В. Симонова.

К. П. Победоносцев.

«Гамаюн», № 1.

«Константинополь. Султан обещает туркам тоже произнести тронную речь, если кадеты и в Турции одержат верх.

«Париж. (Дополнительно.) В салонах полагают, что тронною речью блистательно разрешен аграрный вопрос».

Где-где, а в цензуре эти телеграммы, в связи с рецензией на книгу Романова «Пауки и Мухи», произвели «адское впечатление»: номер «Буревала» [1] был немедленно конфискован, редактор, В. Турок, присужден к заключению в крепости на 2 года, а сам журнал запрещен «навсегда». [2]

VIII.

Родственники придворные царя.—Великий князь Алексей Александрович и артистка Балетта.—Вел. кн. Владимир Александрович.— Вел. кн. Мария Павловна.— Граф С. Ю. Витте.— Министр П. Н. Дурново.— К. П. Победоносцев.— Камарилья.

Каков поп — таков и приход, говорит пословица, и наши сатирики постарались лишний раз эту пословицу подтвердить новыми данными, извлеченными из быта и жизни окружавшей царя атмосферы, его «прихода».

Прежде всего и больше всего обратил на себя внимание один из «дядей», вел. князь Алексей Александрович, своей деятельностью по морскому ведомству.

Всем были известны его отношения к французской артистке Балетта, но не многие знали, как дорого эта великокняжеская избранница, на которую расходовались деньги морского ведомства, стоила России.

Наши сатирические журналы постарались раскрыть глаза тем, которые этого не видели и не знали.

Цензура была на страже.

Среди материала, представленного «Зрителем» и не разрешенного цензурой, между прочим, оказался такой разговор «между приятелями»:

— Знаешь, теперь окончательно выяснилось, что француженка, оставившая в вагоне бриллианты «бедным русским», служила в одном из петербургских театров. Угадай, какой это театр?

— Балет?... А?...

Как ни охраняли цензора это почти «высочайшее» имя, но все же многое проскакивало сквозь цензурные заграждения, и тот же «Зритель», например, открыто напутствовал отъезд Балетта за границу горячей статьей в отделе «Театральное обозрение»:

«Г-жа Балетта, - писал «Зритель»,—для администрации (конечно, театральной) стоила очень дорого: ей платили большое жалованье, перед которым жалованье президента Швейцарской республики — подачка нищему.

---

[1] «Бурелом» выпустил только четыре номера (1905—авг.). Пятый был конфискован в типографии во время его печатания; уцелел всего один экземпляр, обладателю которого, по словам М. Л-ского, предлагали 50 р., но безрезультатно. Приостановленный до суда, «Бурелом» две недели появлялся под псевдонимом «Буря», при чем второй выпуск был составлен сотрудниками без участия редактора, скрывшегося в Швецию. Участь «Бурелома» не замедлила постигнуть и «Бурю», повлекшую тяжелую кару не только на себя, но и на печатавшую ее типографию. После небольшого перерыва «Бурелом» опять вышел, изменив *лишь последний слог своего заголовка* в «вал». Но «Буревалу» приходилось хуже, чем его предшественникам: каждый номер подвергался конфискации, с каждым номером новый редактор все привлекался по новым статьям, а на 4-м вып. журнал и совсем приостановили. («Истор. Вестн.» 1912, № 5, 461.)

[2] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1906 г., № 43, л. 16.

«Мы приветствуем уход Балетта, как светлое явление нашей жизни, как проявление начал истины.

«Г-жа Балетта взяла у нас слишком много, чтобы не быть должной нам.

«Вот почему газетное известие об уходе одной из талантливейших женщин мы прочли с истинным удовольствием.

«Вот почему мы искренно признательны г-же Балетта за ее решение отправиться в Париж». [1]

Конечно, Балетта была только мишенью, более доступной для сатирических стрел и вдруг, с особенной яростью, вспыхнувшего после Цусимской гибели нашего флота общественного негодования. Все отлично понимали, что за именем французской артистки стоит главный виновник вел. кн. Алексей Александрович, «дядя» Николая II, верховный командир всего флота.

Как ни мало придавали в это время значения общественному мнению, но все же оставаться на этом посту вел. кн. Алексею Александровичу было трудно, и он был уволен. Форма, в которую была облечена эта отставка, была такова, что «Зритель» счел возможным просто перепечатать высочайший указ о ней на своих страницах, на ряду с другими сатирическими произведениями. Вот что гласил этот, опубликованный 2 июня 1905 г. высочайший приказ по морскому ведомству: «Его императорское высочество великий князь Алексей Александрович, согласно просьбы его высочества, всемилостивейше увольняется от должности главного начальника флота и морского ведомства, с оставлением в званиях генерал-адмирала и генерал-адъютанта, а равно и в прочих должностях и званиях».

Все столичные газеты посвятили этому высочайшему приказу передовицы, «Зритель» этого не сделал. Зачем? Что могло быть красноречивее этого указа, сообщавшего, что виновник одного из важнейших несчастий, стоившего русскому народу огромных жертв, не только не нес никакого наказания, но просто увольнялся по его же просьбе, при чем за ним оставлялись все остальные его должности, состоя в которых он безответственно мог продолжать свою деятельность в том же духе? Подлинно, «всемилостивейший» указ, достойный сатирического журнала!

* * *

Не щадили и другого «дядю» — вел. кн. Владимира Александровича. Цензура сразу обратила внимание на дерзкое стихотворение А. Гидони «Так болтали в кофейнях Багдада», где более чем прозрачно рассказывалось о всплывшей вдруг растрате Владимиром денег, собранных на постройку храма на месте убийства Александра II в Петербурге.

Как известно, из-за этой растраты, постройка церкви, начатая в спешном порядке, по приказу Александра III, затянулась на очень и очень долгие годы:

> И строит мечеть без конца Влад-Эмир,
> И долгой постройке дивится весь мир,—

писал «Зритель», загримировав Владимира — Влад-Эмиром. [2]

О. Чюмина («Оптимист») написала «средневековую балладу» на мотив из Гейне «Я зовусь принцессой Ильзой», героиня которой, скрытая

---

[1] «Зритель», № 2, 12 июня 1905 г.
[2] Тоже, № 24, 4 декабря 1905 г.

с такой же непроницаемостью, как Влад-Эмир Гидони, делала о себе признания такого рода:

Я — не дама демимонда,
Я — принцесса Требизонда
По-венгерски: Поль-Мари. [1]

В ресторанах с итальянцем
И с лихим преторианцем
Распивала я Помри.

«Чистотой» мы не блистаем,
И, подбито горностаем, —
Мне манто не по плечу.

Средь измен перед страною,
Что должна мне быть родною, —
Я в грязи его влачу.

Требизондская принцесса —
Патронессам патронесса
И хранительница касс.

И как милости — сначала,
Так поздней я расточала —
И гроши народных масс.

В бенефис мой пели дивы
Итальянские мотивы....
Мне — измены закоулки,
Мне и ключик от шкатулки
Загрязненного креста. [2]

Цензура и прочие, однако, сразу же догадались, несмотря на сатирическую маскировку (особенно, при пояснительном примечании из области венгерской лингвистики), что это вел. кн. Мария Павловна, супруга «Влад-Эмира» и достойная мать Кирилла Владимировича, «всемилостивейше» согласившегося теперь занять императорский русский престол, а до революции серьезно мечтавшего вместе с матерью, как это передает Пуришкевич, о том, чтобы свергнуть Николая II и занять его место.

Помогла цензура недогадливым расшифровать и «репертуар», напечатанный в «Буреломе» (№ 2):

Александринский театр: 1) «От преступления к преступленью». Драма Владимирова. 2) «Сама себя раба бьет, коль не чисто жнет». Водевиль Николаева.

Народный Дом. «Летучий Потемкин» — большая опера с процессией матросов, сражениями и т. д. музыка Алексея Александрова.

Михайловский театр: «On ne badine pas avec... la flotte». Comédie nouvelle par m-me Baletta. («С флотом не шутят». Новая комедия Балетта.)

Зал Павловой. Великосветскими любителями будет представлена мелодрама «Ограбленная почта». [3]

---

[1] «По-венгерски» имя ставится не впереди, а позади отчества и фамилии, — поясняла примечании редакция журнала.

[2] «Сигнал», № 3, 27 ноября 1905 г.

[3] Намек на великосветских штрейхбрехеров, которые пытались заменить забастовавших почтовых служащих. В газетах сообщались случаи пропажи ценных, денежных пакетов.

Цензура сразу же обратила внимание на этот хорошо знакомый им репертуар и «в сопоставлении трех фамилий авторов» цензурный комитет усмотрел «дерзостное неуважение к особам государя императора и членов императорского дома». [1]

Ясно было, что «от преступления к преступлению» шел вел. кн. Владимир Александрович.

Для Николая II было очень назидательно указание, что «сама себя раба бьет, коль не чисто жнет».

Дело с конституцией было ведь не из очень чистых!...

Об Алексее Александровиче и его фаворитке Балетта и говорить нечего.

* * *

Внимание, которое уделила сатира всему семейству Обмановых, поэтому, имело свои основания. Это были одни из наиболее крупных щупальцев того спрута, который был характеризован в приведенных выше строках журнала «Спрут».

Щупальцев, кроме членов «августейшей семьи», но то же крепко всосавшихся в здоровый народный организм, крупных и мелких, было без конца: тысячи... действительных тайных, просто тайных, действительных и недействительных. Большинство из них — старые, дряхлые... С хорошим, многолетним стажем. В высшем государственном учреждении — Государственном Совете, не в шутку, как писал один сатирик, [2] а действительно можно было слышать диалоги такого рода:

— А позвольте узнать ваше превосходительство: сколько вам лет?

— Шестьдесят восемь, ваше высокопревосходительство.

— Счастливый возраст. Ах, когда-то и мне было шестьдесят восемь лет... Золотая пора!

Известная картина Репина, увековечившая одно из торжественнейших заседаний Государственного Совета, под председательством самого Николая II, запечатлела и этот удивительный Олимп во всей его кошмарной, но правдивой действительности. В сущности, портреты, сделанные в «Жупеле» Б. М. Кустодиевым, только разве чуть-чуть прибавили шаржа фигурам, наполняющим это огромное и страшное полотно. Жуть брала при одной мысли, что все это либо настоящие, либо будущие, либо бывшие министры, вершители судеб России!

Сатирические журналы просто черпали из этой сокровищницы одну за другой фигуру покрупнее и показывали, слегка только подчеркивая их особенно характерные черты. Идя по следам Леонардо да-Винчи, Брегейля старшего, и наши художники давали человеческие маски, сквозь которые ясно выступали отвратительные животные черты.

Чаще всего и больше всего сатирики беспокоили своим вниманием таких «тайных советников», как Победоносцев, особенно Витте и Дурново.

Каждый шаг Витте, каждое его слово, находило немедленно отклик в сатирической литературе, и всегда вполне определенный.

Сатирики сразу подметили и резко подчеркнули его фальшивую, всю построенную на лжи, двуличную политику, его постоянное хождение по канату, заигрывание с «красным знаменем» и в то же время прислуживание явно сгнившему самодержавию, хотя, как это теперь уже вполне доказали его «Воспоминания», он видел и сам, чего оно стоит.

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1905 г., № 222, л. 6 об., 7.

[2] «Еж», № 6, 1907 г.

Его обращение к рабочим, которых он, милостиво, назвал «братцами», дало особенно большую пищу для карикатур и стихотворений. «Зритель» передал этот эпизод в такой форме:

РОДСТВЕННИКИ.

«Братцы забастовщики,
Станьте на работушку.
Бросьте смуту лютую,
Пожалейте детушек.
Братцы! Прочь советчиков!
Министерство новое
Вам приуготовано:
Отношенья правые
Между вами, братцами,
И меж фабрикантами
Министерством вводятся...
Дайте, братцы, времячко,
Долго ли, коротко ли,
Сделаем возможное.
Слушайте советчика,
К вам расположенного,
И добра хотящего
Братца вам родимого
Графа Витте славного».
Тотчас по прочтении
Слов таких внушительных
Трубы все фабричные
В один голос грянули:
«Хо-хо-хо, хохонюшки!
Не в родстве мы с графами!»
Грянули и смолкнули,
Только эхо звонкое
Этот хохот каменный
Разнесло по фабрикам...
И повсюду носится
Хохот оглушительный,
Хохот забастовочный:
Хо-хо-хо, хохонюшки! [1]

Витте язвительно советовали:

«...Назвался «братцем» — ступай налево».

«Гусь свинье не товарищ», а товарищ графу не «братец». [2]

Кукиш — стал одним из аттрибутов, неизменно сопутствовавший всем изображениям Витте, особенно после манифеста 17 октября.

Поляки, тоже возлагавшие надежды, трактовали Витте в этом же стиле. Варшавский журнал «Motyl» поместил рисунок, изображающий польскую делегацию у гр. Витте. Члены делегации спрашивают надменного швейцара, передал ли он их карточки.

— Да, говорит швейцар, в собственные руки.

— Что-же сказал граф?

— Сказал: Пускай бог им помогает. [3]

---

[1] «Зритель», № 20, 3 ноября 1905 г.
[2] «Дятел», 1905 г., № 1 (прибав.).
[3] «Motyl», 1906 г., № 1.

Один из журналов («Буревал», 1906 г., № 43) поместил портрет Витте с надписью огромными буквами «Идиот»... Слово это относилось собственно к рассказу, который следовал за ним, но так близко стояло к изображению Витте, что бдительная цензура, не обинуясь, привлекла сатирика к суду за оскорбление носителя власти. На этот раз, впрочем, неудачно. Прокурор нашел, что такому обвинению можно было бы дать ход, если бы на это жаловался сам оскорбленный, а так как от Витте жалобы не поступало, то, следовательно, и судить было нельзя. [1]

Конечно, Витте не был «идиотом», и такого вопроса возбудить не мог.

Гораздо более остроумными и злыми были такие стихотворения, как, например, стихотворение Духа-Банко в «Спруте», написанное в стиле Алексея Толстого, где рассказывалось, как Витте варит «Кашицу», которая называется конституцией.

— Государь ты мой, батюшка, государь Сергей Юльевич,
А чем ты будешь кашицу размешивать?
— Нагайкою, матушка, нагайкою,
Нагайкою, родимая, нагайкою.
— Государь ты мой, батюшка, государь Сергей Юльевич,
А чем поливать будешь кашицу?
— Кровушкой, матушка, кровушкой,
Кровушкой, родимая, кровушкой.
— Государь ты мой, батюшка, государь Сергей Юльевич,
А ведь кашица выйдет крутенька?
— Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, родимая, крутенька.
— Государь ты мой батюшка, государь Сергей Юльевич,
А ведь кашица выйдет грязненька?
— Грязненька, матушка, грязненька,
Грязненька, родимая, грязненька.

В другом месте («Журнал Журналов», 1906 г., № 1) Витте характеризовался как лисий хвост:

В звериной клетке премьер-министром
Лису избрали. Она хитра,
Вся — в мягкой шубке, с хвостом пушистым,
Не зла как будто, и не добра.
Она плешива, со лбом высоким.
По правде молвить, едва ль умна;
Ее вся сила — в хвосте широком,
Но им без смысла вертит она.
Махнет налево, махнет направо.
Опять налево и вправо вновь,
Чуть либералы плещут: «браво», —
А уж меж ними струится кровь.
И снова вправо, и снова влево, —
Недоуменье кругом растет.
То ликованье, то крики гнева —
И взвыл в смятеньи звериный род.

Если бы собрать все карикатуры на Витте, которые были напечатаны в «Пулемете» Шебуева, «Зрителе», «Сигнале», «Паяце» и других журна-

[1] Дело Ценз. Ком-та, 1906 г., № 43, л. 7 об.

лах — получился бы очень объемистый альбом, всесторонне обрисовывающий работу этого маятника, приводившего в движение своим качанием вправо и влево механизм русской государственной жизни.

За эту работу журнал «Вампир» выразил ему своеобразную благодарность.

За все, за все тебя благодарю я;
За пять тобой обещанных свобод,
За произвол мундирного холуя,
За тюрьмы, за расстрелянный народ,
За то, что Русь ты обратил в пустыню,
За все, чем я тобой обманут был.
Но дай, господь, чтобы тебя отныне
Не долго я еще благодарил.

Действительно, «конституция», изобретенная Витте, оказалась более чем своеобразной.

И по всей Руси
Только стон пошел,
Как пошли давать
«Конституцию».
И теперь одна
Лишь у всех мольба
И у русских лиц,
Инородческих:
Убери, Сергей,
Ты возьми назад
«Конституцию»
Свою куцую.
Дай вздохнуть хоть раз:
Не расстреливай,
Не привешивай
Без суда ребят»! [1]

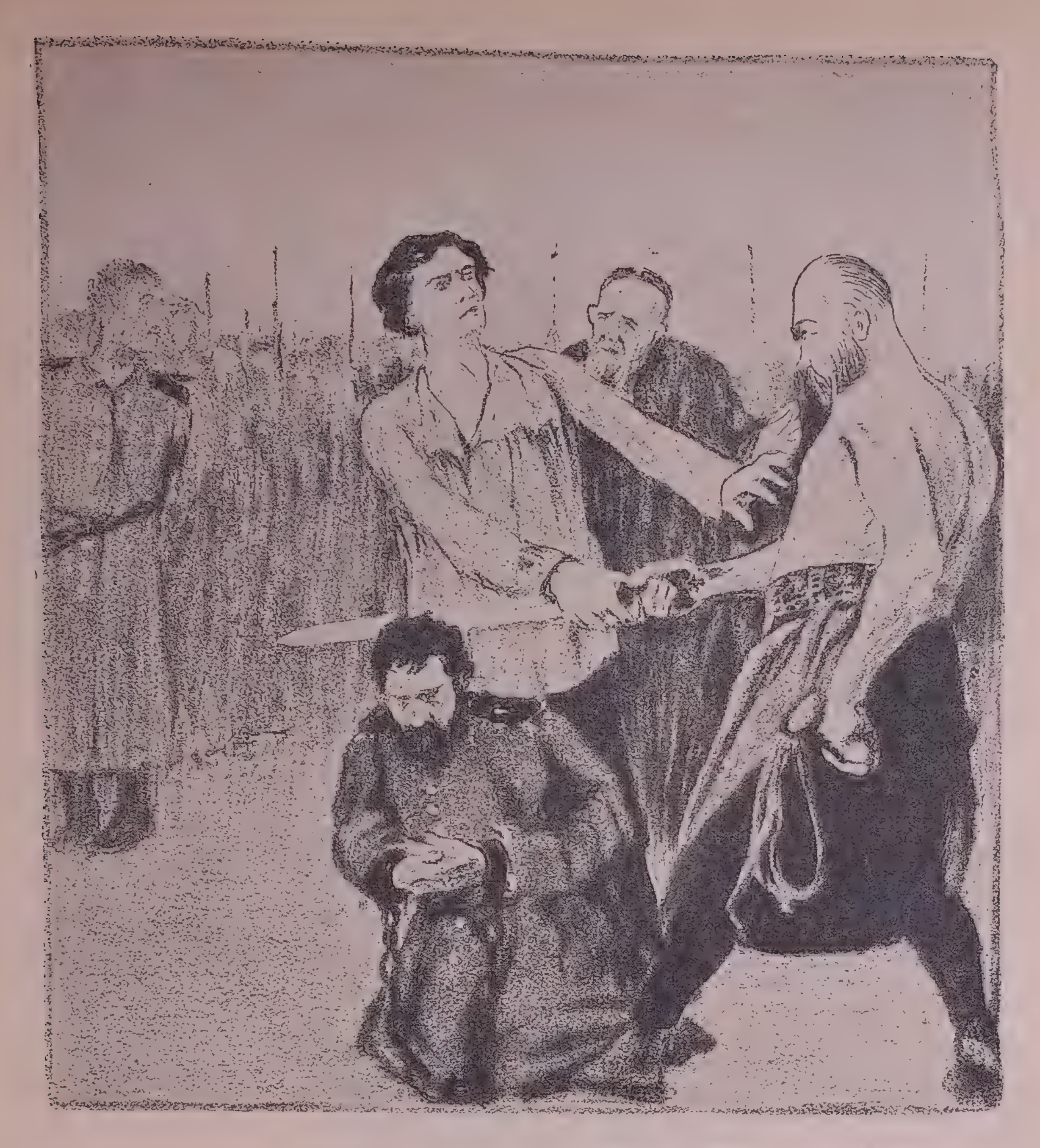
Собственные признания гр. Витте, сделанные им в его «Воспоминаниях», показывают, насколько верен был портрет, написанный выступившим в эти годы коллективом сатириков.

М. И. Покровский, в своем предисловии к этим «Воспоминаниям», [2] вскрыл не только самый факт двуличия Витте, но и его корень. Витте, настолько далеко стоявший от современной жизни, что не слышал даже слова «большевик», однако, понял, что на сцену выступает «сознательный пролетариат», чего не видели другие. «Ни дворянство, ни буржуазия, — говорит Витте, — не подумали о сознательном пролетариате. Между тем последний для сих близоруких деятелей вдруг, только в сентябре 1905 года, появился во всей своей стихийной силе. Сила эта основана и на численности, и на малокультурности, а в особенности на том, что ему терять нечего. Он как только подошел к пирогу, начал *реветь как зверь, который не остановится, чтобы проглотить все, что не его породы*». [3]

Что можно было итти путем прямого насилия, укрощать «зверя» пулеметами, это, конечно, Витте знал, но далеко не был уверен в том, чтобы этим можно было достигнуть хороших результатов. Путь подкупа конституцией казался более верным. Задача Витте состояла в том, чтобы разрознить, дезорганизовать поднявшуюся массу.

---

[1] «Спрут», № 13, 21 марта 1906 г.
[2] «Воспоминания», т. I, стр. XVI.
[3] Там же, т. I, стр. 399—401. Курсив мой. *В. Б.*

«Сигнал», 1905 г., вып. 2 (19-XI).

Насколько Витте при этом не растерялся и вел свою лисью политику сознательно, можно судить хотя бы по такому факту.

Трепов, даже Дубасов, даже сам Николай II готовы были отдать землю крестьянам.

— «После доклада, — рассказывает Витте, — меня встретил Трепов, и убеждал, как помещик, принять эту меру, как можно скорее, покуда крестьянство еще не отняло всю землю у помещиков». [1]

Сами помещики готовы были отдать свои земли, только бы спасти себя! Но Витте был тверд. По выражению М. Покровского, Витте «был воплощением класса и, хотя он не сознавал этого, интересы этого класса определяли его политику». [2]

---

[1] «Воспоминания», II, 157.

[2] Там же, т. I, стр. XXIII.

Имеется прямое, документальное указание, насколько неискренним и фальшивым сторонником конституции был Витте.

Половцев, в своем дневнике (16 февр. 1916 г.) записал речь Витте на заседании в Ц. Селе, где Витте доказывал, что «никакой» конституции царь не давал, так как никакой присяги не приносил, а что просто установил такой порядок законодательства и управления, который считал наилучшим и который ежечасно изменить может».

Витте вел с царем свою линию.

Лисья политика премьера, конечно, была расшифрована, а сатирические журналы постарались и, не без успеха, ее проявить во всю.

* * *

Другим, излюбленным карикатуристами, героем был К. П. Победоносцев.

Собственно, первый гротескный портрет его наметил И. Е. Репин в его известной картине, изображающей заседание Государственного Совета.

В этом же роде, только более резко подчеркнутый «лик», дал художник Б. М. Кустодиев в «Жупеле». Фарисей Тартюф глядит из рамки портрета.

Чехонин рисовал его в виде злой жабы. Таким он у него представлен на карикатуре с Плеве, на рисунке с Треповым, в виньетке, изображающей черную сотню.

Не то жабой, не то кровожадным вампиром изобразил его журнал «Паяц» [1] в карикатуре «Новогодний бокал», где он, в обществе Витте, Дурново и смерти, пьет кровавое красное вино из бутылок с надписью: «Московское красное» фирмы Дубасова, «Одесское красное» фирмы Нейгардта и др.

Польские журналы рисуют его теми же чертами.

Поляки не меньше, а даже больше испытывали его постоянное стремление удушить все, что малейшим образом претендовало на самостоятельную жизнь и мысль.

Небольшое по сравнению с другими число карикатур на Победоносцева объясняется тем, что сей «мудрый старец», как его в то время именовали в административных верхах, рано почувствовал загоравшийся пожар и постарался заблаговременно уйти со сцены.

Как верно заметил «Зритель» (№ 19),

Благочестивый старичок,
Он вынес бы антихриста явленье,
Он вынес бы и светопреставленье,
Но конституции он вынести не мог.

Даже той «куцой» конституции, которой не хватило на несколько месяцев!

* * *

Едва ли не самым отвратительным вышел в сатирическом зеркале — Дурново. Его сразу приняли в оглобли. Слишком уж большим и наглым вызовом было поручать проведение в жизнь конституционных свобод человеку, который за стремление к этим началам успел на своем веку повесить десятки, сгноить в тюрьмах сотни и сослать в Сибирь тысячи лучших русских людей. «С таким конституционным фортелем, — писал

[1] «Паяц», 1906 г., 1 янв., № 2.

В. Кранихфельд, — не в силах справиться даже сатира, не пустившая в него ни одной шутливой стрелы». [1]

Лицо летучей мыши, с бегающими глазами трусливого испуганного вора, глядящее с портрета, написанного З. И. Гржебиным в журнале «Жупел», детализируется в целом ряде карикатур, стихотворений, заметок в две или три строчки, рассеянных по другим сатирическим журналам.

Все почти начали с того, что припомнили резолюцию Александра III, положенную на докладе об одном из гнусных подвигов Дурново: «Убрать вон эту свинью».

Свинья сразу же становится символом Дурново, и в стихах и в карикатуре.

Другим таким же символом был овес... Основанием для этого послужила вскрытая орловским предводителем дворянства А. Стаховичем весьма грязная спекуляция Дурново с казенным овсом.

Изощрялись на эту тему журналы всячески.

«Жупел», например, предлагал разрешить вопрос — «кто он», при чем для разрешения загадки давал такие данные:

Хотя не травояден,
Но ест овес...
На всю Россию лает,
Но он не пес...
Пьет кровь народа,
Но не вампир...
Звонит победу,
Но он не Пирр... [2]

«Зритель» зло выразил свое недоумение по поводу странной любви Дурново к овсу:

До сих пор я знал, что кони,
Жеребцы, ослы и попи
Любят лакомый овес...
Но недавно был донос,
Что овес и Дурново
Тоже любит — каково?!
К обывателям взываю,
И подписку предлагаю:
Выносите по полтине
На кормленье скотине.
Купим десять мер овса
И увидим чудеса: —
Съест обжора Дурново
Весь овес — и у него
Лопнет брюхо пополам...
То-то праздник будет нам!

Дух-Банко спроектировал для альбома Дурново стихотворение, в котором подвел такие итоги его деятельности: [3]

С овсом казенным счеты,
Нагайки, пулеметы,
И шашки и штыки.
Семеновцев полки.

---

[1] «Мир Божий», 1905, № 12, стр. 125.
[2] «Жупел», 1906 г., № 3.
[3] «Спрут», 1906 г., № 2.

В день 303 ареста,
Во имя манифеста,
Насиле и ложь —
Старинные оплоты...
Он ваш, о «патриоты»!
Не правда ли, хорош?

Шебуев тоже остроумно суммировал в «Пулемете» общее отношение к Дурново.

Брань на вас несется градом;
Вас ругать считают спортом, —
Вас крестят то овсокрадом,
То свиньей, ослом иль чортом...
Вы едва моргнете глазом,
А на вас карикатуры
В двадцати журналах разом...
Вот что значит нет цензуры...
Нет, ей-богу, раньше жили
Втрое лучше, если вникнуть...
Об овсе бы запретили
Циркуляры даже пикнуть.

А все в один голос кричали: «уходите г. Дурново», «когда же вы уходите, г. Дурново?» То и дело помещались в сатирической хронике всякого рода слухи то о том, что Дурново не хочет уходить, то о том, что хочет...

Кротко, почти любовно умолял Дурново уйти журнал «Стрелы» в специально для этого переделанном цыганском романсе «Уходи». [1]

Уходи! Твой портфель
Не по силам тебе.
Плохо метишь ты в цель —
И падешь ты в борьбе.
Наш несчастный народ
Истомлен... Пощади!
Пусть идет он вперед —
Не мешай... Уходи!
Дай нам волю речей,
Не топи нас в крови,
Лихачей-палачей
Не зови! Не дави!
Не пытай, как злодей,
Ты народной души,
Пробужденных идей
Не туши, не души!
Не стучит телеграф,
Не спешит почтальон...
Не пугают ни штраф,
Ни штыков легион!
Тверд рабочий наш люд —
Компромиссов не жди!
Как ни будешь ты лют, —
Не возьмешь... Уходи!
Есть возмездья закон,
Не забудь, не забудь,

[1] Можно петь на мотив «Отойди».

Как твой грозный патрон [1]
Кончил жизненный путь.
Пусть сияют кресты
На холодной груди...
Но кровавой мечты
Не буди... Уходи!
Скоро пять уж недель,
Как, Россию губя,
Министерский портфель
Опьяняет тебя...
Мы не ждем ничего
От тебя впереди...
Господин Дурново,
Уходи! Уходи!.. [2]

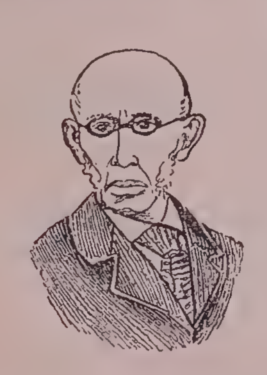
«Зритель» выпустил специальный экстренный номер, требовавший немедленного ухода Дурново!

Намек на судьбу Плеве, вплетенный в эту песенку, был не единственным в этом роде. Угрозы, в той или иной форме, начинают слышаться по разным поводам и по отношению к разным власть имущим «высокопоставленным» лицам все чаще и чаще.

Очень остроумно была использована с этой целью печатавшаяся тогда во всех газетах реклама патентованного средства против выпадения волос. Портрет лысого человека, помещавшийся в этом объявлении, был заменен портретом Победоносцева, а самый текст переделан в таком роде:

Я былъ лысымъ

и такимъ остался. Мои отецъ и дѣдушка были лысы. Бабушка моя родилась на Лысой горѣ. Я уже успокоился на мысли остаться лысымъ до конца своей жизни, когда, во время своихъ государственныхъ работъ, я познакомился съ одной швейцарской организацiей, которая спросила меня въ перiодъ своихъ размышленiй о русскихъ министрахъ, *не желаю ли я сохранить свою голову*; сильно заинтересованный, я конечно, отвѣтилъ утвердительно. Тогда швейцарская боевая организацiя пояснила мнѣ, что очень хорошо изучила химiю и въ особенности взрывчатыя вещества. Въ подтвержденiе своихъ словъ она произвела въ Россiи рядъ удачныхъ опытовъ, между прочимъ надъ ближайшими моими сотрудниками; у одного изъ нихъ, - министра, было очень мало волосъ. *Во всѣхъ случаяхъ успѣхъ былъ поразительный.*

Съ тѣхъ поръ я много думалъ о швейцарской боевой организацiи. Я могу привести сотни примѣровъ успѣшнаго и сильнаго дѣйствiя ея на оба пола. Ея преимущество состоитъ въ томъ, что чрезвычайно быстро разрывая голову, устраняетъ и лысину.

Я ручаюсь, что мое средство сохранить голову не содержитъ никакихъ веществъ, могущихъ повредить кожѣ или цѣлости государства. Это — *своевременно выйти въ отставку.*

Каждому государственному дѣятелю всѣхъ ранговъ, который ссылаясь на эту газету пришлетъ мнѣ точный адресъ, 2 марки по 7 коп. за пересылку и т. д. я тотчасъ вышлю для пробы свой совѣтъ подать въ отставку чтобы убѣдиться въ дѣйствительности его достоинствъ.

Если вы найдете, что волосамъ вашимъ все же грозитъ опасность, я охотно посовѣтую вамъ на германскихъ миноноскахъ отправиться за—границу. Для дѣтей уступка.

П. О. Бѣдоносцевъ. Литейный пр. д. 62. Тел. 180.

Объявленiе доставилъ:
О. Дымовъ.

«Сигнал», 1905 г. Вып. 2 (19-XI).

[1] Намек на смерть Плеве, от которого Дурново, по словам другого сатирика, «принял смысл и мудрость». («Зритель», 1905 г. № 24.)
[2] «Стрелы», 25 ноября 1905 г., № 5.

Там и сям, все чаще и чаще, слышались упоминания об «апельсинах» (бомбах), которые бросали в губернаторов и полицейских. Ответные казни, аресты, террор и всякого рода усмирения смущали мало.

«Зритель» заносил на свои листы пословицы и разговоры в таком роде:

«Те же бы петли, да не на те бы головы...»

Ссылались при этом и на некоторые поучительные факты: «Саратовская губерния объявлена неблагополучной по диабету (сахарной болезни). Там уже наблюдался один смертельный случай».

Намек на убийство ген. Сахарова, усмирявшего аграрные беспорядки.

Очень прозрачно намекалось на безвыходное, по тем же причинам, положения самого царя.

В маленьком «поучении детям» рассказывалось, напр., о мальчике Ване, которому не позволили забрать с собой на дачу гусей, поросят, собак, «словом весь двор»; Ваничка «завидовал другому мальчику Коленьке, который даже на зиму в город не показывается, с дачи на дачу, знай, переезжает, да за собой всякую скотину, весь двор таскает». В заключение добавлялось, что Ваничка, «когда подрос, поумнел и перестал Коле завидовать».

Министерская чехарда не обещала ничего хорошего, так как по существу ничего не меняла. «Зритель», [1] уже спустя месяц после введения конституции, писал:

> Новые и новые министры.
> Прежние, все прежние насилья...
> Правит вами старая кокотка —
> Старая кокотка — камарилья...
> Сами вы — угодливые ширмы
> Для кокотки старой камарильи...
> Будет день,— и сгиньте бесследно
> В нарумяненном и подленьком бессилье...
> И за ширмами наемников — министров
> Обнаженная предстанет камарилья...
> Отвернемся. Слишком безобразна
> Мать беззубая извечного насилья...

Помещенная среди разговоров такого рода виньетка, на которой были изображены повешенными шахматные фигуры, с королем и двумя королевами во главе,— (еще один вариант черной сотни),— довершала все эти предсказания.

В общем же, как ни сгущалась атмосфера все тяжелее и тяжелее нависшей реакции, но все же, в конце 1905 и начале 1906 года, сатирики еще бодрятся.

— Чем хуже,— точно говорят они,— тем лучше.

Хорошо даже, что на верхах такие люди, как Дурново, Витте и другие.

Очень остроумно К. Чуковский скомбинировал фотографическую группу, в которой очутились Дурново вместе с Германом Лопатиным, Бирилев, Иоанн Кронштадтский с лейтенантом Шмитом, и др.

Объединение таких, казалось бы, необъединимых, К. Чуковский пояснил сейчас же рядом, особым препроводительным письмом в стихах, адресованным без указания лица, кому оно предназначается, но судя по тому, что оно подписано Дурново и содержит в себе упоминание о святом Серафиме, в то время пользовавшимся большой любовью в царской семье, очевидно — Николаю II.

---

[1] «Зритель», 17 ноября 1905 г., № 21.

...Тебя портрет наш удивит
И будет даже непонятен:
Как? Рядом с Дурново — Лопатин
И вместе с Бирилевым — Шмит!
Да, мы теперь с бунтовщиками,
Затем, что, милый, мы и сами —
Большой руки
Бунтовщики.
Вот хоть бы я... Я взбунтовал поляков
При помощи Скалонов и казаков,
Освободил печать, цензуру устранил,
Союзами всю Русь объединил,
И, наконец, собравши почтальонов,
Я сразу несколько миллионов
Под красный стяг поставил в ряд;
Со мною рядом сам Сазонов —
И бюрократ, и ретроград...
А Иоанн, поднявший весь Кронштадт? —
Он больше бунтовщик, чем сотни всех Гапонов.
А Бирилев? Ведь целый флот
Он к революции ведет, —
И, осенив родные воды...
Кровавым знаменем свободы,
Достоин он со мной взойти на эшафот.
А ты, пигмей и телом и душою,
Ты истинный Марат! — и от тебя народ —
Кровавых мятежей и революций ждет...
Прощай. И Серафим да будет над тобой.

За П. Н. Дурново — К. Чуковский. [1]

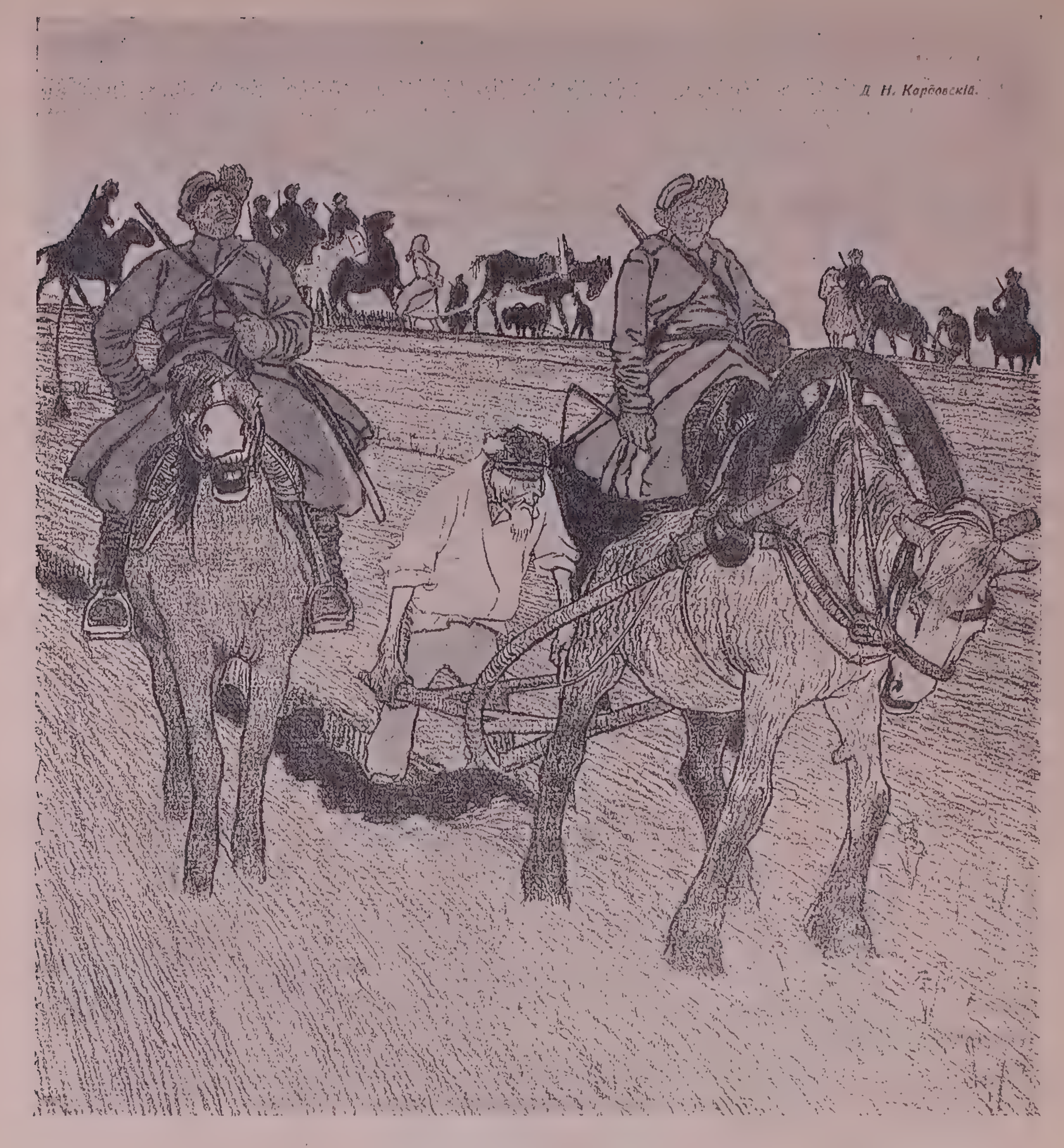
Подчеркнутые строки явно относились уже к Николаю II, «пигмею телом и душою», самому большому революционеру.

И по существу, конечно, это было далеко не так уже парадоксально. Репрессии только подливали масла в революционный костер, который разгорался все больше и больше. В одном из стихотворений министр горько жалуется на свою судьбу:

Когда в порыве слишком быстром,
Не посмотрев, куда иду,
Я согласился быть министром, —
В какую я попал беду!
Куда ни кинешься, — все скверно,
Куда ни глянь, — везде скандал,
И каждый час, смотри, наверно,
Уж кто-нибудь забастовал.
Бастует лекарь и разносчик,
Девицы, конки, кучера,
Студент, швейцар, актер, извозчик...

Да вот пример: телеграфистам
(Их дух союзов обуял)
Я пригрозил: «Что собрались там?»
А телеграф — забастовал.

[1] «Сигнал», № 3, 27 ноября 1905 г.

Ну, тащися, сивка!

«Жупел», 1906 г., № 3.

Я вышел к «ним» с сердитым ликом,
Осанку грозную храня,
Вдруг демократ, в экстазе диком,
Кричит «Долой!» Кого ж? Меня?
Я на него взглянул сурово —
Еще наглей кричит нахал.
И я позвал городового...
Городовой забастовал.
Распались звенья цепи древней,
Бунтует жид, бунтует лях,
Встает деревня за деревней
«В экономических целях».

«...Нижний чин должен ходить с полным сознанием своего достоинства, как имеющий счастье состоять на царской службе, как носитель доблестного мундира, который запятнать и замарать грешно; шапка набекрень, молодцом, красавцем, щеголем, женихом, картинкой, дабы встречные военные любовались, а обыватели проникались почтением и уважением». *(Из приказа по 1-й гвардейской пехотн. дивизии.)*

«Адская Почта», 1906 г., № 2.

Любя помещика, как брата,
Едва на помощь он позвал,
Я выслал экстренно солдата, —
Но и солдат забастовал.
Упала рента, нет доходов,
Грозит взысканьем кредитор,
Средь казначейских тайных сводов
Лишь пустоту встречает взор...
Трещит кредит, идет банкротство,
И я в Берлин гонцов послал:
— «Воззри на горькое сиротство!»
Но Мендельсон забастовал.
Матросы обратились в банду,
Кто был сапер — стал хулиган,
Мятежный Шмидт берет команду,
Бежит блаженный Иоанн.

*

Видала Турция ль, Европа ль
Такой безумный карнавал?
Кронштадт сожжен, взят Севастополь
И целый флот забастовал.
Ну, стал народ, с какой закваской!
Чего им нужно, не поймешь!
Ни мерой строгости, ни лаской
Не образумишь, не уймешь.
Стреляешь, режешь, рубишь, колешь —
Им все равно, им наплевать.
И остается мне одно лишь —
Хоть самому забастовать. [1]

Храбрый министр, действительно, в это время вел себя приблизительно так, как это в шутку было характеризовано в том же номере, где была напечатана эта жалоба:

— Министр, что лаешь?
— Забастовщиков пугаю.
— Министр, что хвост поджал?
— Забастовщиков боюсь.

IX.

Ликвидация конституции. — Покорение Москвы. — Новый Наполеон адм. Дубасов. — Полк. Мин и семеновцы. — Кукиш.

Конституция оказалась более чем куцой.

Государственная дума, на которую кое-кто из легковерных некоторое время надеялся, очень скоро разбила последние иллюзии в этом отношении.

Торжественное открытие ее состоялось 27 апреля 1906 года, а 9 июля она уже была распущена, при чем царь сделал народным избранникам строгое внушение, как некогда земцам.

В манифесте царь писал:

«...Выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в непринадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от нас властей, к указаниям нам на несовершенства законов основных, изменения которых могут быть предприняты лишь монаршей волей, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению. Да будет же ведомо, что мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению нашей царской воле».

Короче говоря — только более резко были повторены прежние «бессмысленные мечтания»:

— Пошли вон, дураки! — как формулировало их приведенное выше стихотворение.

Такое своеобразное обращение с конституционными представителями народа яснее ясного показало, какого сорта конституция «дарована» России. Продолжала верить в нее только «конституционно-демократическая» партия — кадеты.

Сатирические журналы, из которых ни один не стоял на этой платформе, отразили в своих рисунках и тексте наиболее яркие моменты этой исключительной и едва ли где осуществлявшейся в таких формах конституции.

---

[1] «Стрелы», № 5, 2 ноября 1905 г.

Еще 4 декабря 1905 года «Зритель» показал, каким психологическим путем царь пришел к такому решению, в возмутившей цензуру «Сказке о тульских правшах и о золотой блохе».

«В некотором царстве, — говорит сказка, — не в нашем государстве, жили-были фабричные трубы. Дымили те трубы, дымили, да глядь—дымить-то и перестали.

— Не хотим, — говорят, — дымить больше 8 часов в сутки и не хотим, молвят, чтоб золотая блоха кровь нашу пила да пухла.

В те поры прознали про то да проведали тульские правши—медные лбы, пошли к золотой блохе и всячески ее убеждать начали.

— Мы, говорят, — да ты, говорят, — нас, говорят, сотня. Плюнь ты, блоха золотая, на фабричные трубы, потому у нас все самовары попрежнему дымят и преданностью к тебе, блохе, кипят, как искони кипели.

А блоха-то золотая, известно, тварь неразумная, к шипению самоварному прислушалась и все бы хорошо было, кабы самовары-то не перестарались, да не начадили бы на все царство.

На людей-то их чад не подействовал, а блоха, тварь мелкая, и угорела, а, угоревши, поверила, а, поверивши, такое стало молоть, что ни в сказке сказать, ни пером описать; сама мелет, а сама все лютее становится и людей бранит. И когда бранить перестанет, про то не знаю». [1]

Сказочка оправдалась вполне. «Золотая блоха» от брани перешла к укусам. Начались карательные экспедиции, усмирения. Полилась кровь.

Взятие и усмирение Москвы адмиралом Дубасовым с редкой яркостью и силой увековечено лучшими нашими художниками в «Жупеле». Б. М. Кустодиев показал здесь московскую улицу, заваленную баррикадами, по которым кошмарно-огромный скелет смерти быстрыми шагами движется вперед. Это — «вступление».

Е. Лансере дал картину «боя» и, наконец, М. Добужинский картинку «успокоения».

Ужасного успокоения! Огромное, безбрежное море крови на том месте, где была Москва: в середине только возвышается белокаменный Кремль, да кое-где чуть-чуть поднимаются над гладкой поверхностью кровавого моря маковки и кресты наиболее высоких церквей. И над всем этим кровавая радуга.

В этом же номере кошмарно-символическая картина Б. Анисфельда «1905 год», полная кровавых призраков.

И. Бродский дал целый ряд рисунков, отражающих надвинувшуюся реакцию. Вот его весенний день: «по небу ходят тучки тяжелые», в виде гробов... Вот смерть, уставшая от чрезмерной работы, в изнеможении села отдохнуть среди груды мертвых тел. Вот кладбище, на котором покоятся под могильными камнями все «свободы».

Н. Герардов дает в «Молоте» картинку «Баррикада взята», на которой изображена убитая женщина, мертвой рукой держащая сломанное древко красного знамени.

Одна за другой помещаются картинки, рисующие восстановленное движение по железным дорогам: ряд телеграфных столбов вдоль полотна дороги, на которых повешены «бунтари» («Кошмар» П. Добрынина в «Лешем» и др.). Успокоение деревни на рисунке Д. Кардовского в «Жупеле» («Ну, тащися, сивка»), где к каждому пашущему крестьянину приставлено по два верховых казака, и т. д., и т. д.

Теперь главными героями являются покорители Москвы — адмирал Дубасов и гвардейский семеновский полк с своим командиром полковником Мином во главе.

---

[1] «Зритель, 1905 г., № 24, 4 декабря.

Дубасов то сравнивается с Наполеоном, сжегшим Москву, то изображается принимающим ванну из человеческой крови (рисунок Ремизова — Ре-ми), то главнокомандующим, лично руководящим боем. Повсюду, в рисунке и в тексте, наглядно показывается, как

Наш сухопутный адмирал
Снега Москвы первопрестольной
Народной кровью запятнал... [1]

«Паяц» сообщает, что в честь кровавого крамольная Москва переименовывается в Дубасовку. [2]

«Маски» рисуют его принимающим трогательную благодарность от городского московского головы Гучкова и его брата, которые, на предложение в городской думе «почтить» вставанием память всех положивших свою жизнь за дело освобождения, ответили тем, что демонстративно остались сидеть.

На ряду с ним прославляется и полковник Мин.

Соответственные картинки в стихотворном и прозаическом тексте, дополняющем и разъясняющем то, что говорят рисунки.

Уже в ноябре месяце 1905 года «Сигнал» печатает на видном месте высочайший, распубликованный везде, приказ по военному ведомству:

«Государь император объявляет особую высочайшую благодарность всем казачьим войскам за их самоотверженную, неутомимую и верную службу царю и родине как на театре войны, так и при поддержании порядка внутри империи». [3]

А несколько ниже поясняется, что «число убитых и раненых во всех городах за время с 17 октября еще не приведено в известность».

Насколько это сообщение было остро, доказывается тем, что цензура именно за это сообщение привлекла к суду «Сигнал».

В журнале «Спрут» были напечатаны такого рода телеграммы:

23 декабря — 4 января 1906 г.

Харьков. Многие арестованы.

Ростов-на-Дону. Многие арестованы.

Бахмут. Многие арестованы.

Елисаветград. Многие арестованы.

Богородицк. Многие арестованы.

Литин. Многие арестованы.

Москва. Очень многие арестованы.

Лондон. В России все арестованы. [4]

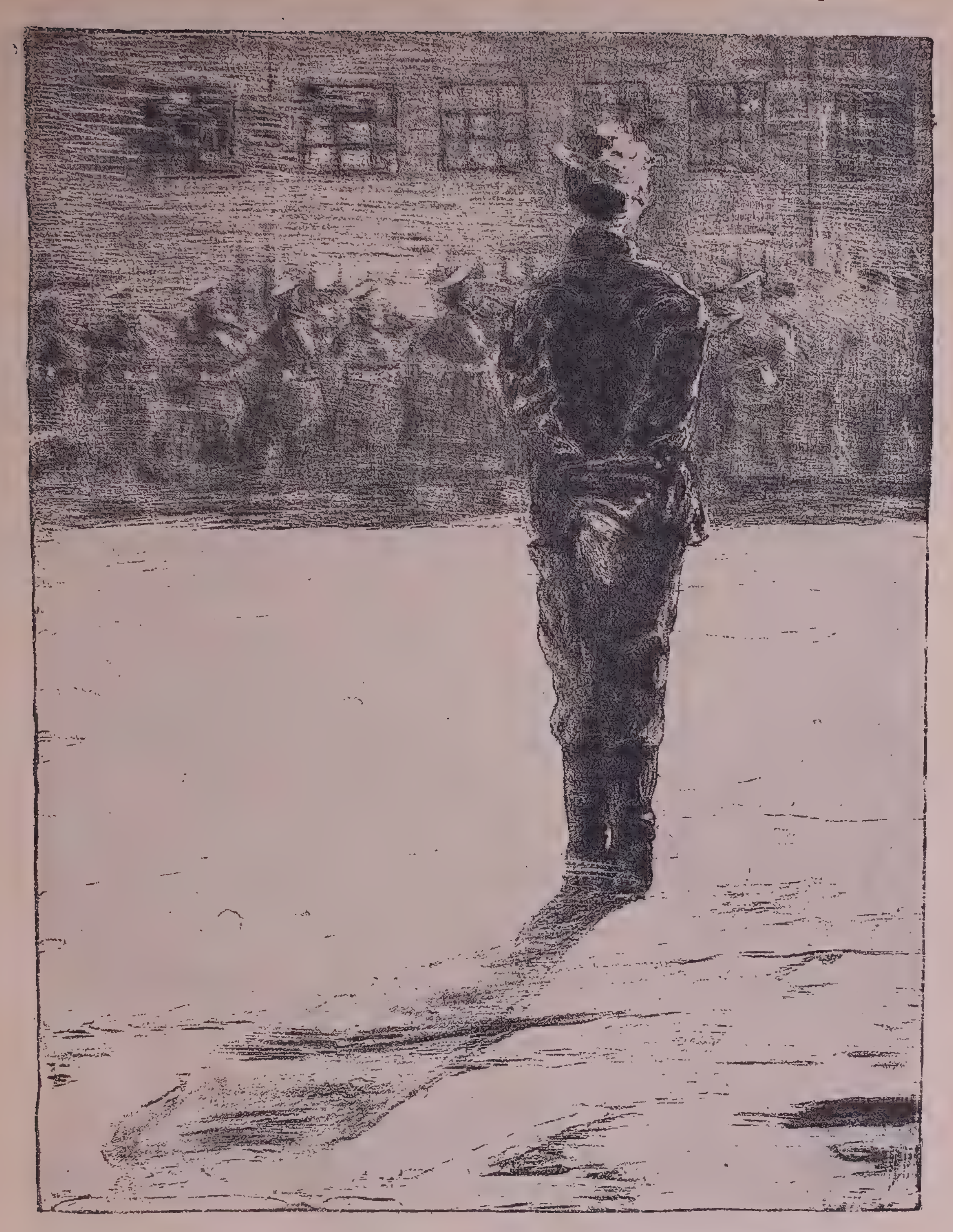
Картинку с натуры воспроизводит «отрывок из французского учебника»:

«Упражнение. Эта конституция, довольны ли вы ею, дети? — Да, господин, мы ею очень довольны и каждый день отправляемся в больницу, где лежат наш добрый папаша и наша добрая мамаша. — А ваш старший брат (братец), дети? Извините, господин, что он не говорит своего мнения о конституции, так как уже похоронен. — Магазины, почему их заколачивают? Мы ждем манифеста, дети, о даровании свободы. — Слышал ли ваш двоюродный брат холостые залпы? Нет, госпожа, наш двоюродный брат не слышал холостых залпов, но мой женатый дядя неожиданно лишился обеих ног». [5]

Довольно образно характеризует изменившуюся правительственную политику Б. Вилли в стихотворении «Клин Клином»:

---

[1] «Стрелы», 1906 г., № 8, 1 января.
[2] «Паяц», 1906 г., № 2.
[3] «Сигнал», вып. 4, 4 декабря 1905 г.
[4] «Спрут», 1906 г., № 2, 4 января.
[5] «Сигнал», вып. I, 13 ноября 1905 г.

«Гамаюн», 1905 г., № 1.

Правительство, устав от всяких смут и бед,
Преследует повсюду красный цвет.
Преступны красные значки, а также флаги.
За краску красную от ночи до утра
Толпой в тюрьму идут редактора.

Но, чтобы справиться с народным исполином,
Уступки сделавши, клин вышибают клином,
Лепя с усердием спасителям страны
Лампасы красные на старые штаны. [1]

Растерянность верхов, действительно, мало-по-малу начинает заменяться самоуверенностью победителей.

Сильное впечатление производили картинки, изображающие торжество этих победителей, проигравших войну с Японией, но взявших Москву и другие города.

С. Чехонин дал два параллельных рисунка, показывающие, как «после трудов» отдыхают генералы (отвратительная, пьяная оргия) и как «отдыхают» голодные рабочие. [2]

Ту же тему разрабатывали и два рисунка Е. Лансере (в «Адской Почте»): «Тризна» и «Рады стараться, ваше превосходительство...»

На первой из них семеновцы, хор песенников-солдат, стоя, увеселяют сидящих за столом, совершенно пьяных командиров, вспоминающих Пресню, Голутвино и прочие доблестные «битвы», где они били безоружных...

Эти рисунки особенно не понравились цензуре, увидевшей в них прямо призыв к вооруженному восстанию.

К этой же серии торжества победителей можно отнести и картину С. Чехонина, показавшего «патриотическую манифестацию» московских черносотенцев, в порыве горячей любви к родине бросающих в реку студента Шмидта.

Его карикатура, изображающая «суд скорый, но немилостивый», вызванная начавшимися казнями, обратила на себя особое внимание администрации, очевидно, своим намеком на смертные казни. По подсчету журнала «Былое», только за январь месяц 1906 года, было казнено 397 человек. Цензура увидела в этом рисунке оскорбление казаков, выступающих в роли палачей. Нецензурной оказалась также благославляющая рука человека с длинной бородой.

Оправдывался редактор, как сообщил мне Чехонин, тем, что это благословение не православное, а армянское, так как персты были сложены с нарушением установленного канонами правила. [3] Однако, его объяснениям не вняли, и суд утвердил наложенный цензурным комитетом на этот номер «Масок» арест. Нельзя было оставить безнаказанным оскорбление казаков.

Карточный домик российской конституции не выдержал и нескольких дней. Уже в передовой статье № 3 «Известий Сов. Раб. Депутатов», вышедших 20 октября 1905 г., говорилось:

«...И вот конституция дана.
«Дана свобода собраний, но собрания оцепляются войсками.
«Дана свобода науки, но университеты заняты войсками.
«Дана свобода слова, но цензура осталась неприкосновенной.
«Дан Витте, но оставлен Трепов.
«Дана конституция, но оставлено самодержавие.
«Все дано, и ничего не получено...»

Реакция поднимала голову все выше и выше. Выходила на сцену черная сотня.

---

[1] «Спрут», 1906 г., № 13, 21 марта.
[2] «Маски», 1906 г., № 2.
[3] «Маски», 1906 г., № 6.

Одной из наиболее смелых сатир Чехонина, хотя, конечно, сильно замаскированной, была большая виньетка, в стиле ампир, изображающая реакционную вакханалию. В центре отплясывает кэк-уок «сам» сюзерен, голове которого, украшенной своеобразной короной, очень искусно сатирик дал ряд типичных черт лица Николая II. Рядом с ним две дамы, конечно, императрицы, и у ног — маленький уродец, в короне такого же типа, как «сам»... Очевидно, наследник. Все они, при участии свиты, задорно, весело отплясывают кэк-уок. Радость так и сквозит из каждого жеста...

Далеко не таким уж шаржем может быть признано сообщение минского кореспондента журнала «Молот» о том, будто губернатор Курлов, в присутствии полицеймейстера, сказал такую речь:

«Слух о том, что меня увольняют и будут судить, был распущен лишь с целью успокоить некоторую часть общества. Но теперь эту часть общества решено истребить. Я действовал согласно с видами правительства и (говорит гордо) мегю этто декязать... Красных решено истребить». [1]

Сам Курлов, в своих воспоминаниях, вышедших уже в наши дни, рассказывает, как даже местное чиновничество было уверено, что вызов в Петербург кончится арестом.

— «Мое возвращение, вспоминает Курлов, поразило либеральничающих чиновников, как гром среди ясного неба». [2]

В психологии самих обывателей произошел перелом, с большим юмором отмеченный в харьковском журнале «Штык» (1906 году, № 1) рядом последовательных телеграмм:

Из Корытина. Генерал-Губернатору.

Телеграмма № 1. Крестьяне хотят жечь мое имение. Вышлите казаков. Дворянин Елисей Краснофлагов.

Телеграмма № 2. А зачем поддерживали кадетов на выборах?! Обойдетесь и так.

Телеграмма № 3. Я уже чувствую, что почти не кадет. Пожалуйста вышлите.

Телеграмма № 4. Дудки. Знаем мы вас. Либералов не поддерживаю. Попробуйте действовать убеждением.

Телеграмма № 5. К черту убеждения. Ради бога. Бо-о-о-же, царя храни.

Телеграмма № 6. То-то-же. Выслано.

Не оставалось никакого сомнения, что, как писал в «Зарницах» Lolo (Мунштейн),

> Народ обманут. От «весны»
> Остались призрачные сны,
> А камарилья вновь восстала,
> «Чинила суд» и хохотала... [3]

Журнал «Скандал» посвятил весь декабрьский номер 1906 года теме «Кукиш»... В журнале «Овод» нарисован огромный «кукиш» с подписью: «Что мы получили». [4] В журнале «Гудок» на первой странице рисунок «Двуглавый шиш». [5]

---

[1] «Молот», 1906 г., № 2.
[2] «Воспоминания ген. П. Г. Курлова», М. 1923 г., стр. 41.
[3] «Зарницы», 1906 г., № 8.
[4] «Овод», 1906 г., № 1.
[5] «Гудок», 1906 г., № 1 январь.

В «Вампире» появилась песня, ставшая скоро народной и распевавшаяся в течение нескольких лет в Саратовской, Пермской, Курской и других губерниях: [1]

Возле речки, за деревней,
Возле моста
Жил в избенке старец древний
Лет так во сто.
Да была при нем сиротка,
Внучка Паша,
Жили тихо, жили кротко,
Ели кашу.
Не знавали ни печали,
Ни напасти
И на бога не роптали,
Ни на власти.
Год пришелся недородный,
Сгибла каша.
Чуть плетется дед голодный,
Плачет Паша.
Что ни день попу есть треба,
Мрут как мухи...
А в деревне, вместо хлеба —
Злые слухи:
Вот дворяне, мол, в столице
Осерчали,
Что крестьяне о землице
Заворчали.
Мужики-де из озорства
Все бунтуют —
Голодают из притворства,
Не надуют.
Врут, крамольники, что мало
Им землицы...
И прислали генерала
Из столицы...
Возле речки, за деревней,
Возле моста,
Не живет уж старец древний
Лет так со сто.
Нету Паши, нет избенки
Возле моста.
Две могилки есть в сторонке
У погоста...

X.

Агитация против реакции. — Отношение к войскам и в частности к казакам. — Цензура и суд берут под защиту армию. — Перемена тактики сатириков по отношению к солдату. — Успех пропаганды. — Рабочие, крестьяне, солдаты и матросы — «соратники».

Сатирические журналы, все же, пока еще не сдаются, пытаются отстаивать свои позиции и вести прежнюю линию. На первой странице «Буревал» помещает грозный рисунок А. А. Янова, изображающий рабочего, который железными клещами разгоняет стадо летучих мышей. И тут же стихи:

[1] «Историч. Вестн.», 1912 г., № 5. Статья М. Л—ского.

Мы не устанем малодушно,
Пока врага не поразим,
Пока свободы стяга дружно
В краю родном не водрузим. [1]

С горячим призывом и не один раз выступает в журнале «Поединок» В. Князев:

Вперед! Забудь свои сомненья,
Тяжелых дум гнетущий рой,
Забудь житейские волненья,
Отдайся делу,
Иди на бой!
Иди на бой! [2]

Таким же настроением дышит и другое его стихотворение, обращение к товарищам:

Товарищи, теперь пора... Настало мщенье...
Зарею алою подернулся восход...
Вперед, товарищи!.. В борьбе — освобожденье;
Под знамя красное нас требует народ... [3]

Ему же, повидимому, принадлежал и напечатанный в журнале «Поединок» народный марш (с нотами), заканчивавшийся тоже призывом:

Сбивайте ж, друзья, трудовыми руками
Позорные путы оков.
Идите скорее с косой и серпами
Под знамя народных борцов.
Прочь, непогода:
Солнце встает!
Все для народа
Все за народ! [4]

Журнал «Буря», ставший на место умученных цензурою «Бурелома» и «Буревала», продолжал все же сеять бурю.

Сотрудникам его снились картины французской революции, которые нашли себе отражение в фельетоне «89-й год»... [5] Картины эти сопровождались довольно определенными воззваниями такого рода:

«Друзья, товарищи, граждане! Берите ружья, берите шашки, старые, заржавевшие шашки, берите пики, ломы, стамески и топоры... Мы пойдем, и путеводной звездой будет служить нам фригийский колпак, а светочем — багряное солнце».

Если эти слова еще могли быть отнесены к французам 89-го года, то заключительная тирада говорила уже о другом:

«Да, — говорил журнал, — настанет пора пламенных снов. Они горят, эти сны, и жгут и жаждут воплощения. Но воплощение не дается сразу и требует мук. 89-й год, 93-й, *1871-й* — какие даты! У нас тоже есть даты». (Курсив мой. *В. Б.*) [6]

---

[1] «Буревал», 1906 г., № 2.
[2] «Поединок», 1906 г., № 1.
[3] «Застрельщик», 1906 г., № 3.
[4] «Поединок», 1906 г., № 1, январь.
[5] Журнал «Буря», 1906 г., 4 февр., № 5, где это было напечатано, привлечен к суду и закрыт за эту статью и стих. А. Рославлева «Никто не ждет».
[6] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1906 г., № 34.

Журнал «Овод» был арестован за стихотворение «Вопрос решен», напечатанное в № 1, которое заканчивалось такой тирадой:

Доколе ж, господи, доколе
Терпенья хватит у людей!
У нас веревок мало что ли,
Иль не достанет фонарей?! [1]

В «Зарницах» уверяли, что «в низах народной жизни идет великая работа», что «скованные титаны вырываются уже на свободу», что «поднимается во весь рост народ-богатырь». [2]

Первые шаги революции показали совершенно определенно, что прежде всего необходимо раскрыть глаза войскам, этой темной и страшной силе, только по недоразумению являющейся оплотом общего врага — самодержавия.

Первые шаги сатирических журналов в этом направлении были явно ошибочны.

Сатирики принялись казнить и обличать солдат и казаков в том же стиле, как они обличали министров и царя.

Казаки и солдаты, в первых номерах «Зрителя», «Пулемета», «Сигнала», «Жупела», и других, — свирепые разбойники, убивающие даже чуть ли не грудных младенцев.

В журнале «Паяц», например, казак с шашкой и револьвером накидывается (рис. Б. Вальгиса) на крохотного, сидящего на горшочке, ребенка. [3] М. Добужинский в известном рисунке «1905-й год», бросивший детскую куклу на пустой улице, рядом с лужей крови, намекал на то же.

«Жупел» поместил злую, издевательскую «песню солдатскую»:

ЗАПЕВАЛО.

Шаг назад, шаг вперед,
Полборот направо.
Кто всех вольных перебьет,
Тому и честь и слава.
Хор: Ура, ура, ура!

Бей во славу русского двуглавого орла.
Лев! Прав! Раз! Два!
Приготовь патроны.
Будет помнить вся Москва
Красные погоны.
Ура!..

Рота, стой, рота, пли
Спереди и с тыла
Мы заслужим, ай люли,
По кусочку мыла.
Ура!..

Женщин, старцев и детей
Настреляли кучи.

---

[1] За это стихотворение Судебная Палата, 23 марта 1906 г., постановила заключить редактора Ф. К. Зимина, 28 л., в тюрьму на 6 мес. и воспретить издание журн. «Овод» навсегда.

[2] «Зарницы», 1906 г., № 1.

[3] «Паяц», 1906 г., № 2, 1 янв.

То-то полк богатырей!
То-то полк могучий!
Ура, ура, ура...
Бей во славу русского, двуглавого орла! [1]

«Дятел» воспроизвел известное стихотворение гр. А. К. Толстого «Федорушка»:

На вопрос изумленного «невпорушки»:

На кого же, матушка, на кого ж, Федорушка,
Рать тебе татарская?
Сплище жандармская?

Федорушка отвечает:

На себя, родименький, на себя, невпорушка,
Чтобы я приникнула,
Чтобы я не пикнула,
Чтоб не ныла с жалобой,
Чтоб «ура» кричала бы.

В журнале «Светает» (№ 2) навлек на себя гонение рисунок А. Любимова: на первой странице свирепого вида солдат, несущий отрубленные головы, и стихотворение Н. А. Наля «Митрич».

Суд нашел, что «выше указанный рисунок, при сопоставлении его со всем содержанием номера 2-го журнала «Светает», свидетельствующего об отрицательном отношении этого журнала к правительственным мероприятиям в борьбе со внутреннею смутою, — в карикатурном виде изображает русского солдата, держащего в окровавленных руках отрубленные головы убитых во время такой смуты; такое изображение солдата, при соображении, что защита отечества, как от внешних, так и внутренних врагов, является долгом воина и что издевательство над павшими противно воинской чести, должно быть признано оскорбительным для русского войска, и помещение его в современном издании составляет преступное деяние».

В стихотворении Н. А. Паля «Митрич» название казаков «продовым племенем» и «озверевшими», в виду явно поносительного смысла этих выражений, было признано «оскорблением казачьего войска». Преступление нельзя было оставить без наказания, и виновный редактор, художн. Хатулев, был подвергнут аресту на один месяц, а № 2 журнала «Светает» уничтожен. [2]

По тем же причинам был наложен арест на № 4 «Адской Почты». Судебная Палата 12 октября 1906 г. признала, что заготовленные для этого журнала рисунки с подписями «Земля», «Воля», «Интродукция» безусловно оскорбительны для войска, а именно: 1) рисунки «Земля» изображают казаков, подвергающих телесному наказанию крестьян, которых, после экзекуции, уже мертвыми, несут в заранее заготовленную могилу. Очевидно, что приписывать войсковой части такую жестокость, при том, очевидно заранее обдуманную, так как могила заготовлена вперед, является оскорблением для казаков; 2) так же оскорбительны для офицеров и войска рисунки «Интродукция» и «Воля», так как первый имеет в виду выразить, что офицеры к началу организованного полицией погрома будут (тут цензор

---

[1] «Жупел», 1906 г., № 3.

[2] Дело СПБ. Ценз. Ком-та, 1906 г., № 471. Тираж журнала — 20000 экз., не успели конфисковать только 5000 экз.

что-то пропустил), а второй дает понять, что при содействии войск крестьяне лишаются свободы». [1]

Точно так же вступилась цензура за честь мундира, возбудив преследование против журнала «Молот», напечатавшего рассказ «Минц — Бринц — Дринц».

Рассказ рисует карьеру «бурбона», офицера-пажа. Вот ее главные этапы:

«Довольно учиться. Наука к чорту... Он выйдет в офицеры. Денщик, рота, команда, в зубы... «Смирно»... Это уже звучит гордо.

Японская война.

«...Мир. Конечно, накануне окончательной победы. Безобразие. Позор. Все англичане. Чорт знает, что такое».

Рис. А. Любимов.

«Сигналы», 1906 г., № 2.

Настоящий геройский подвиг... у Технологического института.

«Осмотреть ружья. Выходи из казармы. Стройся. «Смирно». «Здорово, братцы», «Стрелять не жалея патронов». [2]

За это же был подвергнут преследованию «Буревал» и др. журналы.

Уже одно то, что цензура и суд брали под свое покровительство армию, показывало неправильность принятой по отношению к войскам тактики. Солдат такой же крестьянин и рабочий... Ему только нужно было дать понять, что он, взяв данное ему правительством ружье, не может употреблять его против своих же братьев, против своего же класса, что его служба самодержцу и командующим классам — простое недоразумение, проистекающее из его темноты.

Ясно, что нужно было не ожесточать солдата, не издеваться над ним, этим темным, несознательным существом, а раскрыть ему глаза на него самого и на все, что вокруг творится. Петербургский комитет РС-ДРП стал на такую точку зрения и в своих прокламациях, обращенных не только к солдатам, но даже к офицерам, горячо и ясно доказывал, что царь и чиновники, которые убивают их руками народ, — главные враги отечества. [3] С таким же воззванием и обращается к солдатам газета «Начало», именуя их «товарищами по армии». [4]

И сатиристические журналы начинают работать в этом же направлении.

К. Чуковский откопал, как нельзя более кстати, одно не бывшее еще в печати четверостишие Огарева, проникнутое совсем иным отношением к солдату:

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1906 г., № 170, л. 4 об.

[2] «Молот», 1906, № 2. Дело СПБ. Ценз. Ком-та 1905 г., № 79, л. 3.

[3] «1905 год в Петербурге», Ленинград, 1925, стр. 55—57, 89 и др.

[4] «Начало», 1905, № 3, 16 ноября.

Рожден солдат наш добряком,
Не встанет брат противу брата,
И не удастся палачем
Вам сделать русского солдата...[1]

Журнал «Застрельщик» привел корреспонденцию из газеты «Речь», где рассказывалось об одном весьма назидательном эпизоде.

8-го июня 1906 г. все солдаты и офицеры 4 Варшавского полка были собраны в варшавской цитадели, и командир полка прочел им благодарность высшего начальства за доблестное исполнение службы в борьбе с мятежниками и крамольниками. Потом было приступлено к раздаче наград и знаков отличия офицерам и нижним чинам. Во время раздачи наград командир полка заметил, что один поручик, который также был представлен к награде, отсутствует, и немедленно послал за ним. Когда поручик явился, и командир полка хотел ему вручить награду, поручик

Б. Анисфельд.

«Леший», 1906 г., № 3.

громко, так, чтобы все слышали, ответил, что он охотно принял бы знак отличия, если б он был ему пожалован за доблесть в борьбе со внешним врагом, но за борьбу с «внутренним», да и то невооруженным «врагом», принять награду ему не позволяет его совесть.

Командир полка, с искаженным лицом, произнес: «Поручик, берите назад свои слова, иначе вы будете преданы военному суду». Поручик хладнокровно ответил: «Я об этом знаю, но от слов не откажусь!»

Факт этот произвел на солдат и офицеров полка очень сильное впечатление,[2] и журнал, именно поэтому, счел полезным довести его до сведения и своих читателей.

Солдату прощаются его тяжкие вины: «не ведают бо, что творят». И одновременно указывается настоящий путь.

---

[1] «Сигнал», 4 декабря 1905 г., вып. 4. — В прокламации Петербургского комитета РС-ДРП 4 февраля 1905 г. писали солдатам: «когда же, наконец, вы одумаетесь и скажете: не хотим быть палачами, мы из народа взяты и народу должны служить».— «1905 год в Петербурге». Со статьей К. Шелавина, Ленинград, 1925 г., стр. 89.

[2] «Застрельщик», 1906 г., № 3.

Одному из приставов (некоему Сыхре) автор стихотворения в журнале «Стрелы» дает уже такой совет и в то же время предостережение:

Ты крикнул солдату «стреляй»,
Но твой провокаторский лай
Не встретил прямого ответа...
Скажи им «спасибо» за это,
Но помни, что в будущий раз,
Когда ты стрелять им прикажешь,
Ребята исполнят приказ,
Но так, что «спасибо»—не скажешь. [1]

В таком же духе стихотворение «Негодные ружья» в «Зрителе»:

И вот их вывели. Солдатам
Стрелять скомандовали: «пли!» —
И дружный залп сухим раскатом
Отпрянул к небу от земли.
Но что за диво? Все живыми
Приговоренные стоят;
Лишь чье-то тело перед ними...
Негодны ружья у солдат!.. [2]

«Негодны»—явно для прежней цели.

Картинка «Бунт матросов»—открыто агитационная: [3]

1-й матрос. Что, люди мы, или негодный, бесправный скот?
Любой мальчишка безобразник нам морды бьет...

Его поддерживают другие матросы, от себя еще прибавляющие ряд фактов, рисующих бесправное положение матросов.

1-й матрос. Так что ж, товарищи, ужели нам век терпеть?
Не лучше ль будет нам теперь: иль умереть,
Или добиться, чтобы считали нас за людей.

Кончается этот митинг тем, что матросам приносят гнилые макароны и все в один голос кричат:

Долой негодных командиров! Долой! Под суд!
Долой всех тех, кто позволяет грабеж дневной.
Долой гнилые ма.....
(Раздается выстрел. Все матросы подхватывают):
.... Кароны... Долой! Долой..
Начали с макарон, докричались до короны....
— Долой корону, иначе — долой царя.

Очень скоро журнал «Свобода» (1905 г. № 1) уже писал, что солдаты «поняли, наконец, какую гнусную роль заставляют их играть палачи Треповы». По удостоверению этого журнала, «пропаганда проникла в войска, где имела огромный успех». Войско «откликнулось на стоны умирающих братьев крестьян и, сознав величие красного флага, стало тяготиться своим положением усмирителей».

Все ярче и определеннее проводится мысль, что крестьяне и рабочие стоят с одной стороны, а матросы и солдаты—с другой, как враги,—только по недоразумению и непониманию общности своих интересов.

---

[1] «Стрелы», 1905 г., № 5, 27 ноября.
[2] «Зритель», 1905 г., № 24.
[3] Там же.

В действительности—они «соратники» в общей борьбе за права и освобождение пролетариата.

Такую подпись и делает «Зритель» под выразительной первостраничной картинкой худ. Шестопалова, на которой выступают, дружно обнявшись, солдат, крестьянин, рабочий и матрос, а за ними загорается красным пламенем заря новой свободной жизни. [1]

Не только армия, но и самые интимные агенты правительства, полиция и дворники в Петербурге, Варшаве, Гродне, Вильне начинают отказываться от опасного союзника. [2] Появились «сознательные» околоточные, «сознательные» городовые, которые кричат: «да здравствует союз между рабочими и нашей группой городовых», появились даже «сознательные» сыщики, борющиеся против своих черносотенных сослуживцев «за свободу человека». Все спешат прочь от разлагающегося режима.

Действительно, даже слепые начали прозревать.

XI.

Усиление цензурных репрессий. — Приостановка «Зрителя». — «Маски» Чехонина. — Дело «Зрителя» в Сенате.—Прекращение сатирических журналов.—О чем можно писать? — «Разрывание на мелкие части» конфискованных изданий. — Аутодафэ в Киеве. — Черносотенная сатира. — Цензурные фарисеи. — Рисунки «ошибочно представленные» в цензуру.

Однако, борьба с наглевшей реакцией была трудной и с каждым днем становилась все более и более тяжелой.

В сущности, для печати она почти не прекращалась, даже в «дни свобод». Теперь только она приняла несколько иные формы, и нельзя сказать, чтобы более легкие.

20-го октября 1905 г. вышел 3 № «Известий Совета Рабочих Депутатов», а с 22 по 2-е ноября, до вторичной забастовки, стали выходить и все газеты.

3, 5, 7-го ноября вышли №№ 5, 6 и 7 «Известий»; последний напечатан был в захваченной очень смело типографии «Нового Времени». Вопль «изнасилованной»,—как тогда острили,—газеты всполошил, наконец, полицию. За «Известиями» началась охота, а с 13-го ноября, — дня выхода первого номера сатирического журнала «Пулемет»,—полился безудержный поток конфискаций всевозможных произведений печати.

2-го декабря: в этот день все прогрессивные органы — «Русь», «Начало», «Новая Жизнь», «Сын Отечества», «Наша Жизнь», «Русская Газета», «Зритель». «Буревестник», и др. поместили «манифест» «Совета» и были за это приостановлены.

Закрытые газеты возродились через три дня: 5-го декабря, кроме № 8 «Известий», вышла «Русь» под названием «Молва»; 6-го декабря — объединившиеся «Начало» и «Новая Жизнь» под именем «Северный Голос» и «Русская Газета», переименовавшаяся в «Набат»; 7-го декабря появился и «Сын Отечества», переодетый в «Наши Дни» (№ 40-ой).

С 10-го по 14-е декабря—новая забастовка; вечером 11 декабря распространялись в публике приложения к № 9 «Известий»; самый № 9 был захвачен полицией на месте печатания и истреблен почти целиком. «Известия», как и Совет, доживали последние дни: 14 декабря вышел 10 №, после чего издание «Известий» прекратилось.

---

[1] «Мир Божий», 1905 г., № 12, стр. 35.
[2] «Зритель», 1905 г., № 24.

Уже 17-й номер «Зрителя», в 1905 году, был конфискован, и журнал не выходил в течение месяца. Через некоторое время был конфискован № 25, и «Зритель» прекращен, впредь до приговора суда, к которому был привлечен редактор Арцыбушев.

Правда, сейчас же начало выходить издание, носившее название «Журнал».

Для того, чтобы читателю было понятно, что это тот же «Зритель», заголовок был скомбинирован следующим образом:

№ 1.	«Журнал»	5 коп.
	см. объявление на последней странице о журнале	
ГОД II	**ЗРИТЕЛЬ.**	1906 г.

Маска, изобретенная Арцыбушевым, была слишком прозрачна для того, чтобы ее не разгадать, и «Журнал» через два номера был закрыт.

Как феникс, он сейчас же возродился в виде «Альманаха», за подписью С. В. Чехонина и при участии всех сотрудников «Зрителя».

Но это был уже 1906 год... С конституцией перестали церемониться.

Напечатанное в «Альманахе» стихотворение «Балбес» обратило на себя внимание цензурных церберов, увидевших в нем не только оскорбление мундира, но даже самого вел. кн. Владимира Александровича. Оно, конечно, было похоже:

За дебоши, лень и тупость,
За отчаянную глупость
Из гимназии балбеса
Попросили выйти вон...
Рад-радешенек повеса,
Но в семье и плач и стон...
Что с ним делать, ради неба?
Без занятий идиот
За троих съедает хлеба,
Сколько платья издерет!
Нет в мальчишке вовсе прока —
В свинопасы разве сдать,
И для вящего урока
Перед этим отодрать?
Но решает мудрый «Дядя»,
Полный в будущее веры,
На балбеса нежно глядя:
«Отдавайте в... офицеры...
Рост высокий, лоб покатый,
Пусть оденется в мундир —
Много кантов, много ваты,
Будет бравый командир».

Тщетно уверяли, что это просто карьера самого плохого неудачника. Суды, до этого времени еще либеральничавшие, теперь начали косить

направо и налево. Обвинительные приговоры за преступления по делам печати сыпались как из рога изобилия. С. В. Чехонину, в качестве редактора сначала «Альманаха», а затем «Масок», предстояло два пути:

И. Я. Билибин.

Осел (Equus Asinus) $^1/_{20}$ натур. величины.

«Жупел», 1903 г., № 3.

или сесть в тюрьму minimum на год, или эмигрировать за границу. Он предпочел последнее и уехал в Париж, где прожил довольно долго.

«Зритель» пробовал еще раз загримироваться и начал выходить под названием «Маски», «Мухомор», но все эти маски оказались по теперешним

временам слишком плохим прикрытием, и журнал мог возобновиться только спустя три года, 11 января 1908 г. с таким сообщением от редакции:

«...В конце 1905 г. журнал «Зритель» был приостановлен, и одновременно редактор-издатель был привлечен к уголовной ответственности. С этого времени журнал не имел возможности выходить до 1907 года, когда, после решения Сената, дело о нем прекращено и «Зритель» опять возобновляется...»

Арцыбушева, по совокупности всех его преступлений — на суде ведь разгадали его загадки довольно просто — присудили к тюремному заключению на срок, гораздо больший, чем кого бы то ни было из редакторов.

Нужно же было Акимову показать свою верноподданническую любовь к обожаемому монарху и показать, в какое негодование привели истинных верноподданных выходки дерзкого карикатуриста.

Стоило ли стесняться с каким то мазилкой, раз это было нужно для умилостивления монарха и для острастки другим прочим газетчикам?

Конечно, Арцыбушев не сдавался без боя. Аппелировал, куда мог, и довел дело до Сената.

И вот тут случилось нечто совершенно неожиданное.

Сенаторы, рассмотрев инкриминируемые Арцыбушеву статьи, пришли к заключению, что, конечно, рисунки и статьи, в которых цензура, а за ней и суд, узнавали особу государя императора, не относятся к царю.

Такой дерзости просто даже невозможно допустить в российском гражданине. Признание, да еще судебной властью, даже возможности такого обвинения, было бы только еще вящшей дерзостью... В самом деле, почему, например, в фразе «царский манифест для известных мест» слово «известный» непременно нужно толковать в оскорбительном смысле? и не в каком нибудь другом смысле, «например, — подсказывали сенаторы, — в смысле известного пространства, территории»?

Сенаторы допускали возможность и хороших «известных мест»! Так же точно, сенаторы не нашли точных данных, которые бы доказывали, что «золотая блоха» и «маленький кореец» «прямо, условно или описательно, имели какое-либо отношение к особе царствующего императора».

Арцыбушева спасла его дерзость исключительная, дерзость, достигшая таких пределов, что сенаторы предпочли притвориться слепыми. Помогла страусовская психология вершивших дело сенаторов, решивших успокоить «мальчика с шишкой», что все это относилось вовсе не к нему, хорошему, а к какому то действительно дрянному мальчику. Сенат просто отменил приговор судебной палаты и дело прекратил.

В какой атмосфере приходилось работать в это время карикатуристу, да и вообще журналисту, получившему все свободы, 17 октября, можно судить по следующему факту.

Среди сотрудников «Зрителя», и очень деятельных, был Н. И. Фалеев. Его басни, стихотворения, за подписью «Чуж-Чуженин», «Силы Дворяниновича» и без подписи, были всегда ярки, остроумны, злы, разнообразны, затрагивали наиболее жгучие современные темы и деятелей.

Другому сотруднику, А. В. Зенгеру (не министру), пришла в голову мысль пошутить и, по тому времени, довольно зло.

Часов в 11 вечера он по телефону звонит Арцыбушеву.

— Редакция «Зритель»?..

— Да.

— Позовите редактора.

— Я у телефона, — развязно отвечает Арцыбушев.

— Скажите, у вас работает Фалеев?

— А вам зачем?

— Я говорю по поручению градоначальника. Передайте Фалеву, что его превосходительство вызывает его завтра к 10 ч. утра.

— Хорошо,—говорит уже задумчиво Арцыбушев.

Проходит полчаса. Новый звонок. Опять те же вопросы о Фалеве и новый приказ.

— Шеф жандармов приказывает Фалеву явиться к нему для объяснений в 10 ч. утра.

— Но,—пытается объяснить Арцыбушев,—Фалеев вызывается на завтра тоже к 10 ч. утра к градоначальнику.

— Меня это не касается,— следует суровый ответ.

Через полчаса новый звонок. На этот раз требование явиться к самому министру внутренних дел, и опять к тем же 10 ч. утра.

Понятно, какая тревога поднялась в редакции, какую ночь провел Фалеев, которому Арцыбушев передал все эти милые приглашения. Только рано утром посыльный А. В. Зенгера привез Фалееву корзину с виноградом и записку виновника тревоги, сообщившего, что все вызовы ему удалось отменить и что, закусив виноградом, он может спать спокойно хоть до 12 часов дня.

К счастью, это была шутка, но все это могло быть и в действительности. После манифеста 17 октября, даровавшего свободу печати, свобода эта, кажется, только в том и выражалась, что всякая правительственная власть свободно могла вмешиваться в дела печати. И кто поручится, что шутка Зенгера не была где нибудь воспроизведена во всей ее полноте вполне серьезно?

Несомненно «Зритель» отделался сравнительно дешево. Другим было много хуже. Тюрьма стала обычным местожительством редактора сатирического журнала.

В Государственной публичной библиотеке в г. Ленинграде сатирическим журналам отведена особая полка.

Большие переплетенные томы мирно стоят, точно на кладбище, а на корешках, как на монументах надгробных, золотыми буквами горят вытиснутые, в алфавитном порядке, названия журналов, живот свой за свободу в первую нашу революцию положивших:

«Ангар»,

«Буревал».

«Зритель», «Пулемет», «Жупел», «Стрелы», «Сигнал», и прочая, и пр....

Точно поминальный синодик Ивана Грозного.

Перелистывая эти томы, нетрудно заметить, как недолговечны были все эти журналы...

Два-три номера, и конец...

Журнал «Паяц», например, выпустил два номера, которые были конфискованы, а редактор Б. Вальгис ввергнут в тюрьму.

Журнал превратился в «Паяцы», но тоже только на один номер.

Один за другими редакторы переселялись на жительство в «Кресты».

Первым туда отправился Шебуев.

За ним пошли К. И. Чуковский, З. Гржебин, К. Диксон, Кнорозовский, Герценштейн и многие, многие другие.

Оставшиеся на свободе, пока этой свободой пользовались, что тоже было недолго, подбадривали себя всякими отдаленными надеждами на будущее:

Лучшие журналы
Все запрещены.
Наши либералы
Все заключены,

За тобою строго
Смотрят с высоты...
Подожди немного
Попадешь и ты... [1]

«Немного» оказалось довольно продолжительным, а пока что жить было трудно.

Цензура, однако, неуклонно воспрещала малейшее сомнение в «конституции».

«Серый Волк», например, был конфискован за стихотворения «Старец» и «Из народных песен», [2] так как, докладывал цензор, они «имеют своею основной целью убедить читателя в том, что высочайший манифест от 17 октября 1905 г. остался на бумаге, сдан в архив, и что наш государственный строй не конституционный...»

Какая, в самом деле, дерзость!.. Спросили бы хоть кадетов: те тоже верили, что у нас конституция!

Опубликованная в наши дни переписка Николая II с Александрой Федоровной показывает, как во дворце старались ликвидировать эту даже «куцую» «конституцию»!..

О чем можно было тогда писать?

«Бурелом» дал подробный перечень того, о чем можно было говорить и о чем нельзя:

Нельзя писать: о бюрократе,
Об офицерстве, о солдате,
О забастовке, о движеньи,
О духовенстве, о броженьи,
О мужике, о министерстве,
О казни, о казачьем зверстве,
О полицейских, об арестах,
О грабежах, о манифестах,
Но остальное все — печать
Должна сурово обличать.
Когда-ж напишешь — посмотри
«128» и «103»... [3]

Цензура мало-по-малу совершенно вошла в свою прежнюю роль, а прокурор П. К. Камышанский, делавший свою карьеру и в конце концов добившийся высокой чести — камергерского мундира, казнил печать беспощадно.

Не только нельзя уже было касаться «самого», но даже и главнейших его помощников.

При таком ограничении тем и объектов приходилось или приниматься за чеховского «городового», или же подставлять свою голову под топор цензуры.

По инерции сатирики шли некоторое время в этом последнем направлении и, конечно, погибали. Их подвергали конфискации, аресту, заключению и даже «истреблению», — путем «разрывания на мелкие части», как доносила полиция об исполнении судебных приговоров.

---

[1] «Еж», 1907 г., № 6.
[2] «Серый Волк», 1908, № 3, 18 янв.
[3] «Бурелом», 1906 г., № 2. Статьи 128 и 103 говорили об оскорблении величества и о покушении на свержение существующего строя. Под эту последнюю можно было подвести что угодно.

Был, оказывается, выработан особый церемониал такого «истребления», описание которого сохранилось в цензурном архиве.

Вот, например, как об этом доносил, 30 июня 1908 года, СПБургский градоначальник, которому предписано «истребить» журнал «Жупел»:

«27 мая в типографии СПБ. градоначальника, в присутствии г. полицеймейстера 2-го отделения, младшего помощника пристава 2-го участка Нарвской части, инспекторов 1-го, 2-го и 3-го участков и заведывающего названной типографии, приведен в исполнение приговор СПБ Суд. Палаты об уничтожении арестованных нумеров журнала «Жупел». [1]

А в Киеве это совершалось еще более торжественно.

24 апреля 1906 г., в Киеве, на Лукьяновском кладбище, происходило, как передает очевидец, сожжение сатирических журналов, конфискованных в период с 17 окт. 1905 г. и хранившихся в полицейских участках.

Привезли их на 9 подводах.

«Казнь» совершали пожарные. Горело целый день. [2]

Точно в Испании, в средние века!

На сцену выступили невиданные до сих пор новые сатирические журналы, махрово-черносотенные, в роде «Скворца», «Бича», «Жгута», «Кнута» и других. [3] Из каждой строчки этих аляповатых, грубых изданий московского рынка несся один крик: «бей жидов», «бей революционеров».

Появились такие произведения, как «Горе от глупости», в котором Чацкий, замазав грязью все освободительное движение, кончал наставлением:

Пора бы поумнеть, уразуметь пора:
Беда не в том, на что мы ропщем, —
Не в форме власти внешней, а в всеобщем
Забвении труда, и правды, и добра,
В расстленьи и порабощеньи духа.
Коль мысль пуста, коль сердце глухо
К сознанью истины святой,
Что жить нам надо по завету божью, —
Их оживить нельзя враждой и ложью
И кровью, в мятежах и смутах пролитой.

Любопытен и забавен по своей наивности тот выход, который был изобретен цензурно-бюрократическими сферами того времени из положения, казалось бы, совершенно безвыходного.

С одной стороны — согласно манифесту, как ни как, а все же неотмененному, карикатуры должны были бы появляться «свободно», т.-е. без цензуры, а с другой, разве это можно было допустить?!! И вот изворотливые охранители устоев современного общества напрягли всю изобретательность своего лисьего ума и изобретали такой компромисс.

Особым распоряжением, всем периодическим изданиям вменено было в обязанность представлять все, без исключения, рисунки в Цензурный Комитет, но отнюдь не для разрешения! Цензура не могла ни разрешать, ни запрещать! А «для ознакомления». В тех случаях, когда, ознакомившись с материалом, цензора признавали возможным его опубликование, на рисунке ставился штемпель Цензурного Комитета.

Один простой штемпель: «С.-Петербургский Цензурный Комитет» такого-то числа и года.

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1886 г., № 39, л. 276.
[2] «Маляр», 1906 г., № 10, стр. 4.
[3] В Казани выходил черносотенный журнал «Казанский раешник».

Такой, клейменый, рисунок мог свободно печататься. Но что делать с рисунками, на которых такого клейма не ставили? Значило ли это, что их запрещали? Нет. Ничего подобного.

Редактор журнала вызывался в комитет, и ему предлагалось письменно подать заявление с просьбой вернуть такой-то и такой-то рисунок, как «ошибочно представленный...»

Ошибаться, как поется в одной морской песенке, может даже крокодил, не то, что редактор, поэтому ошибка ему в счет не ставилась, и рисунок великодушно возвращался.

Цензура довольствовалась только небольшим штрафом за такую неосторожную ошибку. Дело в том, что рисунок нельзя было представлять в оригинале. По «правилам», нужно было его отпечатать в двух экземплярах и оттиснуть вместе с печатной подписью.

Таким образом, при запрещении рисунка, штрафовались художник, неосторожно «ошибшийся» и потративший время и труд на ошибочный рисунок, и издатель, изготовивший клише, которое и по тем временам стоило все же довольно дорого.

XII.

Возрожденный «Зритель» и «Пулемет». — «Серый Волк» и др. — Сатирики и карикатуристы 1908 — 1917 годов. — Тюремный отдых. — Напутствия заключенных освобожденному Шебуеву. — Сужение круга сатирических обличений,—Столыпин.—Гос. Дума. — Милюков. — Гучков. — Пуришкевич. — Бюрократы.—Сказочка о «Бюре-недотепе».—Цензурные строгости. — Читатель и чтение между строк.

Последними тучами рассеянной бури, отдаленными откликами революционной сатиры были те, сравнительно уже более бледные карикатуры и сатирические вылазки, которые появляются в таких журналах как «Русь» (в тексте газеты и иллюстрированном приложении), в возродившемся «Зрителе», «Пулемете» и «Сером Волке», «Сатириконе» и других.

В «Руси» и затем «Сером Волке» сосредоточились почти все силы, уцелевшие от революционного периода.

Тюрьма не убавила энергии. Скорее наоборот. «Кресты» стали чем-то в роде клуба журналистов. Встречавшиеся ежедневно на прогулках редакторы близко ознакомились друг с другом, вынужденный досуг, которого так мало было в обычной журнальной работе, шел на углубление и расширение своего политического миросозерцания. Мелочи жизни, так удручавшие вне тюрьмы, сюда не проникали, и, когда прошел год, заключенные вышли из тюрьмы такими же, как в нее вошли.

Сидели, впрочем, меньше года. Жена одного из заключенных, Л. А. Шебуева, где-то откопала, что для присужденных к заключению в «крепости», отбывавших наказание по крепостному положению, срок тюремного заключения может быть сокращен. После целого ряда хлопот, ей удалось добиться этого сокращения срока, и узники вышли на свободу на несколько месяцев раньше. Первым «сел» Шебуев, первым и вышел.

Коллекция адресов и писем, которыми напутствовали его оставшиеся еще в тюрьме товарищи по заключению, очень интересна.

Л. Барон, редактор-издатель газеты «Буревестник», писал в своем адресе:

Прощаясь с Николаем,
Я думаю порой:
Товарищ, пожелаем,
Чтоб сел сюда Второй...

Ясно, что тюрьма не очень-то «исправила», и тот же Барон советует:

На воле вспомни этот сад,
Где получал ты шах и мат, [1]
И нагони там страху,
Мат объявивши шаху.

Повидимому, еще менее искусный поэт, А. Ф. Чернявский, в тесно-разукрашенном адресе, тоже писал:

Забыв тюрьмы угрюмой своды,
Ты возроди свой «Пулемет»!..
И, вспомнив дни былой свободы,
Бичуй без страха царский гнет.

Вслед за Шебуевым вышли Б. Вальгис, А. Любимов и другие.

У сатирических журналов этого нового периода оказались хорошие, испытанные кадры сотрудников.

На съедение сатириков в это время было предоставлено значительно меньше жертв, чем в 1905 — 1906 годах.

Но за то и принялись за них во всю.

Конечно, в первую голову пошел Столыпин. Этот администратор, взявший размах Витте, слишком резко и определенно принялся за ликвидацию революции (не стесняясь широко применять меру, получившую наименование «столыпинского галстуха»); естественно, он привлек к себе особое внимание карикатуриста.

Не было номера «Руси», в котором ему не посвящались две, а то и три карикатуры. Вот он — приказчик в игрушечном магазине и предлагает покупателям самую новую игрушку — Государственную Думу... Переворачиваете страницу — тот же Столыпин, только маленький, еле заметный, старается итти, карабкается по следам огромного Бисмарка... Еле-еле продвигается он вперед, на четвереньках. Смешно звучит, в этой позе, его знаменитое «не запугаете». Еще страница — и опять тот же Столыпин, стоящий с зажженым фитилем у заряженной пушки и явно колеблющийся — обстреливать или не обстреливать большую толпу с флагом, на котором стоит «Да здравствует Дума».

Очень не понравился в «сферах» рисунок, на котором был изображен Пуришкевич, стоящий перед витриной магазина с галстухами. В уста Пуришкевича вложены слова, требовавшие закрытия магазина за крамолу. Крамола же заключалась в намеке на знаменитую речь Родичева, где тот весьма недвусмысленно говорил о виселице и назвал веревку «галстухом».

Как раньше общепонятным символом была еловая шишка, так сейчас таким символом стали типичные, завитые кольцами усы Столыпина.

Усы кольцом значило — Столыпин, усы торчком, к верху — председатель Гос. Думы Головин.

Художник мог не добиваться даже портретного сходства: те или другие усы ясно указывали читателю, о ком идет речь. Эту разницу остроумно использовал, кажется, Троянский, изобразивший бой усов.

Разные моменты этого боя определенно подчеркивали на рисунке столкновения Столыпина с Думой. Бой усов, трактованный с большим юмором, заканчивался тем, что усы кольцом превращались в мочалу, а усы торчком

---

[1] Намек на игру в шахматы в «скучном садике, окруженном мрачными стенами, у скамейки, где играют в шахматы», вспоминает в письме к Шебуеву другой «крамольник» М. Кривошеин.

поднимались кверху еще более гордо и остро. Художник предсказывал поражение Столыпина!

Великодушия конституционного министра, однако, хватило не надолго. Сатирическая крапива, в которую его поминутно сажали карикатуры, повидимому, стала ему досаждать. И вот, после целого ряда таких карикатур, наступает день, редактора вызывают в Цензурный Комитет и требуют изъять из номера карикатуру на Столыпина, по сравнению с прежними весьма невинного свойства.

Номер был уже совершенно готов, стоял в машине, подходящего по размеру рисунка, которым бы можно было заменить «ошибочный», не оказалось, и положение было довольно затруднительным. К счастью осенило: обрить Столыпина.

Позвали стереотипера, он долотом сбрил в клише знаменитые столыпинские усы, поставили под рисунком подпись «Пуришкевич», приписали какое-то изречение Пуришкевича, и дело прошло.

Стало ясно, что Столыпин попал в разряд забронированных, и рисовать его усы было бы большой «ошибкой».

Остались Дума, Пуришкевич, Гучков, кадеты, октябристы и, так называемые, «бюрократы». Последних рисовали обыкновенно в богато расшитых мундирах. Таким образом подчеркивалось, что имелись в виду не маленькие чиновники, столоначальники, а особы, не ниже действительного статского, следовательно, верхи, командующие.

Кадетскую партию, в целом и в отдельности, секли с особым удовольствием.

Им, естественно, никак не могли простить, что они так плохо использовали момент созыва первой Думы, момент, когда действительно Думы боялись все, не исключая и самого царя. Со свойственной этой партии слепотой, кадеты обрадовались компромиссу, придуманному для спасения уже обреченной на гибель монархии. Вместе с монархистами они ухватились за соломинку Гос. Думы, притворились будто верят, что у нас самая настоящая конституция.

«Власть исполнительная, — торжественно заявлял с думской трибуны Набоков, — да подчинится власти законодательной».

А власть исполнительная, почти словами сэра Тоби из «Двенадцатой ночи» Шекспира, на это ответила:

— А сэр Тоби тебе в шею...

Действительность очень скоро показала, насколько кадеты, стремившиеся даже после февральской революции сохранить царя, были «прозорливые» политики, и, естественно, что карандаши карикатуристов пощады им не давали. Выборгский крендель, намекавший на беспомощность положения кадет, бежавших в Выборг и оттуда приславших свое знаменитое «выборгское воззвание» не платить налогов, с этого момента сделался их эмблемой, их гербом.

Особенно зло высмеивалось положение кадетской партии в таких стихах:

Гессен сидел с Милюковым в печали,
Оба курили и оба молчали.
    Гессен спросил его кротко, как Авель:
    «Есть-ли у нас конституция, Павел?»
Встал Милюков. Запинаясь от злобы,
Резко ответил: «Еще бы! Еще бы!»
    Мнительный взгляд на соратника бросив,
    Вновь начинает прекрасный Иосиф:
«Есть-ли?» Но слезы бегут по жилету —
На ухо Павел шепнул ему: «Нету»...

Когда в «Сером Волке» появилась карикатура, где, на одном рисунке, Милюков величественно, с таким выборгским кренделем на шее, шествовал на ходулях во главе кадетского войска, а на другом рисунке, рядом, тот же Милюков шлепался вместе с подломившимися ходулями в лужу, то такая карикатура встретила всеобщее одобрение.

Одобряли все карикатуру, героем которой был А. Гучков, в виде Наполеона стоявший перед армией пулей...

Струве, садящийся в калошу, Пуришкевич, депутаты, сама Дума — все это были темы не только дозволенные, но, пожалуй, что разрабатывавшие их рисунки рассматривались даже «с удовольствием» и в так называемых сферах.

В. Каррик.

Максим Горький.

«Леший», 1906 г., № 1.

Несколько иначе обстояло дело с «бюрократами». Скоро и шитый золотом мундир был взят под защиту.

Еще в приложении к «Руси» (1907 г., № 11) был напечатан, без всякой подписи, очень выразительный рисунок, вызванный нашумевшим в свое время инцидентом — провалом потолка в Таврическом дворце, в самом зале заседаний Гос. Думы.

На рисунке был изображен разрушенный зал Гос. Думы, весь занятый распластанными скелетами мертвого «бюрократа», украшенного звездами с надписью «Мукден», «Цусима».

Карикатура была злая и яркая. Пропускать ее бюрократическому цензору было, наверно, не легко, но все же он ее пропустил.

Скрепя сердце пропустил он и написанную, в сущности на эту же тему, сказочку художника Троянского, носившую заглавие: «Бюра-недотепа».

Бюра здесь была изображена в виде обезьяны, в треугольнике, с лентой, звездой и шпагой.

Суть сказочки заключалась в том, что за какое только дело Бюра-недотепа ни возьмется — все у нее криво выходит.

«Взялась Бюра-недотепа лес сплавлять. «Что нибудь, думает, выручу». Только принялась, глядь из-за леса — война загорелась... Да какая!»... (Намек на Ялу.)

«Не хотела Бюра-недотепа войны, но делать нечего. Пушка прикатила, нацелилась — глядь все пушки дулом к себе повернуты; в своих же стреляют.

«Тяп-ляп, снарядила Бюра-недотепа корабль, только в воду пустила — глядь, перевернулся. Под конец войны Бюра две дюжины старых калош отправила...»

И так далее и так далее. Каждый эпизод был соответственно иллюстрирован. Сказочка была напечатана в начале 1907 года. [1]

Прошло не более полугода. Тот же Троянский попробовал использовать этот же мотив для своей большой карикатуры в «Сером Волке», при чем почти целиком вставил в нее, в виде медальонов, уже напечатанные прежние свои рисунки. Но... прошло полгода, рисунки не изменились, а цензура стала другой.

Теперь она встала на защиту «Бюры-недотепы», и прекрасно проработанную карикатуру пришлось отложить. Кажется, при одном из обысков в типографии погибло и ее клише.

Цензура определенно, уже без стеснения, стала возвращаться к старым своим приемам. С каждым днем все беззастенчивее и беззастенчивее она «крестила» все, что ей представляли журналы.

Выкидывались сплошь и рядом такие рисунки, относительно которых прямо в голову не приходило,— к чему там можно было придраться.

Однажды, например, был представлен рисунок, как казалось, даже патриотический, ибо он агитировал за постройку воздушного флота. На нем был изображен русский адмирал, которому Наполеон, из рук в руки, передает старого типа корабль с парусами. На небе летают аэропланы. Под рисунком стояла подпись приблизительно в таком роде:

— Возьмите, в. п-во, мой старый воздушный корабль. У нас теперь, видите, вон какие летают.

Оказывается, рисунок запрещен. Почему — голову можно дать на отсечение, никто не смог бы догадаться.

— У нас — пояснил секретарь Цензурного Комитета — еще нет морских кораблей, а вы уже воздушным флотом дразните!

Ну, разве не Бюра-недотепа сказалась в этом удивительном махровом запрещении, в этом отношении к одному из насущнейших и настоятельнейших государственных вопросов?

Не легко было работать под наблюдением такой Недотепы. Приготовляя номер, редактор всегда должен был иметь в запасе двойное количество рисунков и готовых клише, потому что никогда, ни в одном случае не было уверенности, что проницательная цензура не усмотрит чего-нибудь «ошибочного» или преступного в любом из рисунков. Особенно, при том быстром росте черной реакции, которая встречала нескрываемую и откровенную поддержку сверху.

Приходилось иметь в запасе клише рисунков самого невинного, чисто обывательского характера, на темы, напоминавшие старую «Стрекозу». Ассортимент таких обывательских рисунков чаще всего подбирался из «Simplicissimus'а» (рисунки Резничека), «L'assiette au beurre», «Lustige Blätter», «Le rire», и др.

---

[1] «Русь», 1907 г., приложение, № 11, 13 марта.

По количеству рисунков этого рода в «Сером Волке» можно судить, когда особенно свирепствовал цензорский карандаш, сделавшийся в это время сугубо жестоким.

Однажды пришлось отстаивать один рисунок не в одной, а сразу в двух цензурах.

Рисунок принадлежал худ. А. А. Янову. На заднем плане виднелся купол Таврического дворца, символизировавший Гос. Думу, а первый план рисунка был занят фигурой человека в терновом венце, опирающегося на большой, высокий, средневекового типа меч. Подпись под рисунком «На страже».

В Цензурном Комитете долго допытывались, кто этот человек. Объяснение, что тут нет портрета, что это просто символ народа, ставшего на защиту своей родины, повидимому, удовлетворило. Но тут стал другой вопрос:

— А зачем у него терновый венец?

Опять длинные туманные объяснения о страданиях народа. Видимо, однако, рисунок продолжал пугать, и цензор попробовал найти выход, несколько неожиданный.

— Хорошо, — сказал он, — я разрешаю, но условно: если разрешит и духовная цензура.

— Почему?

— А терновый венец!!!

Пришлось поехать к духовному цензору, в Александро-Невскую Лавру...

После долгих объяснений здесь удалось убедить, что терновый венец ничего оскорбительного для церкви собой не представляет.

Да, тяжела была шапка редактора сатирического журнала в то время.

И, опять-таки, скажу, было бы совершенно немыслимо работать, если бы не установившееся между читателем и сатириком то особое понимание, та особенная способность чтения между строк, понимание с полуслова, которое в эти годы развилось с особой силой.

С этим не могла ничего поделать самая строгая цензура. Бывали случаи, когда эта строгость даже приводила к результатам совершенно противоположным, и для цензора невыгодным.

Как-то худ. Столяров («Сто») принес заставку, на которой изображено стадо ослов. Было сделано клише и положено в запас на всякий случай.

Как раз в Москве собрался в это время обще-дворянский съезд. Вспомнили о запасных ослах, сделали под ним чеховскую подпись: «В Москву, в Москву, в Москву», и поставили в номер журнала.

Оказывается, цензура решила взять под свою защиту съезд. В рисунке было усмотрено оскорбление дворянского сословия. Ослы, дескать,— дворяне. Потребовали изъятия рисунка.

После долгих и горячих объяснений пришло в голову, нельзя ли оставить голый рисунок, просто в виде виньетки, конечно, без всякой подписи.

— А там дальше нет статьи о дворянском съезде? — предусмотрительно спросил цензор.

— Ни полслова в целом номере.

— Ну... тогда можно.

Номер вышел. Все обошлось благополучно. Как же эту виньетку истолковали читатели?

— А здорово это, — заявил один из них, — про ослов-то.

Первое, что пришло в голову, это мысль — не отпечатала ли типография какую-нибудь сотню, другую номеров с подписью?

— Неужели там есть подпись?

— Еще бы вы подпись сделали.

— А тогда что же?

— Не притворяйтесь. Ну-ка, посмотрите. Что это? Впереди грозный осел. За ним две ослицы — одна постарше, другая помоложе, а там 5 ослят?!.. Августейшее царское семейство?!.

Так расшифрован был рисунок, у которого цензура сняла подпись гораздо менее страшную.

Почти такая же история вышла с рисунком, невиннейшим рисунком, взятым из какого-то французского журнала. На нем были изображены две дамы, стоящие на берегу моря и вглядывающиеся в даль. Рисунок показался интересным, как технически хорошо выполненный, было изготовлено клише «на всякий случай». В один прекрасный день цензура выбросила стоявший в номере рисунок, этот по размеру оказался наиболее подходящим, его и поставили в номер. Машина была в ходу, типография торопила, в голову не приходило ничего такого, что было бы и злободневно и цензурно в то же время, и его подписали первым, что пришло в голову: «Женщины с моря».

Оказывается, и здесь увидели намек на двух заморских императриц...

XIII.

Рабочие сатирические журналы «Балда» и «Топор». — «Балдит от скуки император». — Мелочи рабочего быта. — Запрещение журналов. — «Журналы однодневки».

В это же приблизительно время была сделана первая попытка рабочего сатирического журнала. Пионерами были петербургские печатники, которые с 1905 года, вообще, проявили большую энергию в развитии профессиональной организации. Выступив с первыми опытами сатирических статей и стихотворений в своих союзных журналах «Печатном Вестнике» и «Вестнике Печатников» в 1906 году, они в конце декабря 1906 года подали заявление об издании ими отдельного сатирического журнала под названием «Балда».

Этот журнал издавался коллективом рабочих на свои средства. В редакции его участвовали: П. В. Васильев - Северянин, И. М. Харитонов, П. К. Берг, А. Бранденбург, М. Горшков. Близкое участие принимали: М. Амбра, П. Шакай, И. Д. Галактионов, А. Прем, Д. Егоров, А. Ширяев - Самарский, Н. Григорьева. Карикатуристы - художники были рабочие. Официальным издателем был товарищ - украинец Нос.

В передовой статье редакция так определяла свои задачи.

«На нашем типографском языке балда значит пустой разговор, болтовня, проще — безделье. Озаглавливая так свой журнал, мы направляем полет мысли в пустое пространство жизни русских рабочих печатного дела, чтобы заполнить его — где придется — детски-живым, где — демонски-мстительным, где — веселым, ярким, беспощадным смехом.

«Товарищ балдящий, с детства отвыкнувший плакать, горькой тяжелой судьбой научился зло вышучивать свой собственный невеселый, короткий век, свой каторжный труд и свою несчастную долю. Эти-то шутки, остроты, насмешки — крупинки юмора и рабочего остроумия, рабочей сатиры, и рабочей карикатуры мы намерены собирать в своем журнале».

Своим девизом журнал поставил: «Смех — сила».

Первый номер журнала вышел 1-го января 1907 года. С внешней стороны это была небольшая, в 8 страничек, тетрадка с рисунками, сделанными самими рабочими. Уже на первых порах журналу пришлось столкнуться с цензурой, судя по тому скромненькому веночку на первой странице, заменившему рисунок, который, как значится в примечании, «не мог появиться по независящим обстоятельствам».

Главной задачей, которую ставил себе журнал, была борьба с предпринимателями и эксплуататорами рабочего труда. Наборщики-сотрудники в этом отношении проявляли большую энергию и выводили на свет все, что делалось во всех петербургских типографиях. Обличали хозяев, но не щадили и тех из товарищей, которые играли им в руку. Печатники пользовались своим журналом для ведения самой настоящей профессиональной агитации. Здесь мелькали, в виде шуток, например, заметки в таком роде:

«...На «Нашей Жизни» сознательные товарищи, слава богу, успешно борются против восьмичасового рабочего дня».

«На «Петербургской Газете» рабочие предполагают отказаться набирать безнравственные объявления, чтобы окончательно не потерять стыд».

Особенно горячая агитация велась в стихах, заметках и рисунках за праздничный отдых и невыход газет по понедельникам. Пренебрегая такими газетами, как «Новое Время» и «Свет», сатирики журнала всею тяжестью своих обличений обрушились на газету «Русь», как прогрессивную, которая упорно доказывала, что «необходимо в целях освободительного движения, чтобы газеты выходили по понедельникам».

С. Горюшкин-Сорокопудов.

«Гамаюн», 1905 г., № 1.

«Балда» всячески побуждала несознательных товарищей записаться в союз и в этом отношении достигла очень многого.

Мелочи рабочего быта находили здесь свое отражение. Страницы «Балды» являются как бы предшественниками так пышно развившихся уже в наши дни стенных газет.

Особенно доставалось здесь тем карьеристам, которые стремились к получению наград, чинов и других благ в этом роде. В одном из стихотворений без труда узнавали, например, одного такого честолюбца — некоего Индрика-саксонца.

> ...Так тянулись годы, короталось время...
> Индрика-саксонца миновало бремя,
> Что рядит в лохмотья, рубища, заплатки;
> Он не знал, счастливец, слова: «недохватки».
> Пред начальством, кстати, колесом пройдется.
> Смотришь: для саксонца орденок найдется.
> В учрежденьях разных обществ и комиссий
> Вертится наш Индрик, словно хвостик лисий.
> Тут диплом похвальный, там — жетон получит;
> Пресмыкаться, клянчить вечно не наскучит...
> И в мечте заветной мысль одну лелея:
> «Как бы мне устроить праздник юбилея...»

В таком же роде стихотворение «Храбрец»:

— Здорово, кум Максим! — Здорово кум Степан!
— Ну, каково, приятель, поживаешь?
— Ты, кум, я вижу, радости моей еще не знаешь!
Бог наградил меня: я фактором ведь стал.
И дело у меня идет прекрасно.
— Чтож? это хорошо! Работал, значит, не напрасно,
Да как все это вышло, расскажи?
— Ну, слушай. Случилась забастовка летом...
И я участье принял в деле общем этом...
И вот когда на Охте мы сошлись —
Там речи говорить друг другу принялись.
Не мало сладких слов об единстве и я твердил:
«Мне с публикой работать» — так им говорил.
Они поверили и, за меня вступившись, отстояли,
И думали, что ничего они не потеряли...
Но дудки-с! я их так прижал, что охать стали.
А мне-то наплевать, я никогда не мог их полюбить...
Дружил же с ними потому, что с детства затвердил:
«С волками жить — по-волчьи выть».
Но вот теперь, как силу получил, себя я покажу...
Для безопасности ж в кармане браунинг держу —
И ничего! Пока я с ними лажу, хоть ворчат,
А иногда довольно громко все кричат:
«Тебя мы вынесем в корзине скоро, брат».
Я не боюсь: союз закрыт. А без него
Они не могут сделать ничего.

Здесь я прибавлю от себя,—
Слов пять или шесть.
Терпенье так испытывать нельзя:
На все ведь мера есть.

На ряду с такими чисто профессиональными злобами дня, в журнале «Балда» находили себе отражение и вопросы общей политики. Вслед за первым и второй номер обратил на себя внимание цензуры, которая не допустила напечатания здесь двух рисунков, относившихся, как сообщалось в журнале, «к избиению петербургских рабочих у Зимнего дворца». Пришлось ограничиться помещением, взамен их... «птичек, распевающих на ветке...»

Птички, однако, не умилостивили суровую цензуру. Номер был все же конфискован за стихотворение «Памяти 9-го января». Не ограничиваясь конфискацией, Главное Управление по делам печати сообщило об этом прокурору с просьбой привлечь к уголовной ответственности редактора Вячеслава Степановича Носа. [1]

Еще более преступной показалась цензуре заметка в № 3 «Балды», содержавшая в себе такого рода разговор:

— Васютка, — кричит на мальчика наборщик — ты что работаешь? Ведь сегодня праздник — царский день!

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1907 г., № 4, л. 2.

Мальчик остановился и, презрительно посмотрев на наборщика, ответил:

— Я — не черносотенец!

В заметке почувствовалось оскорбление величества, номер был конфискован и тоже направлен к прокурору.

Суд, однако, правѐл значительно медленнее чем цензура. Повидимому, рвение цензора здесь не было оценено по достоинству.

Прокурор прислал запрос: «Получил ли номер 2 «Балды» распространение?»

Старший инспектор типографии донес, что номер этот был напечатан в количестве 5000 экземпляров, но что при наложении ареста после самого тщательного обыска в типографии и частной квартире редактора было найдено всего 10 экземпляров.

На этот раз суд не поддержал цензуру. Прокурор дал заключение, что «стихотворение «9-е января» не содержит в себе восхваления какого-либо преступного деяния, а. будучи посвящено памяти рабочих, погибших при манифестации 9-го января, указывает лишь на значение этого события в освободительном движении».

Точно так же был отменен прокурором и арест на № 3, так как и в отказе Васютки праздновать царский день судебная палата не нашла «признаков преступного деяния».

Арест с «Балды» был снят, но увы, «Балды» уже, фактически, не существовало.

К этому времени администрация получила возможность расправляться с журналами по своему усмотрению. Вместо закрытой «Балды», 3 февраля 1907 г. стал выходить, под редакцией Ф. А. Котлярова, журнал «Топор».

Напечатав на первой странице № 2 сообщение об отмене судебной палатой ареста номеров «Балды», «Топор» иллюстрировал эту заметку двумя рисунками: на одном из них был нарисован городовой, с негодованием рассматривающий освобожденные листки «Балды», а на другом — человек, показывающий городовому нос.

Редактор Нос оставил полицию с носом!

Торжество и этого нового журнала, однако, было непродолжительно: после второго номера и он прекратил свое существование, а готовившийся к выпуску вместо него журнал «Звон» не вышел, в виду высылки в Тобольскую губернию редактора журнала П. В. Васильева-Северянина. [1]

Не нравился стремившимся к «успокоению» властям общий дух журнала. Не говоря уже о том, что сплотившиеся около издания сотрудники много делали для сплочения и развития весьма значительной группы рабочих печатников, журнал вполне определенно занял позицию, совершенно нетерпимую для правительства, резко повернувшего направо.

Журнал рисовал положение России в это время в красках весьма мрачных:

Куда не кинь взор осовевший,
И там и здесь картина та ж:
Балдит крестьянин и рабочий;
Балдит чиновник и купец;
Балдит министр, к балде охочий;
Балдят студенты, наконец.
Вот обалделый губернатор
Стреляет, вешает народ;
Балдит зевающий сенатор
И манифест свой издает. [2]

---

[1] «Красная Газета», 1925 г., № 93 (21 апреля). Статья «Балда» и «Топор» за подписью «Старик».

[2] Курсив мой. *В. Б.*

Балдит судья, балду судящий,
С балдою сдавшего суда;
Балдит герой, с войны бежавший,
Теперь негодный никуда...

Как сообщает автор статьи в «Красной Газете» об этом журнале, повидимому близко к нему стоявший, в подлинном стихотворении, вместо строки «Балдит зевающий сенатор» было написано: «Балдит от скуки император».

Такой вариант, конечно, не мог быть напечатан, но слово «манифест» ясно показывало, о ком идет речь.

Свое отношение к царю журнал проявлял довольно определенно, но в форме для цензуры почти неуловимой.

Выше был приведен уже интересный в этом отношении разговор с Васюткой. В № 3 «Балды» было помещено описание вечера в государственной типографии, с соответственным рисунком. Рисунок был самый невинный, а описание вечера целиком взято из «Нового Времени»:

«6-го января, в государственной типографии был устроен вечер и елка для детей рабочих, на которой присутствовали все начальствующие лица этой типографии. При начале вечера дети (курсив журнала) пропели гимн «боже царя», и т. д...

Тут все невинно, если не считать, что набрано курсивом слово «дети», и «боже, царя храни» напечатано без слова «храни».

Совершенно невинны мечты типографского выборного в рассказе «Об извозчике и выборном»... если не считать фразы: «хорошо бы еще демократическую республику состряпать поскорее».

Так проговаривалась «Балда», в том же духе продолжал говорить и сменивший ее «Топор», который дебютировал, в первом же номере, таким стихотворением:

«Велика наша Россия,
Да порядку нет следа...
Много было бы журналов,
Но их душат, — вот беда.
Три недели мы «балдили»
И пришлось нам «топорить»...
Не судили, не рядили,
Что могли кому вредить.
«Все равны перед законом», —
Так Столыпин говорил.
И «Балду» с крамольным тоном
«Для спокойствия» закрыл.
Не по вкусу бюрократа,
Знать, рабочая «Балда»...
«Хороши наши ребята,
Только славушка худа».

Почти рядом стояла колыбельная песня, оканчивавшаяся пророчеством:

Будет время боевое —
Левые идут...
В состоянии покоя
Бюрократы ждут...
Спи себе, не плачь, малютка,
Баю, баю, бай.
Революция не шутка,
Дума — не «бабай».

Другое стихотворение заканчивалось таким же пророчеством, убеждавшим не смущаться наступившей вокруг тьмой. Автор говорил, что

> ... Уж близок рассвет и, когда над землей
> Мгла исчезнет, умчатся все грозы, —
> Еще громче наш смех зазвучит молодой;
> И тот смех, будет смех не сквозь слезы.

Отмечались с радостью тут же и факты, подтверждающие основательность такого рода надежд, в роде того, что в заведении графических искусств Маркуса после упорной борьбы с кадетами «большинством голосов прошел «безусый» рабочий—прогрессист—экономист—материалист, чуть-чуть не марксист».

Очевидно, журнал с такими настроениями не мог пользоваться симпатиями властей и его постигла участь, общая с другими сатирическими журналами.

Дух «Зрителя» был уловлен сразу... Теперь уже не церемонились. Суд и администрация действовали во всю: судили, сажали в тюрьму, высылали... В таких городах, как Варшава и Вильно, сатирические журналы даже называли себя «однодневками»... На долгий век не рассчитывали...

XIV.

Успокоение и реформы. — «Свобода пищати». — Лиги свободной любви, «огарочники», санинство. — Возвращение к времени Николая I.

С каждым днем работать становилось труднее и труднее.

Один из очередных рассказов в «Сером Волке», озаглавленный «Казнь», в 1908 г. начинался таким вступлением:

«...К тому времени случилось, что больше не стало редакторов, то-есть редакторов оппозиционных газет».

И тут почти не было преувеличения. Газеты и журналы сколько-нибудь оппозиционного характера отцветали, не успевши расцвесть. Сатирические журналы пестрым вихрем исчезали в пространстве один за другим, просуществовав месяц, два, а то и меньше. И «Адская Почта», и «Маски», и «Мухомор», и «Гамаюн», и «Леший», и «Зеркало», и «Зритель», и многие, многие другие. Дольше всех держался «Сатирикон», родившийся на пепелище старой «Стрекозы» и представлявший собой почти точную копию немецкого «Simplicissimus'а».

«Серый Волк» не дожил до конца 1908 года и летом прекратил свое существование вместе с буквально удушенной и долго упорно пытавшейся бороться газетой «Русь».

Наступил период, строившийся по принципу Столыпина «сначала успокоение — потом реформы».

Образно и хорошо характеризует этот курс сказка про белого бычка, рассказанная в «Штыке»:

— Успокойтесь, — тогда получите.

— Э-э, нет. Вы нам раньше дайте, что нам нужно будет, тогда и успокоимся.

— Да вы успокойтесь, а там видно будет.

— Стара штука!

— Так не успокоитесь?

— Нет, пока не дади...

Трах... (Москва.)
— Ой-ой-ой!
— Ага! А теперь, когда вы успокоились...
— Да мы и не успокоились вовсе.
— Ка-ак?
— Да так же.
— Нет?
— Нет. Наоборот даже. Товарищи!
— А-а, товарищи?
Трах... (Белосток.)
— Ай-ай-ай! Караул!
— Что, больно? Ну, теперь-то, надеюсь, видите?
— Что мы видим?.. Товарищ...
Трах... (Седлец.)
— Ну что, видите?
И так далее, и так далее. [1]

Свобода печати превратилась только в «Свободу пищати», как это очень образно характеризовал Т. Ардов в рассказе под таким же заглавием:

«Был в одной земле малый зверь. В устроенной скорлупке помещался тихий такой, вроде пискаря.

Долго он так сидел — однако решили его на свободу выпустить.

— Гуляй, говорят, — что тебе-то в скорлупе сидеть — перед соседями неловко.

И вышел малый зверь. Вышел, встрепенулся, устричью слизь с себя стряхнул — молодец молодцом.

— А попищать можно? — спрашивает.

— Валяй, говорят, во всю. Твое дело пищать. Ты у нас глаза и уши.

И зажил малый зверь великолепно. Пищит, а сам растет. Рос, рос — со слона сделался... А как крикнет — с райских елок шишки валятся. Всем очень понравился. Испугалось начальство.

— «Очень уж голос у него животрубный. Съест он нас совсем. Всех зверей перебудит, придут нас грызть, и совсем нам тогда капут будет».

И вот решили меры принять: «руки ноги обчекрыжили и в старую скорлупу усадили». [2]

Нарисованная, в том же «Сером Волке», сатирическая картина газетного бытия («Происшествие»), в сущности, не была особенным преувеличением, а самой настоящей действительностью.

«...Ну в передовой еще кое-как ладилось. В передовой речь шла о Европе. Например, герцог такого-то и такого-то княжества готовится лето провести не в Висбадене, как это было позапрошлым летом, а в Карлсруэ. И рассуждалось: какое это может иметь политическое значение. Этим герцогом питались на долго.

В понедельник писали:

— Поездка герцога и ее значение для внешней политики Англии.

Во вторник:

— Поездка герцога и ее значение в политике Франции...

И так далее, и так далее.

В таком же роде характеризовался отдел внутренних известий и телеграмм:

«Париж. Вчера на углу улицы Gay Lussac и бульваре Saint Michel был усмотрен странный предмет. Что собственно он обозначает, не выяснено».

---

[1] «Штык», 1906 г., № 7.
[2] «Зритель», 1908 г., № 4, 24 февраля.

Или:

«Саратов. По случаю ремонта здания ремесленного училища, закрытого 15 лет тому назад, в городе все спокойно».

Действительно, в то время иронизировали над телеграммами официального телеграфного агентства, цитируя одну из телеграмм, где сообщалось из Рима, что «Здоровье римского папы не внушает опасения...»

Что было делать сатирику и карикатуристу в такую мертвую полосу созданного весьма энергичными успокоительными мерами затишья?

Принялись за общественных деятелей второго сорта—октябристов, думских депутатов, союз русского народа...

Можно было, хотя и с опаской, нарисовать Гос. Думу в виде черного зонта, под которым укрывается от грозы тучный сановник, а обыватель пролетарского типа здесь же, рядом, мокнет под дождем, говоря:

— А мне какая от него польза?

Можно было издеваться над Челышевым, мечтавшим спасти отечество введением на «монопольке» (бутылках казенной водки) этикетки с надписью, что это «яд», и, для вящшего устрашения, рисунка черепа.

Можно было ныть на тему, что журналист бессилен, что его душит цензор.

Такие рисунки, наверно, цензорам даже нравились, ибо подчеркивали их силу и бдительность.

Пришлось выдвинуть на первый план такие вопросы, как «Лига свободной любви», своеобразных половых нигилистов «огарочников». Видное место заняли шаржи на литераторов, актеров, шумевших в то время декадентов. «Санин» Арцыбашева стал крупным общественным явлением!

Словом, пошли в ход цветы невинного юмора. Настоящая серьезная борьба была бесцельна, да и невозможна.

Скучно стало писать на все эти темы, скучно читать то, что по этому поводу писалось... Жить стало скучно и писателю и читателю.

Поместил «Серый Волк» на первой странице последнего своего номера зловещую группу черных страшных старух, черной тучей выходящих на работу, и поставил точку.

Черные старухи, как черные парки, мертвившие все на своем пути в русской общественной жизни, обрезали нить жизни и «Серого Волка», как и других сатирических журналов.

Политическая сатира явно отмирала. Один из наиболее значительных журналов, «Сатирикон», в котором работали такие талантливые карикатуристы, как А. Ремизов, Радаков, А. Яковлев и др., должен был перейти исключительно на бытовые, обывательские темы, да и в этой области не так уж было все легко и просто.

А. Н. Бенуа искренно «удивлялся, как «сатириконцы» изворачиваются, чтобы дать волю и своему смеху и своей злобе».

Такая сложная система «принудительного молчания» была изобретена!

«...Если бы знать еще точно, что можно и что нельзя,—писал А. Бенуа,—тогда было бы еще пол-беды. Но ведь этого у нас никто и не знает. С одной стороны, как будто все дозволено, а с другой, как будто все и запрещено... Что сегодня приказано видеть черным, то завтра следует считать белым. И приказы эти нигде не вывешены. Они вырастают как грибы после дождя или, вернее, как в старинных пантомимах — черти из-под пола — в самых неожиданных местах. [1]

---

[1] «Речь», 1909 г., № 348.

Жить и работать приходилось под тысячью мечей, развешенных над головами бдительной администрацией.

Чтобы дать понять о том, какого рода были эти «мечи» и до каких вершин докатилась цензура, приведу только один факт:

В 1913 г. «Сатирикон» был уже привлечен к ответственности за стихотворение Петра Клейнера (№ 48, 28/XI, 1913), в котором автор описывает (говорю словами цензора) — как бы устроить свою комнату для приема своей любовницы, которую он ждет к себе и, между прочим, пишет:

> Вместо образа повешу
> Твой, любимая, портрет.
> Пусть горит пред ним лампада.
> Чем мой образ не хорош?

«Таким образом,—подчеркивает цензор,—автор заменяет св. икону портретом любимой женщины и перед ним зажигает лампаду».

«В виду изложенного — заключает доклад цензор, — и принимая во внимание: 1) что образа и лампады (!) суть предметы религиозного почитания верующих и возжигание лампад перед каким-либо изображением, кроме св. иконы, согласно заключению представителя духовного ведомства, является деянием кощунственным, номер «Сатирикона» арестовать и привлечь к уголовной ответственности поэта и редактора по 74 ст. Угол. Улож.» [1]

Разве от этого запрещения не пахнет временами цензора Красовского, когда возлюбленный не смел назвать глаза возлюбленной «небесными»? Царствовал Николай II, но по духу это было царствование Николая I.

П. Н. Троянский образно это передал в новогоднем рисунке, где новый 1908 год, часовой, в форме старого николаевского солдата, сменяет старый, 1907, представленный в виде молодого солдата, одетого по форме последних годов царствования Николая II.

XV.

«Революция раздавлена». — Отбой интеллигентских кругов. — Богоискатели и эстеты.— «После меня хоть потоп!..». — Смена вех. — Отношение к событиям в лагере марксистов. — Распространение марксистских лозунгов в обывательской массе. — Цензура и марксизм. — Показательный рисунок в журнале «Дикарь» с портретом Карла Маркса.

«Смена» происходила у всех на глазах.

— Революция раздавлена.

Таково было убеждение одержавших «победу» верхов, да нужно сказать, что и обывательская действительность давала для такого убеждения полные основания. Даже в литературе общественная струя, еще недавно такая яркая, теперь исчезла в атмосфере пышно вновь расцветшего, как никогда до сих пор, индивидуализма и декадентских настроений.

В 1905 году, среди пролетарских кругов, вызвали к себе ироническое отношение рабочие стихотворения Бальмонта, над которыми открыто издевались:

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1908 г., № 52, л. № 86 об. Такую-же перемену отмечает Л. Троцкий даже в журнале «Симплициссимус», в котором к 1908 году совершенно исчезли социальные мотивы. «Бедный мопс радикализма, «Симплициссимус» стал наемной собакой капиталистической рекламы». Л. Троцкий. «Литература и революция». М. 1923, стр. 317.

Его Величество Пролетарий Всероссийский.

«Пулемет», 1905 г., № 2.

Бедный Бальмонт уж не молод
И тяжел рабочий молот
Для его бессильных рук.
Раздобыл он молоточек,
Красной тряпочки кусочек,
Взял малюсенький гвоздочек
И колотит: тук, тук, тук...
И под жиденькие звуки
(Мастер он на эти штуки)
Тонким голосом поет:
У меня открылись очи,
Пролетарий я — рабочий.
Так кричит он что есть мочи.
Потешая весь народ. [1]

---

[1] «Яд», 1905 г., № 1.

Тогда казался такого рода скептицизм и несправедливым и непонятным. Однако, годы наступившей реакции дали такому скептицизму некоторое объяснение и обоснование.

Кажется так недавно еще, на страницах основанного декадентами журнала «Весы», слышался призывный голос Андрея Белого:

— Мы сильны! Мы все готовы лечь костьми за жизнь и свободу родины! Мы будем!.. [1]

Прошел всего год, и на тех же страницах, того же журнала послышались другие голоса. Зин. Гиппиус начала петь гимны статьям В. Иванова, написанным «с пленяющей и безсмысленной чуткостью, с нежными прозрениями, с никуда не ведущим, ничего не дающим сознанию, но сладко-безвольным томлением». [2] Подчеркивалось при этом, что Вяч. Иванов «отдался себе, один в себе и для себя — и ему так хорошо». Д. Мережковский отмечает, что, вообще, у всех декадентов «нет никакого чувства общности». Декадент, по словам Мережковского, всегда один, поет, совершенно не заботясь о том, кто его слушает и, вообще, слушает ли кто-нибудь:

Ищу мою отраду
В себе — себя любя,
И эту серенаду
Слагаю для себя. [3]

В Москве, той самой Москве, где еще недавно на улицах строились баррикады, по описанию Андрея Белого, «ходили друг к другу, сиживали подолгу, разговаривали о глубоком, обливая патокой сладких слов и первных вибраций. В одном доме оказалась просахаренной даже мебель». Мистериальный наркоз охватил всех: «Буддист, во имя грядущей тайны, братался с христианином. Эстет обращался к благотворительности, а социал-демократ писал стихи о гордом благородстве немногих. Кто-то на вопрос хозяина «чаю», крикнул: «чаю воскресения мертвых»... Кто-то неожиданно предложил облачиться в белые одежды и возложить на себя венки из роз, кто-то выскакивал на общественную трибуну заявлять о приближении конца мира, затыкать революционеру рот христианским братством борьбы...» [4]

Начался повсюду «отбой», получивший отражение в таких стихах:

По притихшим редакциям,
По растерянным фракциям,
По рутинным гостиным,
За молчание себя награждая с лихвой,
Несется испуганный вой:
Отбой! Отбой!
Окончен бой!
Под стол гурьбой,
Соси свой палец, не дыши,
Кошмар исчезнет сам собой...

. . . .

. . . .

Разорваны по листику
Программы и брошюры

---

[1] «Весы», 1905 г., № 9 — 10, стр. 80.
[2] Тоже, 1906 г., № 6, стр. 49.
[3] Тоже, 1906 г., № 5, стр. 34.
[4] Тоже, 1906 г., № 9.

То в ханжество, то в мистику
Нагие прячем шкуры.
Славься чистое искусство,
С грязным салом половым...

«Половые проблемы», «богоискатели и богостроители» выступили на первый план.

Словом, революция была ликвидирована и наступило успокоение, к которому так долго взывали и Витте, и Дурново, и, вообще, все командующие классы.

Так «им» казалось, «они» в этом даже были убеждены.

В это же, приблизительно, время в журнале «Спрут» был напечатан рисунок, [1] который не хотели видеть и на который просто даже не смотрели — сатирические журналы уже перестали быть предметом внимания — рисунок, не особенно искусный в художественном отношении, но значительный по вложенной в него мысли.

Под ним стояла подпись: «Революция раздавлена».

На рисунке могучая «гидра революции». В самом углу, маленький, едва заметный человек, со всеми принятыми в то время аттрибутами «бюрократа», чуть-чуть поранил кончик хвоста гидры, откуда вытекло немного крови. Гидра даже его не замечает, но он с торжеством смотрит вокруг себя, и это, конечно, он кричит «революция раздавлена»...

Действительно, положение было именно таково. Костер первой революции наспех завалили грудой материала, закрывая глаза на то, что это материал горючий, и обрадовались тому, что перестало гореть, что исчез огонь.

— Après moi le déluge,—думал царь и его тайные советники.

Этот новый лозунг, очевидно принятый властью в основу своей деятельности, отметил в «Зрителе» худ. Мих. Яковлев рисунком, на котором фигурировал пустивший в ход этот лозунг, и, как показала история, очень неудачно, Людовик XVI.

В том же «Зрителе» был напечатан более чем прозрачный разговор между маменьками:

— Это ваш сынок?

— Да,

— Какой прелестный мальчик.

— Уж говорит по-французски.

— Да что вы? Ну, душенька, скажи что-нибудь.

— Après moi le déluge.

— Что за прелесть... [2]

Царь и «звездная палата», состоявшая из виднейших сановников государства, люди, которые не могли посмотреть не только за несколько лет вперед, но даже за несколько месяцев и дней, этот лозунг положили во главу угла всех своих правительственных начинаний.

— После нас хоть потоп, — чувствуется в каждом их шаге.

Им не приходило, очевидно, в голову, что этот потоп может притти раньше, чем они успеют уйти со сцены, и революционный костер разгорится еще при них.

История социализма в России вскрывает всю слепоту этих близоруких людей, этих самоуверенных, уже полуразложившихся, только по недоразумению живших и двигавшихся живых трупов.

---

[1] «Спрут», 1906 г., № 3, стр. 7.
[2] «Зритель», 1908 г., № 2, 10 февраля.

Правда, бдительное цензорское око давно уже заметило, что к нам, в наше мирное болото, проникли зловредные марксистские идеи. Не заметить этого было трудно, особенно после того, как марксисты вступили в бой с народниками и даже начали их одолевать. Возникновение журнала «Новое Слово», открыто выкинувшего марксистское знамя, задолго до революции это подчеркнуло особенно ярко.

Цензура сразу обратила свое внимание на то, что здесь «почти на каждой странице» провозглашали Карла Маркса «великим учителем и творцом истинной экономической науки».

Особенно не нравился цензуре иностранный отдел журнала, знакомивший читателя с ходом современной политической жизни иностранных государств. «Доминирующим центром корреспонденций, — докладывал цензор, — служит созданное на западе Марксом и Энгельсом и их последователями рабочее движение и борьба социал-демократической партии с реакционными стремлениями всех остальных парламентских партий».

«Безапелляционно решив, — пишет цензор дальше, — что будущее принадлежит одному только четвертому сословию рабочих-пролетариев, редакция дает подписчикам самую детальную организацию западно-европейских рабочих партий и подробно знакомит как с содержанием их политических и экономических программ, так равно и с деятельностью современных корифеев рабочего движения». [1]

Беспокоила цензуру и популярность журнала, который был распространен в интеллигентных кругах, но проникал и в такие места, куда, казалось бы, никак попасть не мог. Один случай, в этом отношении, показался цензуре особенно тревожным. В Цензурный Комитет поступила жалоба земского начальника 7-го участка Чердынского уезда Пермской губернии (вот какая глушь!), — на оскорбившую его статью «Нового Слова» (в октябре 1897 года).

«...Оказывается, — пишет цензор, — эту книжку доставил ему волостной писарь: поэтому можно судить, как глубоко распространяется журнал, задачу которого составляет пропаганда последней формации социализма, т.-е. марксизма». [2]

Факт весьма показательный, и, конечно, не единичный и не случайный. Марксизм нашел для своего распространения хорошую почву и, хотя «Новое Слово» очень скоро было закрыто за свое вредное марксистское направление, это направление продолжало расти и крепнуть.

Еще в 90-ые годы для популяризации марксизма много сделал журнал «Мир Божий», а также своими беллетристическими произведениями Максим Горький и Вересаев... Не мало способствовала этому и горячая полемика с марксистами, которую вел на страницах «Русского Богатства» Н. К. Михайловский, даже В. Г. Короленко («Необходимость», «О сложности жизни») и др. [3] Но, конечно, больше всего сделали широко рассеянные повсюду рабочие кружки и организации.

В конце 1905 года в Петербурге выходит социал-демократическая газета «Начало», на первом листе которой уже стоит лозунг: «пролетарии всех стран, соединяйтесь...» В Москве выходит газета «Борьба»...

«Мы, — открыто заявляет «Начало», — выходим из подполья на открытое поле классовой борьбы... Мы были партией для пролетариата, теперь мы должны превратиться в партию из пролетариев и сознательных рабочих». [4]

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1893 г., № 36, л. 139 об., 140 и сл.
[2] Там же, л. 131.
[3] В. Невский. «Очерки по истории РКП (большевиков).» Ленинград, 1924, т. I, стр. 392 и след.
[4] «Начало», 1905, № 3, 16 ноября.

На похоронах передового борца пролетариата Н. Е. Баумана, убитого в Москве, были красные знамена с лозунгом: «да здравствует единая социал-демократическая партия». [1]

В дни первой нашей революции основные лозунги марксизма проникают даже в обывательские массы.

В «Пулемете» Шебуева мы видим уже толпу, несущую знамя с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», а под рисунком, где эта толпа изображена, подпись: «Вставай, поднимайся, рабочий народ». [2]

В том же журнале на заревом фоне дымящихся фабричных труб изображен рабочий в кепке с подписью: «Его рабочее величество пролетарий всероссийский».

В стихотворении «Поток богатырь», на недоуменные вопросы проснувшегося богатыря, не понимающего, что вокруг него творится, только сыплют слова:

«Маркс... Плеханов... отрезки... наделы...» [3]

Былина «Чудище поганое», напечатанная в № 25 «Зрителя», заключает в себе сообщение, что

... в столицах, градах каменных,
Близ фабричных труб заводится
Зелье страшное, рабочее,
Социал-демократическое.

«Зритель» перепечатывает, не скрывая своего удивления, подробный и сочувственный отзыв о произведениях Карла Каутского из казенного(!) «Кронштадтского Вестника». [4]

Кронштадтскому оффициозу, оказывается, очень понравились те страницы книги Каутского, где он доказывает, что основная причина всех бедствий, испытываемых Ирландией в течение многих веков — бесправие и рабство распухшего от голода арендатора-нищего, полная зависимость его от лэндлорда, презиравшего и не считавшего его за человека, находившего себе всегда полную поддержку у английского правительства.

Кое-где попадаются уже иллюстрации, показывающие отражения социалистической пропаганды в обывательской жизни.

В одном из сатирических журналов, не без злобной иронии, например, рисуют, как в недалеком будущем сложатся отношения «господ» и прислуги.

— Куда вы, Маша? — спрашивает барыня. — Сейчас придут гости.

И вдруг прислуга ей отвечает:

— Извините, сударыня... Я должна итти в университет!

А то еще такой разговор:

— Лиза, зачем вы отдали наш ковер этому солдату?

— Пусть он его выколотит. Но это сверхурочная работа, и я прошу ее поручить ему за особую плату.

Сверхурочная работа! Восьмичасовой рабочий день! Наконец, просто, «рассуждающая» прислуга, прямо дерзкая:

— Саша, говорит, например, барин, подайте моей жене стакан воды.

А она ему в ответ:

— Ваша жена и так ничего не делает... [5]

---

1 «Мир Божий», 1905, № 11, стр. 54.
2 «Пулемет», 1905 г., № 2, и 1906 г., № 4.
3 «Петушок», 1906 г., № ?.
4 «Зритель», 1905 г., № 7.
5 «Член всех партий», 1906 г., № 2.

«Митинг» (1906 г., № 2) был арестован и прекращен за статью Петра Южного «Республика», делавшую обзор французских революций.

В статье особенно подчеркнуты цензором такие фразы: социалисты всех стран ставят на своем знамени девиз «демократической республики», как наиболее желательной политической формы для быстрого и менее болезненного развития социализма, приход которого рано ли — поздно ли неизбежен, как смена ночи днем, как движение планет. [1]

Чем дальше, тем больше бытие определяло сознание.

Выступали не только друзья, но, конечно, и враги. И врагов больше, чем друзей.

В еврейском сатирическом журнале «Дер Шайгиц» был помещен рисунок, на котором изображен Карл Маркс, бегущий по улице уездного еврейского городка с криком «братцы, помогите»...

Очевидно, — отклик на те гонения, которым подвергся марксизм в дни вновь начинавшейся и осмелевшей реакции.

Черносотенный журнал «Кнут», например, открыл у себя особый отдел, галлерею портретов с рубрикой «русские прохвосты» и первый портрет, который здесь появился, был портрет В. Г. Плеханова. [2]

Получила распространение презрительная кличка «марксята»...

Все такого рода факты, рассеянные по сатирическим журналам этих годов, конечно, мало значущи каждый в отдельности, но безусловно в массе весьма характерны в том отношении, что свидетельствуют о проникновении марксизма даже в обывательскую толщу, и сатирики уже имели возможность говорить об этом, не опасаясь, что их намеки останутся непонятыми.

Революция раздавлена, успокаивали себя и других слепорожденные, проходившие мимо этих фактов, одни их не замечая, другие злобно шипя...

Испугавшиеся люди, случайно попавшие в марксистский лагерь, открыто переходили от марксизма в лагерь идеалистов.

Недавние мечты, то из-за чего бились, из-за чего было пролито столько крови, в представлении многих стали бессмысленными мечтаниями.

Среди этой общей растерянности, для полной картины которой слишком узки рамки настоящей работы, чрезвычайно важно отметить рисунок, напечатанный в журале «Дикарь» с подписью: [3]

«Доктор. Болезнь развивается нормально. Наступает кризис».

На рисунке изображена больная женщина, очевидно Россия, а доктор, поставивший этот диагноз, — Карл Маркс, такой, каким его знали по самому распространенному портрету, конечно, без малейшего шаржа.

Рисунок весьма интересный и значительный. Журнал даже не счел нужным в подписи поставить имя Карла Маркса — так был уверен, что читатели сами узнают его по портрету. Это во-первых, а во-вторых, что самое главное — в диагнозе доктора, таком спокойном и уверенном, чувствуется, что временное торжество реакции не внесло в ряды революционных марксистов ни малейшего смущения.

Базируясь на почве закона исторической необходимости, они совершенно спокойно смотрели на развивавшиеся в жизни русского общества процессы, не только веря, но определенно зная, что это болезнь, но болезнь нормальная, что все идет, как следует, прямым путем «к концу неизбежну».

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, 1906 г., № 61. Журнал был запрещен навсегда, а № 2 уничтожен в комиссии СПБ Град. «разрыванием на мелкие части».

[2] «Кнут», 1907 г., № 1.

[3] «Дикарь», 1906 г., № 1.

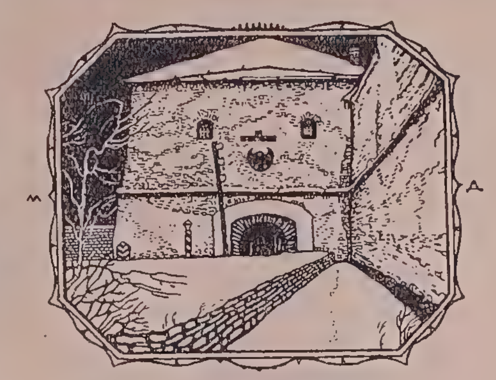
XVI.

Итоги. — Беспартийный состав сатириков. — Их радикализм. — «Смех — дело не шуточное». — Герцен, Щедрин, Достоевский о смехе. — Ослиные уши царя Мидаса. — Что такое русский смех?

Таковы, в самых общих чертах, итоги того, что сделали наши сатирические журналы за время своего, сравнительно, очень недолгого существования.

Ни Добролюбов, ни Достоевский, ознакомившись с журналами этого периода, теперь уже не повторили бы своих упреков по адресу нашей сатиры. Сатирики наши доказали, что способны «смотреть в корень», отлично знают, чего хотят и куда итти.

Перелистывая эти, успевшие уже покрыться пылью, листки сатирических журналов, вглядываясь в их когда-то свежие ярко красные, даже и сейчас еще не потускневшие, краски, в их рисунки и текст, нельзя не признать, что не было ни одного момента в бурной жизни того времени, которого не заметила бы и не отметила бы наша сатира.

Виньетка раб. Добужинского.

Зрители сатирические оказались более прозорливыми, нежели стоявшие в центре, державшие в своих руках бразды правления, носители «твердой власти», знавшие секрет спасения России, «с сильным державным» во главе.

Те самые, которые так верили в неотразимую силу своих пулеметов, которые еще так недавно кричали, что революция раздавлена, должны были к ужасу для самих себя убедиться, что пулеметы и броневики оружие обоюдо-острое. Каким преступным и прямо невероятным казался совет одного из сатириков, в 1905 году рекомендовавшего сказать «спасибо» солдатам за то, что они, вопреки команде, отказались стрелять:

> Скажи им «спасибо» за это,
> Но помни, что в будущий раз,
> Когда ты стрелять им прикажешь,
> Ребята исполнят приказ,
> Но так, что «спасибо» — не скажешь.

В том, что писали и рисовали сатирики, не чувствуется принадлежности авторов к какой-либо определенной партии, но у всех, без исключения, нашел себе отражение широкой волной разлившийся в эти дни политико-общественный радикализм.

И писатели и читатели этих журналов, за исключением разве только определенно соц.-демократической «Свободы» и «Балды», представляли собой массу, разношерстную в классовом отношении, но искренне и единодушно охваченную стремлением разрушить уклад отжившего уже самодержавного строя.

Этой искренностью и чуткостью объясняется тот совершенно исключительный успех, который получили эти журналы в обществе.

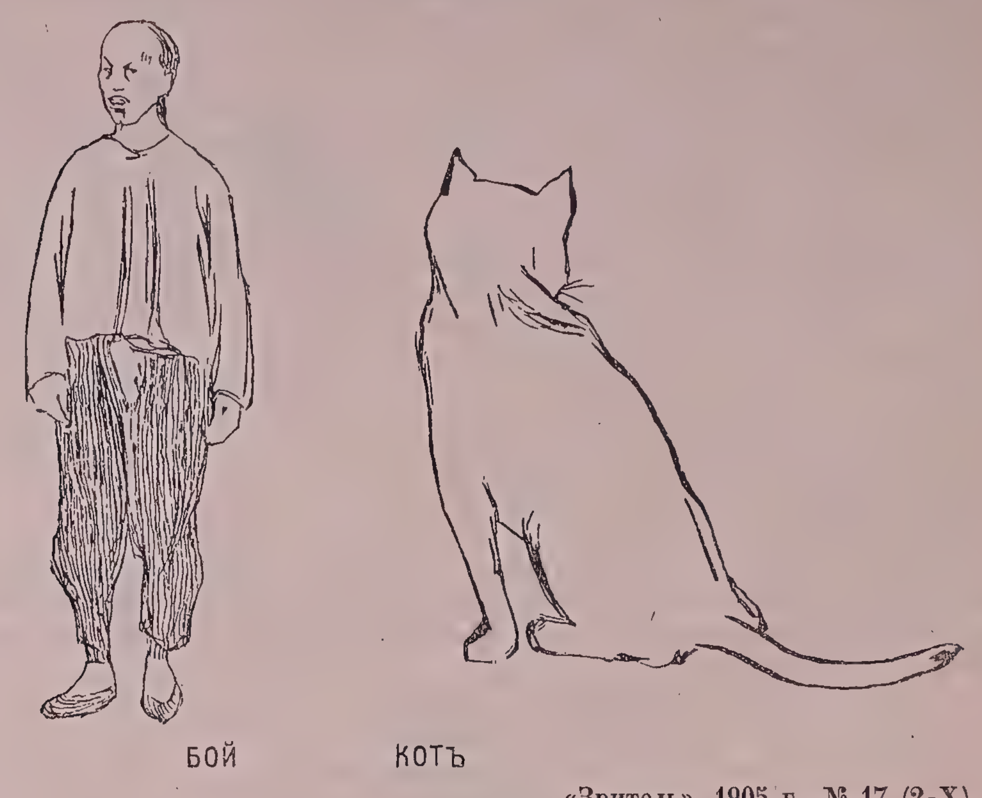
Даже враги не могли не признать, что создававшие эти журналы издатели менее всего руководились при этом жаждой наживы. «Положение вещей было таково, говорит М. Л—ский, что даже самые легкомысленные и оптимистически настроенные из случайных издателей не могли ожидать от своих затей каких-либо материальных выгод» [1].

---

[1] «Исторический Вестник», 1912, № 5, стр. 479.

Действительно, конфискации и тюрьмы сулили выгод немного! В этом тяготении к издательству чувствуется какой-то, почти стихийный порыв, против которого не могли устоять даже солидные, практические и коммерческие содержатели типографий. «Закрываемые за печатание сатирических листков типографщики, как подтверждает тот-же М. Л—ский, терпели известные убытки, а все же, при первой возможности, опять печатали эти, столь опасные издания».

О рабочих наборщиках и говорить нечего! Они смотрели на сатирические журналы, как на свое дело. Старый наборщик Липянский с особенным радостным чувством вспоминает о тех способах, которыми они защищали от полицейского ока печатавшиеся в их типографии журналы. [1]

«Зритель», 1905 г., № 17 (2-X).

Недолгий опыт карикатуры нашей первой революции наглядно показал всю огромную, чисто эмоциональную силу художественного рисунка, особенно рисунка, вышедшего из-под пера настоящего мастера художника.

Силу этого впечатления от художественных «Пулеметов», которая чувствовалась всеми на каждом шагу в момент их действия, зафиксировали такие документы, как письма Трепова, Дурново, доклады цензоров.

И сейчас, отойдя на значительную от того времени дистанцию, придется признать, что гротескные кошмарные фигуры столпов павшего самодержавного строя запечатлелись в памяти гораздо более ярко, нежели самые злые характеристики, написанные публицистами, переданные словом.

Еще историк Мишле говорил, что десять тысяч статей не могут сделать в сознании читателей того, что делает один рисунок талантливого карикатуриста, вроде Домье.

Наша карикатура дала не одно подтверждение великой, даже утилитарной силы изобразительного искусства.

---

[1] «Первая русская революция в Петербурге. 1905 г.». Сборник II, Ленинград. 1925 г., стр. 104.

Пример «кровавой руки» Шебуева в этом отношении особенно показателен и убедителен.

Вот как сам Шебуев объяснял происхождение этого рисунка суду:

— В последнее время много говорилось о приказе Трепова «патронов не жалеть», как в нашей, так и в заграничной прессе. Мне пришла мысль показать наглядно, каким образом чистые строки высочайшего манифеста запятнаны этим приказом. Читая газету,— какую не помню,— я встретил в ней выражение: «все было бы хорошо, если бы к манифесту руки не приложил Трепов». Эта фраза привела меня на мысль образно изобразить приложение руки Трепова к манифесту.

М. Л—ский, в цитированной уже статье «Во власти глупости», тоже подчеркивает, что, действительно, эту фразу, приблизительно в этой форме, повторяли почти все газеты.

Таврическій дворецъ, предназначенный для Государственной Думы

И что же получилось? В то время, как газетные строки, послужившие основанием для рисунка, прошли не замеченными, а теперь и совершенно забыты, самый рисунок Шебуева сразу обратил на себя внимание, повлек за собой суровую кару для его автора и крепко врезался в памяти общества.

Наши сатирические журналы, внесшие свою долю в дело борьбы за свободу, еще раз подчеркнули страшную силу смеха.

«Привет русской сатире XX века, — писала в 1905 г. Анастасия Чеботаревская. Расшатывая последние устои сгнившего строя, вытаскивая последние кирпичи из рушащегося здания, красный смех созидает, подготовляет, расчищает почву для построения нового Солнечного Дворца:

Только то, что силой взято,
Будет живо, будет свято,
Будет взято навсегда. [1]

---

[1] «Образование», 1905, № 5, стр. 46.

Этот смех — подлинно великая сила. В свое время силу эту почувствовал еще Гоголь, с ужасом заметивший, какое страшное впечатление производят его карикатуры. Щедрин, суровый Щедрин упорно добивался «веселого» смеха. «Тут нужно целое море веселости, — писал он, — а где ее взять, когда я болен.» [1] «Смех, — говорил Герцен, — дело не шуточное». И дальше подробно объяснял,—почему. «Заставить улыбнуться над богом Аписом значит растричь его из священного сана в простые быки. Снимите мундир с гусара, сажу с трубочиста, и они не будут страшны, ни для больших, ни для малых».

Наши сатирики блестяще использовали это орудие. Они не только заставили улыбнуться, но обхохотали Аписа, каким в то время был Николай II и его сподвижники... Художник Билибин превратил Аписа даже не в быка, а прямо в осла... Он, да и другие сатирики показали, что под пышной

Б. Анисфельд.

«Жупел», 1905 г., № 2.

горевшей камнями золотой короной самодержца торчат, как у Мидаса, ослиные уши.

Какой с тех пор себя не окружал
Мидас,—разгневанный,—усиленной охраной,
Каким сатрапам власть ни поручал,
Как угрожающе ни шевелил ушами,
Вдали, вблизи,— стоустою толпой
Народ кричал упорно пред дворцами:
— Долой, Мидас, долой...

Это не смех сквозь слезы, не смех ради смеха, не безпредельный смех.

Это—смех людей, для которых все происходящее на их глазах, при всей своей кошмарности, кажется чем-то бесконечно ничтожным, временным, смех людей, запертых в Бастилии, но уже чувствующих, что камни и кирпичи этой тюрьмы превращены в песок и уже рассыпаются.

---

[1] Письма, стр. 130.

Такой смех убивает врага так же просто, легко и радостно, как солнце разгоняет тьму.

Еще Достоевский говорил, что «если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит или как он говорит, или как он плачет, или даже как он волнуется благороднейшими идеями, а вы смотрите его лучше, когда он смеется».

В. Боцяновский.

ПОЛИТИКО-САТИРИЧЕСКАЯ ГРАФИКА 1905 года.

В России никогда не было такого расцвета политической карикатуры, как в 1905 — 1906 гг. Но, если говорить о карикатуре в целом, то в этой области были замечательные мастера и в XIX в. Попытаемся совсем кратко проследить историю русской карикатуры до 1905 г.

Трудно согласиться с П. Дульским, утверждающим, [1] что появление русской карикатуры относится к эпохе народных картинок XVII в. Русские народные картинки целиком заимствовались с западных оригиналов, с немецких, голландских и французских оригиналов. Их можно рассматривать, как особый вид русской полиграфии, как явление граверного искусства (оно было очень примитивно, но в производственном отношении вполне национально). Но едва ли можно считать народные картинки источником русской карикатуры. Только в эпоху Александра I появилась самостоятельная карикатура. Возник «Журнал Карикатур на 1808 г.», издателем и главным иллюстратором которого был «отец русского жанра» А. Г. Венецианов. На страницах этого журнала появился весьма дерзкий по тому времени рисунок «Вельможа», изображающий спящего в объятиях женщины сановника, которого тщетно дожидаются в приемной просители. «Журнал Карикатур» представляет чрезвычайную редкость. Д. А. Ровинский, Сопиков и Геннади не имели случая его видеть. В. А. Верещагин предполагает, [2] что издание ограничилось одним выпуском. Сопиков и А. Успенский утверждают (и за ними П. Дульский), что «Журнал Карикатур» вышел в трех выпусках.

А. Венецианов выпустил вместе с И. Теребеневым серию карикатур на темы войны 1812 г. Особенно много сделал в этом направлении Теребенев, выпустивший 43 листа, имевшие огромный успех. Множество литографий сатирического характера исполнил А. Орловский, впоследствии выступил В. Тимм, участвовавший в «Листке для светских людей» (1839 — 1844) и др. Этот журнал и появившийся за ним «Ералаш» Неваховича (1846 — 1849) были довольно остроумны в своих сатирических выпадах. Далее следует период затишья, продолжавшийся до крымской войны 1854 г., когда вновь появилась патриотическая юмористика, главными героями которой сделались Наполеон III и Пальмерстон. Их многократно изображал Н. Степанов

---

[1] «Графика сатирических журналов 1905 — 1906 гг.» Казань, 1922.

[2] «Памяти прошлого СПБ.», 1914,

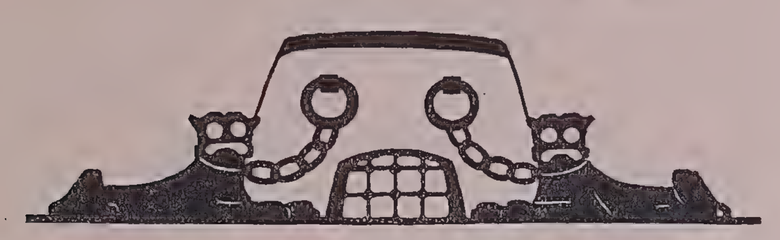
на страницах Беггровского «Альбома карикатур» и в журнале «Искра» (1859 — 1873).

Среди иллюстраторов эпохи Николая I и Александра II много блестящих образцов бытовой сатиры оставили А. Агин (1817 — 1870) и П. М. Боклевский (1816 — 1897).

К концу XIX века наступил заметный упадок русской карикатуры. Она сделалась вялой и бесцветной, не идя дальше вечной «тещи», адюльтеров, пьяных купцов и т. д. Занятнее других был журнал «Развлечение», издававшийся Б. Б. Миллером, где появлялись довольно остроумные рисунки К. И. Рабуса. «Будильник» культивировал почти исключительно московские обывательские темы, уделяя очень мало места общественно-политической карикатуре. Последняя чаще отражалась в журнале «Стрекоза» (с 1876 г.), выходившем под редакцией И. Василевского (Буквы) с участием художников Афанасьева, Богданова и др. Одновременно с названными журналами издавались «Шут» (с 1878 г.), в художественном отношении весьма слабый (но лучше «Стрекозы»), «Осколки» (с 1881 г.), в которых участвовали Далькевич, Шпак и пр., и ряд недолговечных мелких журналовъ, в роде «Маляра», «Фаланги», «Пчелки» (Одесса), «Гуслей» (Тифлис) и т. п.

Единственной яркой искрой в сатирических сумерках конца прошлого века было творчество П. Щербова (Old Judge). Его произведения стали появляться в журн. «Шут», на выставках «Союза» и акварельных выставках, и сразу обратили на себя внимание художественной критики. Но такие

Рис. А. Карева.

«Маски», 1906 г., № 9 (10-IV).

талантливые явления, как карикатуры Щербова, были чем-то исключительным и редким; только 1905 год принес вместе с волной революционного движения повышенный интерес к политической сатире, и вовлек в эту область. на ряду с заурядными ремесленниками, даровитейших художников той эпохи.

Когда оглядываешься на очень посредственное (в целом) «веселье» политической сатиры, вспоминается речение Заратустры: «gegen das Kleine Stachlicht su sein. dünkt mich eine Weishet für Igel». И еще «Auflehnung— das ist die Vornehmheit am Sklaven». Журналистика 1905—1906 гг., в своем устремлении против реакции и произвола, незаметно очутилась—по крайней мере, в области карикатуры — в самом настоящем рабстве, — в рабстве у того ограниченного круга политических тем и обличительных настроений, которые, за редкими исключениями, не шли дальше «персональной издевки», злобствующего зубоскальства и плохого остроумия. Сатирические журналы эпохи первой революции отражали исключительно интеллигентскую оппозицию; с народными массами у них было мало общего.

Наивный утилитаризм, вернее нигилистический морализм прекраснодушной русской интеллигенции составляет отличительную черту политической сатиры 1905 — 1906 гг.

Нельзя рассматривать политическую карикатуру 1905 — 1906 гг. вне тех социальных явлений, которые ее породили. Многое в ней было бы непонятно без детального историко-общественного комментария. Молодое поколение, не переживавшее события 1905 — 1906 гг. в личном опыте, не сумеет оценить по достоинству тогдашнюю политическую сатиру, если не получит

С. В. Чехонин.

Суд скорый, но неправедный, или интересное представление.
«Маски», 1906 г. (13-III).

«ключа» к ее пониманию. Не касаясь событий, породивших сатирическую графику, мы остановимся только на ее конкретных образцах и на творческих особенностях ее авторов.

Первым политико-сатирическим журналом явился «Зритель», появившийся 5 июня 1905 года по инициативе Ю. Арцыбушева. По своему художествен-

ному материалу он для нас мало интересен (кроме рисунков Чехонина), гораздо более занятны последовавшие за ним «Маски», в которых С. В. Чехонин работал уже в качестве главного руководителя.

Знаменитый «Пулемет» Шебуева в графическом отношении был весьма бездарен, как и современные ему «Стрелы», «Пламя», «Нагаечка» и т. д. Только основанный в конце 1905 г. «Жупел» З. Гржебина сумел сгруп-

С. В. Чехонин.

А. Суворин. Четвертая русская эскадра! Я покажу макакам.. .

«Маски», 1906 г., № 4 (22-II).

пировать вокруг себя лучшие графические силы. Журнал этот в значительной степени подражал мюнхенскому «Simplicissimuss'у», но на ряду с этим в своей художественной сатире проявил много яркой самостоятельности. Из других журналов 1905 — 1906 гг. наиболее значительны в художественном отношении «Адская почта», «Леший».

Политическую карикатуру, появившуюся в эпоху первой революции на страницах сатирических журналов в виде графических произведений,

нельзя рассматривать, как нечто самодовлеющее, вне связи с живописными исканиями в той же области. Прежде всего, далеко не все рисунки, печатавшиеся в этих журналах, можно отнести к чистой графике; нередко печатались тоновые иллюстрации, акварели, сепии и т. п. Чисто-графическую струю в журнальную пестрядь внесли, главным образом, художники

С. В. Чехонин.

Рисунок изображает, как два брата близнецы москвичи-черносотенцы А. И. и Н. И. Гучковы, для поддержания своего духовного мира, пьют живительную влагу, бьющую из фонтана красноречия дубасовского ангела хранителя (на фонтане — пылающее сердце — Николай II).

«Маски», 1906 г., № 5 (6-III).

группы «Мир Искусства». Именно они развивали тенденцию к сжатому, символическому рисунку тушью, исполненному в двухмерном плане, с преобладанием четких линий и пятен. Правда, эта графическая «реформа» коснулась немногих журналов, в которых принимали участие такие мастера, как Чехонин, Добужинский, Е. Лансере и пр. В остальных продолжала

господствовать художественная или вернее антихудожественная «неразбериха», мятые, неряшливые рисунки, иногда сделанные довольно ловко и хлестко, но почти всегда безвкусно и малограмотно. Тем более важно отметить все подлинно-талантливое и подлинно-графическое на страницах сатирических журналов 1905 — 1906 гг.

Прежде, чем приступить к обзору журнальной графики, остановимся бегло на отражении политических событий 1905 г. в живописи. В большинстве случаев это произведения драматические, проникнутые то радостным пафосом, то глубокой скорбью,— произведения, не имеющие ничего общего с тем острым, хотя и страдальческим, юмором, каким блещут злободневные карикатуры. Но многие из этих картин сыграли такую значительную роль

С. В. Чехонин.

Старые балалайки (кн. В. П. Мещерский, А. С. Суворин, А. Грингмут).
«Зритель», 1905 г. № 6 (17-VII).

в русской художественной жизни, сказали так много горькой правды, что умолчать о них нельзя. Они имеют прямое отношение к нашей теме потому, что некоторые рисунки, появившиеся в журналах, генетически связаны с этими картинами, навеяны ими, — иногда, может быть, они влияли на художников-карикатуристов вне сознательного подражания, незаметно для них самих, но нельзя оспаривать их «заражающего» значения.

К наиболее видным отражениям 1905 г. в живописи принадлежит картина Репина «Семнадцатое октября», широко известная по многочисленным репродукциям. В ней художник поведал о той радости победы (победы мнимой, но казавшейся тогда несомненной), которая охватила революционно настроенные массы городского населения. В этом отношении картина Репина любопытна, но художественное ее значение не

Рис. С. В. Чехонина.

25 силуэтов × 4. «Ч е р н а т н я». «Зритель», 1905 г., № 10.

велико, и, если оценивать безотносительно, вполне объективно, придется отнести ее к третье-степенным произведениям нашего прославленного мастера.

В свое время Розанов посвятил этой картине восторженную статью (1913), в которой утверждал, что картину «17 октября» надо сопоставлять с «мундирной Россией», с «Государственным Советом», потому что они поясняют друг друга и, вместе с тем, поясняют ход русской истории. «Какая картина! — восклицает Розанов, — где ее видел Репин? Он с о б и р а т е л ь н о все откладывал в душе впечатления. И выразил через 6 лет накопленные (задолго до 17 октября) «ощупывания» лиц человеческих, фигур человеческих, душ человеческих...»

Популярные картины больших художников нередко служили исходным моментом для композиции карикатур. Этот прием, который можно считать каноническим, обозначим условно, как прием «замены». Особенно часто такими объектами сатирической замены являлись картины И. Е. Репина. Укажем для примера на карикатуру (неизвестного автора) «Сеновцы составляют прокламацию» (на мотив картины Репина «Запорожцы»), напечатанную в журнале «Зритель» (1905, 3 ноября, № 19). Такую же замену применил В. С. Сварог в жутком рисунке — «Какой простор»! (с картины Репина), где изображена площадь, усеянная трупами, над которыми стоят в патетической позе бюрократ и скелет («Волшебный фонарь», 1906, 15 декабря, № 3).

Аналогичный прием находим в журнале «Заноза» (№ 8), где изображена пародия на картину Репина «Не ждали»: в дверях стоит пристав, за ним околоточный, за плечом которого виден сыщик. За столом сидит группа молодых революционеров, встревоженных неожиданным появлением незваных гостей. Рисунок этот, как и другие иллюстрации «Занозы», с технической стороны весьма слаб.

Другая картина Репина «Николай-Чудотворец» нашла отражение на страницах журнала «Сигнал» (1905, 19 ноября). Здесь в роли палача изображен Витте, занесший меч над приговоренным к казни, а в роли чудотворца — молодой рабочий, останавливающий руку палача. «Сигнал» (позже переименованный в «Сигналы») пытался, видимо, стать органом художественной карикатуры. Вначале это ему не удавалось, и внешность журнала была непривлекательна. Позже, в январе 1906 г., в «Сигналах» появились довольно талантливые рисунки Любимова и перепечатки некоторых рисунков Валлотона (из журнала «Мир Искусства»), например, сцены казни, уличной паники и т. п.

Появились также репродукции рисунков Арнштама, не имевших, однако, никакого отношения к политической сатире (пейзажные этюды) и к тому же мелко и плохо воспроизведенных (автотипией).

Отметим, что «Сигнал», подобно «Маскам», имел свою постоянную марку в виде красного флага, преграждающего путь поезду.

Не лишен художественного значения журнал «Леший», в котором участвовали Фешин, Любимов, Кудинов, Бродский, Лаховский и др.

Фешину принадлежит жанровая сцена «Перед господином стражником». Карикатуры А. М. Любимова любопытны по своим тонам, ярким и, вместе с тем, глубоким, — обнаруживающим умелый плакатный подход к иллюстрации. То же можно сказать о Кудинове. Забавны в «Лешем» карикатуры Каррика на М. Горького, Н. И. Кареева и др. общественных деятелей, особенно популярных в ту эпоху.

Политическая жизнь 1905 года нашла всестороннее выражение в творчестве С. В. Иванова. Его картина «Усмирение крестьянского восстания» была в русском искусстве первым откликом на аграрные волнения, появившиеся в разных местах России. На фоне убогого деревенского пейзажа художник изобразил крестьянскую толпу, застывшую перед отрядом солдат, ощетинившихся штыками.

Другая его картина «Митинг» передает восторженное настроение первых дней после манифеста 17 октября. В фигуре студента, говорящего речь, художник воплотил героический тип молодого революционера, пламенно верующего в конечную победу освободительного движения.

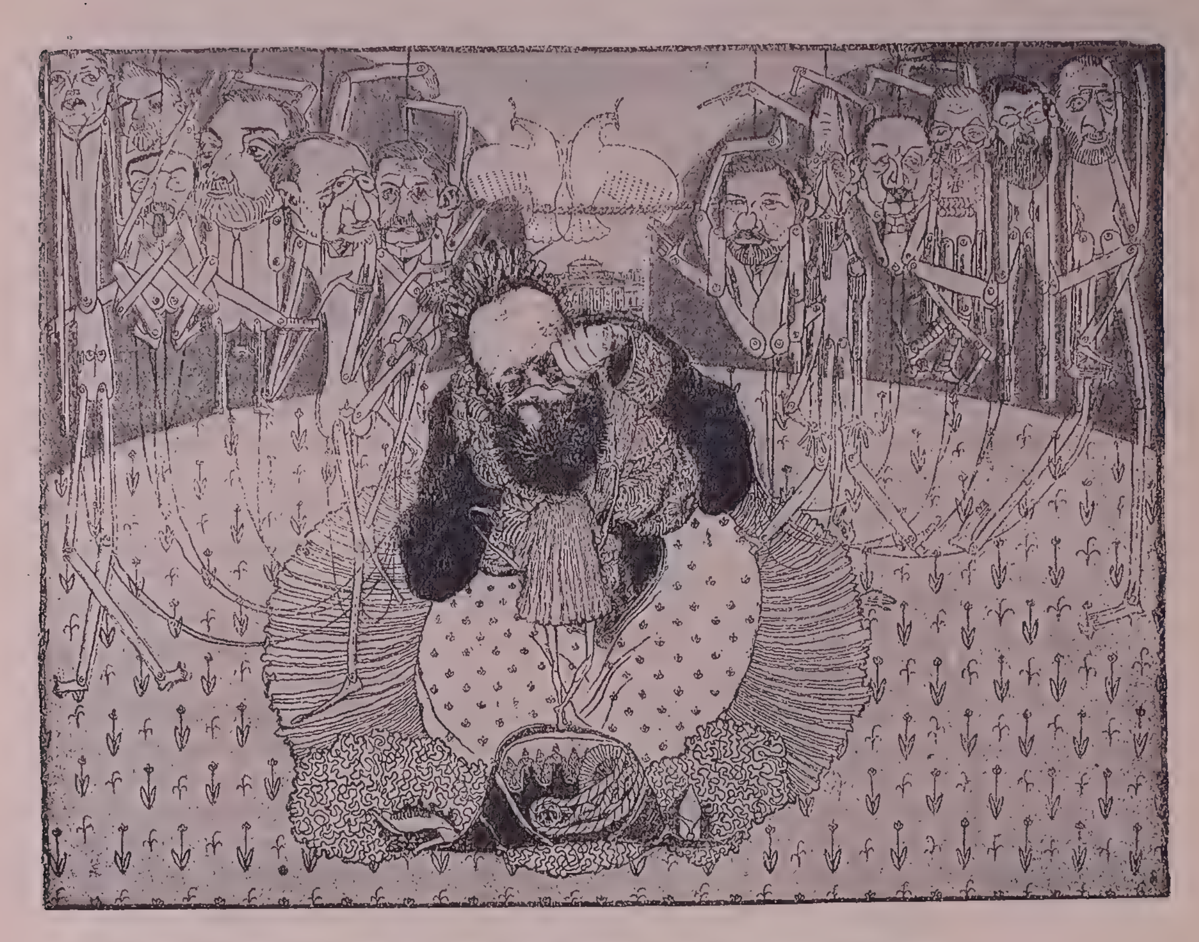
Любопытен его же набросок «Арестованные», полна безвыходного ужаса сцена расстрела («Эпизод из 1905 года»), ярко отражает революционную борьбу картина «У фабрики», где показан один из многих эпизодов 1905 г. — постройка баррикады. Набросок С. Иванова «Победили» рисует группу убитых и раненых манифестантов и убегающую женщину. В эскизе «Едут» художник изобразил появление карательного отряда в деревне, — одно из событий, относящихся к ликвидации аграрных беспорядков. На окраине деревушки стоит в глубоком снегу группа мужиков и баб, с иконами в руках, коленопреклоненно встречающая подъезжающих к околице казаков.

Некоторые произведения Иванова были воспроизведены в заграничных журналах, напр., в журнале «The Studio» за 1911 г., № 222, были напечатаны отличные репродукции с его этюдов «The Meeting», «An Episode of the year 1905».

На весенней выставке 1907 г. в Академии Художеств появилась картина Верхошурова «1905 год» (воспроизв. в иллюстр. прил. к газ. «Русь», № 12), ярко выражающая настроение революционной интеллигенции, особенно студенчества того времени; группа молодежи, за чайным столом, взволнованно внимает рассказу человека, только что пережившего ужас политической борьбы.

Рисунки и акварели на революционные темы широко влились в политико-сатирические журналы, несмотря на то, что ничего сатирического в этих произведениях по существу не было. Напротив, обычно все они исполнены глубокого трагизма, скорби и ужаса. Но обстоятельства складывались так,

С. В. Чехонин.

Сказка об одной мамаше и нечистоплотном мальчике.

«Зритель», 1905 г., № 21 (17-XI).

что единственным местом, где можно было репродуцировать подобные «нецензурные вещи», являлись сатирические журналы.

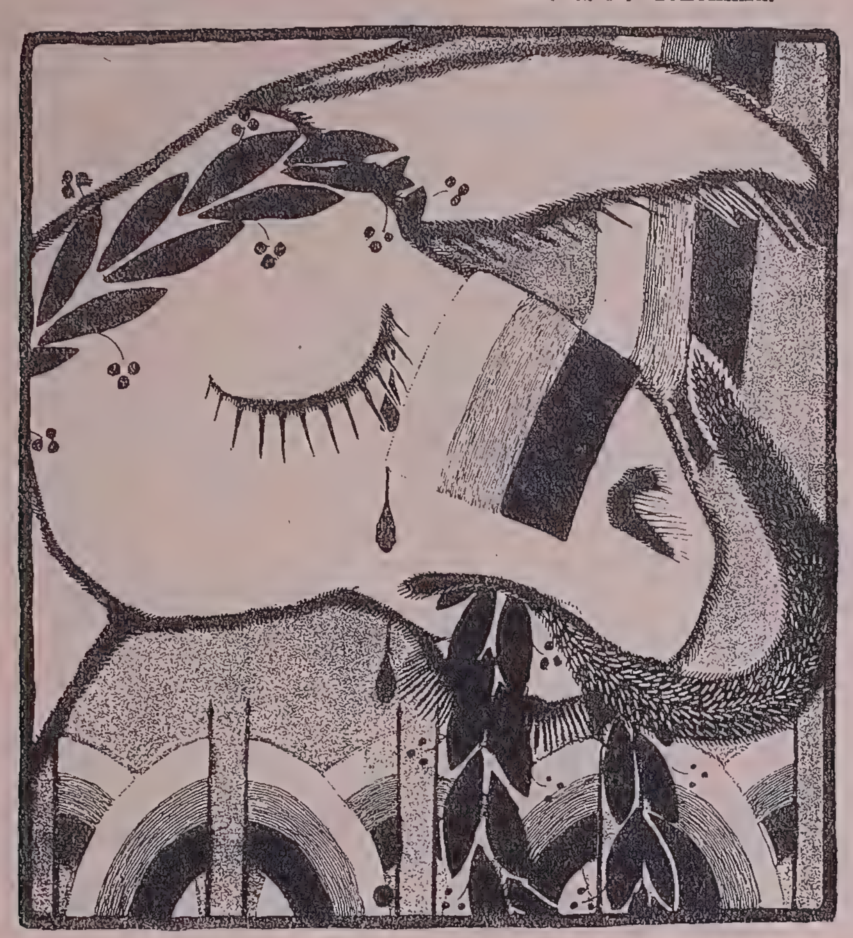
Так появился в «Жупеле» знаменитый эскиз В. А. Серова «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваша слава?», изображающий налет кавалерийского отряда на беззащитную толпу. Серов, со свойственной ему технической виртуозностью, сумел прекрасно передать порывистое движение, резкий скачок лошади, на которой мчится впереди отряда офицер. [1]

[1] Кстати, П. Дульский («Графика сатирических журналов») описывает рисунок несколько странно: «на первом плане четыре фигуры казаков, скачущих на лошадях к толпе, впереди их на лошади мчится офицер, который довольно (?) резким жестом отдает приказ «стрелять».

В черной, компактной, как бы застывшей, массе толпы чувствуется гнев и ужас, сплоченный протест, глубокое возмущение. Набросок был сделан художником из окна мастерской проф. Матэ, оттуда ему удалось наблюдать сцену налета казаков на толпу. Этюд подписан буквами «В. С.» — откровенность, на которую решались далеко не все иллюстраторы сатирических журналов.

Неистощимо изобретателен и занятен в своих сатирических рисунках С. Чехонин. Его шарж граничит с фантастикой, жуткой и тревожной. Его издевка беспощадна в своем обличительном пафосе. В сцене «суда скорого, но не милостивого» («Маски», 1906, № 6), где палачи, усмехаясь, подводят

Рис. С. В. Чехонина.

Амнистия на носу у ответственного редактора, прикрытая флагом.
«Маски», 1906 г. (10-III).

к виселице скорчившегося от ужаса мужика, художник изобразил группу людей разных сословий, для которых казнь — не более, как «интересное представление»: врач следит по часам за скоростью процесса, дама с любопытством смотрит в лорнет; офицер меланхолично курит; писатель, с кипой рукописей под мышкой, льет лицемерные слезы; священник благословляет казнь. Забавны и отвратительны лица трех ребятишек, стоящих впереди этой группы.

Политическая сатира Чехонина редко бывает веселой, в ней преобладает едкая насмешка, с оттенком трагизма. Художник не боится грубых, даже вульгарных образов в поисках идеологически верной аллегории. Напр.,

в рисунке к «Сказке об одной мамаше и нечистоплотном мальчике» он изобразил Витте в образе «мамаши», ищущей насекомых в голове уродливого вихрастого ребенка. На заднем плане изображены в виде марионеток Шипов, Манухин, гр. И. И. Толстой, Немешаев, Философов, Дурново, Оболенский, Бирилев, Ламздорф, Редигер, Кутлер, Тимирязев — словом, весь кабинет министров. Много доставалось от Чехонина А. С. Суворину, часто фигурирующему в его сатирических рисунках.

Удали и веселья в рисунках Чехонина мало. Впоследствии это сказалось в его иллюстрациях к детским книгам, которые навсегда останутся в истории нашей графики, как явления большого мастерства, но которые,

С. В. Чехонин.

Червонный туз или пылающее сердце.
«Маски», 1906 г., № 1 (1-II).

конечно, гораздо менее забавны для детей, чем рисунки Ю. Анненкова Реми, Радакова, Лебедева.

В эпоху 1905—1906 гг. Чехонин еще далеко не определился как художник книги, но уже и в тех рисунках, которые печатались в «Масках», можно подметить стремление к декоративным мотивам, к орнаментике. Несмотря на некоторую дряблость линии и отсутствие графической архитектоники, уже чувствуется в рисунках Чехонина тяготение к культу линейного рисунка, к чисто графической дифференциации формы.

Если Чехонину недостает простого и ясного веселья, задора и динамики, то ядовитости у него достаточно. Ему свойственна едкая издевка, уменье «подцепить», «наступить на хвост». В этом сказывается до некоторой

степени пролетарское (или во всяком случае, демократическое) происхождение художника. Всякое угнетение, моральное или материальное, вызывает известную оппозицию, раздражение и озлобление, которые, в свою очередь, выливаются в форме революционного гнева или в форме сатирического обличения. У старших соратников Чехонина, «мироискусников» первого круга, выросших в обстановке материального достатка в среде буржуазной интеллигенции, с уклоном в аристократизм (редакция журнала «Мир Искусства»), привыкших к тонкой европейской культуре и комфорту, не знавших ожесточенной борьбы за существование, «брюк с бахромой», «обеда за гривенник» и прочих неизменных аттрибутов художественной «богемы» — у этих старших соратников Чехонина — в эпоху 1905 г. была достаточная порция благородного негодования, и все они просто, как «порядочные люди», были, естественно, возмущены тем жестоким и гнусным порядком вещей, на фоне которого разыгралась первая русская революция. Но не более. Личной заинтересованности у них не было, «экономической подкладки» они не чувствовали. Не отсюда ли сравнительное благодушие их политической сатиры? Они скорее стилисты, графики-декораторы, чем сатирики. Их юмор имеет скорее оттенок французского humeur (что обозначает настроение), чем выражает смешанное состояние комических и трагических элементов, характерное для настоящего юмора.

Ж. П. Рихтер метко назвал юмор «романтиком комизма», но ошибался, считая юмор вершиною комического. Трандорф и Лацарус («Leben der

Seele», I B) правильно указывали в юморе синтез трагического с комическим. В соединении с обличительной тенденцией юмор образует сатиру. У Чехонина обличительная тенденция обычно перевешивает над юмористической темой. У Билибина—наоборот. У Анисфельда преобладает чистая фантастика на основе трагического юмора. Добужинский склонен обличать, но по существу холоден и объективен. Графический эффект ему важнее, чем юмор. В его рисунках не чувствуется того удовольствия от смешного, которое, по верному замечанию Ионаса Кона («Общая эстетика», 1921), должно присутствовать во всякой хорошей сатире. Е. Лансере смешлив и проявляет особое внимание к быту. Кустодиев тяготеет преимущественно к веселому портретному шаржу.

Мы уже упоминали о журнале «Жупел», в котором принимали участие перечисленные выше художники. «Жупел» прекратился на третьем номере. Отметим кстати, что В. Серов в письме к А. Бенуа (см. монографию С. Эрнста) выделяет журналы «Зритель» и «Жупел» из массы плохих сатирических журналов, как «приличные». Замечание Серова, что «Жупел» закончился на первом номере — ошибочно. Было издано три номера «Жупела», а затем его продолжением явилась «Адская почта», ставшая одним из наиболее художественных журналов эпохи первой революции.

К числу лучших страниц «Адской почты» принадлежат листы, украшенные графикой участников «Жупела» (Добужинского, Билибина, Анисфельда и др.). Некоторые из этих украшений сделались впоследствии классическими образцами книжной графики и многократно перепечатывались. Напр., рисунок Билибина («Стены»), помещенный на 2-й странице № 2 «Адской почты» (1906), вошел в книгу «Современная графика», изданную в 1906 г. Сергеем Маковским, как показательный образец работ этого мастера. В том же номере следует отметить фантастическую «Ведьму» Билибина, рисунок Добужинского «Шлиссельбургская тюрьма» и ряд мелких рисунков его же.

Особенно же любопытны в «Адской почте» карикатурные портреты Дубасова, гр. Игнатьева, Горемыкина, Коковцева и Победоносцева работы Б. М. Кустодиева, который в свое время помогал Репину в создании картины «Заседание Государственного Совета» и имел возможность хорошо изучить физиономии членов этих заседаний.

Шарж на гр. Игнатьева воспроизведен в книге П. М. Дульского без указания авторства (поставлены ***) — но известно, что это работы Кустодиева. Обычно Кустодиев не подписывал свои шаржи, и они помечены наборными буквами Б. К.

В области карикатурного портрета небезуспешно подвизался и З. Гржебин, которому принадлежат карикатуры на Трепова, Столыпина. Ему же принадлежит знаменитый «Орел-оборотень», изображающий в перевернутом виде Николая II.

Большинство рисунков М. Добужинского в политико-сатирических журналах исполнено в свойственной ему четкой, строго графической манере. Это относится не только к мелким заставкам и концовкам, но и к большим страничным композициям; напр., рисунок «Умиротворение», изображающий залитую кровью Москву, весь выдержан в манере черных заливок и однородных линий, а небо и радуга исполнены запорошением. Отметим, кстати, что П. Дульский в своей книге «Графика сатирических журналов» ошибочно называет торчащие из моря крови купола отражением церквей. В рисунке есть действительно отражение Кремля (единственной части города, возвышающейся над морем крови), но оно изображено зыбкими белыми пятнами, а в отдалении расположены одиноко возвышающиеся купола, не затопленные этим страшным фантастическим потопом.

Большую популярность приобрел рисунок [1] Добужинского «Октябрьская идиллия» («Жупел», 1905, № 1), изображающий перекресток двух опустевших улиц, угол дома, на котором зловеще алеет огромное пятно крови. Впечатление насмешки над самой идеей гуманности и филантропии производит тут же висящая кружка «Красного Креста» для сбора пожертвований. Невыносимо страшной кажется брошенная на панели кукла, потерянная убежавшей или, может-быть, убитой девочкой; лежащая на мостовой калоша невольно вызывает в памяти ту жуткую в своей конкретности подробность, которой заканчивается андреевский «рассказ о семи повешенных».

Вариант этого рисунка (вернее, первая мысль о нем, выраженная в эскизной форме) помещен в монографии «Рисунки М. Добужинского» (Гос. Изд. 1923).

В духе лубочных картинок исполнен рисунок Добужинского «Как наш славный генерал вашу крепость покорял» («Жупел»)— сатира на ген. Дубасова в связи с событиями в Очакове.

Отметим своеобразную подпись художника на этих рисунках: вместо обычных инициалов «М. Д.» или монограммы, он помещал двойное (опрокинутое) Д.

И. Я. Билибину принадлежит в «Жупеле» большой страничный рисунок, представляющий собою повторение нарядной декоративной рамки, в которой был в свое время выпущен портрет Николая II, — с тою разницей, что вместо царя художник изобразил осла, подписав свой рисунок: «Осел» («Equus asinus в $^1/_{20}$ величины»). [2]

Виньетка раб. С. Чехонина.

Очень удачны цветные рисунки Билибина в древне-русском стиле, напр., помещенный на первой странице журнала «Жупел» (1905 г. № 2), с подписью: «Единажды Великий и Преславный Царь Додон с сыном своим славным и могучим богатырем, преславным князем Додоном Додоновичем и со многими ближними бояры, восстав от богатые и обильные трапезы, великолепное чрево свое заморскими яствами преисполнив, подошел к оконцу, узрел месяц светел восходящ, и испустил царь Донон вздох от недр утробы своея и вопроси единого от ближних бояр своих: кто есмь аз, повеждь ми? Он же рече ему: Ты еси великий и преславный царь Додон, властелин над

---

[1] Непонятно, почему П. М. Дульский называет эту иллюстрацию «очень живописной». Она любопытна вовсе не по колориту, а именно в качестве рисунка. Сила этого произведения заключается именно в крайней простоте, — бесстильности и бессюжетности, а Дульский находит, что «в нем все стильно и выразительно».

[2] Французский исследователь политической сатиры Carteret в своем труде «Nicolas ange de la Paix, empereur du Knout» подробно останавливается на этом рисунке, при чем путает его смысл, видимо, неверно поняв подпись. По его мнению, подпись гласит: «Орел равен ослу». В другом месте Carteret правильно отмечает, что фигура осла заменяет бюст императора, но далее снова сбивается и говорит что-то невразумительное о том, что «двуглавый орел Романовых превращен в осла».

всею землею! и паки уставил взор свой царь Додон на светел месяц и тако промолвити соизволил: а тамо кто царствует?»

Билибину принадлежит нечто в роде марки журнала «Жупел», изображающей веселого чертенка с журналом в руке. Возможно, что эта марка послу-

З. И. Гржебин.

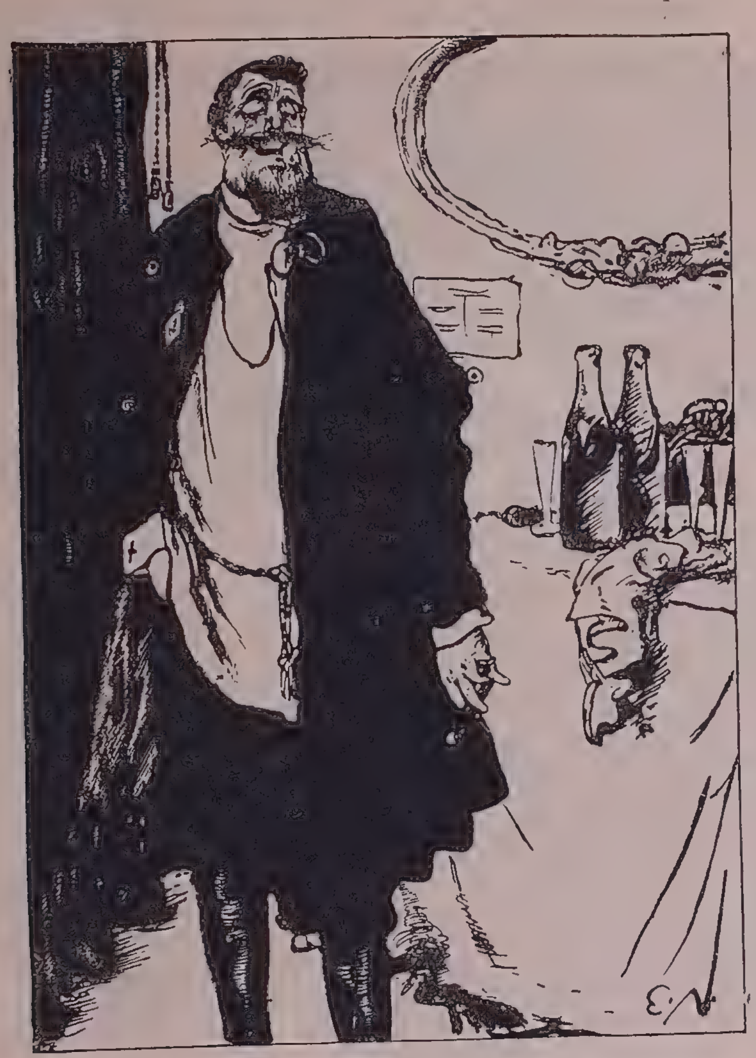
Орел-оборотень, или политика внешняя и внутренняя.
«Жупел», 1905 г., № 1.

жила прототипом для целого ряда аналогичных марок юмористических журналов, напр., для марки «Сатирикона», «Смехача», и пр.

Некоторое участие в сатирических журналах принимали В. и М. Чемберс, помещая в них графические украшения. М. Чемберс принадлежит в № 1 «Жупела» изображение коронованного рака (очевидно символ реакции, движущейся вспять); В. Чемберс — концовка в виде чертенка, обрамленного треугольником. Концовка эта была повторена в № 1 «Адской почты».

Участие Д. Н. Кардовского в сатирических журналах 1905—1906 гг. выразилось в ряде шаржированных рисунков бытового характера, исполненных обычно в штриховой карандашной манере, с частичной раскраской. Рисунок «Ну, тащися, сивка!..» («Жупел», 1906, № 3) изображает пахаря, взрывающего землю сохой, и двух казаков, едущих по сторонам, с нагайками в руках. Понуренной, тщедушной фигуре крестьянина противопоставлены дородные, самодовольные фигуры и наглые физиономии казаков.

Е. Лансере.

— Теперь настало время первенствующему сословию громко сказать свое слово: ради блага России необходимо увеличить ссуды Дворянского Банка!!!

«Зритель», 1908 г., № 3 (17-II).

Другой рисунок Кардовского в «Адской почте» (1906, № 2) исполнен по поводу следующего курьезного приказа по 1-й гвардейской пехотной дивизии: «Нижний чин должен ходить с полным сознанием своего достоинства, как имеющий счастье состоять на царской службе, как носитель доблестного мундира, который запятнать и замарать грешно: шапка набекрень, молодцом, красавцем, щеголем, женихом, картинкой, дабы встреченные военные любовались, а обыватели проникались почтением и уважением». Рисунок изображает группу гвардейских офицеров, строго взирающих на стоящего перед

ними, далеко не бравого, солдата. Наружность и осанка офицеров отражает их проникновение духом упомянутого приказа.

Один из рисунков Лансере («Жупел», 1905, № 2), под названием «Бой», посвящен разгрому Москвы и представляет часть города (Пресню), охваченную пожаром; пейзаж изображен с птичьего полета.

Рисунки Е. Е. Лансере носят преимущественно бытовой характер. Их можно рассматривать, как иллюстрации к беллетристике 1905—1906 гг., и возможно, что многие из них действительно были навеяны соответственными

Е. Е. Лансере.

Тризна.

«Адская Почта», 1906 г., № 2.

рассказами Горького, Скитальца, и др. Его «Тризна» («Адская почта», 1906, № 2) словно непосредственно выхвачена из обстановки Купринского «Поединка». Вместе с тем, она связана с конкретным событием — с загулом офицеров Семеновского полка после пресненской расправы. Жуткая картина погрома с проезжающим в отдалении генералом градоправителем и убийственной подписью: «Рады стараться, Ваше Превосходительство!» связана с деятельностью пресловутого Нейдгардта.

Не менее выразителен рисунок «Радость на земле основных законов ради», изображающий патриотическую манифестацию, в которой участвуют гро-

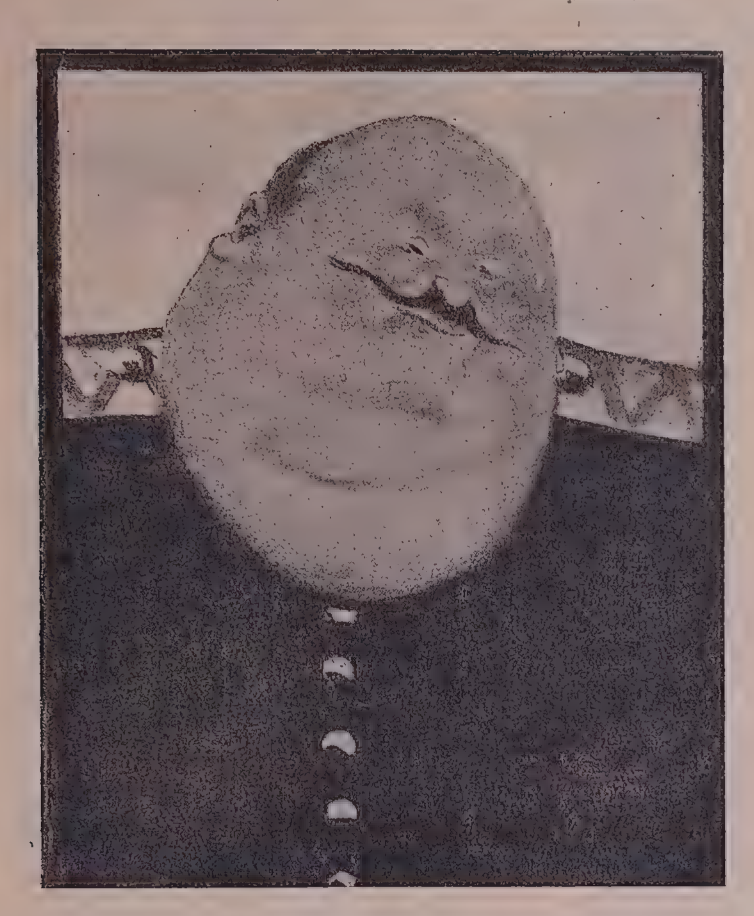
милы и прочие подозрительные личности, несущие портрет царя и распевающие национальный гимн.

Рисунки Лансере выполнены обычно в манере густых черных штрихов, и сплошь расцвечены двумя—тремя тонами. Фигуры трактованы с уклоном в шарж, но без чрезмерной карикатурности. В каждом рисунке чувствуется рука опытного, талантливого рисовальщика.

Своеобразны рисунки Д. Стеллецкого, печатавшегося в 1906 г. в «Адской почте», исполненные в духе русских народных картинок XVIII века. Таковы «Радость на небе нового манифеста ради», «Небеса на земле», и т. п.

Эти произведения более интересны, как опыт стилизации, чем в качестве политической сатиры. Укажем, кстати, что по корректурному недосмотру

Б. М. Кустодиев.

Граф Игнатьев.

«Адская Почта», 1906 г., № 3.

два рисунка Стеллецкого в № 1 «Адской почты» помечены наборными инициалами М. С. и только одна заставка, подписанная самим художником, имеет правильные инициалы Д. С.

В 17-ом номере «Зрителя» находим карикатуру Стеллецкого на Кузьмина-Караваева («Каравай-богатырь»), исполненную в том же стиле народных картинок.

Для «Адской почты» характерно преобладание «положительной» графики, т.-е. рисунков самодовлеющего декоративного значения, иногда даже лишенных прямой связи с политической злобой дня. В этом журнале нет погони за смешным, которая наблюдается почти во всех других журналах. Культурное, любовное отношение к внешности журнала чувствуется на каждой

странице. Встречаются заглавия, сделанные не типографским шрифтом, а рукою художника. Выбран хороший шрифт («елизаветинский»), приличная бумага.

Талантливые рисунки Б. И. Анисфельда редко выходят за пределы кошмарно-фантастических, иногда чисто декоративных, мотивов. Некоторые его рисунки явно навеяны Клингером, Штуком, С. Шнейдером. Ему мерещатся страшные, зловещие чудовища, грозные олицетворения злобы, жестокости и насилия. В этюде «1905 год» художник окружает этими кошмарными призраками груду трупов, помещая в отдалении ряд виселиц. Большой мастер колорита, Анисфельд сумел дать ему удачное применение и в скудной по краскам журнальной иллюстрации. Зеленоватожелтый цвет трупов соче-

Н. Н. Герардов.

Баррикада взята.

«Молот», 1906 г., № 2 (8-1).

тается у него с кровавокрасными трупами брюхатых, длинношеих чудовищ и с белыми фигурами висельников. [1]

---

[1] По мнению П. Дульского, «мастерство этой вещи изумительно. Только талантливый художник мог так детски просто и в то же время ярко выявить демоничный образ кошмарных истязаний»... «Детскую простоту» в этом рисунке усмотреть довольно трудно, и на наш взгляд он является скорее образцом декадентской фантастики, не лишенной некоторой надуманности.

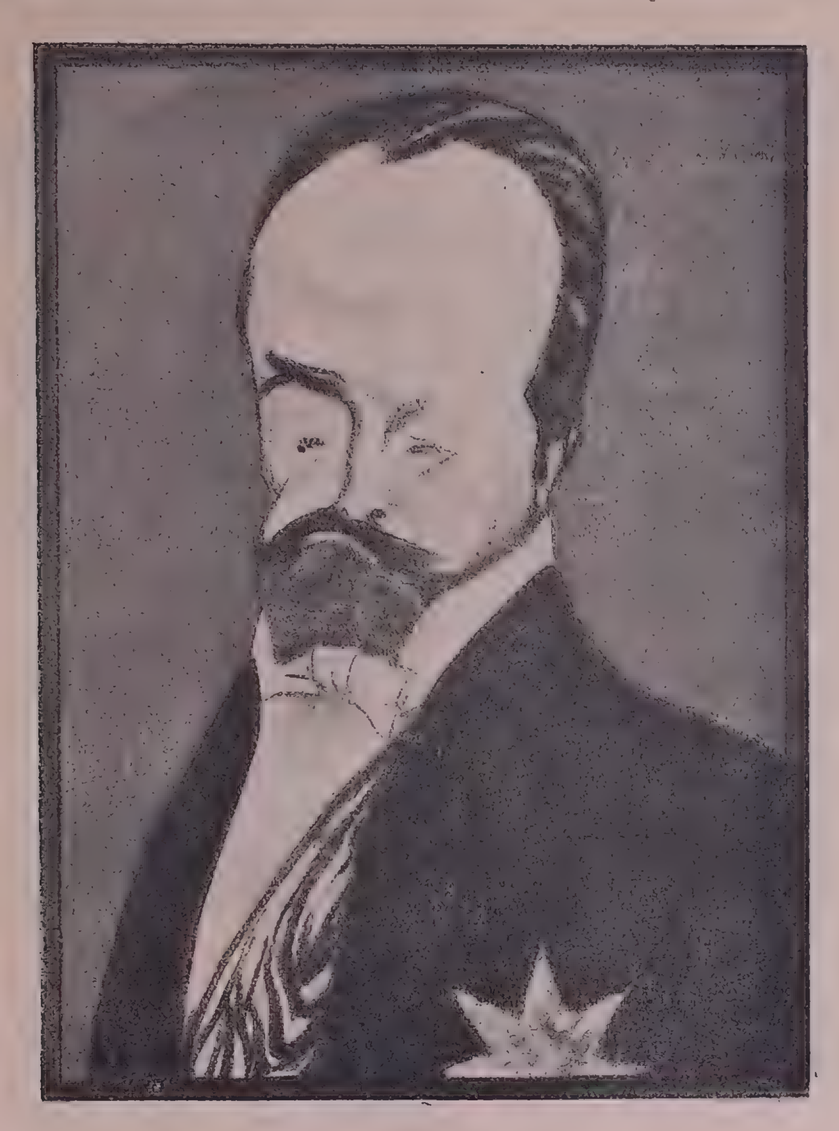
П. Дульский, отмечая живописные тенденции в графике Анисфельда, усматривает живописные приемы даже в таких его работах, которые выполнены в виде кружевных сочетаний чистых линий и пунктиров. В таких работах мы не усматриваем живописного подхода, так же, как не видим его в рисунках пером, иллюминованных акварелью; — но в Анисфельде живописец, действительно, сильнее, чем график, и лучшие его вещи это те, которые целиком сделаны кистью. У Анисфельда можно встретить иллюминованную графику, цветная графика (что не одно и то же!) ему совершенно не свойственна, а понятие «живописная графика», предлагаемое Дульским по отношению к Анисфельду и Кардовскому, звучит, как contradictio in adjecto и приемлемо только символически (т.-е. в переносном смысле), а терминологически является nonsens'ом, как бы ни были рисунки Анисфельда «поэтично прочувствованы (пропитаны?) приятным ароматом».

В другой композиции («Новый год») художник снова изображает страшные призраки, окружающие и жадно стерегущие большой город, охваченный пожаром восстаний, и подчеркивает их отвратительное безобразие нежной, лиловато-голубой раскраской рисунка.

Такие же чудовища фигурируют во многих заставках Анисфельда.

Много графических украшений для журналов 1905 года исполнено Н. Н. Герардовым. В журнале «Молот» мы находим целый ряд его рисунков, носящих

Б. М. Кустодиев.

Коковцов.

«Адская Почта», 1906 г., № 3.

не столько сатирический, сколько абстрактно-символический характер. Это тяготение к символике, в сочетании с элементами мюнхенского модернизма, составляет отличительную черту графики Герардова.

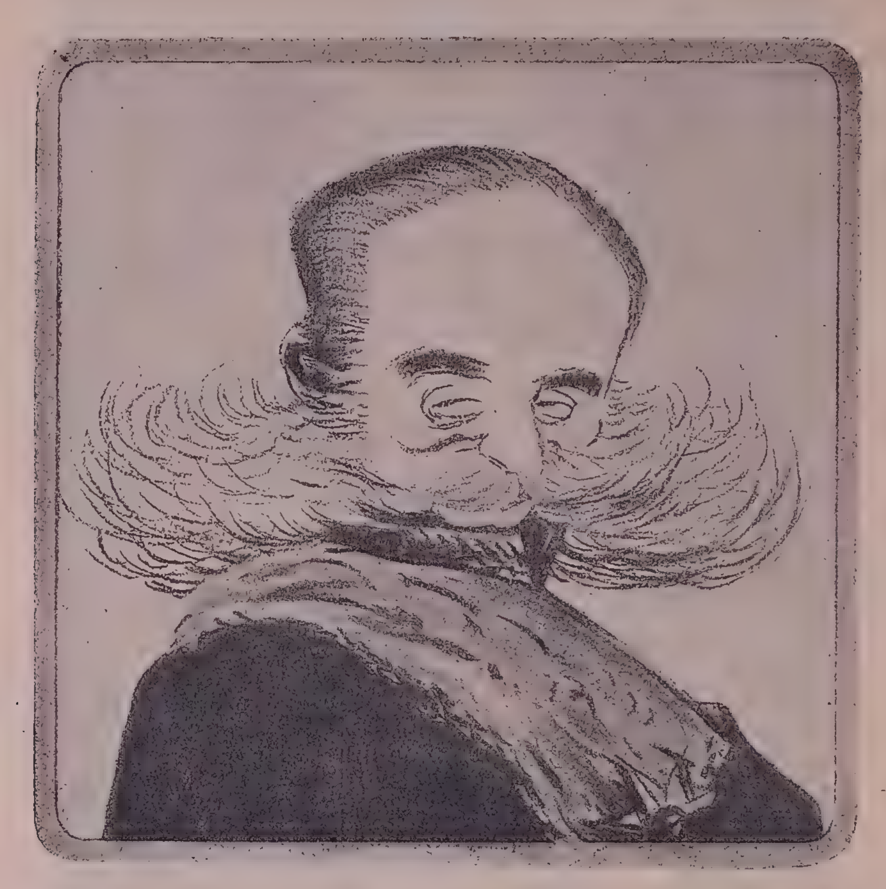
Зловещий черный альбатрос; увенчанная плющем свинья; сердце, пронизанное терниями; молот, перо и карандаш, связанные алой лентой, — таковы темы его рисунков. Двое рабочих, с знаменами в руках, идут к Солнцу, а сзади тащится старый мир, в образе неуклюжей улитки — «улита едет, когда то будет...»

Герардову принадлежит обложка к журналу «Фонарь» (1905) и, повидимому (без подписи), марка этого журнала (изображающая фонарщика на лесенке), многократно повторяющаяся в тексте. Близкое участие принимал Герардов в журнале «Буревал».

В. Сварог много работал в «Волшебном фонаре» (выходившем под редакцией И. Потапенки) и ему принадлежат обложки и многие рисунки этого журнала. Все эти работы исполнены в манере бойкого нарочито-небрежного рисунка пером (в обложках применена красная расцветка). Невыгодное впечатление производит крайняя, видимо, поспешность рисунка, всегда прибли-

Б. Кустодиев.

Горемыкин.

«... Но щеки его так хорошо были сотворены и вмещали в себе столько растительной силы, что бакенбарды скоро вырастали вновь еще даже лучше прежних». (*Гоголь.* «Мертвые Души», т. I, стр. 69).

«Адская Почта», 1906 г., № 2.

зительного и грубоватого. Особенно неприятны шрифты, слегка в стиле модерн, но чаще всего в самом неопределенном стиле. Большинство надписей просто «начиркано», буквы пляшут, слова разваливаются. К сожалению, эта манера преобладала в юмористических журналах той эпохи. Исключение составляли только «Жупел», «Адская почта» и еще два-три.

Рисунки И. Бродского, участвовавшего в журналах «Леший», «Светает» и др., в большинстве случаев лишены юмористического содержания и мало интересны в графическом отношении. Кладбище, кресты, скелеты — таковы обычные темы его мрачных рисунков, очень неизобретательных по композиции.

Печатались в сатирических журналах рисунки В. Д. Поленова, Н. Пирогова, С. Иванова и др.

А. И. Вахрамеев, редактор-издатель журнала «Гамаюн», поместил в 1-м номере этого журнала выразительный этюд, изображающий сцену расстрела. На первом плане художник поставил спиною к зрителю фигуру приговоренного, со связанными за спиной руками; в отдалении помещена шеренга солдат, прицеливающихся в свою жертву. Жуткое впечатление, производимое этим рисунком, достигается в значительной мере самой композицией, удачно выдвигающей в качестве главного пятна фигуру казнимого. Неумолимую жестокость расправы подчеркивает ровная, расплывчато-нарисованная шеренга солдат, стреляющих как бы в лицо зрителю. Экспрессию рисунка усиливает мрачный лаконизм раскраски: задний план слегка тронут желтым цветом, с бледнокрасными пятнами солдатских погон; в правом нижнем углу виднеется пятно крови; все остальное не раскрашено, и это создает впечатление того белесоватого, мутного света, какой бывает в облачные, хмурые дни петербургской осени. Рисунок Вахрамеева был воспроизведен автотипией (в весьма уменьшенном виде) в книге В. Лобанова «1905 год в живописи» (М. 1922), с ошибочной подписью: «Н. Пирогов. Приговоренный».

Б. М. Кустодиев.

Победоносцев.

«Адская Почта», 1906 г., № 3.

Отметим, кстати, что рисунки в журнале «Гамаюн» отлично воспроизведены литографским способом (в литографии Кадушина), с полным сохранением фактуры. Способ этот хорошо вяжется с карандашной техникой, как нельзя лучше передавая угольно-черный штрих рисунков И. С. Горюшкина-Сорокопудова, помещенных на страницах «Гамаюна».

«Гамаюн» нельзя причислить к числу сатирических журналов;—он весь проникнут тяжелым, безысходным трагизмом, пафосом борьбы и скорбью по невозвратным потерям. В этом смысле у него было свое «лицо», строгое и печальное, не похожее на искаженные гримасами лица современных ему журналов.

Для того, чтобы охватить во всей полноте отражения первой революции в графическом искусстве, пришлось бы описать множество иллюстрированных изданий того времени, в которых встречаются те или иные рисунки, навеянные событиями политической жизни. Это, однако, чрезмерно расширило бы нашу задачу и вывело-бы нас за границы нашей темы. Выделим только одно издание, связанное с первой революцией, хотя

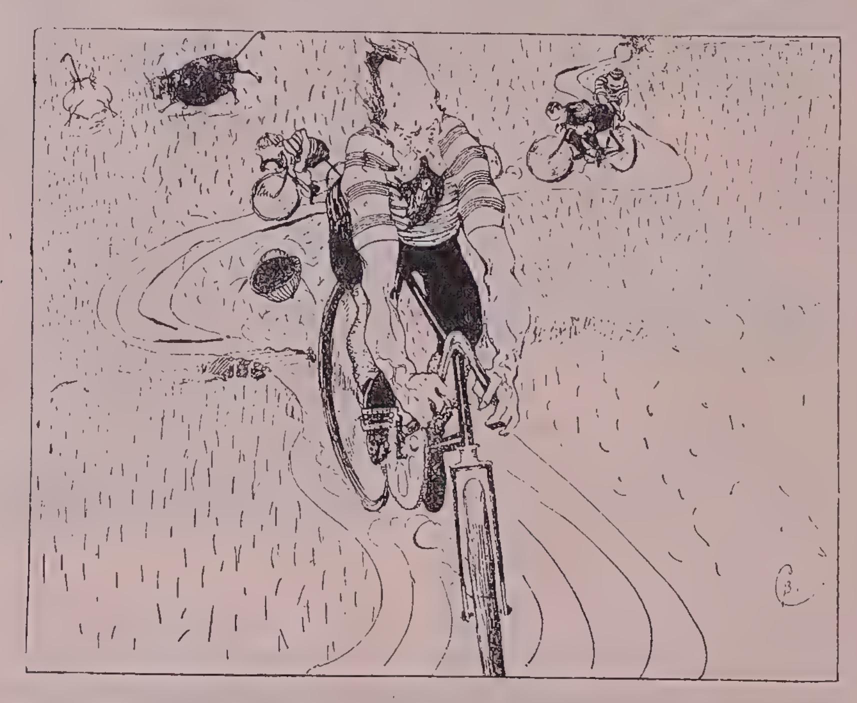
и не носящее сатирического характера, но связанное с именами тех художников группы «Мир Искусства», о которых нам уже неоднократно приходилось упоминать на страницах нашего очерка. Это — «Календарь русской революции», отпечатанный еще в 1907 г., но целиком «на корню» арестованный царским правительством. Ни один экземпляр не попал тогда в продажу и только впоследствии редакции удалось, путем особых ухищрений, вырвать из рук охранников несколько экземпляров «Календаря», и с одного из этих экземпляров была сделана перепечатка, выпущенная в том самом виде, в каком книга была отпечатана в 1907 г. В книге помещено двенадцать фронтисписов, соответственно месяцам года. Первый из них, «Январь», изображает кладбище на фоне фабричного здания. Рисунок исполнен С. Чехониным. Второй рисунок — «Февраль» — принадлежит Б. Кустодиеву, на этот раз почти неузнаваемому, до такой степени рисунок напоминает манеру Добужинского, Лансере и других «принципиальных» графиков. Кустодиеву, обычно, свойственна чисто иллюстративная манера рисунка, без планометрической организации, здесь уже он явно

Б. Анисфельд.

«Жупел», 1906 г., № 3.

В. Сварог.

Гонка на звание первого почетного всероссийского шарлатана.
(Витте, Дурново, Трепов.)

«Волшебный Фонарь», 1906 г., № 3 (15-I).

заражается стилем своих соратников-графиков. Рисунок изображает вид с Васильевского Острова на Николаевскую набережную; у ограды Румянцевского сада лежат трупы расстрелянных рабочих.

Рисунок «Март», работы М. Добужинского, изображает демонстрацию у Казанского собора. Фронтиспис «Апрель» исполнен Б. Анисфельдом в обычной для него мистико-декоративной манере. «Май», С. Чехонина, также трактован чисто декоративно. «Июнь», Евг. Лансере, отражает события на «Потемкине-Таврическом». Рисунок «Июль» исполнен Чехониным, «Август» — Билибиным (в обычном для него старинном стиле), «Сентябрь» — Анисфельдом (предположительно), «Октябрь» — Гржебиным, «Ноябрь» и «Декабрь» — Добужинским.

Нет сомнения, что графика 1905 — 1906 гг. в той части, в какой она была создана людьми подлинного таланта, оказала заметное влияние на развитие русского графического искусства. В смысле выработки нового типа иллюстрированного журнала был сделан большой шаг вперед.

Интересно отметить, как иногда воскресают, спустя много лет, отдельные графические приемы. Так, узор верстового столба, примененный Добужинским в обрамлении вышеописанного рисунка, появился на обложке Л. Х.

Н. Н. Герардов.

«Маски», 1906 г., № 4 (22-II).

к серии «Трудовая Школа» (Гос. Изд., 1925), а помещенная в том же номере «Жупела» концовка И. Билибина, изображающая кавалерийскую шапку, воскресла на обложке Н. Л. к книге Д. Сверчкова «Гапоновщина». Таких примеров можно было бы собрать немало.

Нужно признать известную долю влияния рассмотренных нами журналов на появившийся в 1908 г. «Сатирикон».

К тому времени, когда появился этот журнал, создались новые цензурные условия и многое из того, что было возможно (хотя и с трудом) в 1905—1906 гг., оказалось немыслимым в годы реакции. И тем не менее, «Сатирикон» дал много ядовитых и остроумных рисунков. Участие в нем Добужинского, Митрохина, Анисфельда, Бакста и др. гарантировало журналу графические достоинства. К сожалению, в стилистическом отношении этот журнал далеко не так выдержан, как «Жупел» и «Адская почта». Новые графики, вошедшие в «Сатирикон», создали свой особый стиль, удалый и разухабистый, скорее в манере кистевой, чем перовой. Н. Ремизов, А. Яковлев, А. Радаков, А. Юнгер создали, по меткому замечанию Н. Н. Врангеля, особый стиль «насмешливого рисунка». Они отошли от строгих книжно-графических канонов и сумели выявить своеобразный тип чисто журнальной иллюстрации, имеющей целью занять, развлечь и рассмешить читателя на те полчаса,

которые он уделит просмотру журнала. За редкими исключениями, эти разудалые небрежные рисунки имеют именно такое минутное значение и неспособны давать зрителю длительное и повторное наслаждение. Во всяком случае, «Сатирикон» сыграл большую роль в развитии русской карикатуры, его традиции дожили до наших дней и отчасти воплотились на страницах «Бегемота», «Смехача» и прочих. В свою очередь, «Сатирикон» генетически связан с лучшими журналами 1905 –1906 гг.

Все подлинно художественное, живое и талантливое остается нетленным на долгие годы, независимо от той злобы дня, которой оно служило.

Э. Голлербах.

ХУДОЖНИКИ,

участвовавшие в сатирических журналах 1905—1906 гг.

Составил Э. Голлербах.

В приведенном здесь перечне мы ограничиваемся самыми краткими сведениями, отсылая интересующихся более подробной характеристикой к соответствующей литературе, нами указываемой. На исчерпывающую полноту наш список не претендует, да это и невозможно, потому что в журналах 1905—6 гг. есть ряд анонимов, до сего времени не раскрытых. Помещенные здесь автографы дадут возможность читателю расшифровать рисунки, не имеющие полных подписей. Они представляют, несомненно, и «психографологический» интерес.

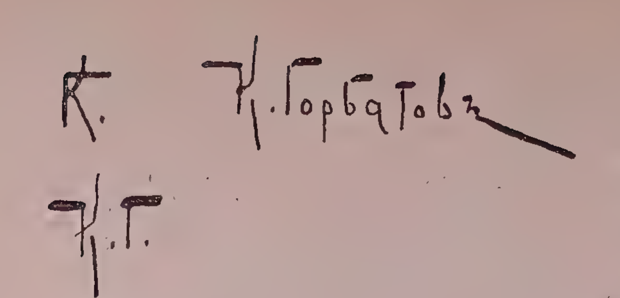
В библиографических указаниях отмечена только главнейшая литература о данном художнике.

Анисфельд, Борис Израилевич, род. в 1878 г. Его работы в сатирических журналах носят скорее фантастико-декоративный, чем карикатурный характер. В графике Ан. можно найти влияние Бакста. Главн. заслуги Анисфельда — в области театрально-декорационного искусства.

Билибин, Иван Яковлевич, род. в 1876 г. Свою графическую деятельность Билибин начал украшением книги «Суворов» (изд. Дубенского) 1900 г. Билибин участвовал в журнале «Мир Искусства», «Золотое Руно» и мн. др. В своих карикатурах 1905—6 гг. он обычно исходил из мотивов русского эпоса, основываясь на памятниках отечественной старины.

Бродский, Исаак Израилевич, род. в 1884 г.; в 1905 году участвовал, главным образом, в журнале «Леший». После октябрьской революции Бродский особенно приблизился к политическим темам, но уже не в роли карикатуриста, а в качестве постоянного портретиста официальных сфер (картина «Заседание Коминтерна» и много портретов членов Коминтерна).

Герардов, Николай Николаевич, род. в 1873 г. умер в 1919 г. Испытал влияние мюнхенской школы модернистов; во многих его рисунках—тяготение к символике, к абстракции. Был одним из наиболее видных у нас представителей плакатного стиля.

Горбатов, Константин Иванович, род. в 1876 г. Пейзажист; участвовал в некоторых журналах эпохи первой революции.

Горюшкин-Сорокопудов, Иван Силович, род. в 1873 г. Жанрист; участвовал в отражении эпохи первой революции набросками бытового характера.

Гржебин, Зиновий Исаевич, художник-любитель, участник сатирических журналов 1905 г., издатель.

Добужинский, Мстислав Валерианович, род. в 1875 г. В качестве графика впервые выступил в журнале «Мир Искусства» и в журнале «Шут», в 1901 г. В графическом искусстве Добужинский особенно выделился, как художник города. Вместе с большим чутьем к архитектурной красоте, ему свойственно тяготение к отвлеченным, символическим образам, глубоко-субъективное отношение к миру. К 1905 г. относится участие Добужинского в журнале «Жупел», к 1906 г. сотрудничество в «Адской Почте». Позже он участвовал в «Сатириконе». Кроме политической карикатуры, Добужинский немало сделал в области интимно-портретного шаржа (ряд карикатур на современных художников и писателей, большею частью не опубликованных).

Для ранних политико-сатирических рисунков Добужинского характерна подпись в виде двойного Д.

О Добужинском: «Графика М. Добужинского», текст С. Маковского и Ф. Нотгафта,— изд. Петрополис. Берлин 1924. Э. Голлербах — «Рисунки М. Добужинского».— Государственное Издательство, Ленинград, 1923.

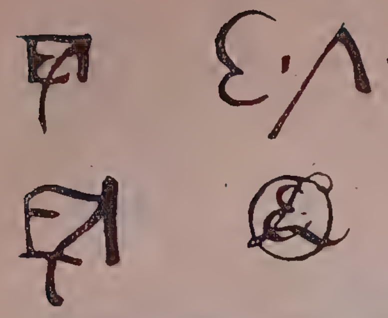
Заборовский, Н. — иллюстратор, карикатурист.

Злотников, Л. — художник-жанрист и карикатурист, работавший в некоторых сатирических журналах 1905 г.

Иванов, Михаил Филиппович, род. в 1869 г. Жанрист; помещал в журналах бытовые революционные наброски.

Иванов, Сергей Васильевич, род. в 1864 г., умер в 1910 г. Жанрист; участвовал в отражении революционной эпохи картинами и набросками бытового характера.

Кудинов, А. — художник-иллюстратор, работавший в журн. «Зритель», «Леший» и др.

Лансере, Евгений Евгениевич, род. в 1875 г. С 1899 г. сделался постоянным участником выставок «Мира Искусства», тогда же начал работать в области графики. В 1905 г. участвовал в журнале «Жупел», а после закрытия этого журнала сам издал несколько номеров журнала «Адская Почта». Вместе с Анисфельдом, Билибиным и Чехониным поместил ряд графических работ в «Календаре Русской Революции» (издательство «Шиповник»). К революционным мотивам в графике Лансере можно отнести также его иллюстрации к «Царю Голоду» Л. Андреева.

Для рисунков Лансере эпохи первой революции характерны три первые монограммы из приводимых нами; последняя относится к более поздней эпохе.

О Лансере см.: «Золотое Руно», 1909, №№ 11—12; «Искусство», 1912, №№ 11—12; «Аполлон», 1915, № 10.

Локенберг, В. — художник, принимавший участие в выставках общ. «Мир. Искусства»; выступал в качестве иллюстратора-сатирика в журналах первой революции.

Любимов, Александр Михайлович, род. в 1879 г.; помещал рисунки на политические темы в журналах 1905—6 гг.

Кустодиев, Борис Михайлович, род. в 1878 г. В сатирических журналах помещал почти исключительно портретные шаржи, основанные на близком знакомстве с лицами тогдашних сановников (в связи с работой под руководством Репина над картиной «Государственный Совет»). Впоследствии Кустодиев делал рисунки для «Сатирикона», но это были скорее просто «смешные» сценки провинциального быта, чем карикатуры. Свойственное Кустодиеву утвердительное, любовное, благословляющее отношение к быту исключает возможность чистой карикатуры, основанной на отрицании, насмешке, недоброжелательстве. Кроме того, карикатура вообще ближе к графике, чем к живописи, а Кустодиев, наоборот, больше живописец, чем график.

О Кустодиеве см.: «Аполлон», 1910, № 12; «Аполлон», 1915, № 8—9; Э. Голлербах— «По мастерским художников. У Б. Кустодиева», «Красная Нива», 1924, № 23, июнь. Вас. Воинов «Б. Кустодиев», «Утренники», 1922, № 2.

Пирогов, Николай Васильевич, род. в 1872 г., умер в 1913 г. Известны его многочисленные жанровые картины и рисунки, среди которых есть ряд относящихся к 1905—6 гг. Иллюстратор Гоголя. В журналах эпохи первой революции помещались его бытовые наброски, связанные с аграрными беспорядками, и т. п.

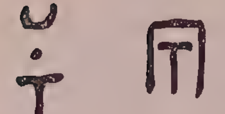

Ремизов, Николай (Реми), карикатурист, участвовавший в журн. «Стрелы» и др. Позже много работал в «Сатириконе» и «Новом Сатириконе».

Сварог, Василий Семенович, род. в 1882 г. Много работал в качестве иллюстратора периодических изданий. В 1905 г. сотрудничал, главным образом, в «Волшебном Фонаре».

Серов, Валентин Александрович, род. в 1865 г., умер в 1911 г. В журналах первой революции имеется всего один рисунок Серова на политическую тему; в области карикатуры Серов работал сравнительно мало и больших удач в этом направлении у него не было. Но для понимания эпохи 1905—6 гг. и последующих лет, главным образом—для понимания психологического облика отдельных представителей знати, бюрократии и крупной буржуазии, большое значение имеют гениальные портреты Серова, замечательные иконографические документы, в которых помимо самодовлеющей художественной ценности, есть все элементы психологического «разоблачения» (см. портреты Витте, Юсупова, Орловой, Морозова и пр.). Это необходимо учесть всякому, желающему глубоко изучить социальный уклад первого десятилетия текущего века.

О Серове: А. Левинсон — «Серов», изд. «Хронос», 1912; И. Грабарь — «Серов», изд. Кнебель, 1914; Н. Радлов — «Серов», изд. Бутковской, 1914; В. С. Серова — «Серовы, Александр Николаевич и Валентин Александрович», изд. «Шиповник», П., 1914; С. Маковский — «В. Серов», изд. «Русское Искусство», Берлин 1923; Э. Голлербах, — «Серов» (с приложением воспоминаний академика А. Я. Головина). Изд. Всерокомпом при ВЦик'е, Л., 1924.

Стеллецкий, Дмитрий Семенович, род. в 1875 г.; художник, в творчестве своем весь погруженный в народную старину и черпающий (даже в карикатурных рисунках) мотивы своих композиций из русского крестьянского искусства. Особенно известен своими скульптурными работами. В рисунках, помещенных на страницах «Жупела», он верен своей обычной стилизации под русскую старину.

О Стеллецком: «Аполлон», 1911, № 4.

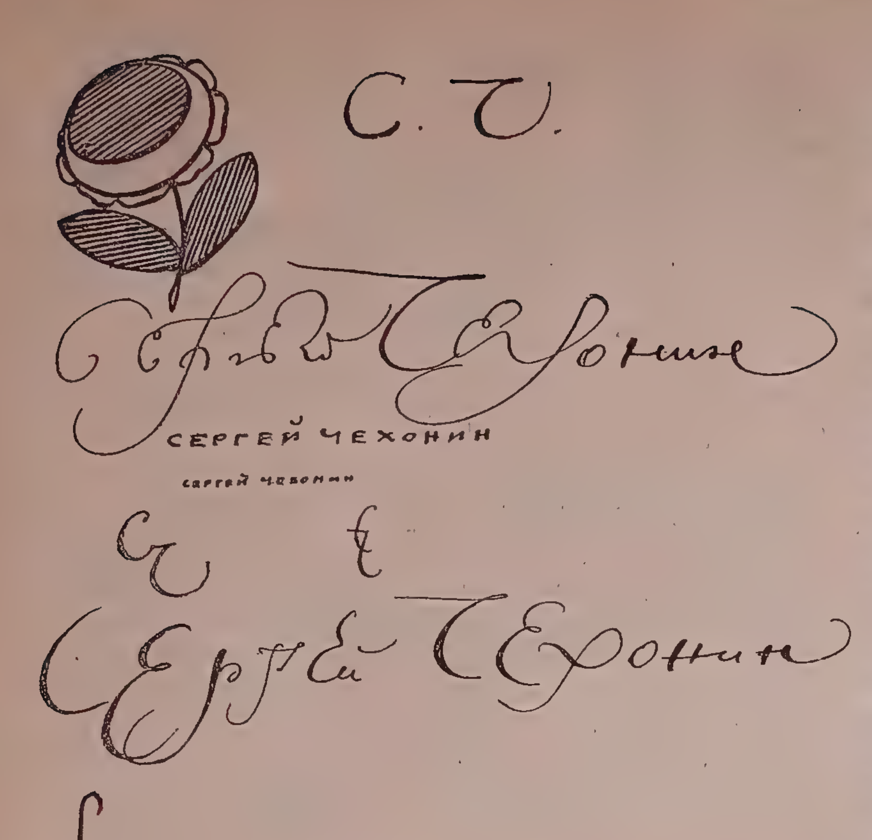
Троянский, П. — участник многих иллюстрированных журналов. Редактор «Адской Почты». В 1905 г. сотрудничал, главным образом, в журнале «Сигнал». Умер в 1923 г.

Фалилеев, В. род. в 1879 г. гравер (ксилограф и офортист), известен, главн. обр., своими пейзажными гравюрами в красках.

О Фалилееве см. монографию—«Фалилеев», Гос. Изд., 1923 и Э. Голлербах—«История гравюры и литографии в России», Гос. Изд., 1924.

Фешин, Н. жанрист и портретист, участвовавший в сатирических журналах преимущественно бытовыми рисунками.

Чемберс, В. Я. — график, много работавший в области книжной орнаментации. Его рисунки в сатирических журналах носят исключительно декоративный характер.

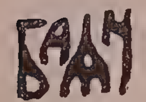
Чехонин, Сергей Васильевич, род. в 1878 г. Рисунки в сатирических журналах принадлежат к числу первых графических опытов Чехонина в печати (1904—5). Как художник книги, он выступил немного позже — в 1906 г.

Кроме журналов эпохи первой революции, Чехонин участвовал в некоторых других сатирических журналах («Сатирикон», «Новый Сатирикон», «Галченок»), но уже только в качестве декоратора, не карикатуриста. В декоративно-графическом творчестве Чехонина можно найти интересные фантастические образы, которые не будучи карикатурами в прямом смысле слова, являются своеобразными интерпретациями различных греховных сущностей.

Характерно, что в области карикатуры Чехонин занимался исключительно политическими темами, не задаваясь бытовой карикатурой; только в последнее время им исполнено несколько портретных шаржей, но не для печати (упомянем, например, об удачном шарже на К. И. Чуковского).

Для Чехонинских карикатур эпохи первой революции характерна подпись в виде сцепленных длинных инициалов. Позже подпись Чехонина изменилась в сторону большей размашистости декоративно-рукописного характера.

О Чехонине см.: «С. Чехонин» — текст А. Эфроса и Н. Пунина, Государственное Издательство, 1924; В. Бопяновский — «Художник двух революций», «Былое», 1925, кн. 29; Э. Голлербах — «С. В. Чехонин» — «Вестник Театра и Искусства», 1922, 21 марта, № 20; его же — «Петербургские письма» (из С. Чехонина) — «Сполохи» (Берлин) 1922, № 10; его-же — «С. В. Чехонин (к двадцатипятилетию художественной деятельности)» — «Казанский Музейный Вестник», 1922, № 1; его-же — «С. В. Чехонин» — «Накануне» (Берлин), литературное приложение к № 82, 1922, 16 июля и др.

А. Ю.

Юнгер, Александр — карикатурист, участвовал под псевдонимом «Баян» в сатирич. журналах 1905 г.; позже — много работал в журн. «Сатирикон» и др.

Кроме статей и книг об отдельных художниках, указанных выше, краткие сведения о графиках содержатся в трудах Н. Радлова,—«Современная русская графика», П. 1916 г. А. Сидорова — «Русская графика за годы Революции 1917 — 22», изд. «Дом Печати». М. 1923 г.

«Молот», 1905 г., № 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Печатаемые здесь документы — точно вышли из-под пера Щедрина. Это — подлинные плоды творчества вицмундирных цензурных и судебных сатириков, не подозревавших, конечно, что их произведения будут вызывать смех читателя и своим стилем, и своим содержанием, своей логикой и своей психологией. Документы эти не только объясняют, но и дополняют ту гротескную драму, которую зафиксировали наши сатирические журналы.

Их прочтет «с удовольствием» не только специалист историк, но и обыкновенный читатель. А художник-беллетрист найдет здесь для своей картины богатейшие и яркие краски.

Это — великолепные негативы, ждущие,—когда их проявит какой нибудь подлинный художник.

Вл. Б.

I.

ПИСЬМО Д. Ф. ТРЕПОВА.[1]

ТОВАРИЩ
МИНИСТРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.
Заведывающий Полицией.

В начале июня нынешнего года в Петербурге стал издаваться еженедельный иллюстрированный журнал «Зритель». До сих пор вышло в свет всего четыре нумера этого нового органа периодической печати, но уже при рассмотрении трех первых его выпусков, от 5-го, 12-го и 19-го июня, обнаруживается, с полной несомненностью, что это издание задается целями анти-правительственной пропаганды и развития революционного настроения в народной массе.

Несмотря на усвоенную редакцией означенного журнала систему постоянных недомолвок, вследствие чего читатель лишь «наводится» на ту или иную мысль революционного характера, которая никогда не договаривается ни в тексте рассказов, ни в подписях к иллюстрациям журнала; проводимые им идеи настолько понятны и выражаются столь образно, что не оставляют места сомнениям даже в мало развитом уме. Так, наприм., в № 1-м журнала, на наружной его странице, изображен человек в темнице, смотрящий в окно, где видна загорающаяся красная заря. В первой же статье, имеющей руководящее значение и озаглавленой «Она прозрела», говорится о немой и слепой, которая стала говорить и видеть, когда «ее поводыри покинули ее в лесу». Рядом же

---

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати, № 119/1904 г.

с этой статьей помещен,— и в начале ее, и в конце,— рисунок паука с человеческой головой, который захватывает в свою паутину все окружающее, при чем означенный рисунок является повторением тех мотивов, которые можно встретить,— понятно, выраженные с большей беззастенчивостью,— в революционных изданиях изобразительного характера.

№ 2-й журнала «Зритель» оставляемым после его прочтения общим впечатлением задается целью, путем недомолвок, вызвать в читателе неблагоприятное правительству настроение воспоминанием о Петербургских событиях 9-го января. На наружном листе изображен сидящий связанным в тюрьме человек, в бессильной ярости приподнимающий кулак. На главной странице, в середине нумера, помещен рисунок, изображающий какую-то группу невзрачно одетых лиц, ожидающих перед закрытой дверью приема в высокой зале, стены которой увешаны портретами в рост человека. Первое место в этом втором нумере дано рассказу «Старое предание», где некий аббат, называемый также священником, помышлявший раньше о прелюбодеянии, затем, под влиянием любимой женщины, отдается всецело идее и погибает ради нее. В тексте рассказа дается изображение человека в священнической рясе, очень похожего лицом и фигурой на Гапона. Рассказ, полный всяких намеков и действующий на читателя, как вызов (наприм., фраза: «если бы во мне сидела душа не зайца, а мужа, я пошел бы за тобою в тюрьму»), кончается следующими строками с недоговоренной в них мыслью:

«На другой день эшафот убрали, но не надолго».

«Замок сюзерена виден и теперь на одной из высоких гор страны».

№ 3-й журнала, по содержанию своих рисунков, есть дальнейшее развитие идеи № 2-го: на обложке даны фигуры казаков; на главном листе, в середине, изображены лежащие на площади трупы убитых, а в конце первого рассказа «Перед зарей», где умирающий от чахотки обнадеживается его братом словами, что «заря придет, она близка», помещен рисунок человека, сидящего перед ретортой и занимающегося химическими опытами.

Независимо от упомянутых выше рисунков, составляющих все содержание журнала в «художественном отношении», новый орган периодической печати и в остальных своих частях, в рассказах, заметках, баснях преследует те же цели пробуждения резко оппозиционного настроения в читателе. Вызовы ему, в виде «Песни о рабах», где его называют «трусливое стадо», «в рабстве зачатые дети», или в рассказе «Легенда о застенке», который люди сами создают после того, как разрушили его, поддавшись влиянию «нового человека», чередуются с рассказами (наприм., «Кошмар»), где высмеивается необходимость, подготовляясь к экзамену по учебнику истории Иловайского «утешать родителей и приносить пользу церкви и государству». Настоящая же цель этого рассказа: зародить сомнение в умах учащихся о справедливости тех обвинений в разложении государственного и общественного строя, которые высказываются в упомянутом учебнике по адресу нигилизма и его адептов. Вообще же все содержание этого издания, довольно низкого пошиба и лишенного всяких литературных достоинств, составляют выходки против генералов, чиновников, аристократии и пр.

Сказанное выше дает право притти к заключению, что журнал «Зритель» стремится к возбуждению страстей и оппозиционного духа в народе, рассчитан на круг читателей из низших слоев населения и служит бесспорно революционным целям. Основываясь на вышеизложенном, имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что я полагал бы необходимым журнал «Зритель», в виду его явно вредного направления, прекратить навсегда.

Свиты Его Императорского Величества

Генерал-майор Трепов.

30 июня 1905 г.

II.

ОБЪЯСНЕНИЯ ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ГЕНЕРАЛА Д. ТРЕПОВА. [1]

В Главное Управление по делам печати.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.
С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ.

16 июля 1905 г.
№ 1216.

От 2-го сего июля за № 7219 Главное Управление по делам печати предложило С.-Петербургскому Цензурному Комитету доставить необходимые объяснения по содержанию докладной записки от 30 минувшего июня, Г. Товарища Министра Внутренних Дел, Заведывающего Полицией, Свиты Его Императорского Величества Генерал-майора Трепова, по поводу направления еженедельного журнала «Зритель», а равно сообщить, на кого из цензоров возложены обязанности по цензированию названного журнала.

Просматривающий журнал «Зритель» статский советник Савенков доложил Комитету следующее.

В вышеупомянутой докладной записке Г. Товарищ Министра приходит к заключению, что журнал «Зритель» довольно низкого пошиба, лишенный всяких литературных достоинств, стремится к возбуждению страстей и оппозиционного духа в народе. Он рассчитан на круг читателей из низших слоев населения и служит бесспорно революционным целям, а по сему подлежит, в виду явно вредного направления, прекращению навсегда.

Против характеристики вредного направления журнала «Зритель» и проектируемой Г. Товарищем Министра меры, подлежащей применению к этому изданию, решительно никаких возражений цензирующий выставить не может, тем более, что судит об этом журнале не только по тому содержанию, с которым он выходит в свет, но и по тому, с каким желала бы его видеть редакция оного. Цензирующий неоднократно входил в Комитет с докладами о вредном направлении журнала, вообще, и отдельных рисунков в особенности, и именно в понедельник, 4 июля, пользуясь чрезвычайным заседанием Комитета, имел в виду доложить последнему о запрещении целого ряда статей для последнего номера журнала и возбудить вопрос о современности представления на усмотрение Главного Управления по делам печати о неисправимо вредном направлении, а вернее настроении журнала, рассчитанного на поддержку этого настроения в той части нашей полуграмотной интеллигенции, которая и без того заражена этим настроением пессимизма, озлобления, алармизма, протеста и борьбы. Но, с другой стороны, цензирующий позволяет себе заметить, что 1) журнал этот простолюдину и непонятен, и не может на него действовать. Жанр рисунка слишком декадентен, в нем масса условного, символического, а в тексте недомолвки, недосказы, извращенность представлений и та же символика и условная терминология. Лучшее доказательство недоступности его массе и безынтересности для нее — это тираж, не доходящий до 1 500 экземпляров.

2) Цензурная и государственно-полицейская точка зрения и по закону и по практике не совпадает вполне. Цензору ни единолично, ни в составе Комитета не дано дискреционной власти толковать смысл произведения и цели и мотивы авторов и издателей. Цензор не имеет кроме того и тех данных, коими располагает государственная полиция для суждения о целях издания. Наконец, то, что закон дозволит государственно-полицейской власти во имя конкретного требования государственной безопасности, он не может дозволить цензору во имя теоретических соображений о значении, направлении или настроении периодического издания, поэтому мотивировка совершенно

[1] Дело Главн. Упр. по делам печати № 119/1904 г.

убедительная, раз она выставлена с точки зрения государственно-полицейской, могла бы с точки зрения цензурной быть признана еще недостаточной.

3) Предварительная цензура совершенно бессильна в борьбе с направлением, а тем более, с настроением периодического издания. Она может притупить его выразительность, его убедительность и заразительность, может и довести периодическое издание до невозможности издаваться. Наконец, она может выяснить до степени полной убедительности и доказанности наличность и свойства вредного направления, но единственное и действительное средство в борьбе с направлением — это запрещение, а таковое от цензуры не зависит. Дабы сделать цензуру ответственной за направления, а тем более настроение периодического издания, надо было бы облечь цензора властью положительною в отношении издания, а такая власть обратила бы цензора в редактора, а самую прессу — в прессу цензоров, в каковом качестве она утратила бы всякий интерес не только для общества, но и для самого правительства.

Обращаясь затем к более частным объяснениям, требуемым Главным Управлением, цензирующий признает наиболее удобным изложить краткую историю пятинедельного существования журнала «Зритель». Из этой истории будет ясно, в достаточной ли мере применялась цензурная функция или в недостаточной. Журнал «Зритель» разрешен с программой чрезвычайно скромной: рисунки с подписями и без оных, беллетристика, хроника без права обсуждения, критика, библиографические заметки и объявления. Казалось, при этой программе журнал будет преследовать цели литературно-художественные, хотя может быть и с направлением декадентским. Когда же был представлен комплект рисунков для первого номера, для цензирующего стало вполне ясно, что журнал имеет задачи политические и при том в направлении не только вредном, но гнусном. Весь комплект был доложен Комитету, при чем цензирующий просил рассмотрения этого комплекта в его целостности. Как и следовало ожидать весь он был единогласно запрещен. Затем, когда поступил текст для первого номера, то для цензирующего стало ясно, что журнал именно под фирмой беллетристики намерен заниматься обсуждением злободневных тем и опять с непозволительной окраской. В виду сего цензирующий представил и весь этот материал для запрещения в его совокупности по общему дурному направлению, в нем проявленному, при чем находил его подлежащим запрещению, но по формальным основаниям, как не представляющим вовсе действительной беллетристики, так и по существу, но в этом случае доклад цензора успеха не имел. Значительная часть этого материала не была запрещена, между прочим, и статья «Кошмар», обратившая на себя внимание Г. Товарища Министра, в коей было постановлено исключить слово «забастуй», которое по мнению цензирующего, имело наименее значения.

Насколько журнал желал прослыть неблагонадежным, видно из того, что редакция представила на цензуру небольшую заметку, в которой значилось, что издатель получил анонимное ругательное письмо, в котором его называют крамольником и грозят собственной расправой, если он будет издавать журнал «Зритель». Само собой разумеется, что заметка эта была цензирующим запрещена. Точно так же цензирующий запретил и весь отдел хроники, ибо в ней хотя не было рассуждений и все взято из агентских телеграмм и «Правительственного Вестника», но взято только то, что могло именно поддерживать то направление, которым охвачена неблагонамеренная часть читающей публики, т.-е. забастовки, аграрные беспорядки и убийства или покушения на чинов полиции. Таким образом, первый нумер, сильно урезанный, все-таки вышел, и редакции удалось выразить, хотя и очень ослабленно свое недоброкачественное настроение. Впрочем, если сравнить этот нумер в том виде, как он вышел, с содержанием бесцензурной прессы, то он представится агнцем невинности.

Неуспех доклада цензирующего, о чем редакция как-то всегда узнает или догадывается, заставил ее поднять тон. Материал посылался с требованием немедленного пропуска или доклада в тот же день Комитету. В этих условиях цензирующий, сознавая себя главным ответственным лицом за вверенный его цензуре журнал, нашел нужным тоже принять более прямой и целесообразный способ воздействия, который может быть формулирован в сих двух словах: «не пропускаю, жалуйтесь». В результате, конечно, значительная масса запрещенного, но и некоторая часть пропущенного, и то, что пропущено, конечно, все-таки в соответствии с общим настроением журнала,

хотя и сильно урезанное, обесцвеченное, доведенное до того состояния, что в нем можно видеть желание сказать что-нибудь недозволительное и в то же время невозможность его осуществить.

Во втором номере помещены, между прочим, два рисунка: связанный мужик и священник с факелом. Оба рисунка были возвращены редакции с требованием их объяснения. Редакция представила их вновь с подписью под первым: «Пойманный конокрад. Мир изловил», под вторым: «Аббат входит в тюрьму. Иллюстрация к рассказу «Старое предание». При подобных надписях оба рисунка цензурно допустимы. Что касается второго — то у цензирующего было сомнение, не Гапон ли представлен в нем? По этому предмету приезжал объясняться г. Фалеев, помощник редактора, который удостоверил, что это не Гапон, и что художник рисовал его из головы и в качестве иллюстрации к рассказу. Цензирующий пропустил, заметив, что доверяется в этом случае слову офицера, да и подпись под рисунком делала его, во всяком случае, безвредным.

Для третьего нумера была запрещена целая серия рисунков и несколько статей текста. По поводу двух из этих рисунков и двух статей цензирующий счел долгом доложить Комитету, обращая его внимание на общее скверное направление журнала. Рисунки эти и статьи были запрещены. Проектированы же они были как ответ на распубликованное в то время награждение дворников, за усердное исполнение ими их полицейских обязанностей, медалями. Затем, по отношению к рисунку «Казаки» была сделана подпись: «Песенники», а по отношению к рисунку спящих—«Этюд спящих». Редакция подписей к рисункам: «Пойманный конокрад», «Песенники» и «Этюд спящих» не поместила. Цензирующий мог, конечно, не выдать билета на выпуск, но ограничился предварением, что меру эту применит в следующий раз, если рисунок, разрешенный только с подписью, будет напечатан без оной. № 3 представляет уже значительную наклонность к исправлению редакции и в смысле рисунков и в смысле текста.

Четвертый нумер еще более невинен. Обстоятельство это объясняется тем, что борьба с цензурой вызвала болезнь издателя-редактора Арцыбушева, совершенно еще молодого человека и, повидимому, главного инициатора дурного направления, тогда как Фалеев и секретарь, из коих последний при издании первого нумера вовсе, кажется не был, представляют элемент более благонадежный.

Из сказанного казалось бы явствует, что цензура в пределах ее сил сделала все возможное и приводит журнал к возможному неоказательству его вредного настроения. Переменить же она это настроение не в силах. Единственно действительной в этом отношении мерой является запрещение издания, о чем цензирующий и считал нужным через Комитет просить Главное Управление, и в этой просьбе своей он руководился бы не столько содержанием журнала в том виде, как он выходит после цензуры, сколько содержанием, которое ему желала бы дать редакция, ибо только при этом вред направления совершенно ясен.

Но все-таки цензирующий не питает никакой надежды на перемену направления журнала, доказательством чему служит тот материал, который представлен для следующего нумера и который, руководясь точкой зрения, высказанной в докладной записке Г. Товарища Министра, подлежит запрещению в целом.

Выслушав объяснение цензирующего, С.-Петербургский Цензурный Комитет нашел, что журнал «Зритель» несомненно отличается вредно-тенденциозным направлением, стремящимся возбудить среди читателей недовольство против правительства. Борьба с этим направлением является для цензуры чрезвычайно трудной как потому, что в представляемом материале не имеется почти ни одной статьи, ни одного рисунка, которые бы не были проникнуты преследуемой редакцией целью, так и потому, что материал этот облечен, большею частью, в форму иносказательную и символическую; истинный же смысл помещения в журнале предназначаемых для него рисунков и статей раскрывается лишь по составлении нумера в его целом, так как отдельные его части взаимно пополняют и объясняют одна другую.

Журнал «Зритель» представляет собою попытку издания юмористического органа с задачами исключительно политическими; остальные карикатурные журналы хотя и касаются тем политического характера, но гораздо осторожнее и притом вводят их

лишь как элемент дополнительный к высмеиванию общечеловеческих слабостей и эротическим шуткам, более или менее скабрезного свойства.

Сплошной антиправительственный материал, представляемый для «Зрителя», заставляет цензуру прибегать к исключительным мерам: запрещать его весь, целиком, для данного нумера, так как компромиссы являются невозможными. Такие огульные запрещения весьма редки в цензурной практике и вызывают неудовольствие не только со стороны редакции журнала, но и среди публики, в которую проникают слухи об излишних, будто бы, строгостях цензуры, не допускающей к печатанию даже такого рода рисунков и статей, которые, взятые в отдельности, не производят впечатления чего-либо вредного. Следует при этом заметить, что дозволением програмной журнала помещать рисунки без подписей редакция пользуется в своих целях, как это выяснено в объяснении цензирующего. Виньетки изображают: виселицу, Петропавловскую крепость, ключи от нее, череп с выросшим из него цветком (будущее России на развалинах существующего и т. п.), бомбы, карету, перевозящую политических преступников, казака в виде игрушки, жандарма, заменяющего собою статую на Аничковом мосту, и т. п.

Для характеристики статей, предназначаемых для «Зрителя», при сем представляется весь материал, запрещенный Комитетом в заседании от 13 сего июля; содержание отдельных статеек не поддается передаче, но все они преследуют одну и ту же цель: дискредитирование престижа правительства и выражения уверенности в падении устоев нынешнего строя.

В виду такого вредного направления журнала «Зритель», С.-Петербургский Цензурный Комитет присоединяется к заключению Г. Товарища Министра, Заведывающего Полицией, о необходимости прекращения выхода названного журнала, если он в ближайшем будущем не изменит своей вредной окраски.

Об изложенном Комитет имеет честь представить на усмотрение Главного Управления по делам печати, представляя, помимо указанных выше статей для журнала «Зритель»: 1) запрещенные ранее Комитетом рисунки и статьи для этого издания и 2) затребованный из типографии разрешенный для прежних №№ материал, из коего усматривается, что некоторые рисунки дозволены были с подписями, исключенными при печатании. Вместе с сим возвращается докладная записка генерал-майора Трепова с тремя приложениями.

Председательствующий, цензор *П. Воршев.*

За Секретаря *Гр. Головин.*

III.

ЖАЛОБА Ю. К. АРЦЫБУШЕВА.

В Главное Управление по делам печати.

От редактора-издателя журнала «Зритель»
дворянина Ю. К. Арцыбушева.

На основании ст. 56—57 устава цензурного, имею честь представить в Главное Управление по делам печати нижеследующую жалобу:

I. За последнее время мною было представлено господину цензору Савенкову несколько (свыше 80) рукописей на разрешение для напечатания в журнале «Зритель». Огромное большинство означенных рукописей не было разрешено ни г. Цензором, ни Цензурным Комитетом.

Не усматривая в означенных рукописях ничего такого, что могло бы противоречить существующему законодательству о цензуре и печати, и не имея возможности пере-

числить все рукописи, задержанные г. Цензором, я останавливаю внимание Главного Управления на следующих:

Рукопись Ф. Сологуба «Сны» I — II — представляет собою чисто символическое, философского характера изображение человеческих настроений в разные моменты жизни и не содержит в себе ничего, что могло бы немекать или имело какое-либо отношение к «политике». Как известно, автор имеет за собой литературную известность художника тонких психологических чувствований.

Критические этюды Писаки—о «Русском Богатстве» (о произведении Короленко — «12-ти фут. рейд», (О «Мире Божьем»), о произведении С. Юшкевича «Новый Пророк»). Эти этюды касаются произведений, напечатанных в подцензурных изданиях, и являются вполне литературным разбором, без всякого отступления от обычных критических приемов.

Длинный ряд мелочей различных авторов (Мстислава, Термидора и др.), которые являются не более, как невинными шутками, без злонамеренных намеков, и не противоречат ст. 109 уст. ценз.

Стихотворения Ворона — «Кузнец», переводное «Да или нет» и др., которые по содержанию своему не противны требованиям, изложенным в 4 ст. уст. ценз., и представляют собою красивое художественное произведение.

Басни «Грибы», «Карандаш и Циркуляр» и др., Чуж-Чуженина. Написаны они в духе подражания Крылову, касаются общественных мотивов в виде шуток, аналогий, метафор, т.-е. именно так, как это делал Крылов, и в большинстве случаев трактуют старые, общие темы.

Стихотворение А. Рославлева «Герцог» — декадентское произведение в новых формах, за которыми цензура даже не различила исторического содержания.

Для характеристики положения вещей достаточно будет отметить, что многие из произведений, не получивших разрешения цензуры, были напечатаны потом в различных периодических органах, даже подцензурных.

Такое отношение цензуры препятствует нам придать «Зрителю» физиономию, хотя и оригинального по внешности и содержанию литературно-художественного журнала, отражающего на своих столбцах современность, но чуждого всяких политических тенденций.

Имею честь просить пересмотреть в Главном Управлении все без исключения рукописи, как находящиеся в распоряжении Цензурного Комитета, так и прилагаемые при сем.

II. Что же касается отношения цензуры к рисункам, то в этой области я чувствую совершенную растерянность: так, что, например, можно найти противоречащего цензурным правилам в горящей свечке, изображенной в виде виньетки?! Или в шляпе с запиской?! И к этим чисто орнаментальным виньеткам цензура предложила написать текст! Едва ли он мог даже соответствовать содержанию виньетки...

В поисках за более «цензурными» темами, мы решились изображать неодушевленные предметы, игрушки (напр. «Петрушка» — два орнамента из балаганной жизни); но и здесь мы встретились с тем же непонятным для меня отношением. Ничего не пропускается. Парализуется у художников всякое желание работать и развиваться. Приходится обращаться к иностранным изданиям, разрешенным уже цензурою. Но и здесь цензура находит что-то предосудительное (напр., о рисунке Форена «Мать с ребенком на руках» был сделан цензором доклад в цензурный комитет!). Понятно, что при таких условиях не может быть и речи о развитии молодых талантливых художников, что составляет одну из первых задач моего журнала.

В каждом рисунке цензура чувствует намеки, а потому становится невозможным трактовать какую бы то ни было тему. Напр., виньетка, на которой изображены покрытые пылью и обросшие паутиной старинные архивные книги, не пропускается потому-де, что она изображает современные, действующие законы!...

И т. д., и т. д.

Цель нашей настоящей жалобы — обратить внимание Главного Управления на отношение цензуры к моему журналу. Вместе с тем настоятельно прошу затребовать из Петербургского Цензурного Комитета весь материал, как литературный, так и художественный, и, пересмотрев его, вернуть мне разрешенным для напечатания.

Повторяю, что журнал преследует цели литературно-художественные, изыскивает новые пути творчества и изображения, не хочет быть похожим ни на один из существующих журналов. Такое стремление, надо надеяться, не противоречит основным нормам существующего правопорядка. Приложение 1—17 №№.

Редактор-издатель журнала «Зритель»
Дворянин Юрий Константинович Арцыбушев.

11 августа 1905 года.
СПБ.

IV.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖАЛОБЕ АРЦЫБУШЕВА.

Старый граф.[1]

Голуби поднялись и закружились над башней.

По пустынному двору замка пронесся скрип железной заржавленной двери — и затих.

Заключенным понесли пищу.

Снова тихо, и опять опускаются голуби, трепеща своими сизыми крыльями на фоне прозрачного неба.

Было яркое утро. Старый граф стоял на замковой стене и глядел в даль.

Сквозь узорные верхушки деревьев, окружавших замок, виднелась река, и она сверкала на солнце и уходила в луга, извиваясь и скрываясь на поворотах. А там далеко, тянулись туманные синие горы, и когда их холодное дыханье достигало замка, вздрагивали деревья, пробуждаясь от дремы, а дикий виноград, ползущий по стене, то приникал к ней, то метался в трепетном восторге.

Долго стоял тогда шопот листвы. Старый граф вслушивался в него и не мог понять. Но он все слушал, чутко и радостно, и спокойнее становилось у него на душе... О чем говорили деревья?

Дверь на башне застонала. И вдруг стал ясен тогда шопот деревьев старому графу. Он обернулся и махнул рукой. Люди, вышедшие из подземелья—ждали.

И громко раздалось в стенах унылого замка:

— Приведите сюда заключенных.

Во мраке глубоких подвалов гремят тяжелые засовы. Легкий звон цепей... Гул толпы и звук шаговъ. Все ясней и ближе... ближе...

Вот они! Кричат... По крутой лестнице они бегут на стену, эти жалкие, тощие и бледные люди, падают, путаясь въ цепях, встают, и рыдают от счастья и смеются от радости...

Но вбежав, они затихли. Молча протягивали свои худые, окованные руки туда к реке, к людям и туманным горам.

Глядели— и не могли упиться. Молчали... А старый граф... Он был бледен, а когда начал говорить, голос его дрожал:

— Довольно. Отведите их. Я уже не могу больше . . . .

. . . .

По пустынному двору замка пронесся скрип железной заржавленной двери — и затих.

Голуби поднялись и закружились над башней...

Л. Богословский.

---

[1] Набранное курсивом было вычеркнуто цензором. *В. Б.*

Опровержение.

Сильный, нервный звонок телефона.

Востроухов срывается с места и подбегает к стене.

— Я слушаю! — говорит он.

В трубке раздается нетерпеливый сдавленный голос.

Кто говорит — неизвестно, но по физиономии Востроухова можно догадаться, что сдавленный голос принадлежит человеку, имеющему отношение к власти.

— Эту заметку писал один из самых достоверных корреспондентов, — отвечает Востроухов сдавленному голосу.

Что-то хрипит, шипит и возмущается в трубке.

— Никак нет-с! — говорит Востроухов. — *Он сообщил только, что надворный советник Лизунов выезжал вчера со скорым поездом из города для неизвестных целей...*

Трубка надувается от возмущения.

— Виноват! — продолжает Востроухов, и на его лбу выступают капли пота. — Извините! Мы совершенно не знали. Мы верили корреспонденту...

Трубка зашипела, свистнула, и все стихло.

Востроухов произнес:

— Слушаюсь! Непременно!

И тотчас же повесил трубку со сдавленным голосом на рычаг.

— Василий, послать за Скважниковым... скорее... — кричит Востроухов. — Это чорт знает что такое! Так подводить газету!

Он садится на стул и вытирает пот на лбу.

Минут через десять прибегает запыхавшийся Скважников.

Он взволнован, испуган и бледен от предстоящего разговора.

— Это чорт знает что такое! — говорит ему Востроухов. — Так работать нельзя! *Вы вчера написали, что Лизунов выезжал со скорым поездом.*

— *Да. Мне так сказали на станции! — отвечает Скважников.*

— *Это неправда! Теперь все корреспонденции, особенно тенденциозные, будут вызывать по отношению к нам строгие меры... Вы это понимаете?*

— *Понимаю!*

— *И вы не должны были верить тому, что вам говорят. Надо было проверить сообщение. Мне сейчас секретарь правления сказал, что нами недовольны, и что Лизунов выехал не на скором, а на пассажирском поезде. Понимаете?*

— *Понимаю! Но разве от этого что-нибудь может случиться?*

— *Разумеется! Ваше сообщение признано тенденциозным! Вот в чем дело то! Да кроме того вы написали, что Лизунов выезжал для неизвестных целей. На самом же деле он выезжал с весьма определенными целями...*

— *Не мог же я написать, что он ездил на именины к просвирне. Я не мог. Это несколько предосудительно...*

— *Все равно, а в вашей заметке явная тенденция. Какие-то неизвестные цели.* Садитесь и пишите опровержение!

— В каком же духе?

— Пишите: я буду диктовать... «Сообщение, помещенное во вчерашнем номере нашей газеты относительно надворного советника Лизунова, оказалось, по проверке, вздорным вымыслом...»

— Так и писать?

— Так и писать!.... «вздорным вымыслом. Редакция приняла меры, чтобы на будущий раз подобные сообщения не появлялись в печати и не смущали своею явною тенденциею умы обывателей». Ставьте точку, отнесите в типографию и наберите крупным, цицеро!.. На первую страницу! Вместо передовицы! Пожирнее! Чтобы в глаза бросалось! Побольше экспрессии! Повыразительнее! Чтобы публика и начальство поняли!...

Востроухов стал заговариваться.

Опровержение набирали в типографии жирным шрифтом.

Свой.

КАРАНДАШ И ЦИРКУЛЯР.[1]

(Басня.)

Жил некий Карандаш на свете много лет.
Он популярен был: знавал его поэт,
Редактор, метранпаж, издатель, литератор, —
Будь то умеренный, свободный, консерватор, —
Ну словом — целый свет
Перед его всевластьем преклонялся.
А так как «вольный дух» им строго возбранялся
И с ним борьба взяла не мало сил,
То Карандаш решил
Помощника себе сыскать, надежного служаку,
Не дерзкого, не забияку,
Но человека с умной головой,
Чтоб таковой
Меж строк умел бы видеть смуты,
Чтоб злонамеренные путы
Писак газетных пресекал,
А — главное — чтоб современные он нужды понимал.
Прошло немного дней, —
И у дверей
Цензуры Циркуляр стучится.
Он — ловок, он — умен,
Свободомысльем в меру надушен,
Корректный тон,
На лбу закон,
К Карандашу вошел и даже не садится...
«Я, ваше—ство, известный меценат!
Редактор мне — и сват, и брат!
С писателем — друзья мы,
Читателю не рою ямы...
Могу отечеству я с честью послужить:
Статья у вас имеется такая...
Сто... сто сороковая...
По ней я буду жить,
По ней дела вершить,
И выйдет так, что всякому печатному уроду
Дадим свободу:
Едва назрел вопрос
Я весь к его услугам,
Не буду действовать ни карой, ни испугом,
Держать по ветру буду нос
И только восклицать:
Нельзя писать
«Того-то и того-с!»
Поверьте, ваше-ство, я стану общим другом!»
Тут с дрожью в голосе воскликнул Карандаш:
— Вы — мой, я — ваш!
А в единенье — сила!
Нас разлучит одна могила,
А до тех пор пойдем
Вдвоем!...

---

[1] Не разрешена целиком. *В. Б.*

Мораль сей басни надо пояснить:
С Карандашом трудненько было жить, —
при Циркуляре —
Нам скоро воспретят писать и о пожаре.

ЛИСА-ПОЛИТИК.

(Басня.)

— Ах, Мишенька, клянусь, в тебе есть чувств излишек!
Ведь ты в лесах
Наводишь ужас, смерть и страх
На всех зверишек!
Ты им проходу не даешь,
Оброк безжалостно дерешь;
Спокойствия зверям нет ни большим, ни малым...
Они бегут из наших стран!
Не даром же зовут тебя отсталым:
И говорят: ты — деспот, ты — тиран!
— Ах, Лисанька! По что твои нападки?
Доносят птицы мне, что ты не без греха.
Что с них берешь ты взятки
И что на днях еще стянула петуха?..
— Позвольте, кум! Не знаешь ты подкладки,
И это птичий мир пускает гнусный слух!
Подумай, кум, ведь сей петух
Давно уж вел себя, как злостный агитатор..
Он даже кур (ох, вымолвить боюсь!)
Сзывал вступить в союз!..
Конечно, реформатор
Эквивалент достойный получил!..
За что ж упрек? Я выбилась из сил.
Работаю отменно,
Искореняю зло, порок...
Ох, куманек,
Скажу я откровенно,
Ведь, твой упрек
Меня в смущенье повергает,
Да и при том...
— Кума, да прочий мир болтает,
Что, по ошибке, вместе с петухом
Ты пару кур с цыпленком прихватила
И будто придушила
Их под кустом!..
— Ты, кум, Медведь с душою медвежонка,
Твои суждения — суждения ребенка!
Не захвати я этих кур —
Двух кур
И с ними тощего цыпленка,
Ты поручился бы, чтоб там иль тут
Не развелось бы смут?
Ах, Миша, зло уничтожай умело,
И помни, что в борьбе со злом

Не надо действовать открыто, грубо, смело, —
Зачем тут гласность, крики, шум?
Чтобы вести правленья дело
Потребен тонкий ум!

Чуж-Чуженин.

РОСТОВЩИК.

Чуть-чуть не драма в 2 явлениях.

Действующие лица:

Аз, только что испеченный.
Буки, закваска.
Веди, старый хрен.

Явление первое.

Кабинет. Аз за столом. Буки, стоя.

Аз — (удивленно). Что вы говорите?

Буки — (наклоняясь). Даю слово, что это правда. Я считаю нравственным долгом ознакомить вас, вашинство, с составом лиц вверенного вам, вашинство, учреждения.

Аз — (возмущаясь). И вы говорите, что г-н Веди ростовщик?

Буки. — У меня есть неоспоримые доказательства. Он получает всего 30 руб... а живет... (разводит руками) хорошо.

Аз — (горячась). Ну... я этого у себя не допущу... Позовите ко мне Веди... Я сам с ним поговорю...

Буки. — Только, вашинство... обо мне...

Аз. — Понятно...

Буки. — Слушаюсь... (уходит с радостной улыбкой).

Явление второе.

Через две минуты. Там же. Аз и Веди.

Аз (сидит за письменным столом и пишет что-то).

Веди (робко стоит в дверях. Длинная пауза).

Веди. — Гм... гм... (кашляет).

Аз — (оглянувшись). Кто там? Что надо?

Веди. — Вы, вашинство, изволили звать... Я — старый хрен Веди.

Аз. — А... да... знаю... (строго официально). До меня дошли слухи, что вы, г-н Веди, даете в рост деньги? Это правда?

Веди. — Позвольте сказать...

Аз. — Тут никаких оправданий не может быть! Факт налицо!

Веди. — Я только...

Аз — (горячась). Никаких «только»! Это что такое? В моем учреждении — ростовщики? Я этого не потерплю! Я не допущу такой гадости! Я подобные дела считаю не-чест-ны-ми...

Веди — (дрожа). Вашинство!..

Аз. — Молчать! (Вне себя.) Вы знали, на что вы шли? Эта тайна когда-нибудь да должна была выплыть! И вот я ее узнал. Кроме того, что вы теряете службу — вас можно отдать под суд... Под суд! Как ростовщика!.. Я десяти минут не допущу, чтобы вы находились в моем... в мо...

Веди (плача). Я... я... вашинство... не ростов...

Аз (с оскорбленным достоинством). И слышать ничего не хочу!.. Мне мерзко смотреть на вас...

Веди. — Господи! Да позвольте сказать одно слово... это не ростовщичество. Я только ссужаю своих сослуживцев.

Аз. — Еще того хуже! Так сказать... товарищей?.. Слышите, что я говорю? Я хочу знамя нашего учреждения держать высоко. Я не потерплю...

Веди. — Я беру очень маленький процент.

Аз. — Это все равно. Мой принцип строг. Вор, если он украл миллион или копейку — все равно вор!

Веди. — Я с добрыми целями... Сам я немного наживаю. Больше пропадают. Вон, г-н Буки взяли у меня триста рублей и до сих пор не хотят уплатить ни денег, ни процентов... а я ему дал только из шести годовых.

Аз. — Это не мое дело! Раз ему дали — вы и отвечайте. И так я увольняю Вас... Это знайте! (Берет звонок.)

Веди — (рыдая). На что же я жить-то буду?

Аз — (насмешливо). Давайте деньги под рост!

Веди. — Господи... Да и деньги-то не мои... моей тетки семь тысяч... да моих всего три... Прогоните — тетка для других не даст...

Аз. — Как? Вы имеете в обороте десять тысяч? Ого-го! Да это форменное ростовщичество!

Веди — (плачет). Процентик-то маленький... (падает на колени). Не погубите вашинство... семья... дети...

Аз — (тронут). Ну хорошо... Я слез не люблю... Я человек не злой. Гибели я вашей не хочу... Я люблю только справедливость... *Ну вот что!..*

Веди — (обрадованный поднимается).

Аз. — *Да... (Немного подумав.) Вот что... (Очень, очень скоро.) Принесите мне завтра десять тысяч рублей из шести годовых.*

Веди *(чуть-чуть не умирает).*

Картина десять минут.

Занавес медленно падает.

КАПЛЯ.[1]

ИЗ ПОДСЛУШАННЫХ РАЗГОВОРОВ.

Она.— Что новенького, Иван Александрович?

Он.— Много нового. Вот предвидится коренная реформа женского наряда. Упраздняются все эти воланы, буффы, ротонды, тальмы, юбки, а взамен всего этого вводится в моду трико.

Она.— Что вы! С какой стати?...

Он.— Гм... как бы вам сказать... Вообще обилие складок, обилие тканей... это...

Она.— Ну да все равно. В принципе я ничего не имею против трико. Но как же быть зимой?

Он.— Пока изобретают что-либо соответствующее, женщины зимою будут сидеть дома. Откровенно говоря, там им и место.

Она.— Ну, а еще что новенького?

Он.— Упраздняется второй вход в квартирах.

Она.— Какой? Парадный или черный?

Он.— Еще не решено, но, по всей вероятности, черный.

Она.— О mon Dieu. Как, дворник в грязных сапожищах с вязкой дров или же ведром сору, будет проходить через гостиную, где у меня сидят гости, через кабинет, где работает муж, наконец, через спальню, где я сплю!

Он.— За то он точно будет знать, кто у вас бывает и чем занимается ваш муж, и если у вас совесть чиста, то...

Она.— О-о-о!

Он.— Еще новость — упраздняются проходные дворы.

Она.— Ну это не важно.

---

[1] А. В. Зенгер. *В. Б.*

Он.—Затем образуется комиссия для выработки образца тростей, какой собственно формы, величины и тяжести могут быть таковые. А когда образец будет выработан, то все, носящие трости неустановленного образца, будут подвергаемы административным взысканиям.

Она.—Ха, ха, ха! Ну и шутник же вы, Иван Александрович! А я было думала, что вы все это серьезно говорите!..

О. Н. А.

КОЛИН ДНЕВНИК.[1]

Это было вчера. Мы с мамой пошли гулять. А мама меня спросила:

— Кто за нами идет?

Какой-то мужчина шел в котелке за нами: гулял, должно быть.

Сказал маме. А она отвечала:

— Кто же это? А! Догадываюсь!

Я думаю, она не догадалась, а так говорит.

Когда мы возвращались домой, собака меня задержала. Мамаша ушла вперед. А он остановился и спросил меня:

— Вы из пятого номера?

Я ответил:

— Из пятого!

Он пошел прочь.

Папа сегодня принес что-то, завернутое в желтую бумагу, и сказал маме:

— Спрячь.

Мама была недовольна.

Она села и задумалась. Папа ходил и свистал, заложив руки в карманы.

Мне никогда не позволяют этого делать.

Ночью, когда я спал, пришли какие-то незнакомые знакомые гости.

Раньше они долго звонили и разбудили меня.

Папа на них кричал и гнал вон. Он даже колотил по столу кулаком.

Я подумал:

— Сейчас папа будет драться с гостями!

Когда он их отдует, мы все: я, папа и мама будем танцовать и кричать «ура!».

Однако, гости влезли в печку, вытащили оттуда варенье. Они даже полезли в мою кровать, но у меня варенья не оказалось. И, вообще, на моей постельке ничего не оказалось, так как няня убирает за мной каждый день.

Потом папа стал одеваться и прощаться со мной и с мамой.

Папа, конечно, отправился с незнакомыми гостями к ним в гости.

Мама плакала и папа плакал.

А говорят, что стыдно плакать...

Папа поехал в гости, а я лег спать.

Я люблю поспать...

Сообщил Боб Кин.

---

[1] Вся запрещена. *В. Б.*

В ТИРЕ.

(Фантазия.)

Зоологический сад. Под навесом устроен тир для стрельбы в цель. На прилавке лежат старые, заржавленные ружья и коробка с пистонами. «Тирная» девица зазывает прохожих поупражняться в стрельбе.

Подходит мужчина неопределенного вида с длинными волосами.

— Вы кто такой? — спрашивает девица довольно строго.

— Я — журналист, преследую цели оздоровления общества!

— Что вам угодно?

— Хочу пострелять . . .

— Вот вам ружье!

Девица заряжает ружье и подает журналисту.

— Виноват, вы чем зарядили? — спрашивает он.

— Пистоном сатиры. Он вполне безвреден и не дает ни запаха, ни дыма . . Потрудитесь прицеливаться . . .

— Но я не вижу ни одной мишени . . .

— Вглядитесь попристальнее . . . Вот они стоят . . . там вдали . . .

— Я не вижу их . . .

— Наденьте очки . . .

— И все-таки не вижу . . .

— Наденьте пенснэ . . .

— Теперь я различаю что-то крохотное . . . Я даже как будто вижу китайского болванчика, беспрестанно помахивающего головой.

— Это — известный Суворин, и к китайцам никакого прикосновения не имеет . . .

— Я вижу далее что-то еще мизернее. Круглая голова с открытым ртом и в костюме шута . . .

— Это не шут . . . Это издатель одной большой московской газеты . . . Рот его всегда открыт, ибо он нуждается в субсидии и покровительстве . . .

— Рядом с ним я вижу какое-то пугало . . . Кто это?

— Это — не пугало, это — гражданин . . .

— Так . . . но далее я ничего не вижу . . . Что-то маленькое, скверненькое . . . Нельзя не только прицелиться, но даже разглядеть их контуры . .

— Это потому, что они — неопределенны, бесформенны . . .

— Но мой пистон сатиры не причинит им никакого вреда?

— По всей вероятности, ибо ваши пистоны — совершенно безвредны . . .

— *Нет ли у вас мишени покрупнее?*

— *Как не быть . . . Но вы их не смейте трогать . . .*

— *Но почему же? Почему?*

— *Здесь нужен пистон гораздо сильнее, иначе заряд пропадает даром; а от сильного зарда ружье может испортиться и разорваться и причинит вам вред. . . Стреляйте , . .*

— *Нечего делать . . .*

Журналист прицеливается и нажимает сатирический курок.

Раздается звук, напоминающий чиханье комара . . .

Сеанс кончен, деньги заплачены . . . К тиру подходят разные люди и стараются разглядеть мишени...

Л — в.

ИЗ ЖУРНАЛОВ.

(«Батенька».) [1]

Эскиз г. Сергеева-Ценского, «Вопросы Жизни», № 7.

Г. Сергеев-Ценский немногими, легкими, но меткими штрихами набросал очень интересный тип.

---

[1] Запрещена целиком. *В. Б.*

Батенька — это ротный командир одного из армейских полков, капитан Еремеев, прозванный «Батенькой» за то, что к каждому своему слову прибавлял: «батенька мой».

Еремеев был толст и благодушен, имел сизый круглый нос, широкую лысину и рыжую густую бороду в виде веника из чернобыла.

По вечерам его всегда можно было встретить в собрании, где он или сам играл в карты, или, если не было денег или кредита, помогал другим.

Когда он играл сам, то играл нерешительно и неудачно, долго думал над каждым назначением, ерошил волосы, пыхтел и крякал, а когда оставался без взяток, имея верную игру, то обыкновенно говорил с пафосом, обращаясь ко всем партнерам:

— Есть люди, которым голова нужна только для того, чтобы было на чем носить шапку. Такой и я, батенька!... Иметь в руках четыре пики с тузом, четыре трефы — король, дама, — туза, короля бубен и на простые без взятки, а?! батенька мой!... Козырни я раз, был бы со своими, а я с треф пошел... Ведь это что? А?

И он стучал себе пальцем в лоб с самым безнадежным видом.

Когда он помогал, то был решительным.

— Ну что вам стоит купить, батенька мой, — горячо говорил он тому, кому помогал, — с такой картой пасовать! Стыд и срам целой армии, батенька! Так нельзя... говорите семь пик!

«Батеньку» любили в полку: офицеры за то, что он был прост, как задача из детского задачника, а солдаты за то, что он мало и без сердцов ругался и никого не бил.

На этом собственно и оканчивается характеристика. Далее описывается очень печальная история, в которой пришлось принять участие «батеньке» со своей ротой на основании «правил о порядке призыва войск для содействия гражданским властям». [1]

Но и приведенных г. Сергеевым черточек вполне достаточно. Кому хотя немного знакома мирная полковая жизнь, тому не будет никакого затруднения дорисовать портрет «Батеньки».

Действительно, сам «Батенька» никогда не дерется, но в его роте есть сверхсрочный фельдфебель, который умеет бить солдат артистически и больно, и без всяких наружных знаков или прободения барабанной перепонки. От фельдфебеля не отстают и унтер-офицеры.

Про это «Батенька» знает, но никаких мер не предпринимает, так как убежден, что «без этого нельзя», вконец распустится рота и влетит ему же, «Батеньке».

В хозяйство роты «Батенька» вникает мало. Надоело, да и хозяйственные заботы отвлекают от карт. Поэтому все предоставлено фельдфебелю, артельщику и каптенармусу. «Батенька» наблюдает только, чтобы все было прилично. Чтобы крали, — без этого он сам знает тоже нельзя, каптенармус или артельщик не могут не красть, так уж заведено, и этого не выведешь, — крали, да только в меру. От этого очень выгодно быть каптенармусом в батенькиной роте. Каждый каптенармус, уходя домой со службы, уносит не одну сотню рублей, а «Батенька» постоянно получает замечание, что в его роте заношена мундирная одежда.

По письменной части «Батенька» совсем швах. Все книги, всю переписку самолично и за свой страх ведет ротный писарь, умный и бойкий еврейчик. Хотя начальство запрещает назначать писарей из евреев, но других грамотных людей в роте нет: их забирают в полковую канцелярию и в штабы. Поэтому, приходится нарушать «приказ». В этом случае «Батенька» думает, что бог не выдаст, а высшее начальство не узнает.

Строем «Батенька» занимается мало, особенно зимой. «Словесность» и все прочее поручил он раз навсегда младшим офицерам. Но так как младшие офицеры тоже

---

[1] Примечание для редакции: Автор надеется, что редакция в приведенных в « » словах не усмотрит ничего нецензурного, так как слова эти выписаны из гарнизонного устава (прил. 2-е). К сему автор присовокупляет, что 7 книжка «Вопросов Жизни», в которой напечатан «Батенька», дозволена цензурой 12-го июля 1905 года.

Авт.

не любят заниматься, то все делают начальствующие нижние чины. Впрочем, надо прибавить, что так заведено почти во всех ротах.

Но когда нужно, на смотрах и парадах, в «Батеньке» просыпается старый солдат, это немного спасает самого Еремеева и роту от гнева начальства. Впрочем, последнее время, последние 8—5 лет начальство не то утомилось, не то растерялось. Требований прежних почти не предъявляется, а смотра как будто производятся только для очистки совести.

В конце концов, «Батенька» в полку считается, пожалуй, не хуже других ротных командиров . . .

Все существование «Батеньки» заполнено картами, и только ими одними. Если бы вдруг почему-либо стало невозможным играть в карты, то не для чего было бы жить. Карты, карты и карты . . .

На карты уходит значительная часть жалованья, кроме того приходится трогать «аванс» и даже обращаться за поддержкой к солдатским «денежным письмам».

Картежная игра ведется в тесном полковом кругу. Поэтому игроки могут выигрывать и проигрывать суммы, в несколько раз превышающие их месячное жалованье. Сегодня выигрывает один, завтра эти деньги переходят к другим. Как бы путем постоянных отчислений в полку образовалась карточная сумма, которая перебрасывается от одних игроков к другим. Поэтому карты в полку не могли бы стоить больших денег, если бы не существовали «благоразумные» игроки, которые часть выигрываемых денег откладывают, т.-е. поставили себе целью проигрывать меньше, чем выигрывать. Благоразумие их оплачивается такими страстными игроками, как «Батенька», который, выиграв какую-либо сумму, на другой день спускает ее полностью, да еще прибавляя не малую толику своих денег.

«Батенька» почти ничего не читает и невежественнее не только своих вольноопределяющихся, но и некоторых простых солдат. Пробежит в полковой библиотеке производство в «Инвалиде», посмотрит в «Разведчике» портреты, прочтет, и то не всегда, телеграммы, и с него довольно. Читать остальное не стоит: скучно и непонятно, кроме того «все равно в газетах нет всей правды».

У «Батеньки» есть жена, по-своему неглупая, энергичная и властная женщина. «Батенька» во всем ее слушается кроме карт. Раньше бывали случаи, что она собственноручно извлекала заигравшегося «Батеньку» из полкового собрания. Но это приводило лишь к тому, что «Батенька» начинал играть не в собрании, а на квартире одного из «благоразумных» игроков, что вело к большим проигрышам. Пришлось махнуть рукой...

Таков «Батенька», призванный на пост воспитателя, руководителя и начальника... И таких «Батенек» не мало.

В заключение не можем не привести довольно большую выписку из эскиза г. Сергеева, рисующую очень своеобразно мирную полковую жизнь:

«Лагери были в стороне от большого города, потонувшего в пыльной степной равнине, и жадно вонзившегося в небо тонкими трубами заводов и фабрик.

«Здесь была своя жизнь, далекая от городской, жизнь полная штыков, фельдфебелей, мишеней, маршировок и команд. И при всей необычности этой жизни, и при всей воинственности строевых движений, обстановка лагерей была самая мирная. хозяйственно и прочно всела в землю круглая деревянная ротонда, окруженная кухней, погребом и кладовыми, кокетливо подымалась на площадке ажурная эстрада для музыкантов; около домиков батальонных командиров наивно пестрели цветочные клумбы, обнесенные беленькими гнутыми прутиками, и спокойно и ласково глядели сверху вниз на щетину блестящих штыков высокие тополи и пахучие белые акации»:

Писака.

ИЗ ДНЕВНИКА ИЗДАТЕЛЯ ПОДЦЕНЗУРНОГО ЖУРНАЛА.[1]

Снес. Семь рукописей и двенадцать рисунков. Просил. Обещал.

Волнуюсь.

Задерживает!

Задерживает!!

Задерживает!!!

Ездил объясняться. Фельетон не пропущен. Сказал: — В рукописи семь раз повторяется слово «дурак» и каждый раз беспричинно. Это тенденция.

Предлагаю вычеркнуть «дурака» семь раз. Отвечает: — Тенденциозность увеличится.

Автор в отчаянии — жаль смотреть.

Ездил объясняться. Рисунок, изображающий простой камень с сочной падающей тенью, перечеркнут красными чернилами.

В горести вопрошаю: — За что сие? — Отвечает, хитро улыбаясь: — Знаем мы, для кого этот камень: не проведете!

Не понимаю.

Сатира на разложение нравов не прошла. Говорят уже без улыбки: — Извините, но я отлично понимаю, на чьи нравы вы намекаете!

Но я-то не понимаю! Я!

Виньетка, изображающая круглый голландский сыр и робко обнюхивающую его мышь, — трижды перечеркнута. Гнев и крик:

— Знаю я, что это за сыр! . . Скоро ли вы кончите свои издевательства?

— Г-г-голландский сыр . . . п-простой сыр, — лепечу я робко.

Стучит кулаком и вслед мне кричит:

— Анархисты! . . Дьяволы! . .

Сердце писателя, пронзенное пером и с капающею с него кровью, озаглавил: «Губка школьника Гришки». — Прошло.

Азр.[2]

V.

ОБЪЯСНЕНИЯ ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА ПО ПОВОДУ ЖАЛОБЫ Ю. АРЦЫБУШЕВА.

МИНИСТЕРСТВО

ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

С.-Петербургский

ЦЕНЗУРНЫЙ КОМИТЕТ.

24 сентября 1905 г.

№ 1631.

В Главное Управление по делам печати.

От 19-го минувшего августа за № 9099 Главное Управление по делам печати предложило С.-Петербургскому Цензурному Комитету представить надлежащее объяснение по содержанию жалобы редактора-издателя журнала «Зритель», Ю. К. Арцыбушева, на действия цензирующего этот журнал статского советника Савенкова.

По поводу сего цензирующий представил Комитету следующий доклад:

Первое, что обращает на себя внимание в означенной жалобе, — это ее совершеннейшая голословность и бездоказательность. Так, говоря, что из 80 произведений, представленных цензору, огромное большинство подвергнуто запрещению, хотя они

---

[1] Запрещена целиком. *В. Б.*

[2] А. В. Зенгер. *В. Б.*

по содержанию своему не нарушают цензурных требований, редакция не только не передает содержания и смысла этих произведений, — по крайней мере того, который сама с ним соединяет, но даже и не переименовывает этих произведений, ограничиваясь беглым указанием на 4 — 5 из них и притом все-таки без изложения их содержания и смысла, довольствуясь только квалификацией их литературных качеств или качеств таланта их авторов, что с цензурной точки зрения решительно никакого значения иметь не может.

Что касается рисунков, то жалоба еще голословнее, если только это возможно, ибо здесь она указывает только на два рисунка, при чем редакция весьма развязно отказывается от того объяснительного текста, который сама же она к ним представила для вразумления цензуры в их невинности.

Столь же голословно, бездоказательно и даже беззастенчиво редакция позволяет себе утверждать, что отношение цензуры к журналу препятствует ей придать ему физиономию хотя и оригинального по внешности и содержанию литературно-художественного журнала, отражающего современность, но чуждого всяких политических тенденций. Слово «беззастенчиво» употребляется здесь потому, что эта аттестация журнала и цензуры исходит от редакции, которая для первого № своего журнала, следовательно тогда, когда она еще не подвергалась никакому воздействию цензуры, представила комплект рисунков следующего содержания: 1) Песнь Псковской вольницы. Толпа с дрекольем, где нет ни одной древне-русской физиономии, но многие похожи на теперешних наших агитаторов. 2) Для заглавной буквы 3 отвратительные фигуры смерти с черве- или змееобразным туловищем. 4) Усыпальница царей с вьющейся над ней стаей воронья. 5) Две жандармских ноги, производящих неприятное впечатление самой постановкой. 6) Две фигуры жандармов с гнусным выражением лица. 7) Аляповатое изображение жандарма на коне с подписью «детская игрушка». 8) Карета, мчащаяся по парку с синими спущенными шторами, и один прохожий с сложенными полиции известным образом руками, и 9) Пролетарий-рабочий с саркастически озлобленным лицом.

Принимая во внимание, что жалующийся обязан доказывать основательность своей жалобы, жалоба редакции «Зритель» подлежала бы оставлению без последствий единственно в силу своей полной голословности и бездоказательности. Имея, однако, в виду требования Главного Управления по содержанию ее объяснений, цензирующий поставлен в необходимость представить положительные опровержения ее голословных утверждений. Такими опровержениями могут в достаточной мере служить: 1) Вышеприведенный комплект рисунков, представленный редакцией для первого ее №. 2) Докладная записка Товарища Министра, Заведывающего Полицией, в которой генерал-майор Трепов аттестовал журнал с самой предосудительной в политическом отношении стороны, категорически устанавливает, что журнал преследует революционные цели и подлежит безотлагательному запрещению навсегда. 3) Доклад цензирующего этот журнал, представленный в Комитет по запросу Главного Управления в качестве объяснения по содержанию означенной выше докладной записки Г. Товарища Министра, Заведывающего Полицией. В докладе этом охарактеризован журнал в общих чертах сходно с мнением Г. Товарища Министра. Определена публика, к которой этот журнал обращен и в которой он поставил себе целью поддерживать и подогревать ненавистническое к нашему государству и правительству революционное настроение. В том же докладе изложена и история пятинедельного существования этого журнала, применение к нему цензурной функции и указаны те уловки, к коим редакция прибегала для представления своих рисунков возможно более невинными в глазах цензора и возможно более тенденциозными в глазах публики. В этом докладе, с которым единогласно и во всех его частях согласился Комитет, определенно высказано, что единственно целесообразная борьба с журналом такого рода—это его запрещение; цензура же предварительная бессильна переменить его настроение и направление, и ее запрещения и урезки при неуместно и всегда скверно направленной догадливости той публики, к которой журнал обращен, могут только содействовать ему в миссии, которую он себе поставил. 4) Письмо Г. Вице-Директора Департамента Полиции на имя Г. Начальника Главного Управления по делам печати по поводу впечатления, какое производит на публику помещенная в № 10 виньетка

с 25 силуэтами—виньетка, прошедшая досмотр цензора, всего Комитета и разрешенная к напечатанию Г. Начальником Главного Управления по делам печати, как не содержащая ничего предосудительного и возбудившая сомнение цензора и Комитета не столько сама по себе, сколько по крайней предосудительности общего направления и настроения журнала и по твердому убеждению цензуры, что журнал этот ничего не помещает без задней и всегда цензурно-предосудительной мысли. Эта переписка лишний раз доказывает недостаточность в борьбе с таким журналом самой тщательной и строгой цензуры, предварительной, которая, всегда руководясь духом и буквой устава, и ограниченностью своей далеко не дискреционной власти запрещения, всегда будет считать себя вынужденной разрешить то, на запрещение чего не представляется ясных и объективных оснований, между тем как в отношении такого журнала должен быть принят обратный принцип: не разрешать ничего, что не представляется ясно и объективно политически благонамеренным. 5) 8 докладов цензирующего этот журнал, дающих общую характеристику материала, подлежащего запрещению, и основания такого запрещения, в числе их есть и доклад, в коем специально говорится о «2-х снах» Соллогуба и о статье «Новый пророк», т.-е. тех произведениях, на кои в жалобе голословно ссылается редакция как на безусловно невинные. Что же касается двух других, на которые редакция указывает, а именно «На 12 футовом рейде» и стихотворение «Кузнец», то первая не представляет отнюдь рецензии в литературно-художественном отношении, а берет только факт, описанный в произведении, который и дает журналу возможность, прикрываясь чужими словами, выставить карантинные действия правительственой власти в качестве столь же бессмысленных, сколько и возмутительных по своей произвольности и тягостности. Это произведение, независимо от его существа, подлежит запрещению по формальным основаниям, как обсуждающее, хотя и чужими словами события и проводящее известную политическую тенденцию, что составляет нарушение пределов разрешенной журналу программы. Что же касается до стихотворения «Кузнец», то оно вполне революционное по настроению и выражениям. Оно сильнее многих из тех стихотворений Тана, которые даже в бесцензурном издании послужили основанием к возбуждению вопроса о недопустимости их распространения путем печати. Во всяком случае, как имеющее несомненно яркую политическую тенденцию, ни для кого неоспоримую, оно, помимо предосудительности этой тенденции, подлежит запрещению по формальному основанию, как выходящее за пределы программы, журналу разрешенной. 6) Факт запрещения всего состава упоминаемых в жалобе произведений целым Комитетом единогласно и лишь в двух-трех случаях большинством оного и притом подавляющим. Для того, кто знает разнообразие цензорских взглядов и приемов цензирования, этот факт имеет неоспоримую убедительность, особливо если принять во внимание, что в данном случае доверие к докладывающему цензору не играло никакой роли, так как им самим, как это видно из его докладов, было сделано все, что нужно, дабы суждения Комитета основывались на непосредственном знакомстве, а не на знакомстве с материалом в пересказе или в произвольных цитатах цензора. Дело в том, что все эти произведения небольшие: странички в две или три, многие же содержат только несколько строк. Огромное большинство их символическое, ни одно не имеет развитой фабулы; большинство не представляет собой определенно развитой и формулированной мысли: всё это образы и выражения настроений, и все они обращены не столько к мысли, сколько к настроению читающего; весь смысл их в символах, в эпитетах, в недосказанности, в игре слов, в многоточиях, междометиях и восклицаниях. Такие произведения в пересказе цензора имели бы объем отнюдь не меньше того, который они имеют в оригинале, и притом в таком пересказе необходимо утратили бы свои характеристические черты или приобрели бы те, коих в них не было. В виду сего цензирующий докладывал их in extenso, и запрещение их есть результат непосредственного знакомства с ними. Впечатление же, выносимое от знакомства с ними при общности его целого состава 10 — 12 лиц, не может быть заподозрено в субъективности.

Затем, что касается до оснований, коими руководился цензирующий, представляя их к запрещению, а Комитет запрещая их, то общих оснований сих два. Одно формальное, а именно несоответствие их программе журнала, который должен быть

чужд всякой политической тенденции и никоим образом не может присвоять себе значение органа политической сатиры, а тем более издевательства, и 2) Предосудительная политическая тенденция, принимающая во многих из них прямо революционную окраску. Затем лишь 2 или же одно из произведений запрещены по резкому, оскорбляющему общественную нравственность, представлению сцен уличной проституции. Нельзя умолчать при этом про один из приемов журнала выражать свою гнусную политическую тенденцию, как то было замечено и Товарищем Министра, заведывающим полицией, по отношению статьи «Кошмар», заключающейся в нападках на автора или издателя или сотрудников журнала, держащихся иного политического направления. В этом случае Комитет, за исключением первого №, держался системы строгого разграничения нападок и злословия лично по отношению автора от нападок на политическое его знамя или тенденцию, которая по своей патриотичности и соответствию с исконными началами нашей государственности возбуждала неудержимое ненавистничество журнала «Зритель». Первые разрешались, вторые запрещались, ибо нападки эти были — прикровенные нападки на наш государственный строй, что и по формальным основаниям и по существу делало эти произведения запретными.

Обращаясь затем к просительной части жалобы, а именно пересмотру Главным Управлением всего запрещенного за время существования журнала материала как текста, так и рисунков, то цензирующий, конечно, не находит никаких возражений к исполнению этой просьбы, но не может не заметить, что ни самый журнал по своему предосудительному политическому направлению, ни жалоба редакции по своей совершеннейшей бездоказательности не могут никоим образом мотивировать исполнение этой просьбы, долженствующей отнять у Главного Управления много рабочего времени. Основанием же к исполнению этой просьбы может служить только собственное желание Главного Управления ознакомиться непосредственно с духом и приемами этого журнала, видимыми во всей их полноте только в том материале, который был воспрещен цензурой, и это для решения вопроса: запретить ли журнал, как о том ходатайствовал Г. Товарищ Министра и представлял с своей стороны и Комитет, или оставить его бороться с предварительной цензурой, бессильною вытравить его направление и еще более бессильною уничтожить вредное его влияние на публику, настроенную с ним в унисон и охотно дополняющую при содействии разносчиков все недосказы редакции даже лучше, чем она сама могла бы сделать это. Насколько журналу не страшны цензурные исключения и насколько сильна уверенность редакции в готовности публики употребить свою догадливость на пользу журнала и в его духе, легко видеть из того, что журнал в «Неделе Зрителя» поместил только список отбывших из Петербурга и прибывших в этот город особ, между тем как цензура решительно ничего не запрещала в этом отделе. Неделя эта не дала достаточно материала для этого отдела в духе журнала, не было достаточно политических убийств и беспорядков, и вот редакция печатает список прибывших и выбывших, а публика старается угадать, какова была та хроника событий, которую якобы по цензурным причинам журнал не мог поместить, хотя таковой в действительности и представлено не было. Характерно тоже со стороны этого журнала, что для виньетки к заголовку этого отдела, содержание коего в то время Комитету еще не было известно, был представлен саркофаг с играющими на нем двумя чертями и с надписью «Requiescat in pace». Можно представить себе восторг нашей политически развращенной интеллигентной публики, если бы рисунок этот не был предусмотрительно запрещен Комитетом и под этот саркофаг оказалась втиснутой такая масса высокопоставленных лиц!

В заключение цензирующий позволяет себе еще раз высказать, что журнал такого рода подлежит прямо запрещению, тем более, что, по глубокому убеждению цензирующего, журнал этот вовсе не имеет сам себя и свое развитие целью, а есть только средство политической агитации в самом предосудительном, чтобы не сказать более, смысле. Новый закон устанавливает совершенно правильный принцип, что за направление ответственна не цензура, а сам журнал, и законом сим можно пользоваться, не опасаясь уронить значение цензуры, которая, как видно из сего закона, самим законодателем признается бессильною бороться с вредным направлением, упорно и последовательно проводимым органом повременной печати.

С.-Петербургский Цензурный Комитет находит и с своей стороны, что борьба с явно агитационным направлением журнала «Зритель», редакция коего прибегает к таким мерам, как тенденциозное разъяснение входящего в него материала публике посредством разносчиков на улицах, возможна только путем прекращения выхода журнала.

Об изложенном Комитет имеет честь представить на усмотрение Главного Управления по делам печати, с возвращением приложений.

Председательствующий,
Член Совета Главного Управления
по делам печати *Л. Катенин.*

За Секретаря *Гр. Головин.*

VI.

РАПОРТ МИНИСТРА БУЛЫГИНА О ЗАПРЕЩЕНИИ «ЗРИТЕЛЯ».

В Правительствующий Сенат.
Министра Внутренних Дел

РАПОРТ.

С июня месяца текущего года в С.-Петербурге стал выходить в свет, под предварительной цензурой, еженедельный журнал «Зритель», издаваемый и редактируемый дворянином Юрием Константиновичем Арцыбушевым.

Утвержденная для этого журнала программа, заключающая в себе 4 отдела: 1) литературный, 2) художественный, 3) хронику, без обсуждений событий и 4) объявления, давала основание предполагать, что названное издание будет преследовать цели главным образом, если не исключительно, литературно-художественные. Между тем, с выходом в свет первых же номеров журнала стало ясно, что он желает быть органом юмористическим, с содержанием на темы исключительно почти политического характера, при чем задается целями антиправительственной пропаганды и развития в обществе революционного настроения.

С указанным направлением журнала вступила в борьбу цензура, подвергая запрещению значительное количество статей и рисунков. В ответ на это редакция стала прибегать к системе недомолвок, намеков, к аллегории и символистике, стараясь таким способом скрыть от цензуры истинный смысл той или иной статьи, или значение рисунка. Так, цензурою был запрещен весь комплект представленных рисунков и значительное количество текста, предназначавшихся к помещению в первом нумере «Зрителя». Но и в таком виде, в каком этот номер выпущен в свет, в нем оказались рисунки и статьи тенденциозного содержания, запретить которые цензура не имела возможности, в виду отсутствия для сего соответствующих оснований в законе. Таков, например, рисунок человека в темнице, смотрящего из окна на занимающуюся красную зарю, или рисунок паука с человеческой головой, захватывающего в свою паутину все окружающее, — повторение тех мотивов, которые обыкновенно можно встретить в революционных изданиях изобразительного характера.

В первой статье того же номера, под заглавием «Она прозрела», говорится о какой-то слепой и немой, которая стала видеть и говорить после того, как поводыри завели ее в лес и там покинули.

Во 2-м нумере, на первой странице, изображен связанный человек, в бессильной ярости, судя по выражению его лица, поднимающий кулак. На представленном в цензуру оригинале этого рисунка была надпись: «Пойманный конокрад. Мир изловил»; на рисунке в журнале редакция не сочла нужным сохранить эту подпись, предоставляя читателям самим объяснять значение рисунка.

Помещенный в том же нумере рассказ «Старое предание», полный всяких намеков, оканчивается следующими строками, с недосказанной в них мыслью: «На другой день эшафот (на котором были казнены два лица) убрали, но не надолго. Замок сюзерена виден и теперь на одной из высоких гор страны» (стр. 5). В тексте этого рассказа помещен рисунок, с подписью «Аббат входит в тюрьму», при чем лицо и фигура изображенного аббата очень напоминает известного, лишенного священного сана, Гапона.

В нумере 3-м (стр. 9) помещен рисунок с изображением беспорядочно лежащих, повидимому на улице, человеческих тел. На представленном в цензуру оригинале этого рисунка была подпись «Этюд спящих», почему-то опущенная редакцией в журнале, а без этой подписи лежащие фигуры скорее могут быть приняты за трупы убитых, чем за тела спящих.

В том же нумере, в рассказе «Перед зарей» (стр. 4), один брат, успокаивая другого, умирающего брата, говорит ему: «Заря будет. Скоро будет. Ее увидят живые и сильные. Заря придет... Она близка... Она зовет нас. Я иду к ней навстречу...». И тут же помещен рисунок, изображающий человека, сидящего за столом и занимающегося какими-то химическими опытами, или приготовлениями.

В № 5-м, перед юмористическим отделом «Новые вести об эскадре» (стр. 5), изображен матрос на костылях, с оторванной ногой. На стр. 8-й помещен тенденциозный рисунок «Ночные тени».

В № 6-м (стр. 3), после заявления редакции о том, что означенный нумер «не мог своевременно выйти в свет по «независящим от нее обстоятельствам» (т.-е., очевидно, был задержан цензурою), помещено стихотворение, в котором превозносится борьба, как «бездонный океан, где тонет мрак бессилья» как «предвестник светлых дней, горнило обновленья», и заявляется, что «борьба и право — жизнь людей — единой цепи звенья».

На стр. 4-й передается следующий, двухсмысленного характера, разговор «Между приятелями»:

— Что новенького?

— Брошена...

— Я тебя спрашиваю: что новенького?

В № 10-м (стр. 8—9) помещены 25 довольно грубо сделанных силуэтов, комментирующихся публикой как карикатуры на некоторых высших правительственных лиц. На 9-й же странице этого номера изображена стоящая под окном какого-то здания худая, с облезшей шерстью собака, в просительно-выжидательной позе; перед собакой лежит голая кость. Что хотел выразить этим, казалось бы безобидным рисунком его автор — неизвестно; но, среди публики, в огромном количестве раскупающей 10-й нумер «Зрителя», циркулирует вполне определенное объяснение этого рисунка в том смысле, что стоящая под окном, худая, голодная собака — это русское общество, ожидающее от правительства поддержки в современном тяжелом положении и получающее от него лишь голую кость — Государственную Думу.

В № 16 (стр. 6) помещено стихотворение под заглавием «Начало и конец»: по прямому своему смыслу это произведение не давало цензуре никакого повода к его запрещению; между тем в действительности в нем, если прочитать первое и последнее слово, заключается глумление над известными высочайшими резолюциями—«прочел с удовольствием».

№ 17-й был задержан выпуском в свет, между прочим, в виду следующих обстоятельств.

Редакцией разновременно были представлены в цензуру и разрешены последнею отдельные рисунки: 1) здание Таврического Дворца с подписью «Таврический Дворец, предназначенный для Государственной Думы», 2) китайца с подписью «бой» и 3) кота. При верстке номера, редакция комбинировала эти рисунки и подписи под ними таким образом, что получилось выражение: «бойкот Государственной Думе».

Весьма тенденциозным характером, с которым цензура, оставаясь на почве закона, также не имеет возможности вести успешную борьбу, отличается в журнале «Зритель» и отдел хроники.

Обозревая события, имевшие место за ту или другую неделю, и оставаясь верной своим принципам, редакция доводит до сведения читателей лишь такие факты и сообщения, которые способны возбудить в них тревогу и недовольство существующим

порядком, или же вызвать недоверие и даже презрение в отношении к правительству. Сведения о всякого рода беспорядках, забастовках, политических убийствах и т. п. — вот материал, который редакция по преимуществу сосредоточивает в «Неделе Зрителя». Правда, вследствие указаний цензуры на тенденциозность такой группировки, в хронике стали появляться правительственные сообщения и разные другие сведения, заимствуемые большею частью из официальных источников. Но, чтобы судить об истинной цели помещения редакцией таких сообщений, достаточно привести содержание хотя бы некоторых из них.

Так, в «Неделе Зрителя» от 7 июня читаем: «В Ведомостях СПБ. Градоначальства» опубликовано обязательное постановление по устройству и содержанию гусачных и кишечных заведений в городе С.-Петербурге».

«Сего же числа, на площадке Г. Градоначальник у своей приемной роздал часть серебряных медалей с надписью «за усердие», для ношения на груди на Анненской и Станиславской лентах, всемилостивейше пожалованных старшим дворникам домов С.-Петербурга. Поздравив награжденных дворников с монаршею милостью, Г. Градоначальник благодарил их за примерную службу и пожелал успеха в дальнейшей службе и жизни. Осчастливленные добрым вниманием Г. Градоначальника, дворники разошлись по своим домам» (стр. 12).

При обозрении событий за 14 июня сего года, внимание редакции остановилось почему-то на приказании по войскам Виленского военного округа за № 184, при коем «объявлено описание и чертеж ящика для сушки солдатских портянок, которые рекомендуется командующим войсками завести в казармах всех частей войск округа», а также на приказах СПБ. Градоначальника, в коих «объявляется благодарность околоточному надзирателю 2 роты С.-Петербургской столичной полиции Ребро, за задержание неблагонадежного лица, и дворнику дома № 15 по Кожевенной линии Александру Фомину, за энергичное содействие к задержанию лиц, производивших беспорядок, которому и назначается в награду пять рублей» (№ 4, стр. 13).

В № 9 «Неделя Зрителя» начинается таким сообщением: «В № 161 «Прав. Вестн.» напечатано следующее объявление: «Восточные пилюли» (Pilules orientales) развивают, укрепляют и восстанавливают бюст, сглаживают выпуклости костей на груди и плечах, заполняя углубления, происходящие от худобы, и придают грациозную полноту бюсту» (стр. 11).

Обзор внутренних событий общественной жизни в № 10 начинается с сообщения о том, что в собрании узаконений и распоряжений правительства напечатано: «О ношении знака отличия беспорочной службы как при мундире и виц-мундире, так равно и при сюртуке» (стр. 11). Отмечается также напечатанное в собрании узаконений и распоряжений правительства сообщение «Об установлении козырька нового образца в фуражке нижних чинов» (стр. 12).

«Неделя Зрителя» в № 12-м начинается сообщением о том, что в «Вед. СПБ. Град.» напечатан следующий приказ С.-Петербургского Градоначальника:

«Государь Император, по всеподданнейшему докладу Министра Внутренних Дел, в 5-й день сего августа, Высочайше соизволил на принятие Их Императорскими Высочествами Великими Князьями Алексеем Александровичем и Александром Михайловичем званий почетных членов состоящего под Августейшим покровительством Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича российского автомобильного Общества» (стр. 11).

Далее сообщается: «В собрании узаконений и распоряжений правительства напечатано: «О присвоении кадетам дворянских кадетских школ поясных ремней, с медною бляхою, с орлом и лучеобразным сиянием» (стр. 12).

В «Неделе Зрителя» № 13 отдел «Внутренние События» открывается сообщением о том, что в № 186 «Правит. Вестника», в отделе объявлений, напечатано: «Рубиноль — новые, жидкие румяна придают коже свежий цвет молодости, не изменяющийся даже при сильном потении» (стр. 13).

В № 190 «Прав. Вестн.» редакцию «Зрителя» заинтересовало исключительно помещенное там объявление о том, что «прописываемые гг. врачами анузолевые суппозитории против гемороя, пробилиновые пилюли при желчно-каменной болезни уже неоднократно доказывали свое хорошее действие» («Зритель», № 14, стр. 12).

В «Неделе Зрителя» № 16-го, между прочим, сообщается: «Св. Синод определил, что жены священников и церковнослужителей не могут получать свидетельств на торговые и промышленные предприятия. «Церк. Вед.».

«В приказе по Туркестанскому Краю, 3 сентября 1905 года, № 236 напечатано: И. д. фельдшерицы-акушерки Беловодского участка, Семиреченской области, Широбрюховой, по представлению окружного военно-медицинского инспектора, разрешается продолжить еще отпуск на один месяц, с сохранением содержания, для лечения болезни».

«Прав. Вести.» сообщает, что общая длина всех железных дорог земного шара к концу 1903 года составляла 859 355 килом.» (стр. 13).

«Военный совет, рассмотрев представление главного штаба о вознаграждении некоторых частных лиц, находившихся в Порт-Артуре и оказавших услуги обороне крепости, журналом 28 июля сего года положил: «Выдать каждой женщине, привлекавшейся во время осады Порт-Артура к стирке белья, вознаграждение по 40 рублей. Означенный расход отнести на военный фонд» (стр. 14).

Вышеизложенное уже в достаточной степени обрисовывает основной характер рассматриваемого журнала.

При современном возбужденном настроении умов, общество, даже в ничего не значащих выражениях и рисунках «Зрителя», готово искать и находить то, что отвечает его болезненным политическим стремлениям. Знакомясь с общим направлением этого журнала, публика стремится дополнить своим воображением то, что, по ее предположениям, исключено цензурою. С ведома или без ведома редакции, продавцы газет, предлагая на улицах номера журнала «Зритель», поясняют публике значение тенденциозных рисунков этого издания и тем способствуют их распространению.

При таких условиях основное, программное, содержание журнала отступает на задний план: с ним не считается редакция журнала, им не интересуются и его читатели. Первая всевозможными намеками и аллегориями систематически старается возбудить общественное настроение в революционном духе; последние только для того и приобретают номера журнала, чтобы знакомиться по ним с новыми и новыми непозволительными выходками, прочно зарекомендовавшей себя с этой стороны, редакции.

Характеристика рассматриваемого журнала была бы, однако, не полна, и оценка его одностороння, если бы при суждениях об этом издании основываться только на профильтрованном цензурою материале вышедших в свет номеров его. Этот материал может служить показателем лишь того, что журналу удалось высказать, при надзоре за ним со стороны цензуры; но для того, чтобы определить истинные цели и стремления подцензурного органа, его, так сказать, animus, — необходимо знать и то, что хотел бы сказать этот орган своим читателям, если бы он не был стеснен рамками цензурных ограничений.

В этом отношении богатый материал представляют прилагаемые при сем многочисленные статьи и рисунки, которым, благодаря цензурному запрету, не удалось попасть на страницы «Зрителя». Из этого материала с полною очевидностью обнаруживается, что рассматриваемое издание, опираясь на вредное политическое настроение известной части публики и подогревая его, усиленно старается выставить действия правительства и его органов, а равно всех сочувствующих ему общественных элементов, в гнусном или смешном свете, призывая в то же время, во имя человеческой гордости, достоинства и свободолюбия, к разрыву всех уз долга, к беспощадному разгулу устоев государственного строя и к оплеванию всего, что составляет политическую и церковную святыню русского народа. Во всем звучит в журнале нота презрения к государственной власти, указывается несостоятельность ее в борьбе с охватившим общество движением, близость крушения всех основ современного государственного строя и исчезновения, в лучах восходящего солнца свободы, царившего доселе политического мрака, со всеми чудовищами, им порожденными. Как журнал революционного направления, «Зритель» проявляет особенное ненавистничество к военным, как охранителям внутренней и внешней безопасности, и ко всем представителям власти, призванным к поддержанию порядка. «Зритель» восстает также против состоятель-

ных классов и выставляет рабочих как элемент эксплуатируемый и доводимый до отчаяния и непримиримого озлобления против эксплуататоров. Верный себе, он против Государственной Думы. По поводу заключения мира с Японией журнал не скупится на самые злые выходки против правительства и на каждое мероприятие власти стремится отозваться сарказмом и глумлением, или призывом, в символической форме, к настроению ненавистническому и разрушительному.

Дерзость журнала доходит до того, что он не стесняется избрать предметом своего гаерства и глумления даже Священную Особу Государя Императора (в статье «Разве могло быть иначе»).

К изложенному необходимо присовокупить, что Товарищ Министра Внутренних Дел, Заведывающий Полицией, в записке на имя Министра Внутренних Дел также охарактеризовал журнал «Зритель» как издание, преследующее цели антиправительственной пропаганды и развития в обществе революционного настроения и, в видах охранения общественного порядка и спокойствия, высказался за необходимость совершенного прекращения названного журнала.

Таким образом, положение вещей получается такое: с одной стороны, цензура, обязанная мотивировать свои запрещения определенными, в законе указанными, основаниями, и, не имея права читать между строк, оказывается не в состоянии, не нарушая закона, успешно бороться с вредными тенденциями журнала «Зритель»; с другой — вполне определившееся революционное направление этого издания не может быть долее терпимо, с точки зрения общественного порядка и спокойствия.

Признавая, при таких условиях, единственным средством ограждения общества от вредного влияния рассматриваемого журнала только совершенное его прекращение, Министр Внутренних Дел, на основании Высочайше утвержденного 23 мая сего года мнения Государственного Совета, имеет честь представить об этом Правительствующему Сенату.

При сем прилагаются №№ 1 — 17 журнала «Зритель» и запрещенные цензурою для этого журнала статьи (158) и рисунки (74).

Подпись: Министр Внутренних Дел, Гофмейстер Булыгин.

Скрепил: Правитель Дел Главного Управления по делам печати,
Член Совета (фамилия неразборчива).

№ 11430.

12 октября 1905 года.

О прекращении издающегося в С.-Петербурге, под предварительною цензурою, журнала «Зритель».

По Главному Управлению по делам печати.

VII.

РЕШЕНИЕ СЕНАТА ПО ДЕЛУ «ЗРИТЕЛЯ». [1]

Копия с копии.

Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Правительствующего Сената.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЕ.

По Указу Его Императорского Величества, Правительствующий Сенат в судебном заседании слушал: кассационную жалобу на приговор С.-Петербургской Судебной Палаты защитника подсудимого Юрия Арцыбушева по обвинению его по ст. 103

[1] Резолюция по сему делу состоялась в 4 Отделении Уголовного Кассационного Департамента Правительствующего Сената марта 9 дня 1907 года.

ч. 2 и 128 Угол. Улож.—Приговором Особого Присутствия С.-Петербургской Судебной Палаты от 12-го декабря 1906 г. редактор-издатель иллюстрированного сатирического журнала «Зритель» Юрий Арцыбушев признан виновным в предъявленном к нему обвинении по ч. 2 ст. 103 и ст. 128 Угол. Уложения и присужден к заключению в крепости на два с половиною года. Защитник подсудимого Арцыбушева, присяжный поверенный Гольштейн, ходатайствуя в принесенной кассационной жалобе об отмене означенного приговора, указывает, между прочим, на то, что в установленных Палатою деяниях Арцыбушева не заключается состава преступлений, за которые он осужден. Выслушав заключение товарища обер-прокурора и обсудив кассационную жалобу, Правительствующий Сенат находит: 1) в постановленном на свое разрешение вопросе о виновности Палата изложила пять предметов обвинения соответственно пяти отдельным статьям, напечатанным в номерах 23 и 24 журнала «Зритель», при чем Палата признала Арцыбушева невиновным по 1 и 5 пунктам и виновным по 2, 3 и 4, каковыми пунктами обозначены заглавия статей во 2-м «Золотая блоха» (в № 23), в 3-м «Письмо в редакцию» и 4-м «Царский Манифест» (№ 24 Зрителя); 2) в первых двух пунктах (2 и 3) приводятся из статей несколько выражений, оскорбительных для «Золотой блохи» и язвительных насмешек в отношении маленького корейца Николая Романова, но в этих пунктах вопроса не приведено из подлинных статей никаких выражений, из содержания которых было бы очевидно, что «Золотая блоха» и «Маленький Кореец» прямо, условно или описательно, имели какое-либо отношение к Особе Царствующего Императора.

Относимость эта никакими выписками из подлинных фактических выражений этих двух произведений (сказка о «Золотой блохе» и «Письмо в редакцию») не устанавливается в вопросе, а потому решительно неизвестно, кого именно автор статей изображает под золотой блохой и маленьким корейцем, а предположения и догадки могут быть в высшей степени разнообразны; 3) относимость эта в изложении сих пунктов вопроса, не опираясь на какой-либо фактический материал из подлинных статей, предрешается, однако, прибавкой в означенных пунктах описания законного определения состава преступления, предусмотренного ст. 103 ч. 2 в нарушении ст.ст. 751 и 760 У.У.С. Относимость эта не установлена на основании точно указанного содержания статей, упомянутых в 2-м и 3-м пунктах вопроса и в приговоре Палаты; 4) в пункте 4 вопроса приводится только изречение «Царский манифест для известных мест», без всяких фактических указаний, заключающихся в этом изречении и определяющих умышленность и бесспорное указание на то, что выражение «для известных мест» следует понимать непременно в оскорбительном значении, а не в каком-нибудь другом смысле, например в смысле известного пространства территории.—Независимо от сего в этом пункте вопроса не указано фактических данных содержания изречения для определения того, заключает ли это изречение дерзкое неуважение к Верховной Власти, или порицание образа правления, так как то и другое предусмотрено в ст. 128 Угол. Улож. Буквальное содержание изречения, приведенного в 4 пункте вопроса, не дает никакого основания для усмотрения в нем признака какого-либо преступления; 5) изложенное во 2-м и 3-м пунктах вопроса о виновности Арцыбушева фактическое содержание в его журнале статей не устанавливает относимости этого содержания к Особе Государя Императора, а в 4-м пункте того же вопроса—дерзкого неуважения к Верховной Власти или порицания образа правления, т.-е. состава ст.ст. 103 и 126 2 Угол. Улож.—По всем вышеизложенным соображениям, Правительствующий Сенат, не входя в рассмотрение прочих указаний кассационной жалобы, ОПРЕДЕЛЯЕТ: приговор С.-Петербургской Судебной Палаты о Юрии Арцыбушеве, на основании ст. I Угол. Улож. и ст. 1 У. У. С. и все предшествующее производство отменить.—Мая 21-го дня 1907 года.—Подлинный подписал И. о. Обер-Секретаря (подпись).

Скрепил за Помощника Обер-Секретаря (подпись).

Верно: за Секретаря С.П.Б. Суд. Палаты В. Чичинадзе, с подлинным сверял за Помощника Секретаря (фамилия неразборчива).

С подлинным верно
За Старшего Инспектора типографий *Н. Тиханович.*

Настоящая копия Указа Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената выдана Юрию Константиновичу Арцыбушеву, по личной его просьбе, что подписями с приложением казенной печати удостоверяем.

Подписали: за Секретаря В. Чичинадзе и за Помощника его (фамилия неразборчива).

(Место печати
СПБ. Судебн.
Палаты.)

С подлинным верно:

Старший Инспектор типографий (подпись неразборчива).

VIII.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

О ПОТОМСТВЕННОМ ДВОРЯНИНЕ НИКОЛАЕ ГЕОРГИЕВИЧЕ ШЕБУЕВЕ.

13-го ноября 1905 года, в городе С.-Петербурге, был выпущен в свет первый номер иллюстрированного сатирического журнала под заглавием «Пулемет», изданный потомственным дворянином Николаем Георгиевичем Шебуевым, который, как это значилось на первой странице журнала, — являлся вместе с тем и составителем всего текста означенного номера.

В журнале этом оказалась помещенною статья под заглавием «Сказка о весне», в которой автор, описывая в аллегорической форме страну, находящуюся под властью православного Царя, изобразил последовательные чувства, мысли и действия Царя в отношении своего царства и своих подданных. По смыслу этой сказки, вся страна, застигнутая зимней порой, была скована морозом, а Царь, глядя на это, искренно радовался и опасался лишь одного, «как бы зима не сменилась весной», признаки которой уже появились в его владениях. Но грустную царскую думу рассеяли два «действительных тайных советничка Донос Иванович и Недонос Пантелеевич, которые, выслушав волю Царя о том, чтобы «весны вовсе не было», послали гонцов во все стороны с приказом губернаторам «не пускать весны из заморских стран», а для этого прибегать к разным строгостям и рубить головы всем тем, кто осмелится сказать, что весна приближается. Тем временем, Царю приснился седой старичок, который обратился к нему со следующими словами: «Ты хотел все делать по доброму, а вышло не по хорошему. Из окна твоего, из косящата, тебе крыши видны лишь да маковки. А что там под ними деется, невдомек тебе, Православный Царь. Не видать тебе из окошечка ни больших дорог, ни проселочных. Не видать тебе как седой мороз, словно камнем, их трупами выложил. Не видать тебе, как природа вся истомилася, исстрадалася, поджидаючи «Весну Красную». Проснувшись, Царь позвал Доноса Ивановича и Недоноса Пантелеевича и распорядился, чтобы все встречали весну «с хлебом-солью, с песнью-пляскою», но те возразили, что сделать этого невозможно, так как ими уже разосланы «циркулярики-соколики» о том, чтобы весну сковать и в тюрьму ввергнуть, вследствие чего от весны, вероятно, ничего не осталось и вся она «издергана-измолочена». Тем не менее, Царь сказал, что он хочет весны и чтобы ему дали весну «хоть куцую». И куцая весна была подана, «с военными положениями, да с погромами еврейскими, да с погаными казаченками, да и с тою ли черной сотнею. И по всей земле стоном стон пошел».

Сверх того в том же номере журнала на последней странице оказался напечатанным полный текст Высочайшего Манифеста от 17-го октября 1905 года,—а на тексте был воспроизведен красной краской рисунок, изображающий отпечаток окровавленной ладони, внизу же текста Манифеста имелась надпись: «К сему листу Свиты Его Величества Генерал-майор Трепов руку приложил».

Наконец, в означенном номере была помещена статья, озаглавленная «О марсельезе», в которой автор Шебуев говорил, что свобода слова выразилась сначала в пении песни рабочей марсельезы, начинающейся словами: «Вставай, подымайся, рабочий народ. Иди на врагов люд голодный...», но что затем эта песня была заменена крестьянской марсельезой, которую теперь и поют 24 губернии, охваченные аграрными беспорядками. При этом автор статьи, перефразируя вышеприведенные слова песни, заканчивал статью тем, что звуки крестьянской марсельезы: «Вставай, подымайся, крестьянский народ, иди на господ, люд голодный...», — заглушат рабочую марсельезу.

Упомянутый журнал «Пулемет» был напечатан в типографии товарищества «Труд», откуда все экземпляры номеров, в количестве 9 488, были выданы частью самому Шебуеву, а частью, по его распоряжению, были распроданы и переданы разным другим лицам, занимающимся продажею газет и журналов. В самой же типографии не осталось ни одного номера, точно так же как не оказалось ни одного номера и на квартире у Шебуева во время производства там обыска 13-го того же Ноября.

Привлеченный к возникшему предварительному следствию в качестве обвиняемого, Николай Георгиевич Шебуев, не признавая себя виновным, объяснил, что упомянутый номер журнала «Пулемет» был действительно составлен и распространен им, обвиняемым, но, составляя вышеприведенные статьи и рисунок, он вовсе не имел намерение оскорбить Государя Императора или оказать дерзостное неуважение Верховной Власти или, наконец, возбудить вражду в одной части населения против другой. При напечатании «Сказки о весне» и текста Манифеста с изображением окровавленной руки он, Шебуев, имел в виду показать наглядно, как лучшие пожелания и веления Государя искажаются исполнителями этих велений и, в частности, генералом Треповым, в статье же под заглавием «О марсельезе» он, обвиняемый, выразил лишь ту мысль, что аграрные волнения являются гораздо более серьезными, чем рабочее движение, и что эти волнения могут превзойти всякие ожидания,—при чем для фигуральности выражения этой мысли прибег к перефразировке рабочей марсельезы.

На основании изложенного, потомственный дворянин Николай Георгиевич Шебуев, 31 года, обвиняется в том, что 13 Ноября 1905 года, в городе С.-Петербурге, распространил составленный и изданный им печатным способом первый номер иллюстрированного журнала под названием «Пулемет», в котором:

1. С целью возбудить неуважение к Особе Государя Императора, ныне царствующего, поместил статью под заглавием «Сказка о весне», в каковой статье дозволил себе, в форме дерзкой и язвительной насмешки, отозваться о личных действиях его Императорского Величества оскорбительным для достоинства Государя Императора образом.

2. Поместил на последней странице полный текст высочайшего Манифеста от 17-го октября 1905 года, а на тексте воспроизвел красный рисунок, изображающий отпечаток окровавленной руки, сделав под тектом надпись: «К сему листу Свиты Его Величества Генерал-Майор Трепов руку приложил», и путем помещения этого произведения печати оказал дерзостное неуважение верховной власти и допустил порицание установленного верховного управления государственного,

и 3. Напечатал статью, озаглавленную «О марсельезе» и заключающую в себе воззвание, возбуждающее вражду в крестьянском сословии против другого высшего сословия, названного в статье общим именем «господ».

Преступления эти предусмотрены 1 ч. 103 и 128 ст.ст. Угол. Улож. и 1036 ст. Улож. о наказаниях.

Вследствие этого и на основании 2 п. 1036. 2 п. 1034 и 1213 ст. Уст. Угол. Суд. Николай Георгиевич Шебуев подлежит суду Особого Присутствия С.-Петербургской Судебной Палаты с участием сословных представителей.

Составлен 19 Ноября 1905 года в г. С.-Петербурге.

Подлинный подписал: Товарищ Прокурора (подпись),

Верно: За Секретаря (подпись).

С подлинным сверял: Помощник Секретаря (подпись).

СПИСОК

лиц, подлежащих вызову к судебному следствию:

Обвиняемый.

1) Николай Георгиевич Шебуев, л. д. 29.

Свидетели:

1) Александр Соломонович Мандль, л. д. 19.
2) Леонид Никанорович Богданов, л. д. 19 об.

Подлинный подписал: Товарищ Прокурора.

Верно: За Секретаря.

С подлинным сверял: Помощник Секретаря.

IX.

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ «ПУЛЕМЕТА».

1905 г., декабря 7-го дня, в 2 часа 30 мин., в зале судебных заседаний в г. С.-Петербурге настоящий приговор объявлен при открытых дверях присутствия, с точным соблюдением 829 — 834 и 842 ст. Угол. Суд. при Товарище Прокурора А. Н. Гессе и помощнике Секретаря Н. И. Лебедеве. Подсудимый и защитник к выслушанию приговора не явились. Член Судебной Палаты Лашкарев.

Копия.

ПРИГОВОР.

1905 года, декабря 3-го дня. По Указу Его Императорского Величества, С.-Петербургская Судебная Палата, в особом присутствии, с участием представителей, в городе С.-Петербурге, в закрытом судебном заседании, в котором присутствовали: Старший Председатель Сенатор И. К. Максимович, Члены Палаты: Н. Ф. Селиванов, Д. Р. Вилькен, Н. В. Деларов, Н. Ю. Лашкарев, С.-Петербургский Губернский Предводитель Дворянства граф В. В. Гудович, Новоладожский Уездный Предводитель Дворянства Е. Г. Шварц, С.-Петербургский Городской Голова Н. А. Резцов, С.-Пб. уезда Волостной Старшина А. Галькер. Испр. д. Прокурора П. К. Камышанский, и. д. Помощника Секретаря Н. П. Лебедев.

Слушала: дело о потомственном дворянине Николае Георгиеве Шебуеве, обвиняемом по I ч. 103 ст. Угол. Улож. и 1036 ст. Улож. о нак.

Подсудимый потомственный дворянин Казанской губернии состоящий Помощником Присяжного Поверенного округа Московской Судебной Палаты Николай Георгиевич Шебуев, 31 года, предан в установленном законом порядке суду Особого Присутствия С.-Петербургской Судебной Палаты с участием сословных представителей по обвинению его в том, что 13-го ноября 1905 года, в С.-Петербурге, распространил составленный и изданный им печатным способом первый номер иллюстрированного журнала под названием «Пулемет», в котором, во-1-х, с целью возбудить неуважение к Особе Царствующего Императора, поместил направленную против Государя статью под заглавием «Сказка о весне», в которой в форме дерзкой и язвительной насмешки дозволил себе оскорбительно отозваться о личной деятельности Государя Императора; во-2-х, поместил текст Высочайшего Манифеста от 17-го октября 1905 года, воспроизвел на нем красною краскою рисунок, изображающий отпечаток окровавленной ладони, и сделал под ним надпись: «к сему листу Свиты Его Величества Генерал-Майор Трепов руку приложил», чем оказал дерзостное неуважение Верховной Власти и выразил порицание установленного Законами Основными образа правления, и в-3-х,

поместил статью под заглавием «О марсельезе», заключающую в себе воззвание, возбуждающее вражду в крестьянском сословии против другого высшего сословия, названного в статье общим именем «господ».

На суде подсудимый, не признавая себя виновным, повторил объяснения, данные им на предварительном следствии.

Выслушав судебное следствие и прения сторон, Особое Присутствие Судебной Палаты находит:

I.

Содержание статьи под заглавием «Сказка о весне» не оставляет никакого сомнения в том, что предметом ее служит описание, в форме старинных русских былин, минувших политических событий в России и что под упоминаемым в сказке Царем следует разуметь царствующего ныне в России Императора Николая II, а под «Весной Красной» дарованную Высочайшим Манифестом от 17-го октября 1905 г. гражданскую свободу. К такому убеждению приводит прежде всего то соображение, что наименование «Православный Царь» присвоено историей и литературой всего мира одному только Российскому Императору. Затем описанная в сказке весна, стремящаяся проникнуть «из заморских стран» в данную, скованную морозом, страну, представляет собою аллегорию того революционного движения, которое, путем печатавшихся за границей и наводнивших Империю, сочинений и воззваний, охватило в последние годы всю Россию. Весна эта называется в сказке «куцой», т.-е. неудовлетворительною и повлекшею за собою военное положение, еврейские погромы, и т. п., то-есть те именно последствия, которые действительно возникли в некоторых местностях Российской Империи после издания вышеупомянутого Высочайшего Манифеста.

Сказка начинается описанием Царя, пирующего среди щедро одаренных им и потому восхваляющих его ласковость придворных, в то время как лютый мороз сковал его страну и «по горбам мужицким поколачивал». Царь радуется такому порядку вещей и боится весны, т.-е. тех новых веяний, которые могут нарушить покой в его стране и весенним расцветом—свободой облегчить мужиков. Царь приказывает своим «верным слугам», презрительно называемым в сказке Доносом Ивановичем и Недоносом Пантелеевичем, не впускать весну, т.-е. не допускать развития освободительного движения, и в то же время, как названные ближайшие советники его делают распоряжение о принятии чрезвычайно жестоких «не зная жалости» мер к недопущению весны, и когда «по всей земле стоном стон пошел», Царь вновь принимается пировать. Когда же Царь видит во сне старика, упрекающего его в том, что он не видит действительности и того, как истомилася страна «поджидаючи Весну Красную», Царь тотчас отменяет свое прежнее распоряжение и велит принимать Весну с почетом и на возражение своих советников, что уже поздно, так как Весна подверглась таким преследованиям, что от нее ничего уже не осталось, Царь приказывает дать ему хоть куцую Весну, но, будучи дана, Весна эта, как и раньше, привела лишь к тому, что вновь «по всей земле стоном стон пошел».

Таким образом, автор сказки приписывает Царю легкомыслие, недальновидность, непоследовательность, доверие к недостойным людям и, наконец, все бедствия России, как предшествовавшие, так и последовавшие после издания Высочайшего Манифеста от 1-го октября 1905 года.

Подобные отзывы, представляя собою дерзкие и язвительные насмешки, заключают в себе все признаки оскорбления Императорского Величества, понятие о котором объемлет собою не только выражение презрения, брань и злословие, но и простое неоказание уважения, которое подобает державному величию Главы Российской Империи, так как многие отзывы, суждения и выражения, допустимые и безразличные по отношению к частным лицам, составляют наказуемую дерзость, как скоро они относятся к Особе Государя Императора.

А потому и принимая во внимание, что для ответственности за оскорбление вообще не требуется, чтобы оскорбляемый был назван по своему имени и титулу, и вполне достаточно приведения таких обстоятельств, которые делают легко распознаваемою

личность, имевшуюся в виду оскорбителем, Особое Присутствие Судебной Палаты находит предъявленное подсудимому Шебуеву обвинение в оскорблении Царствующего Императора доказанным, но содеянным без указанной в 1 ч. 103 ст. Угол. Улож. преступной цели в виду отсутствия в деле положительных на это указаний и уверений подсудимого, что он составил «Сказку о весне» не с целью возбудить неуважение к Особе Государя Императора, а с тем, чтобы показать читателям, насколько всеблагие намерения Государя извращались и искажались его ближайшими сотрудниками.

II.

Текст Высочайшего Манифеста от 17-го октября 1905 года с надписью под ним «К сему листу Свиты Его Величества Генерал-Майор Трепов руку приложил» и рисунок, воспроизведенный непосредственно на Манифесте и изображающий отпечаток окровавленной руки, напечатан на последней странице журнала «Пулемет», который по определению самого подсудимого является юмористическим изданием, в тексте и изображениях которого действительно осмеяны и представлены в карикатурном виде современные выдающиеся органы Правительства и события. Если же развернуть названный журнал так, чтобы последняя его страница пришлась рядом с первою, то окажется, что изображенный на первой странице с изумленным лицом и открытым, как бы кричащим, ртом оратор указывает правою рукой именно на текст Манифеста, а то, что оратор кричит, выражено надписью под ним «Долой».

Составление и распространение при таких условиях Высочайшего Манифеста представляет, по мнению Особого Присутствия Судебной Палаты, не только глумление и порицание действий и отношения Генерала Трепова к этому Манифесту, но и прежде всего дерзостное неуважение Верховной Власти.

На основании 47 и 53 ст. Основных Государственных Законов, Высочайший Манифест признается законом, исходящим от Верховной Власти, державное величие которой точно разъяснено в статье 1-й тех же Основных Законов. Власти не только за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает повиноваться, то, само собою разумеется, что и отношение к исходящим от Верховной Власти законам должно стоять в полном соответствии с этим положением. Поэтому, помещение столь важного законодательного акта, как Высочайший Манифест, в охарактеризованном выше журнале «Пулемет» и притом с неуместною надписью на нем и в испачканном краской замаранном и безобразном виде не может не быть признано проявлением того дерзостного неуважения Верховной Власти, которое предусмотрено 128 ст. Угол. Улож. Изображение же рядом с этим Манифестом указывающего на него оратора с подписью под ним «Долой» подтверждает это соображение и доказывает, что этими изображениями автор желал в такой оскорбительно порицательной форме не только оказать дерзостное неуважение Верховной Власти, но и выразить порицание установленному Законами Основными образу правления, так как, в силу 80 ст. тех же законов, власть Управления принадлежит Государю Императору и осуществляется издаваемыми им законами Манифеста, указами и другими тому подобными законодательными актами. Поэтому, вышеприведенный возглас «Долой», обращенный к такому, изданному Государем в порядке принадлежащей ему власти по Управлению Государством, акту и возбуждающий к презрительно дерзкому игнорированию этого акта, несомненно заключает в себе явное порицание существующего в России образа правления, и потому Особое Присутствие Судебной Палаты находит предъявленное подсудимому Шебуеву обвинение по 128 ст. Угол. Улож. также доказанным.

III.

В статье под заглавием «О Марсельезе» автор говорит, что свобода слова, выразившаяся сначала в пении рабочей марсельезы, начинающейся словами «Вставай, подымайся, рабочий народ, иди на врагов, люд голодный», была вскоре заменена крестьянской марсельезой, которую теперь поют 24 губернии, охваченные аграрными беспорядками. При этом автор, перефразируя вышеприведенные слова песни, закон-

чил статью тем, что звуки крестьянской марсельезы: «Вставай, подымайся, крестьянский народ, иди на г о с п о д, люд голодный», заглушат рабочую марсельезу.

Статья эта вменяется в вину подсудимому на том основании, что она, по мнению обвинителя, представляет собою воззвание, возбуждающее в крестьянском сословии вражду против высшего сословия «господ».

Под учиненным в печати воззванием следует, по мнению Особого Присутствия Судебной Палаты, разуметь такого рода статью, в которой, во-1-х, пропагандируется какое-нибудь известное преступное учение или излагаются суждения о необходимости учинения какого-либо преступления, и, во-2-х, читатель призывается или возбуждается к осуществлению того действия, которое составляет предмет и цель воззвания. Иными словами, составление и распространение воззвания должно быть употреблено как средство возбуждения, и, следовательно, для признания такого сочинения преступным необходимо констатировать, что виновный распространял его с целью именно возбудить других к учинению такого действия, которое пропагандируется в его воззвании, и чтобы его деятельность являлась как бы подготовительною деятельностью к тому преступлению, к совершению которого он возбуждал своею статьей. В статье же «О Марсельезе» констатируется только непреложный и вполне соответствующий действительности факт возникновения аграрных беспорядков, давших автору повод выразить опасение, что крестьянская марсельеза заглушит рабочую, т.-е. что аграрное движение возьмет верх над рабочим движением, и по ясному смыслу выраженной автором мысли нет никаких оснований приписывать ему намерение возбудить своей статьей вражду крестьян против господ, вследствие чего Особое Присутствие Судебной Палаты не усматривает в статье о «Марсельезе» признаков какого-либо преступного деяния.

Вследствие всего изложенного и принимая во внимание, что подсудимый Шебуев признал себя автором и распространителем вышеприведенных инкриминируемых ему статей, надписей и изображений, Особое Присутствие Судебной Палаты признает Шебуева виновным в приписываемых ему преступных деяниях, предусмотренных 2 ч. 103 и 128 ст. Угол. Улож., а в преступлении, предусмотренном 1036 ст. Улож. о нак., признает его невиновным и по суду оправданным.

Обращаясь к определению следующего осужденному наказания, Особое Присутствие Судебной Палаты находит, что на основании 2 ч. 103 и 19 ст. Угол. Улож. и по обстоятельствам дела подсудимый подлежит заключению в крепости сроком на один год, и что в отношении обвинения по 128 ст. Угол. Улож. представляется справедливым, в виду уменьшающих вину подсудимого обстоятельств, смягчить определенное в 128 и 17 ст. Угол. Улож. наказание, и в силу 1 ч. 53 ст. Уложения, определить таковое по 19 ст. того же Уложения в низшем указанном в 53 ст. размере, приговорив Шебуева к заключению в крепости сроком на один год, каковой срок признать окончательным согласно 60 ст. Угол. Улож. за оба вменяемых в вину подсудимому преступных деяния.

Приложенные к делу вещественные доказательства подлежат уничтожению.

В виду всего изложенного Особое Присутствие С.-Петербургской Судебной Палаты с участием сословных представителей, о п р е д е л я е т: 1) на основании 2 ч. 103, 128, 17, 53, 19, 60 ст. Угол. Улож. потомственного дворянина Николая Георгиева Шебуева, 31 года, заключить в крепость на один год; 2) по обвинению в деянии, предусмотренном 1036 ст. Улож. о нак. дворянина Николая Георгиева Шебуева по силе 1 пун. 771 ст. уст. уг. суд., признать по суду оправданным; 3) приложенные к делу вещественные доказательства уничтожить.

Подлинный за подлежащими подписями и скрепою.

X.

«ОСОБОЕ МНЕНИЕ» ПО ДЕЛУ Н. Г. ШЕБУЕВА.

Особое мнение Членов С.-Петербургской Судебной Палаты Д. П. Вилькена и П. Ю. Лошкарева, по делу о дворянине Николае Шебуеве, обвиняемом по I ч. 103 ст. Угол. Улож.

Особое Присутствие С.-Петербургской Судебной Палаты с участием сословных представителей признало Шебуева виновным в оскорблении Царствующего Императора, в распространении им печатной статьи под заглавием «Сказка о весне», но без цели, однако, возбудить неуважение к особе Государя Императора, и применило к деянию осужденного не 1-ю, а 2-ю ч. 103 ст. Угол. Улож.

С таким заключением Особого Присутствия Судебной Палаты мы не находим возможности согласиться, потому что Шебуев, хотя и утверждал на судебном следствии, что он в своей «Сказке о весне» желал только показать, как самые лучшие желания и веления Государя извращаются Его приближенными в ущерб Его подданным, но, как окончивший курс университета по юридическому именно факультету и как помощник присяжного поверенного, он не мог не сознавать того впечатления, которое произведет означенная сказка на читателей вообще—и подобных юмористических журналов, в особенности. Для того, чтобы осмеять недобросовестное отношение должностных лиц к Высочайшим повелениям, такому сравнительно образованному, как Шебуев, лицу незачем было прибегать к попутному надругательству над личностью Государя Императора и, если Шебуев, тем не менее, прибег к этому, то, очевидно, с одною целью возбудить неуважение как к органам Правительства, так и к особе Государя Императора. К такому убеждению приводит и то, что «Сказка о весне» не единственная статья, направленная против Государя в журнале «Пулемет», кроме нее в том же номере напечатан текст Высочайшего Манифеста от 17-го октября 1905 г. при таких условиях, что Особое Присутствие Судебной Палаты усмотрело в них явные признаки дерзостного неуважения Верховной Власти. Не остановился подсудимый и перед священным для каждого истинного русского человека народным гимном и построил на нем стихи «Собинов бис», в котором осмеял лицо, певшее этот гимн в присутствии городовых и дворников, как единственных, будто бы, поборников Высочайше дарованной 17 октября 1905 г. свободы. Таким образом изложенные данные приводят к твердому убеждению в неуважительном вообще отношении Шебуева в его вышепроизносимых произведениях к Особе Государя Императора и написать таковые без желания возбудить в читателях те же чувства неуважения, какими проникнуты все произведения Шебуева в журнале «Пулемет», представляется невозможным. При каких бы то ни было способностях подсудимого, для сочинения «Сказки о весне» необходимо было затратить известное время и труд, сказка эта по развитию в ней задуманной идеи представляется сочинением значительно продуманным и обработанным, об опрометчивости, неосторожности в общественных в ней выражениях не может быть и речи, так как самый замысел сказки доказывает желание автора представить Государя Императора в том именно непривлекательном виде, в каком он написан в сказке. Полученное Шебуевым высшее юридическое образование исключает всякую возможность предположить, чтобы он мог написать ту сказку не отдавая себе отчета в том, что она заключает в себе резкое осуждение Государя Императора, а коль скоро он этого не мог не сознавать и, тем не менее, напечатал и распространил свою сказку в журнале «Пулемет» в количестве 9 548 экземпляров, в тот же день распроданных им и розданных для продажи, то очевидно, что, кроме коммерческой цели наживы, он преследовал цель возбуждения в читателе неуважения к Особе Царствующего Императора, почему мы и находим все признаки преступления, предусмотренного в I ч. 103 ст. Улож. нак., по каковой и полагали признать Шебуева виновным.

Лашкарев.

САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ 1905 — 1908 ГОДОВ.

Полного комплекта сатирических журналов первой революции нет ни в одном из наших книгохранилищ. Издателям, в пылу революционной работы, было некогда думать об архиве, сама библиотека не могла уследить за быстро выходившими и столь же быстро исчезавшими, часто уничтожаемыми в самой типографии, сатирическими журналами, а цензура стремилась не столько сохранять, сколько «истреблять».

Восполнить этот пробел до некоторой степени могут теперь только частные коллекционеры, в свое время, — часто за большие деньги, — успевшие приобресть тот или другой номер журнала, уцелевший случайно «от разрывания на мелкие части» полицейскими чинами. Нижеприводимый список, в силу приведенных причин несовершенный, все же будет, быть-может, полезным при такой работе коллекционеров. Журналы, имеющиеся в Ленинградской Государственной Публичной Библиотеке, отмечены мной *, журналы Библиотеки Академии Наук ** и описаны мною de visu. Многие из этих журналов имеются и в Музее Революции, обладающем, например, № 25 «Зрителя», которого нет в двух первых книгохранилищах. Журналы, не отмеченные мной никаким значком, заимствованы из списка Н. Виноградова («Библиографические Записки», 1916 г., № 3 — 4, стр. 121 — 135). У него же взяты и указания на редкость того или иного издания.

При составлении указателя существенную помощь мне оказали библиотекари Гос. Публ. Библиотеки: В. И. Саитов, Г. А. Дюперрон, Д. Г. Магид и И. Г. Троицкий (еврейские журналы); библиотекари Академии Наук: А. I. Лященко и В. П. Адрианова-Перетц (польские журналы), затем В. П. Оводов, А. Ф. Соймонова и А. А. Шилов.

Автор просит сообщать ему (Ленинград, Вас. Остр., 11 линия, д. 14, кв. 22), воспоминания, дополнения и поправки, которые будут весьма ценны для его дальнейших работ по истории русской сатиры и карикатуры.

Вл. Б.

---

*1. АБЛЕТЕЛ ГРИНС («Сборник Гринс»), 1907 г., № 1, на еврейском яз. Варшава.

2. АБРЕК. 1906 г. (Н. Виноградов ссылается на объявление; по уверениям очевидцев был). Владикавказ.

3. АДСКАЯ БОМБА. 1907 г., № 1. Ред.-Изд. *Н. И. Сипягин.* Выпущено вместо «Бомбы», после ее прекращения. Ставрополь.

*4. АДСКАЯ ПОЧТА. 1906 г., № 1 — 4. Изд. *Е. Е. Лансере.* Ред. *П. П. Троянский.* Петербург. № 4 арестован в типографии. Закрыта по суду.

*5. АЗАРТ. 1906 г., № 1 — 4. 1907 г., № 1—4. Ред.-изд. *Е. В. Будяковский.* Петербург. Главный предмет обличения — картежные шулера.

6. АЗБУКА ВИТТОВОЙ ПЛЯСКИ. 1906 г., № 1. Петербург.

*7. АКСИОМА. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *В. Я. Голубятников.* Петербург.

*8. АЛЬМАНАХ. 1906 г., №№ 1—2. Ред. *С. В. Чехонин.* Петербург. Выходил книжками, 8°. Вместо «Зрителя» (173). См. «Вербный Базар».

9. АЛЬМАНАХ ЖУРНАЛА «ШУТЕНОК». 1907 г., № 1. Москва. Вышел в октябре. Подзаголовок — «ЧЕРНО-красно-сотенный».

10. АНАМУС. 1906, № 1. (На армянском языке.) Тифлис.

*11. АНЧАР. Журнал политической и общественной сатиры. 1906 г. Март. № 1—3. Издатель *Л. М. Зузерович-Клебанский*. Редактор худ. *Д. Г. Числиев*. Петербург. Полицией конфискованы №№ 1 и 2. Редок № 2.

12. АРАБЕСКИ. 1906 г., № 1. Петербург. Конфискован по распоряжению цензуры.

*13. АРГУС. Журнал литературы, театра, музыки и спорта. 1906 г., № 1—14, 1906 г. №№ 1—14. Ред.-изд. *С. Чиколини*. Полицией конфискован № 14, 1906 г. Книжки мал. 8°. Петербург.

*14. АСМОДЕЙ. 1907 г. № 1. Изд. *Я. А. Вицев*. Ред. *Н. А. Демидов*. Москва.

15. АЭЛИ 1906 г., №№ 1—4, 1907 г. №№ 5—25. (На армянском языке.) Тифлис.

16. БАЛДА. 1907 г. Юмористический, сатирический и карикатурный журнал рабочих печатно-переплетного дела. Еженедельно. Редактор-изд. Вяч. Степ. *Нос*. Петербург.

Вышли: №№ 1—3. «Свидетельство» на издание «Балды» было выдано 18 декабря 1906 г.

№№ 2 и 3 конфискованы по распоряжению цензуры. По суду арест был отменен, но издание полицией прекращено, и все три №№ отбирались. Тираж — 5 000 экз. Это был первый сатирический журнал, издававшийся профессионалами—рабоч. печатн. дела. По закрытии его, 3 февр. 1907 г. выпущен «Топор» (374). Журнал редок: его не имеется ни в Акад. Наук, ни в Музее Революции, ни в Гос. Публ. Библ. Один экземпляр принадлежит *И. Галактионову*, сотруднику «Балды».

*17. БАРАБАН. Еженед. юмористический журнал. 1907 г., №№ 1—9. Ред.-изд. *Х. А. Шухмин*. Москва.

*18. BEKSA. 1908. Jednodniówka (на польск. яз.). Вильно.

*19. БИЧ. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *Т. Любарский*. Петербург. Конфискован по распоряжению цензуры. Судом арест отменен, но издание приостановлено.

20. БИЧ. 1906 г., №№ 1—3. Томск.

*21. BICZ. Артистично-сатирический еженедельник. 1906, № 1 (на польском языке). Варшава.

**22. БЛАГОЙ МАТ. Политический, сатирический, иллюстрированный еженедельник. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *В. А. Ашкинази* (В. Азов). Петербург. Вышел только один номер.

*23. БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ ПОЛТАВЕЦ. Еженед. журнал обществ. сатиры. 1906 г., №№ 1—3. Ред.-изд. *А. Е. Брауде*. Полтава. Первый номер в уменьшенной форме. Рисунки элементарны.

*24. БОМБА. 1906 г., №№ 1—4. Ред.-изд. *И. Т. Левицкий*. Ставрополь. Вместо нее вышла «Адская Бомба».

*25. BOMBA. 1906, № 1 (на польск. яз.). Варшава.

26. БОМБЫ. 1906 г., №№ 1—2. Петербург.

**27. БОРЦЫ. 1906 г., № 1. Петербург.

28. БОРЬБА ЗА СВОБОДУ. 1906 г., № 1. Петербург.

29. БОСЯК. 1906 г., № 1. Петербург. Без обозначения №. Сборник. Больше не выходило.

*30. БРЫЗГИ. Харьковский юмористический журнал. 1906 г., №№ 1—2. Ред.-изд. *В. А. Долгоруков*. Харьков.

31. БРЫЗГИ. Первый на Дальнем Востоке художественно-юмористич. журнал. Еженедельно. 1906 г., №№ 1—6; 1907 г. № 1—3. Ред.-Изд. *П. Н. Макаев*. Владивосток. Первые три номера за 1906 г. вышли в маленьком формате.

*32. БУБЕНЦЫ. Сатирический и карикатурный отдел газеты «Спб. Отголоски». 1907 г., №№ 1—50. Ред.-изд. *В. А. Долгоруков*. Томск. Печатался на разноцветной афишной бумаге.

*33. БУБЕНЧИК. 1906 г., №№ 1—34. Ред.-изд. *М. Ф. Гиппиус*. Москва.

*34. БУКЕТ. 1906 г., №№ 1—6. Петербург. Ред.-изд. *Е. М. Парусбек*. Вместо «Фискала», после его конфискации № 4.

**35. БУКСИР. 1907 г., № 1 (Сборник). Петербург.

*36. БУЛАТ. Журнал художественно-литературный и сатирический. 1906 г., №№ 1—3. Издательница *А. Д. Рысис*. Отв. ред. *И. Г. Зубрилов* и *В. М. Онгирский*. Петербург.

*37. БУРАВЧИК. 1906 г., №№ 1—4. Ред.-изд. *К. Г. Борман* и *В. В. Жуков*. Петербург. № 2 по распоряжению цензуры арестован в типографии. Его не имеется даже в Гос. Публ. Библиотеке. Редок.

*38. БУРЕВАЛ. Еженед. литературно-сатирический журнал. 1906 г., №№ 1—4. Ред. *В. Турок*. Петербург. Конфискованы №№ 2, 3 и 4; первый—цензурой, второй—цензурой, третий—по суду. Редок № 3. Был выпущен вместо «Бури» (40).

*39. БУРЕЛОМ. Еженед. литературно-сатирический журнал. 1905 г., №№ 1—2 и 1—2. 1906 г., № 3. Ред.-изд. *Г. П. Эрастов*. Петербург. Первый номер вышел 26 ноября 1905 г. Вместо него — «Буря» (40), с продолжением его нумерации. №№ рождественский и 3 конфискованы полицией; № 2—по распоряжению цензуры. Нумерация, вообще, спутана.

*40. БУРЯ. Еженед. литературно-худож. и сатирический журнал. 1906 г., №№ 4 и 5. Ред.-изд. *Г. П. Эрастов*. Петербург. Вместо «Бурелома» (39), вместо нее «Буревал» (38). № 4 конфискован полицией, № 5—по распоряжению цензуры. Издание приостановлено.

*41. БУФФ. Юморо-литературный журнал. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *А. Тихонович*. Харьков.

**42. ВАГОН. Юмористический альманах. Петербург.

**43. ВАМПИР. 1906 г., №№ 1—8. Петербург.

**44. ВЕРБНЫЙ БАЗАР. 1906 г., № 1. Петербург. Приложение к журналу «Альманах», см. «Зритель».

*45. ВЕРБЫ. 1907 (?) Аляповатый листок, с пошлыми шутками. Вышел 1 номер.

46. ВЕСНА. 1906 г., № 1. (В виде тетради в больш. 8°.) Москва.

**47. WESOLE ECHO («Веселое Эхо»). 1906 г., №№ 1—7 (на польском языке). Ред.-изд. Людвиг Кранц. Карикатура на Витте.

*48. ВИЛЬНЕР ВИТЦБЛЯТ («Виленский юмористический листок»), 1905 г. Вильно. На еврейском языке (жаргон).

49. ВИТТОВА ПЛЯСКА. 1905 г., №№ 1—2. Петербург. Вместо него «Русская Виттова пляска».

**50. ВИХРЬ. «Еженедельный сатирический журнал». 1906 г., №№ 1—18. Газета, в лист. Первый № вышел 23 окт. 1906 г. Москва.

**51. ВЛАДИВОСТОКСКИЙ БЕС. 1906 г., № 1—2. Владивосток.

*52. ВОДОВОРОТ. Еженедельный, художественный, политико-сатирический журнал. 1906 г., №№ 1—9. Ред.-изд. *С. Н. Мендельсон.* Петербург. 1907 г., №№ 1—3. Петербург. Некоторые номера 1906 г., отбирались полицией; № 1 арестован в типографии; № 6 конфискован по распоряжению цензуры.

*53. ВОДОЛАЗ. 1906 г., №№ 1—5. Ред.-изд. *Ю. В. Гольдберг.* Петербург.

54. ВОЗРОЖДЕНИЕ. 1906 г., № 1. (Только один № от 22-го апреля.) Петербург.

**55. ВОЛНА. Политический, литературный, юмористический и сатирический двухнедельный журнал. 1907 г., №№ 1—12. Ред.-изд. *Вл. Сучек* (Сучков). Чернигов.

*56. ВОЛГА. 1907 г., № 1. Ред.-изд. *Ф. З. Китаев.* Астрахань.

*57. ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ. 1905 г., №№ 1—3. Ред. *И. Н. Потапенко.* 1906 г., №№ 1—5.

58. ВОЛЬНИЦА. 1906 г., №№ 1—2 Петербург. Сборник. № 1 конфискован по распоряжению цензуры; № 2—полицией. Издание приостановлено.

59. ВОЛЬНИЦА. 1906 г., № 1. Петербург. Издание, отличное от предыдущего.

*60. ВОРОН. 1906 г., № 1. Издатель *Н. Васин.* Москва. Конфискован по требованию цензуры. Издатель приговорен по суду к одному году крепости за рисунок «Микула Селянинович тронулся» и стихотворение «Освобожденный Прометей». Сенатом приговор отменен.

**61. WROBEL («ВОРОБЕЙ»). 1907 г., № 1—2. Ред.-изд. *Конрад Подемский.* Варшава. Вышучиваются Дурново, Витте, Гурко и др. Рисунки примитивны.

**62. ВСЕМИРНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАРИКАТУРИСТ. 1906 г., №№ 1—4. Петербург.

63. ВСЕМИРНЫЙ ЮМОР. 1906 г., №№ 1—8, 1907 г., №№ 9—52, и 1—9. Петербург. Конфискованы по распоряжению цензуры №№ 1, 1906 г. и 43, 44, 1907 г. Арест № 44 отменен. № 46 конфискован согласно постановлению суда. Начало издания ноябрь 1906 г.

64. ГАЗЕТА ШЕБУЕВА. Редактор-издат. *Н. Г. Шебуев.* 1906 г., №№ 1—18, 1907 г., №№ 19—28. Петербург. Номер 7 конфискован.

*65. ГАМАЮН. Художественный журнал. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *А. Н. Златовратский.* Петербург.

*66. ГВОЗДЬ. Журнал литературно-художественный и сатирический. 1906 г., №№ 1—3. Ред.-изд. *И. Муравкин.* Петербург. №№ 1 и 3 арестованы в типографии и там же уничтожены — первый полицией, второй — по требованию цензуры. Оба №№ редки. Первого номера даже не имеется в Госуд. Публ. Библиотеке.

*67. ГВОЗДЬ. 1906 г. Выпуск «Экстра» и последний. За редактора-издателя *Н. Кокошкин.* Петербург. Спекуляция на имени предыдущего журнала. Ничего общего с ним не имеет.

68. ГЕТТО. Политико-сатирический и худож. журнал, посвященный жизни евреев в России и за границей. Ред.-изд. *Г. Любарский.* 1906 г., Петербург.

Была объявлена подписка, но журнал, повидимому, не вышел.

**69. ГНОМ. 1906 г., № 1—15, 1907 г. №№ 1—9. Екатеринбург.

70. ГОЛОС ЖИЗНИ. 1905 г., № 1. Петербург.

*71. ГОЛОС ПРАВДЫ. Сборник. Изд. журнала «Карандаш». 1907 г. (?) Саратов.

72. ГОП-ГОП. 1906 г, №№ 1—2. (На армянском языке.) Тифлис.

**73. ГОРЧИЧНИК. 1906 г., №№ 1—3. Самара.

*74. ГРОЗА. Еженед. худож.-сатирич. журнал. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *А. Мамсуров.* Тифлис.

*75. ГРОМ. Листок художеств. сатиры. 1906 г., № 1. Изд. *М. С. Богуславский.* Киев. Рисунки худ. М. Н. Яковлева (Косина).

**76. GROM («ГРОМ»). 1906 г., № 1—10. Ред.-изд. *А. Торжевский.* (На польском яз.) Варшава.

*77. ГУДОК. 1906 г., №№ 1—6. Ред.-изд. *Владимир Абаза.* Петербург. Первый № «Гудка» по распоряжению Цензурного Комитета был арестован за рисунок «Двуглавый шиш» с подписью «Боже, народ храни», но Судебная Палата арест отменила.

**78. ГУДОК. 1907 г., № 1—3. Астрахань.

**79. HUMOR SWIATECZNY («Праздничный юмор»). 1907 г., № 1—16. Ред.-изд. *Станислав Козьминский.* Варшава.

Юмор обывательский. Довольно скромно вышучивается Гос. Дума, Меньшиков и т. д. Ряд хороших шаржей на Айседору Дункан (№ 6).

80. ГУРЬЕВСКАЯ КАША. 1906 г., № 1. Петербург. Выпущена вместо «Русской Виттовой Пляски».

**81. ГУТБАХ («Доброй недели»). 1905 г., № 1. На еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*82. ДАС ВАРШАВЕР ВИЦБЛЯТ («Варшавский веселый листок»). 1904, № 1. На еврейском языке (жаргон). Варшава.

*83. ДАС КРЕПЕЛЬ («Кропило»). 1907 г., № 1 на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*84. ДАС ТАХШИТЕЛЬ («Панька»). 1906 г., № 1 на еврейском яз. (жаргон). Одесса.

*85. ДАС ЮДИШЕ ВИЦБЛАТ («Еврейский юмористический листок»), 1905 г., № 1 на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

**86. ДЕВЯТЫЙ ВАЛ. 1906 г., № 1. Петербург. Выходил вместо «Свободы» (340). № 2 конфискован. Издание прекращено 11-го января 1906 г. по суду. Вместо него — «Страна Мечты» (363).

Ред. А. И. Яргин. Изд. С. И. Чепурный. Рисунки крайне элементарны. Второй номер вышел с заголовком, в котором мелкими буквами стояло—«Девятый вал» выходит при участии всех сотрудников запрещенного журнала» — и крупно — «СВОБОДА»... На последнем листе 14 кровавых руки—Курлова, Дубасова, Мина, Скалона и др.

87. ДЕКЛАРАЦИЯ ВИТТОВОЙ ПЛЯСКИ. 1906 г., № 1. Петербург.

*88. ДЕР АРЕЛ («Необрезанный»). 1908 г., № 1—2 на еврейском языке (жаргон). Варшава.

*89. ДЕР АШМЕДАЙ (Асмодей). 1906 г., № 1 на еврейском языке (жаргон). Варшава.

*90. ДЕР АФИКОМОН («Десерт»). 1905 г., № 1. Пасхальный листок. Сборник литературы, науки и шуток, на еврейском языке (жаргон). Варшава.

*91. ДЕР БЛИЦ («Молния»). 1907 г., № 1, на еврейском языке (жаргон). Варшава.

*92. ДЕР ВАРШАВЕР АЗУС ПОНИМ («Наглец варшавский»). 1906 г., № 1, на еврейском языке (жаргон). Варшава.

*93. ДЕР ВИТЦЛЕР («Шутник»). 1908 г., на еврейском языке. Варшава.

*94. ДЕР ГАНАВ («Вор»). 1907 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*95. ДЕР ГАРМАТ («Пушка»). 1907 г., № 1, на еврейском языке (жаргон). Варшава.

*96. ДЕР КАГЕЛ-ШЕЙГЕЦ («Хулиган»). 1907 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*97. ДЕР КАНЧИК («Песельник»). 1907 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*98. ДЕР КАТЕР. 1908 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Бердичев.

*99. ДЕР ЛУЛАБ. 1907 г., № 1, на еврейском языке (жаргон). Варшава.

*100. ДЕР МАМЗЕР («Незаконнорожденный»), 1907 г., на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*101. ДЕР НАЙЕР СЕДЕР («Новый седер»). 1907 г. № 1, на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*102. ДЕР ПИПЕРНУТЕР («Шутки и остроты»). 1906 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*103. ДЕР СОД («Секрет»). 1906 г., № 1, на еврейском языке (жаргон). Одесса.

*104. ДЕР СТАШЕВЕР ЛЕЦ («Сташевский насмешник»). 1905. г. № 1, на еврейском языке (жаргон). Варшава.

*105. ДЕР ФАЙФЕР («Свисток»). 1905 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*106. ДЕР ХАВЕР («Товарищ»). 1905 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Одесса.

*107. ДЕР ХУЛИГАН («Хулиган») 1907 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*108. ДЕР ЦВЕЙТЕР КОЛБОЙНИК («Шут-юморист»). 1905 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*109. ДЕР ШЕД («Черт»). 1908 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*110. ДЕР ШЕЙГИЦ («Хулиган»). 1906 г., №№ 1—3. На разговорном еврейском языке (жаргон). Петербург.

Рисунки очень элементарны. На одном из них фигурирует К. Маркс. Запрещен за «оскорбление величества».

*111. ДЕР ШЕКЕР («Лжец»). 1907 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*112. ДЕР ШИХЕР («Пьяница»). 1907 г., на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*113. ДЕР ШПИГЕЛЬ («Зеркало»). 1907 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*114. ДЕР ШТЕРН («Звезда»). 1907 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*115. ДЕР ЭМИГРАНТ («Эмигрант»). 1906 г., № 1, на еврейском языке (жаргон). Одесса.

*116. DZIÈCIOL («Дятел»). 1906 г., №№ 1—12. Ред.-изд. *Антоний Орловский.* Варшава.

*117. DZIECKO. Iednodniówka. 1908 г., (на польском яз.). Вильно—Минск.

*118. ДИКАРЬ. Журнал литературно-сатирический. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *Е. Синицкий.* Петербург.

Прекращен по приговору суда.

*119. ДИ ЛЕБАНА («Луна»). 1907 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон).

120. ДЛЯ СМЕХА. 1906, №№ 1—6; 1907 г., №№ 1—10. (№ 2 за 1906 г. конфискован согласно постановлению суда.) Петербург.

*121. ДУБИНУШКА. Журнал общественно-политической сатиры 1906 г. №№ 1—7. Ред. изд. *С. М. Проскурнин.* Рыбинск (Ярославской губ.).

*122. ДУМСКИЙ АЛЬМАНАХ. Сборник сатирический. 1906 г. № 1. Петербург. На второй день по выходе отбирался у газетчиков.

**123. ДУХ ВРЕМЕНИ. 1906 г., № 1; 1907 г. № 1. Москва.

*124. ДУЭЛЬ. Литературно-худож. журнал. Еженедельно. 1907 г., № 1. Ред.-Изд. *А. Д. Рысис.* Петербург.

*125. ДЯТЕЛ. Еженед. орган политич. и обществ. сатиры. 1905 г., № 1 (пробный). Ред. *Евг. Сно.* Петербург.

Конфискован. Издание прекращено по суду. Вместо «Дятла» был выпущен «Клюв» (189).

*126. ЕЖ. 1906 г., № 1 (Сборник). Изд. *Ю. В. Гольдберга.* Петербург.

*127. ЕЖ. Политико-сатирический и художественный журнал. 1907 г., №№ 1—7. Изд. *Ю. В. Гольдберг.* Ред. *Ф. Куликов.* Петербург.

№ 3 был конфискован по требованию цензуры, но по суду арест отменен.

**128. ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ СВИСТОК. 1908 г., №№ 1—2. Екатеринослав.

*129. ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ. 1907. №№ 1—6. Ред. *К. Е. Солодилов.* Петербург. Каждый № имел отдельное название — «Ворон», «Вихрь» и др.

*130. ЕРШ. Летучий, сатирический листок. 1906 г., №№ 1—19. Ред.-изд. *М. С. Попов.* Томск. Печатался на афишной разноцветной бумаге. В 1907 г. изменен формат 8⁰ на обыкновенный книжный.

*131. ZADLO. Сатира-юмор. 1906, № 1—3, (на польск. яз.). Варшава.

132. ЖАЛО. 1905 г., № 1. Петербург.

Плохая подделка под одноименный московский журнал, который был конфискован и считается редкостью.

**133. ЖАЛО. 1905 г., № 1. Москва. Конфискован согласно постановлению суда. Весьма редок.

**134. ЖАЛО. 1908 г., № 3—7. Самара.

*135. ЖАЛО. Литературно-сатирический журн. еженед. 1906, №№ 1—3. Ред.-изд. *В. П. Ямпольский.* Иркутск.

**136. ЖАЛО НАСТОЯЩЕЕ. Эхо общественно-политической юмористики. Ред.-изд. *Гермейср.* 1906 г., №№ 1—50; 1907 г., №№ 1—50; 1908, № 1—50. Харьков.

Слово «настоящее» в заголовке набрано едва заметно, петитом. Журнал выходил до 1913 года.

*137. ЖГУТ. Еженед. журнал политической сатиры, литературы и совр. жизни. 1906 г., № 1. Изд. *Е. Н. Гуликова,* ред. *А. В. Заикин.* Петербург.

*138. ЖГУТ. «Самый ядовитый и беспартийный журнал». Еженедельно. 1907 г., №№ 1—6; 1908 г., №№ 1—8. Ред.-изд. *М. Кланг.* Москва. Черносотенный листок.

*139. ЖГУТ. Еженед. жур. 1906 г., № 1. (14 дек.), 1907 г., № 2. Изд. *В. К. Самсонов.* Ред. *К. К. Сараханов.* Саратов. Печатался на цветной афишной бумаге.

*140. ЖГУТ. 1906 г., №№ пробный и 1. Ред.-изд. *Б. С. Ерицян.* Тифлис.

141. ЖЕСТЬ. 1906 г., № 1 и последний. Тифлис.

142. ЖИВОЙ ЛИСТОК. 1907 г., № 1. Москва.

*143. ЖИЗНЬ. Литературный журнал. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *А. Касаткин.* Петербург.

*144. ЖУПЕЛ. Журн. художеств. сатиры. Еженедельник. 1905 г., №№ 1—2. Ред. худ. *З. И. Гржебин.* Издатель *С. П. Юрицын.* 1906 г., № 3. Петербург.

Все три №№ конфискованы согласно постановления суда. Издание прекращено. № 1 был выпущен вторым изданием.

*145. ЖУПЕЛ. 1906 г., № 1. (Другое издание. В двух вариантах.)

Главные рисунки «Жупела»—«Орел Оборотень», а также рисунки из «Буревала» были переизданы со шведским текстом, повидимому в Финляндии, в виде отдельного сборника на толстой, коричневой бумаге. На обложке сборника воспроизведен рисунок Анисфельда, и, в виде заголовка, составленное из нагаек и телеграфной проволоки: «22/XII 1905».

*146. ЖУРНАЛ. Еженедельно. 1905 г. (пробный). 1906 г., №№ 1—2. Ред.-изд. *Б. Ф. Гейср.* Петербург.

Б. Ф. Гейер - сотрудник журнала «Зритель», автор сатирико-философских пьес репертуара «Кривое Зеркало». Контора «Журнала» помещалась в конторе «Зрителя», при чем было объявлено, что за время приостановки журн. «Зритель» (173) подписчики будут получать «Журнал». Выпущен вместо «Зрителя»; после него «Маски» (230). № 2 конфискован полицией. Встречается в трех вариантах. В пробном номере надпись к рисунку «Великая Москва» набрана большими заглавными буквами, из-за чего некоторые считают это названьем особого журнала.

*147. ЖУРНАЛ ЖУРНАЛОВ. 1905 г., №№ 1—2; 1906 г. № 3—9. Ред.-изд. *Н. П. Малиновский.* Петербург.

*148. ЖУРНАЛ ИНОСТРАННОЙ КАРИКАТУРЫ. 1906 г., №№ 1—4. Ред.-изд. *А. Дебенев.* Петербург.

Журнал «легкого» юмора, без «всякой» политики.

*149. ЗАБИАКА. Журнал политической и общественной сатиры. 1905 г., № 1 (30 декабря); 1906 г., №№ 1—3. Изд. *В. А. Забелин.* Редакторы *Л. М. Зузерович-Клебанский.*

*150 ЗА ЖИЗНЬ. 1905. Однодневка, в 4 стр. Изд. *С. М. Прохоров.* Петербург.

**151. ЗАДВИЖКА. «Москвитянин». См. Москвитянин—Задвижка.

**152. ЗАКЛЕПКА. 1906 г., № 1. Киев.

*153. ЗАЛП. Литературно-художеств. журнал. 1906, № 1. Ред.-изд. кн. *П. В. Бебутов.* Петербург.

154. ЗА НЕДЕЛЮ. 1907 г. (Вып. 1—«Новая Дума»; № 2 — «Безголовье»; № 3 — «Сололаки»). Тифлис.

*155. ЗАНОЗА. Журнал худож. сатиры. Еженедельно. 1906, №№ 1—14. Изд. *С. Новиков.* Ред. *Р. Л. Антропов.*

Конфискован в типографии и уничтожен по постановлению суда. После запрещения этого № см. «Пули», №№ 6 и 7. Петербург.

*156. ЗАРЕВО. 1906. Еженед. журнал №№ 1—4. Изд. *А. Касаткин.* Ред. *В. В. Трофимов.* Петербург.

№ 4 конфискован полицией.

*157. ЗАРЕВО. Еженед. журнал. 1906 г. №№ 1—2. Ред.-изд. *Н. П. Фиделли.* Москва.

№ 2 конфискован полицией.

*158. ЗАРНИЦЫ. Журнал литературно-худож. и сатирическ. 1906, №№ 1—9. Изд. *Я. В. Іогихесс.* Ред. *И. Н. Кац.*

№№ 6 и 7 конфискованы полицией. № 7 редок, так как был арестован до выпуска, в типографии. Петербург.

*159. ЗАСТРЕЛЬЩИК. 1907 г., №№ 1—3. Издательница *Л. А. Заикина.* Ред. *М. К. Кулаков.* Петербург.

№ 3 конфискован в типографии и уничтожен согласно постановлению суда.

*160. ЗВЕЗДОЧКА. Литературно-юмористический журнал. Выходит 2 раза в месяц. 1907 г., № 1 (25 дек.), 1908 г., № 1—31. Ред.-изд. *Ф. Ф. Оболенев.* Ростов-на-Дону.

Журнал прогрессивный. Рисунки примитивные.

*161. ЗВОН. Литературно-юморист. журнал. 1907 г., №№ 1—2. Ред.-издательница *Л. К. Ковзан.* Москва.

*162. ЗВОН. Еженедельн. художественно-сатирич. журнал. 1905 г., №№ 1—2. Ред.-изд. *А. Федоров* и *П. Нилус.* Одесса.

*163. ЗВОНАРЬ. Звонит по воскресеньям. 1906 г., № 1. Изд. *Лев Богельман,* ред. *А. Гольмстрем.* Петербург.

**164. ЗВОНАРЬ. 1907 г., №№ 1—8. Ростов (Ярославской губ.).

*165. ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ. Художеств. еженед. журнал общественной и политической сатиры. 1907 г., №№ 1—2. Ред.-изд. *М. К. Гурская.* Петербург.

Второй № — «Экстренное прибавление». Журнал октябристский, перед выборами во 2-ю Думу.

*166. ЗЕРКАЛО. Сатирический журнал. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *В. В. Панкратьев.* Петербург.

Конфискован. Издание прекращено согласно постановлению суда. Вышел в виде брошюры мал. 8°.

**167. ZYGZAKI («Зигзаги»). Еженедельный журнал. 1907 г., №№ 1—28. Ред.-изд. *Игнатий Коссобудзский.* (На польском языке.) Варшава.

**168. ЗЛОБА ДНЯ. 1907 г., №№ 1—5. Москва.

**169. ЗЛОЙ ДУХ. 1906 г., №№ 1—2. Оба №№ конфискованы полицией. Редки, особенно второй. Петербург.

**170. ЗЛОЙ ДУХ. 1906 г., № 1. Харьков.

*171. Z NAD NARWI I Z NAD BUGU, czyli co sie u nas dzieje. 1906, № 1 (на польском яз.). Варшава.

*172. ЗНАМЯ. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *А. Г. Галачьев.* Петербург.

Конфискован по распоряжению цензуры. Издание приостановлено. Редок.

*173. ЗРИТЕЛЬ. 1905 г., №№ 1—25, и один экстренный выпуск; 1906 г., №№ 1—2; 1908 г., №№ 1—11. Ред.-изд., в 1905 г. — *Ю. К. Арцыбушев*; в 1906 г. — *Г. Е. Гинц*; в 1908 г.— *А. И. Юрисон* и *Л. А. Никифорова.* Петербург. №№ 24 и 25 1905 г. полицией арестованы в типографии. Последний редок. Его нет ни в Гос. Пуб. Библ., ни в библ. Ак. Наук. По закрытии «Зрителя», выпускались: «Журнал» (146), «Маски» (230) и «Альманах» (8).

*174. ИГЛА. Литературно-политический и юмористич. журнал. 1906 г., № 1 Ред.-изд. *В. І. Василевский.* Петербург.

Предварительно был выпущен пробный номер, без краски, на тонкой бумаге.

**175. ИЗВЕСТИЯ СОВЕТА БЕЗРАБОТНЫХ ЮМОРИСТОВ. 1906 г., № 1 (конфискован полицией). Петербург.

176. ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ АНЕКДОТЫ ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ. 1906 г., №№ 1—14; 1907 г., №№ 15—40. Петербург.

*177. ИСТОРИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР РОССИИ. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *А. Н. Вандер.* Петербург.

178. КАЗНЬ. 1907 г. Вместо него—«Пережитое» (287). Петербург.

179. КАЛУЖАНИН. 1906 г., №№ 1—8. (Печатался в Москве.) Калуга.

**180. КАЛУЖСКОЕ ТЕСТО. Юмористический журнал с карикатурами. 1907 г., №№ 1—4. Калуга.

181. КАЛУЖСКИЙ АЛЬМАНАХ. 1906 г. №№ 1—2. (Печатался в Москве.) Калуга.

**182. КАЛУЖСКИЙ ЩЕЛЧОК. Еженедельный юмористический и сатирический журнал местной жизни. 1907 г., №№ 1—9; 1908 г., №№ 10—11; 1909 г. №№ 12—20. Калуга.

Журнал, «отвергая всякую политику, обращал внимание только на дурные стороны местной жизни».

*183. КАРАНДАШ. Еженед. художественно-иллюстр. журнал. 1906 г., №№ 1—26. Изд. худ. *К. Э. Генрих,* ред. *Ф. А. Колесников,* а с 14 № *Н. М. Лапин.* Саратов.

№ 14 уничтожен согласно постановлению суда.

184. КАРАНДАШ. 1906 г., № 1 (Сборник).

*185. КАРИКАТУРНЫЙ ЛИСТОК ГАЗЕТЫ ГАЗЕТ. 1905 г., №№ 1—3. Ред.-изд. *Г. П. Нарусбек.* Петербург.

186. КИЕВСКИЙ ВАМПИР. 1907 г. (Неизвестно сколько №№ вышло.) Киев.

**187. КИМВАЛ. 1907 г., № 1. Москва.

**188. КЛИКО. 1906. г., №№ 1—34. Ред.-изд. *М. Ф. Гиппиус.* Москва.

№№ 8, 9, 10 и 11 конфискованы полицией за порнографию. Первый № вышел в апреле.

*189. КЛЮВ. Еженед. орган политической и общественной сатиры. 1905 г., №№ 1—2. Ред. *А. Гольмстрем.* Петербург.

Выходил вместо «Дятла» (125). Оба №№ конфискованы полицией.

190. КНИЖКА ЗА КНИЖКОЙ. 1906 г., № 1: 9-е января 1905—1906 г. Петербург.

Конфискован по требованию цензуры. Издание приостановлено.

*191. КНУТ. 1906, № 1; 1907 г. №№ 1—11. Ред.-издательница *А. Оловеникова.* Москва.

Черносотенный журнал с девизом «православие, самодержавие и народность».

*192. КОБЫЛКА. Юмористическо-сатирический журнал. 1906 г., №№ 1—31. Ред.-изд. *А. Мокшанцев.* Оренбург.

Печатался на разноцветной альбомной бумаге. К № 31 было приложено небольшого формата «экстренное прибавление к журналу «Кобылка»—номер «Сыпучий» . . .

193. КОЛОКОЛА. 1905 г., № 1. (Юмористический листок.) Петербург.

**194. КОЛОКОЛЬЧИКИ. Иллюстрир. юмористич. журнал. 1905 г., №№ 1—50; 1906 г., №№ 1—21. Ред.-изд. *К. К. Стефановский.* Петербург.

Журнал «игривости и беззаботного смеха».

*195. КОЛЮЧКА. Журнал художествен. сатиры. 1906 г., №№ 5—11. Ред.-изд. *А. И. Корганов.* Тифлис.

Продолжение журнала «Хурма».

196. КОЛЮЧКА. 1906, №№ 5—6; 1907 г. №№ 7—11. Тифлис.

Выходил вместо «Хурма» (396).

*197. КОМАР. 1906 г., №№ 1—2. Ред.-изд. *В. Д. Давидянц.* Тифлис.

198. КОМАР. 1906 г., № 1. Сборник. Вольск (Саратовской губ.).

**199. КОМЕТА. 1905 г., № 1 (Сборник). Петербург.

200. КОМЕТА. 1906 г., № 1. Петербург.

**201. КОСА. 1906 г., №№ 1—7. (№ 6 конфискован полицией.) Петербург.

*202. КРАМОЛА. Непериодический политический народный листок. 1905 г., № 1 вышел 30 ноября 1905 г. Первое в Москве сатирическое издание. Ред.-изд. *С. С. Иигит.* Москва.

*203. КРАМОЛЬНИК. Двухнедельный сатирический журнал. 1907 г., №№ 1—2. Ред.-изд. *М. Срибнер.* Кишинев.

*204. КРАПИВА. Еженед. иллюстр. журн. 1906 г., №№ 1—8. Ред.-изд. *А. Н. Мамсуров.* Тифлис.

*205. КРАСНЫЙ СМЕХ. Орган общественной и политической сатиры. 1906 г., №№ 1—4. Ред.-изд. *Я. А. Тибянский.* Петербург.

*206. КРАСНЫЙ СМЕХ. Литературно-сатирический еженедельник. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *Л. Е. Удонова.* Томск.

**207. КРАСНЫЙ ФАКЕЛ. 1907 г., № 1. Ред.-изд. *С. Н. Серебровский.* Москва.

*208. КРЮЧЕК. Сатирический и юмористический сборник. Выходит еженедельно вполне законченными нумерами. 1906 г. («дозволено цензурою 15 марта 1906 г.»). Издатель *Р. И. Кудрявицкий.* Екатеринослав. Вышел один номер.

**209. КРЕСТЫ. 1906 г., № 1. Петербург. (?)

**210. К СВЕТУ. 1906 г., №№ 1—3. Петербург.

**211. КУКИШ. 1906 г., № 22. Петербург.

*212. KUKULKA LITEWSKA («Литовская кукушка»). Iednodniuwka satyryczno-humorystyczna. 1908 г. (на польск. яз.). Вильно.

**213. KUKULKA («Кукушка»). 1906 г., №№ 1—2. Ред.-изд. *Антоний Орловский.* (На польск. яз.) Варшава.

**214. КУ-КУ-РЕ-КУ. 1906 г., №№ 1—2. Тифлис.

*215. ЛАНД-ХАХАМ («Мудрость страны»). 1905 г., на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*216. ЛЕНАВОД ЙОМ-ТОВ («В честь праздника»). 1907 г., № 1, на еврейском языке (жаргон). Одесса.

*217. ЛЕНАВОД ШАББЕТ УН ЙОМ ТОВ («В честь субботы и праздника»). 1907 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Одесса.

*218. ЛЕТУЧАЯ ПОЧТА. Еженед. юмористическ., сатирич. и литер. журн. 1907 г., №№ 1—2. Ред.-изд. *П. Дубовицкий.* Петербург.

*219. ЛЕШИЙ. Орган сатирического раздумья. Еженедельник. 1906 г., №№ 1—4. Издательница *Е. Зарудная-Кавос.* Редактор *М. Миклашевский (Неведомский).* Заведующий художественно-технической частью *М. Далькевич.* Петербург.

Последний № отбирался полицией.

220. ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ и КАРИКАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ. 1906 г., №№ 1—3. Москва.

*221. ЛИХОРАДКА. Выходит по воскресеньям. 1906 г., №№ 1—11. Ред.-изд. *М. М. Сидоров.* Ростов (Ярославской губ.).

222. ЛУК. 1906 г., №№ 1—2. Курск.

**223. LVCYPER (Люцифер). 1906 г., №№ 1—6. Ред.-изд. *Генрих Шлиферштейн.* (На польск. яз.) Варшава.

Вышучиваются Гос. Дума, Витте, Победоносцев, Столыпин. Рисунки очень элементарны. Последний номер на цветной бумаге.

224. ЛУЧ. 1906 г., №№ 1—2. (№ 1 конфискован по требованию цензуры. Судом конфискация отменена.) Петербург.

**225. МАЗОК. 1906 г., №№ 1—7. Саратов.

**226. МАГНИТ. 1907 г., (пробный номер). Екатеринбург.

*227. МАЙ БЛУМЕН («Майские цветы»), 1908 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Вильна.

**228. МАЛЕНЬКИЙ ЖУРНАЛ. 1906 г., № 1. Изд. *Ю. В. Гольдберг.* Петербург.

Сборник маленького формата.

*229. МАЛЯР. Еженед. журн. сатиры, литературы и современ. юмора. 1906 г., №№ 1—5. Ред.-изд. *М. Мукалов.* Петербург.

Последний № конфискован по требованию цензуры. По суду конфискация отменена.

*230. МАСКИ. Еженедельно. 1906 г., №№ 1—9. Петербург.

Вместо «Зрителя» (173). №№ 6 и 7 конфискованы по требованию цензуры и уничтожены в типографии. Последний № редок. Арест, наложенный цензурой на № 7 «Масок» за статью «О блаженстве», судом был отменен. № 7 не имеется даже в Госуд. Публичной Библиотеке. №№ 1—5 вышли за подписью Чехонина, №№ 6—9 — худ. И. Е. Плеханова. Первый № вышел 1 февраля 1906 г.

231. МАТУШКА-ВОЛГА. 1906 г., №№ 1—2. Нижний-Новгород.

232. МЕДВЕДЬ. 1909 г., №№ 1—18. Москва.

Газета с карикатурными сатирическими произведениями.

*233. МЕТЕОР. Еженед. художественно-литературный и сатирико-политич. журнал.

1906 г., №№ 1—7. Ред.-изд. *Н. А. Скворцов.* Казань.

*. 234. **МЕФИСТОФЕЛЬ.** Еженед. политический и сатирич. журнал. 1906 г., № 1, 1907 г., №№ 2—8. Ред.-изд. *Н. А. Соколов.*

235. **МЕЧ. 1907 г., №№ 1—2. Харьков.

236. **МИКРОСКОП.** 1906 г. Было объявление о подписке; выходил ли журнал — не известно. Саратов.

237. **МИТИНГ. 1905 г., №№ 1—4. Петербург.

№ 2 конфискован по требованию цензуры, № 4 — согласно постановлению суда. Издание приостановлено.

238. **МИТИНГ.** 1906 г., №№ 1—2. Петербург. Журнал, не имеющий ничего общего с предыдущим.

239. **МНОГОТОЧИЕ. Двухнедельный журнал изящной литературы. 1907 г., №№ 1—8. Ред. *А. А. Чеботов.* Петербург.

Банальный юмористический журнал с порнографич. уклоном.

*240. **МОЙ ПУЛЕМЕТ.** Художественное общественно-политическое издание с карикатурами. 1906 г., №№ 1—5. Ред.-изд. *П. И. Шошин.* Петербург.

Первый номер вышел в марте 1906. Спекуляция на популярности «Пулемета» Н. Г. Шебуева. У всех работавших в журнале художников иностранные псевдонимы.

241. **МОЛЛА НАСРЕДИН.** 1907 г. №№ 1—16 (на татарском языке). Тифлис.

242. **МОЛНИЯ.** 1906 г., № 1. Киев.

*243. **МОЛОТ.** 1905 г., № 1; 1906 г., № 2. Ред. *К. И. Диксон* и *Н. Н. Герардов.* Петербург.

№ 1 вышел 23 дек. 1905 г.

Последний №, 8 января 1906 г., конфискован полицией и редактор К. И. Диксон заключен в тюрьму.

244. **МОМЕНТ. 1907 г., №№ 1—4. Петербург.

245. **МОСКВИТЯНИН - ЗАДВИЖКА. №№ 2—61. (Конфискован полицией за порнографию.) Москва.

246. **MOTYL («Бабочка»). 1906 г., №№ 1—2. Ред.-изд. *Генрих Новодворский.* (На польск. яз.) Варшава.

*247. **МУРАВЕЙНИК.** 1905 г. Вып. 1 и 2. (Сборник.) Изд. *Ив. Иванова.* Саратов.

248. **МУРАВЕЙНИК.** 1905 г., № 1. Казань.

Предполагалось выпускать два раза в месяц в виде книжек 8°.

249. **МУХА.** 1907 г., № 1. Петербург.

250. **MUCHA («Муха»). Еженедельник. 1905 г. Ред.-изд. *Владислав Бухнер.* (На польском яз.) Варшава.

Старый польский журнал. 1905 год был 38 годом его существования. Слабое отражение революция нашла только в последних номерах. В № 49 был помещен рисунок «короля-капитала», показан «кукиш» гр. Витте, эпитафия убитому Сахарову и др.

251. **НАГАЕЧКА. 1905 г., №№ 1—2, 1906 г., №№ 3—5. (№№ 4 и 5 конфискованы полицией, последний в типографии; (редок). Петербург.

*252. **НАКАНУНЕ.** Политико-сатирический и художеств. сборник. 1907 г., №№ 1—2. Ред.-изд. *Ю. В. Гольдберг.* Петербург.

Последний № конфискован по требованию цензуры. Издание приостановлено.

*253. **НА РАСПУТЬИ.** Иллюстрированный сборник. 1906 г., №№ 1—6. Ред.-изд. *С. П. Серебровский.* Москва.

Вып. 3-й был конфискован, вместо него в виде приложения к вып. 4 выпущена «Былина об Илье Муромце и Соловье Разбойнике».

*254. **НЕВОД.** Еженед. литературно-художествен. и сатирич. журнал *А. А. Плещеева.* 1906 г., № 1. (Пробный). 1907 г., № 1. Петербург.

*255. **НОВАТОР.** Еженед. литературно-художеств. и общественный журнал. 1906 г., №№ 1—4. Ред.-изд. *П. С. Уваров.* Петербург.

256. **NOWY SZCZUTEK («Щелчек»). Еженедельно. 1906 г., №№ 1—16, 1907 г., №№ 1—43. Ред.-изд. *Адольф Шторкман.* (На польск. яз.) Варшава.

Предметом сатиры являются Гос. Дума, Пуришкевич, вопрос об автономии Польши и т. д.

257. **НОЧИ БЕЗУМНЫЕ. 1907 г., №№ 1—50. Ред.-изд. *А. Д. Рысис.* Петербург.

№№ 13 и 21 конфискованы согласно постановлению суда; №№ 14 и 25 — по требованию цензуры, №№ 29 и 30 отбирались полицией, при чем арест № 29 был отменен и отобранные №№ отданы обратно.

Журнал с порнографич. уклоном.

*258. **НОЧЬ.** 1906 г. Вып. 1. Изд. *Ю. Гольдберга.* Петербург.

259. **ОБРЫВ. 1907 г. Петербург.

*260. **ОБЫВАТЕЛЬ.** Иллюстр. журнал столичн. и провинц. жизни. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *К. А. Михайлов.* Петербург.

Второй номер журнала, вышедший в уменьшенном формате, помечен №№ 2—35, как значится в анонсе, «исключительно ради удобства нумерации» (?). Подписчикам были обещаны все 52 номера, но журнал прекратился на № 36.

261. **ОВОД. 1906 г., №№ 1—6. Петербург.

№ 6 с двумя иными рисунками. Издание прекращено по суду.

*262. **ОВОД.** Еженед. иллюстр. журнал политической и обществ. сатиры. 1906 г., №№ 1—18. Ред.-изд. *В. Талалаев.* Иркутск.

Печатался на цветной альбомной бумаге.

*263. **ОГНИ ЖИЗНИ.** Иллюстр. политический и обществ. еженедельник. 1906 г., № 1; 1907 г., №№ 1—4. Ред.-изд. *К. Вакуловский.* Петербург.

Конфискован по требованию цензуры, судом конфискация отменена.

264. **ОГОНЕК.** 1906 г., №№ 1—3. Саратов.

*265. **ОГОНЕК.** Сатира и шутка. 1905 г., № 1. Одесса.

«Дозволено цензурою 19 декабря 1905 г.»

266. ОДЕССКАЯ РЕЗИНА. 1907 г., № 1. Одесса.

Орган Одесского Союза Русского Народа. «Одесская Резина», несмотря на название, выходила в Киеве вместо «Киевской Дубинки.»

*267. ОДЕССКИЙ БУДИЛЬНИК. Сборник юмора, сатиры, морали и карикатуры. 1906 г., №№ 1 — 4. Подписи редактора не имеется. Одесса.

*268. ОКНО. Литературно-худож. и карикатурный альманах. 1907 г. (?). Москва.

269. ОН, ОНА, ОНО. 1906 г. Петербург.

*270. ОСА. Еженедельно. 1906 г., №№ 1—2 и пробный; 1907 г., №№ 1—4. Изд. *М. М. Бродовский*. Ред. *Г. Я. Кайзерман*. Петербург.

Пробный вышел в декабре 1906 г. за подписью редактора М. М. Бродовского.

271. ОСА. 1906 г. № 1. Москва.

**272. OSA («Оса») Экстренное приложение к журналу «Osa». 1906 г., № 1. Ред.-изд. *Г. Шлиферштейн*. (На польск. яз.) Варшава.

*273. ОСА. Обществ. сатирич. и юмористич. журнал. Еженед. 1906 г., №№ 1 — 3. Ред.-изд. *Мих. Сахаров*. Вильно.

**274. Osa. 1907 г., №№ 1 — 7. Варшава.

*275. ОСА. Орган независимой сатиры. Всем сестрам по серьгам. Еженед. 1906 г., №№ 1 — 10. Ред.-изд. *М. М. Дмитриев*. Николаев (Херсонской губ.)

276. ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ. 1906 г., № 1. Петербург.

*277. ОСКОЛКИ. Еженед. юмористический и иллюстр. журнал. 1905 — 1907 гг. Ред. *Н. А. Лейкин*. Изд. *Р. Голике*.

Старый юмористический журнал.

**278. ОСЫ. 1906 г., №№ 1 — 30. Томск.

*279. ОТБОЙ. Худож. журнал общественной и политической сатиры. Выходит 2 раза в месяц. 1906 г., №№ 1 — 5. Ред.-изд. *М. К. Гурская*. Петербург.

280. ОТКРЫТКА. 1906 г., № 1 (пробный); 1907 г., № 1. Петербург.

*281. ПАРТИЗАН. Журнал худож., литературный, политический и сатирический. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *К. П. Копосов*. Петербург.

Полицией конфискован в типографии.

*282. ПАССАЖИР. Журнал-путеводитель с карикатурами. 1906 г., №№ 1 — 3; 1907 г., № 1. Ред.-изд. *Н. Емельянов*. Москва.

**283. ПАУТ. 1906 г., №№ 1—5. Иркутск.

*284. ПАЯЦ (Еженедельник). 1905 г., № 1. 1906 г., №№ 2 и 3. Изд. *В. М. Вышомирский*, редактор *П. С. Соломко*. Петербург.

№ 3 конфискован по требованию цензуры. Издание прекращено. Подписавший этот номер вместо Соломки, редактор Б. К. Вальгис-Гринберг, 10 марта 1906 г., присужден к заключению в крепости на 6 месяцев. Вместо него стали выходить «Паяцы». (286).

285. ПАЯЦ. 1907 г., №№ 1 — 6. Николаев (Херсонской губ.).

*286. ПАЯЦЫ. Журнал политической сатиры. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *В. М. Вышомирский*. Петербург.

Конфискован по требованию цензуры. Издание приостановлено. Выходил вместо «Паяца». (284).

287. ПЕРЕЖИТОЕ. 1907 г., № 1. Петербург.

Выпущен вместо журнала «Казнь» (178). Издание полицией прекращено, редактор привлечен к ответственности.

*288. ПЕРЕЦ. 1906 г., № 1. (Сборник). Изд. *А. Попов*. Петербург.

**289. ПЕСНИ БЕЗ СЛОВ. Ежемесячный художественно-сатирич. журнал. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *П. А. Белиньский*. (Альбом карикатур на Витте, Трепова, Дубасова, Суворина и др.) Петербург.

*290. ПЕТРУШКА. 1905 г., № 1. Ред.-изд. *Холодный* (Е. М. Адамов). Сборник. Петербург.

*291. ПЕТУШЕК. Художественно-сатирич. журнал. 1906 г., №№ 1—5. Ред.-изд. *А. Мамсуров*. Тифлис.

292. ПИШАДУРИ. 1907 г., №№ 1 — 17. (На грузинском языке.) Тифлис.

**293. PIEKLO («Ад»). Юмористично-сатирический еженедельник. 1906 г., №№ 1—2. Ред.-изд. *Теодор Пудловский*. (На польск. яз.) Варшава.

*294. ПЛАМЯ. Журнал социал-сатирический. 1905 г., №№ 1 — 3. 1906 г., № 4. Редакторы-издатели *Т. В. Аграев* и *А. И. Гессен*. Петербург.

Первый номер вышел 1 дек. 1905 г.

№ 4 конфискован полицией, № 1—согласно постановлению суда. Издание прекращено.

295. ПЛЮВИУМ. 1906 г., №№ 1 — 13. 1907 г., №№ 14 — 52 и след. Петербург.

Орган правого направления. В 1908 г. издание прекращено полицией.

296. ПЛЮХА. 1907 г., № 1. Москва.

*297. ПОД ЗВУКИ ШОПЕНА. 1906 г., №№ 1 — 18. Ред. *Н. А. Курилов*. изд. *С. Новиков*. Петербург.

№ 1 конфискован по требованию цензуры, № 5 уничтожен согласно постановлению суда. Как конфискованные №№, так равно и весь журнал, были выпущены 2-м изданием, в другом формате.

*298. ПОЕДИНОК. Орган сатирической мысли. 1906 г., №№ 1 — 3. Издательница *А. Д. Рысис*, ред. *В. М. Онгирский*. Петербург.

Все три №№ конфискованы по распоряжению цензуры.

299. ПОЛИТИКО - САТИРИЧЕСКИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК. 1907 г., №№ 1 — 5. Петербург.

**300. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЕЛКА в стихах. (18 дек.) 1905 г. Петербург.

301. ПОТОК. 1906 г., №№ 1—4. Петербург.

№№ 3 — 4, двойной. № 1 конфискован в типографии, арест по суду отменен, но издание прекращено.

302. ПОЦЕЛУЙЧИК. 1907 г., № 1. (Подзаголовок: «№ новобрачных». Сборник.) Москва.

303. ПРОМЕТЕЙ. 1906 г., №№ 1—6. Петербург.

№ 1 конфискован полицией, № 6 — по требованию цензуры.

**304. PSOTNIK («Шалун»). 1907 г., №№ 1—2. Изд. *В. Зелинский*, ред. *К. Лясковский*. (На польск. яз.) Варшава.

305. ПУЛЕМЕТ. 1905 г., № 1. Петербург.

Наглая спекуляция при посредстве имени нашумевшего журнала Н. Шебуева. Малограмотный листок in-folio.

*306. ПУЛЕМЕТ. Текст и темы Н. Г. Шебуева. 1905 г., №№ 1—3 (и № «Экспрес»); 1906 г., №№ 4—5. Петербург.

№№ 1 и 5 конфискованы полицией. Редок № 1. Его не имеется в Госуд. Публ. Библ.

*307. ПУЛЕМЕТ. 1906 г., № 1. Петербург.

Это так называемый финляндский «Пулемет»: уменьшенный фотографическим путем № 1 «Пулемета» 1905 г. *Н. Г. Шебуева*.

*308. ПУЛИ. Иллюстр. журнал карикатуры. 1905 г., №№ 1—2; 1906 г., №№ 1—7. Ред.-изд. *С. Д. Новиков*. Петербург.

Первые два номера 1906 г. конфискованы полицией. №№ 6 и 7 выпущены вместо «Занозы».

*309. ПЧЕЛА. Художественно-сатирический журнал. 1906 г., №№ 1—5. Ред.-изд. *Ник. Данищевский*. Петербург.

Первый номер в меньшем формате.

310. ПЧЕЛА. 1906 г. (По сведениям *Н. Виноградова*, вышел один №.) Саратов.

*311. PYTKI. 1908 г. № 1. (На польск. яз.) *Вильно*.

312. ПЯТНИЦА. 1907 г. №№ 1—6. Петербург. Все №№ конфискованы по распоряжению цензуры.

*313. PSZTYK («Вспышка»). Jednodniówka satyr-humorystyczna. 1908 г. (На польск. яз.) Вильно.

*314. ПЬЯВКА. Сегодняшнее число. Сборник. 1906 г. Изд. *Р. Кудревицкий*. Екатеринослав.

*315. РАБОЧИЙ ЮМОРИСТ. Еженед. литературно-сатирический журнал, 1906 г. №№ 1—2. Ред.-издательница *А. Н. Симанина*. Томск.

В № 2 напечатана заметка «Урок русского языка», с указанием на необходимость Учредительного Собрания, что, вероятно, и послужило причиной закрытия журнала.

*316. РАЕШНИК КАЗАНСКИЙ. Литературно-юморист. альманах. 1907 г., №№ 1—2; 1908 г., № 1. Ред.-Изд. *Н. О. Прокофьев*. Казань.

Черносотенный листок, воевавший против партии «Народной Жидовской Свободы».

*317. РАПИРА. 1906 г. Сборник № 1. Ред.-изд. *Ю. В. Гольдберг*. Петербург.

*318. РОМАН-АНЦЕЙГЕР. 1907 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон). Варшава.

*319. РОМАН-БЕШРЕЙБЕР. 1907 г., № 1, на еврейском яз. (жаргон), Варшава.

**320. РУБИН. 1907 г., № 1—2. Екатеринбург. Был обещан вместо «Гнома».

321. РУКИ. 1906 г., № 1. Петербург. Конфискован полицией.

322. РУССКАЯ ВИТТОВА ПЛЯСКА. 1906 г., № 1. Петербург. Выпущен вместо «Виттовой Пляски», продолжение— «Гурьевской Каши».

323. РУССКИЙ ФИГАРО. 1907 г., №№ 1—7. Петербург. Сатирический сборник избранных произведений. Приложение к журналу «Пробуждение».

324. РУСЬ. (Художественно-сатирическое, иллюстрированное приложение к газете.) 1906 г., №№ 1—2; 1907 г., №№ 1—35. Издатель *А. А. Суворин*. Редактор *С. А. Изнар*. (Фактический редактор *В. Ф. Боцяновский*.)

**325. RYS («Рысь»). 1907 г. № 1—4. Ред.-изд. *Е. Гельбнер*. (На польск. яз.) Ченстохов.

Рисунки примитивны до последней степени.

326. САПРИЧ. 1907 г., №№ 1—10. (На армянском языке.) Тифлис.

**327. САРАНЧА. Юмористический литературный журнал. 1906 г., №№ 1—5. Ред.-изд. *П. Александров*. Оренбург.

**328. SATYR («Сатир»). 1906 г., № 1—5. Ред.-изд. *Мих. Гольдберг*. (На польск. яз.) Варшава.

Юмор — дешево-обывательский.

*329. САТИРА. Художественный орган политической и общественной сатирики. 1906 г., №№ 1—2. Ред. *В. М. Арнольд*. Изд. *А. В. Деденев*. Петербург. Один из первых №№ встречается с вариантами в рисунках. В 1906 г. вышло два первых номера.

330. САТИРИК. 1907 г., № 1. Петербург.

331. САТИРИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА. 1906 г., № 1. Петербург.

*332. САТИРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Выходит еженедельными выпусками. 1906 г., №№ 1—3. Изд. *И. Н. Глаголев*. Ред. *Н. К. Ди-Сеньи*. Петербург.

333. СВАРЫ («Весы»). 1906 г., №№ 1—7. Ред. *Р. К. Тильберг*. (На латышском языке.) Петербург.

*334. СВАХА. Еженедельно. 1906 г., №№ 1—4. Изд. *Б. А. Геверт*. Ред. *Р. Л. Антропов*. Газета «специального» направления с юмористическим отделом. Петербург.

*335. СВЕТАЕТ. 1906 г., №№ 1—2. (№ 2 уничтожен согласно постановлению суда.) Изд. *Т. М. Нарышкин*. Отв. ред. *А. П. Хотулев*. Петербург.

**336. СВЕТОЧ. 1906 г., № 1—4.

**337. СВИСТОК. 1905 г., №№ 1—3. Одесса.

**338. СВИСТОК. 1906 г., №№ 1—2. Тифлис.

*339. SWISTEK BAZAROWY. 1908, № 1. (На польск. яз.)

**340. СВОБОДА. 1905 г., №№ 1—2. Редактор *С. Усас*. Издатель *С. Чепурной*.

Петербург. № 1 был конфискован, № 2 уничтожен согласно постановлению суда и издание прекращено. Вместо «Свободы» выпущен был «Девятый Вал» (86). Некролог «Свободе» помещен в журнале «Страна Мечты», 1906 г., № 1.

*341. СВОБОДНЫЙ СМЕХ. Еженед. юмористический журнал. 1905 г. №№ 1—5. 1906 г. №№ 6—24. Ред.-изд. *Е. М. Адамов.* Петербург.

*342. СЕКИРА. Журнал литературно-сатирический, обоюдо-острый и правдивый. 1905 г., №№ 1—2; 1906 г., № 3—14. Ред.-изд. *М. М. Бродавский.* Первый номер вышел 17 дек. 1905 г. Петербург. Конфискован полицией № 1, за помещение отчета по делу Каляева. В журнале «Фугас» было напечатано объявление от журнала «Секира», что № 15 выйдет в последних числах мая (1906 г.), когда «надеемся сможем без излишних стеснений и повсюду продавать!» Увы!.. Надежды не оправдались.

**343. SEP («Ястреб»). 1906 г., № 1—2. Ред.-издатель *Францишек Баранович.* (На польск. яз.) Варшава.

Среди рисунков вариант карточного домика русской конституции *С. Чехонина.*

*344. СЕРЫЙ ВОЛК. 1907 г., №№ 1—28. Ред. *В. Ф. Боцяновский.* Ответств. ред. *С. А. Изнар.* Петербург. № 3 (1908 г.) был конфискован по распоряжению Главн. Упр. по делам печати за стих. «Старец» и «Из народных песен».

**345. СИГНАЛ. 1905 г., №№ 1—4. Ред. *К. И. Чуковский.* Петербург. № 4 конфискован согласно постановлению суда и издание прекращено. Этот № выпущен был в двух вариантах (в статье «От главного дворцового управления»): один из них, без пустого места—редок. Вместо него выпущены «Сигналы» (346).

**346. СИГНАЛЫ. 1906 г., № 1—4. Ред. *В. И. Турок.* Петербург. Выходил с 27 дек. 1905 г. вместо приостановленного «Сигнала» (345). № 2 конфискован полицией; № 4 с вариантами.

**347. СКАЗКИ. 1907 г., №№ 1—2. Петербург. № 2 вышел в двух различных изданиях; конфискован по требованию цензуры.

**348. СКАНДАЛ. 1906 г., №№ 1—22. Петербург. После него—«Юмористический Еженедельник» (423).

*349. СКВОРЕЦ. Юмористическо-сатирич. журн. 1906 г., №№ 1—19. Ред.-изд. *Н. Толмачев.* Оренбург.

Печатался на цветной афишной бумаге. Рисунки безграмотные.

**350. СКОМОРОХ. 1906 г., № 1. Петербург.

*351. СКОМОРОХ. (Еженед.) 1907 г. №№ 1—2. Ред.-изд. *Т. Паскевич.* Петербург. Несмотря на пометку 1907 г. № 1 вышел в конце декабря 1906 г. № 2 конфискован полицией.

В числе сотрудников *Ф. Сологуб, Е. Чириков, Гусев-Оренбургский, Саша Черный, Н. И. Фалеев* и др.

*352. СКОРПИОН. Орган общественно-политической и литературно-художеств. сатиры. 1906 г., №№ 1—2. Ред.-изд. *Ю. С. Идельсон.* Петербург.

*353. СМЕХ И СЛЕЗЫ. Еженедельник. 1908 г., № 1. Ред.-изд. *К. П. Пушкарев.* Петербург.

*354. СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ. Иллюстрир. общественно-сатирический журнал. 1906 г., № 1—2. Ред.-изд. *В. Е. Лесников.* Астрахань.

*355. СМЕХ И СЛЕЗЫ СЕВЕРЯН. Еженед. литературно-юмористич. журнал. 1908 г., № 1. Ред.-изд. *Э. К. Грушко.* Вологда.

На журнале стоит: «дозволено цензурою».

**356. SMIALEK («Смельчак»). 1906 г., № 1—4; 1907 г., № 1—8. Ред.-изд. *Игн. Зелинский.* (На польск. яз.) Варшава.

Вышучивается Гос. Дума, «монополька», выборы в Гос. Думу, Дубровин, черносотенцы...

357. СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ В КАРИКАТУРАХ. 1906 г., № 1. Москва.

*358. СОКОЛ. Журнал юмористический и спортивный. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *С. И. Топорков.* Москва. Конфискован по распоряжению цензуры; по суду арест отменен.

359. СОЛНЦЕ КРАСНОЕ. 1906 г., №№ 1—4; 1907 г., № 5. Петербург.

*360. СОЧИНЕНИЯ ШЕБУЕВА. 1906 г., №№ 1—5. Петербург. Выходили периодически, в роде журнала. Выпуски 4 и 5 конфискованы согласно постановлению суда. Выпуск 4 с общим заглавием «Провокатор» захвачен в типографии.

*361. СПРУТ. Художественно-сатирич. журнал. 1905 г., № 1; 1906 г., №№ 2—15. Изд. *М. Т. Корнфельд.* Ред. *М. И. Титов.* Петербург. № 10 конфискован по распоряжению цензуры. Редактор приговорен судом к 2-месячному заключению в крепость.

*362 СТРАЖ. Еженедельный литературно-сатирический журнал. 1906 г., №№ 1—10; 1907 г., № 1. Ред.-издат. *З. Слезскинская.* Новгород.

Первые номера журнала печатались в Новгороде, последние №№ 9 и 10 в Петербурге.

*363. СТРАНА МЕЧТЫ. Еженед. политико-сатирич. журнал. 1906 г. № 1. Ред.-изд. *С. М. Федоров.* Конфискован согласно требованию цензуры. Изд. приостановлено. Выходил вместо «Девятого вала» (86) и «Свободы» (340).

*364. СТРЕКОЗА. Журнал сатиры и юмора. Еженедельник. 1905—1907 гг. Редактор *И. Ф. Василевский* (Буква). Изд. *Э. М. Корнфельд.* Петербург.

Один из первых юмористических журналов. 1905-й год был 30-м годом его издания. В этом году в него влилась группа молодых, талантливых сатириков, превративших его позднее в «Новый Сатирикон».

*365. СТРЕЛА. Еженедельно. 1907 г. №№ 1—8. Ред.-издательница *Вера Языкова.* Петербург.

На первом рисунке изображены рабочие, кующие железо с надписью: «Земля и Воля».

№ 3 конфискован полицией. Печатался на цветной, афишной бумаге.

*366. СТРЕЛЫ. Журнал саркастический, бесстрашный и беспощадный. 1905 г., №№ 8—9. Ред.-изд. *И. М. Кнорозовский.* Петербург.

Первый номер журнала вышел 30 октября 1905 г. Конфискованы полицией №№ 2 и 5; № 9 уничтожен согласно постановлению суда. Издание прекращено. Редактор *Кнорозовский* попал в крепость.

**367. STRYCZEK («Петля»). Pismo humoristiczno-satyryczne. 1906 г., № 1—5. Ред.-изд. *Игн. Хржановский.* (На польск. яз.) Варшава.

Предметом сатирических обличений, — главным образом, Гос. Дума, Витте, Победоносцев и т. д.

**368. STRZALA («Стрела»). 1906 г., №№ 1—3. Ред.-изд. *Р. Е. Корсак.* (На польск. яз.) Варшава.

В 1906 г. вышло экстренное приложение к журналу, под ред. *А. Миллера* с титулом, напечатанным неразборчивой скорописью.

369. ТАВРИЧЕСКАЯ ВИТТОВА ПЛЯСКА. 1906 г., № 1. (Выпущена вместо «Гурьевской каши.) Петербург.

370. ТАППЕР. 1906 г., №№ 4—5. Петербург. (На эстонском языке.) Выпущен вместо запрещенного «Тию-Тазане».

*371. ТАРАН. Политико-сатирический и художеств. сборник. 1907 г., № 1. Ред.-изд. *Ю. В. Гольдберг.* Петербург.

Отбирался полицией у газетчиков.

**372. ТВЕРСКОЕ ЖАЛО. Еженедельная народная политическая газета. 1907 г., №1—35; 1908 г., №№ 36—88. Ред.-изд. *И. П Крылов.* Г. Старица (Тверск. губ.).

Черносотенный листок союза русского народа. Выходил до 1912 года.

373. ТИЮ-ТАЗАНЕ. 1906 г., №№ 1—3. Петербург. (На эстонском яз.) Издание приостановлено. Вместо него выпущен «Таппер».

374. ТОПОР. Юмористический, сатирический и карикатурный журнал рабочих печатно-переплетного дела. 1907 г. Петербург. Ответств. ред. *Ф. Котляров.* Издание кооперативное. Вышли №№ 1—2. Оба №№ конфискованы полицией. Издание служило продолжением «Балды» (16). «Свидетельство» на издание «Топора» было выдано Фед. Андр. Котлярову 24 янв. 1908 г.

Журнал «Звон», который должен был выйти взамен «Топора», не осуществился, в виду ареста редактора. См. «Красная Газета», № 93 веч. вып. 1925 г. (21 апр.).

**375. ТУРКЕСТАНСКИЙ СКОРПИОН. Еженедельный, сатирический и карикатурный журнал, 1907 г., №№ 1—10. Редактор-издательница *П. В. Тугарина.* Много перепечаток из «Серого Волка» и др. журналов. Первый номер вышел 21 окт. 1907 г., последний 25 дек. 1907 г. Ташкент.

*376. TUTEISZY NASZE LUBRU («Наши местные зубры»). 1907 г. (На польск. яз.) Киев.

*377. УДАВ. Выпуск художественной сатиры. 1906 г., № 1. (Сборник.) Изд. *С. Янтарева,* Киев.

Рисунки исполнены худ. *П. Лаховским.*

**378. УДАЛЬ. 1907 г., №№1—8. Москва. №№ конфискованы полицией. Издание прекращено.

*379. УПЫРЬ. Сатирич. сборник. Собрал *Михра.* Москва.

Вышел 14 марта 1906 г.

380. УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНЕЙ. 1907 г., №№ 1—4. Москва.

381. ФАКИР. 1906 г., № 1. (Конфискован полицией.) Петербург.

*382. ФАЛАНГА. Политико-сатирический и художественно-юмористический журнал. 1906 г., № 1—20; 1907 г., № 1—10. Ред.-изд. *И. Я. Алексанов.* Ростов на Дону.

Прогрессивн. направления.

**383. ФЕНИКС. 1907 г., № 1—5. Петербург.

*384. ФИСКАЛ. Еженед. журн. 1906 г., №№ 1—5. Ред.-изд. *Е. М. Нарусбек.* Петербург. № 3 конфискован по требованию цензуры. За помещенные в нем рисунки издатель приговорен в крепость на 1 месяц. № 5 конфискован полицией. Вместо него выпущен был «Букет» (34).

**385. ФЛИРТ. Худож.-юморист. журнал. 1906 г., № 1—6; 1907 г., № 7—17. Ред.-изд. *Г. М. Любарский.* Петербург.

Журнал порнографический.

*386. ФОНАРЬ. Журнал политический и обществ. сатиры. 1905 г., № 1—3; 1906 г., №№ 1—2. Ред. *А. В. Заикин.* Издательница *А. А. Заикина.* Петербург.

*387. ФОНАРЬ. Сатирический журнал. Два раза в месяц. 1906 г., №№ 1—9. Ред.-изд. *Ф. Филимонов.* Красноярск.

*388. ФУГАС. 1906 г., №№ 1—4. Ред.-изд. *М. М. Бродовский.* Петербург.

*389. ХАПУНА БЛАТ («Листок Хапуна»). 1907 г. На еврейском яз. (жаргон). Варшава.

390. ХАРЬКОВСКАЯ ШПИЛЬКА. 1906 г., № 1. (Сборник.) Харьков.

391. ХАТАБАЛА. 1906 г. № 1—28; 1907 г., №№ 1—48. (На армянском языке.) Тифлис.

*392. ХЛЫСТ. Еженед. изд. 1908 г., № 1. Ред. *В. А. Гарлинский.* Москва.

**393. ХЛЫСТ. 1907 г., № 1—7; 1908 г., № 1—2. Самара.

*394. ХЛЫСТИК. Юмористич. и сатирический сборник, выходит тогда, когда у издателя имеются деньги. Ред. *Ф. И. Кошев.* Изд. *С. Черкесов.* Астрахань.

395. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1907 г., №№ 1—2. Москва.

*396. ХУРМА. Еженед. художественно-сатирич. журнал. 1906 г. №№ 1—4. Ред.-изд. *А. И. Корганов.* После него—«Колючка» (196). Тифлис.

**397. ЧАЙКА. 1905 г., № 1. Одесса.

**398. CZARNU KOT («Черный кот»). Еженедельник литературно-артистический и сатиричный. 1906 г., № 1—4. Издатель

Р. Райковский. Редактор *Фр. Галинский.* (На польск. яз.) Варшава.

399. ЧЕРНОМОР. 1906 г. (Было несколько №№.) Симбирск.

*400. ЧИЛИМ. Сатира и юмор. 1906 г., №№ 1—6. Ред.-изд. *Г. Т. Секачев.* Астрахань.

**401. ЧЛЕН ВСЕХ ПАРТИЙ. Еженед. литературно-юмористич. журнал. 1906 г., №№ 1—41. Ред. *А. Н. Грен.* Москва.

*402. ЧТО БЫЛО ВЧЕРА. 1905 г., № 1. Ред.-изд. *Холодный.* Петербург. (См. «Свободный смех».)

**403. ШАВУАТ БЛАТ («Недельный листок»). 1907 г., № 1. На еврейском яз. (жаргон). Варшава.

404. ШАНТАН. 1907 г., № 1. Петербург.

*405. ШЕРШЕНЬ. Украинский тижневик, сатирично-юмористичный. 1906 г., №№1—26. Ред.-изд. *В. Лозиньский.* Киев.

На украинском языке. Среди художников—известный худ. *М. Н. Яковлев* В литературном отделе — *М. Коцюбиньский, Ив. Нечуй-Левицкий, I. Стешенко* и др.

*406. SZKOPEK («Лоханка»). 1906 г., № 1. (На польск. яз.). Варшава.

**407. ШИП. 1906 г. Петербург.

*408. ШПИЛЬКА. 1906 г. (№ пробный). Ред.-изд. *Т. Н. Карант.* Одесса.

409. ШРАПНЕЛЬ. 1905 г. №№ 1—2. Москва.

410. ШТЫК. 1906 г., № 1. (Сборник.) Петербург.

*411. ШТЫК. 1906 г., № 1—7; 1907 г. №№ 8—9. Ред. *А. И. Бахмач,* изд. *Е. Ф. Тихонович.* Харьков. Большая часть текста и даже рисунков принадлежало *Аркадию Аверченко.*

412. ШУРДУЛИ. 1907 г., №№ 1—3. (На грузинском яз.) Тифлис.

**413. ШУТЕНОК. 1907 г., №№ 1—24; 1906 г., № 1—12. Ред.-изд. *А. В. Емельянов (Казанский).* Москва. Очевидно, за «Воспоминания об Александре III» № 3 конфискован полицией; №№ 6—7 конфискованы согласно постановлению суда. №№ 9—10 и 11—12 выпущены двойными. Арестованный цензурой «Юмористический Сборник» вместо № 9 журн. «Шутенок» был по суду освобожден и выдан вместо № 1 за 1907 г. К журналу за этот год приложен «Альманах» [3](см. № 1). Журнал «благоуханно-пикантный».

*414. ШУТ. Художеств. журнал с карикатурой 1905—1906 г. Еженедельно. Ред.-изд. *Р. Р. Голике.*

В № 48 1905 г. напечатан рисунок: с России в кокошнике рабочий срывает кокошник и заменяет его фригийским красным колпаком. Подпись: — «Отстань, леший... К сарафану да этакую-то шапку».

*415. ЩЕЛКУНЧИК. Еженедельный сатирический журнал. 1907 г., №№ 1—2. Издательница *А. Соболева,* Ред. *В. Н. Юревич.* Саратов.

416. ЩИТ. 1906 г., №№ 11—12. Петербург. №№ 6, 9, 11 конфискованы по требованию цензуры, при чем с № 11 арест был снят; № 12 конфискован полицией.

417. SZCUTEK WILENSKI. Jednodniowka satyryszno-humorystycna. 1908. (На польск. яз.) Вильно.

**418. ЭХО. 1906 г., №№ 1—4. (В форме продолговатых тетрадей.) Киев.

419. ЭХО. 1906 г., №№ 1—18. Саратов.

*420. ЮВЕНАЛ. 1906 г., № 1. Ред.-изд. *А. Ф. Домонтович.* Петербург. Конфискован в типографии. Редок.

*421. ЮГЕНД («Молодежь»). 1907 г., № 1. На еврейском яз. (жаргон). Варшава.

422. ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ. 1905 г., №№ 1—76; 1907 г., №№ 77—121. Петербург. №№ 20, 22, и 32 конфискованы согласно требованию цензуры. Арест на № 22 и 32 отменен по суду. Выходил вместо «Юмористического Сборника». Оба эти издания часто путались между собою и выходили в различных форматах. Каждый выпуск носит особое название.

*423. ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК. 1907 г., №№ 1—27. Петербург. Каждый выпуск появлялся под новым названием. Выходил вместо «Скандала» (348). № 23 конфискован согласно постановлению суда. № 25 конфискован по требованию цензуры.

**424. ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1905 г., №№ 127. (После него «Юмористический Альманах».) Петербург.

**425. ЮНОСТЬ. 1907 г., № 1. (Двухнедельное издание.) Москва.

*426. ЯД. Еженедельно. 1905 г., № 1. Ред.-изд. *А. М. Петров.* Петербург. Конфискован по требованию цензуры.

*427. ЯКОРЬ. Журнал политич. и общеcтв. жизни. 1907 г., №№ 1—2. Ред. *А. Н. Грен.* Москва. Конфискован по распоряжению цензуры № 2.

**428. ЯРОСЛАВСКАЯ КОЛОТУШКА. Сатирический журнал. 1906 г., №№ 1—27; 1907 г., №№ 1—10; 1908 г. №№ 1—2. Ред.-изд. *В. Г. Куприянов.* Ярославль.

**429. ЯРОСЛАВСКИЙ КОЛОКОЛ. 1906 г., №№ 1—4. Ярославль.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

